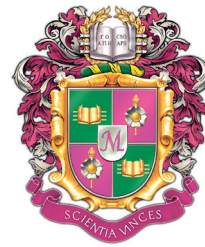
АКАДЕМІЯ ПОЛІТИЧНИХ НАУК

СЕРІЯ «БІБЛІОТЕКА АПН»



ТОМ 2

ТКАЧЕНКО Василий Николаевич

Родился в 1944 г. в пгт Брусилов Житомирской области.

Историософ, политолог, публицист, доктор исторических наук (1993), профессор (1998), академик Украинской академии политических наук (2006), член-корреспондент Национальной академии педагогических наук (2006), академик Академии политических наук (2016).

Заслуженный деятель науки и техники Украины (2003), Посол Мира.

Лауреат Международной украинской премии им. Г. С. Сковороды (1997), лауреат премии НАН Украины им. Н. И. Костомарова (2006).

Окончил Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (1968), где впоследствии преподавал на факультете международных отношений и международного права.

С 1979 г. — старший научный сотрудник, а в 1990 г. — заведующий отделом Института истории Украины НАН Украины.

С 1993 по 2003 гг. работал государственным служащим в структурах Кабинета Министров Украины, Верховной Рады Украины и Администрации Президента Украины, а также в зарубежных дипломатических представительствах Украины.

В 2003–2005 гг. — первый заместитель министра образования и науки Украины. Ныне — главный научный сотрудник Института всемирной истории НАН Украины.

Автор более 240 работ по вопросам международных отношений, историографии и историософии Украины, среди которых более 20 индивидуальных и коллективных монографий.

Василий Ткаченко

РОССИЯ: БЕСПУТЬЕ АГРЕССОРА

Общественно-политическое издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛОГОС УКРАИНА
Киев-2016

УДК 321
ББК 66.4(рос)
Т 48

Ткаченко В.Н.
Т 48 Россия: беспутье агрессора. — К.: Издательство ЛОГОС УКРАИНА, 2016. — 432 с.

ISBN 978-966-2457-17-9

Центральный мотив книги — агрессивная сущность «путинизма», его социальные и идейные истоки, эволюция от «европейского выбора» к «евразийству», взращивание «совка» как социального агента системы российской власти, дискредитация Нового мирового порядка и навязывание «другого мира» Путина. В работе освещена агрессивная сущность идеологической войны России против Украины, а также культивируемая агрессором практика массового цинизма, моральной деградации и пренебрежения общечеловеческими ценностями.

Для исследователей, научно-педагогических работников, аспирантов, студентов, всех тех, кого интересуют проблемы украинско-российских отношений.

ISBN 978-966-2457-17-9

© Ткаченко В.Н., 2016
© ООО «Издательство Логос Украина», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Агрессия (вместо предисловия) 7

Раздел I. Украина — не Россия: испытание Майданом 22
1.1. Момент истины 24
1.2. В зоне «двойной периферии» 32
1.3. Глобальное политическое пробуждение 41
1.4. Цивилизационный вызов 50
1.5. Понуждение к «единству судьбы» 58
1.6. Перспективы модернизации 69
1.7. Региональный тренд 80
1.8. Национальная идентичность 87
1.9. «Постмайданье» 95

Раздел II. «Путинизм»: шовинизм постсоветского реванша 108
2.1. Социальные истоки «путинизма» 110
2.2. Идейная природа «путинизма» 120
2.3. «Лидер нации»: виртуальная реальность 128
2.4. Догматы развитого «путинизма» 139
2.5. От «европейского выбора» к «евразийству» 152
2.6. «Совок» как социальный агент «путинизма» 166
2.7. Новый мировой порядок и «другой мир» Путина 182
2.8. Политика исторического беспамятства 196

Раздел III. Беспутные няньки «реальной политики» 217
3.1. Кто и как крутит колеса истории? 218
3.2. Realpolitik об украинском кризисе 223
3.3. Хорошие ребята и плохие парни. 226
3.4. Советники: их модели и информация 230
3.5. Это есть наш последний и решительный? 233
3.6. Передислокация 236
3.7. Посеявший ветер — пожнет бурю 241

Раздел IV. Распутица: возвращение геополитики 246
4.1. Новый мировой беспорядок 248
4.2. Европа: преодоление иллюзий 255
4.3. Научно-экспертный сервилизм 260
4.4. Беспутье: фактор Путина 267
4.5. Схватка за древко флага 275
4.6. «Битва за Европу»: реинкарнация геополитики? 282

Раздел V. Информационная интервенция 296
5.1. Что же задумал Путин? 299
5.2. «Австралийский синдром» 306
5.3. После «Минска-2» 312
5.4. «Бешеные псы войны» 318
5.5. «Черные лебеди» 2015 года 323
5.6. О благой вести русской национальной идеи 330
5.7. Перипетии конспирологии 337
5.8. В «промежуточном состоянии» 344
5.9. Россия: отступление... в будущее? 351
5.10. Российский выбор: стратегия с двойным дном 357

Раздел VI. Беспутье «гибридной войны» 370
6.1. Мемориалы: стоят ли они того? 370
6.2. «Гибридная война» — во всей своей наготе 377
6.3. Альтернативы преодоления кризиса 385
6.4. В уповании на «новый мировой порядок» 392
6.5. Уроки истории 401

Зона цивилизационного противостояния (вместо заключения) ... 412

О, кто даст голове моей воду
И глазам моим — источник слез!
Я плакал бы день и ночь о
пораженных дщери народа моего.
(Иеремия, 9;1)

АГРЕССИЯ
(вместо предисловия)

Кто говорит: «я люблю Бога»,
а брата своего ненавидит, тот лжец.
(Иоанн, 4;20)

21 апреля 2015 года Верховная Рада Украины поддержала проект постановления № 2332 «О заявлении Верховной Рады Украины «Об отпоре вооруженной агрессии Российской Федерации и преодолении ее последствий». За решение проголосовало 259 народных депутатов. Обращает на себя внимание, что в этом документе уже определена дата начала военной агрессии РФ против Украины — 20 февраля 2014 года. А впервые украинский парламент признал Россию страной-агрессором 27 января 2015 года.

Невольно возникает вопрос: неужели понадобился чуть ли не год, чтобы законодательный орган государства установил и озвучил самоочевидный факт вооруженной агрессии России против Украины? Или тому были веские причины внутреннего и международного характера? Или это вообще характерно для течения «гибридных войн», которых нынче так много в различных регионах мира? И что по этому поводу думает целый сонм отечественных и зарубежных экспертов-политологов? Как они освещают позицию не только Украины, но и США и Европы по обузданию российской интервенции? И, в конце концов, просматривается ли, наконец, какой-то оптимистический выход из создавшегося положения? Все эти вопросы волнуют общественность, а однозначного и полного ответа на них как не было, так и нет. А потому приходится довольствоваться теми зернами истины, которые удается отделить от пропагандистской шелухи антиукраинских идеологических диверсий со стороны России, да и ее зарубежных клевретов.

Торжеству правды способствует и упомянутое заявление Верховной Рады. В частности, в нем значится: «Необходимость принятия этого постановления обусловлена потребностью официального признания парламентом Украины как представительным органом украинского народа факта вооруженной агрессии Российской Федерации против Украины и определения объема, последствий и требований, связанных с этим, что создаст юридическую основу для предъявления Украиной консолидированных претензий Российской Федерации».

В принятом заявлении Верховная Рада требует от Российской Федерации немедленно вывести все военные формирования вооруженных сил РФ и прекратить любую поддержку террористических организаций на востоке Украины, а также покарать виновных в подготовке и осуществлении агрессии против Украины. «В случае отказа Российской Федерации наказать виновных Украина оставляет за собой право обратиться в Международный уголовный суд с ходатайством начать расследование ситуации, которая была вызвана вооруженной агрессией Российской Федерации против Украины и длится с 20 февраля 2014 года», — говориться в заявлении парламента.

В заявлении также подчеркивается, что в случае отказа Российской Федерации от прекращения вооруженной агрессии против Украины Верховная Рада Украины призывает международное сообщество к ужесточению санкций в отношении РФ «как государства-агрессора» и ускорения предоставления Украине расширенной финансовой помощи и поставок оружия. При этом одним из определяющих является тот факт, что противодействуя российской вооруженной агрессии, Украина стала на защиту объединенной Европы и всего свободного мира.

Достигнутый в украинском обществе консенсус относительно факта агрессии закладывает основу для воспроизведения последовательности этапов осуществления агрессии. Итак, ***первая фаза*** вооруженной агрессии Российской Федерации против Украины началась 20 февраля 2014 года. Именно тогда, вопреки международно-правовым обязательствам России были зафиксированы первые случаи нарушения ее вооруженными силами порядка пересечения государственной границы Украины в районе Керченского пролива и использование подразделений вооруженных сил РФ (расположенных до этого на законных основаниях в Крыму) для противоправного блокирования украинских войсковых частей.

27 февраля 2014 года вооруженные подразделения специального назначения Главного разведывательного управления Ге-

нерального штаба ВС Российской Федерации захватили здания Совета Министров и Верховной Рады Автономной Республики Крым. Одновременно, образовывались и вооружались иррегулярные вооруженные образования наемников из числа местных жителей, которыми руководили офицеры спецслужб и ВС РФ. К тому же Черноморский флот РФ заблокировал украинские порты, где находились корабли ВМС Украины.

В этих обстоятельствах лидер партии «Русское единство» Сергей Аксенов противоправно провозгласил себя председателем Совета Министров АРК и призвал президента Российской Федерации «обеспечить мир и покой в Крыму». В ответ на этот призыв, Владимир Путин, нарушая как международное право, так и действующую украинско-российскую договорно-правовую базу, обратился к Совету Федерации, которая своим постановлением от 1 марта 2014 года, противоправно легализуя эти нарушения, дала согласие на использование на территории Украины вооруженных сил России. В итоге это привело к вооруженному захвату и военной оккупации неотъемлемой части Украины — Автономной Республики Крым и города Севастополя.

Нелегитимно сформированная в условиях российской военной оккупации исполнительная власть Автономной Республики Крым 16 марта 2014 года провела псевдореферендум о вхождении АРК в состав Российской Федерации. Сомнительные результаты «референдума» не были признаны ни одним государством мира, кроме Российской Федерации. Это находит подтверждение в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 68/262 от 27 марта 2014 года «Территориальная целостность Украины».

17 марта 2014 года ВР АРК, которая к тому времени была уже распущена постановлением Верховной Рады Украины, тем не менее, провозгласила Крым независимым государством. 18 марта 2014 года самозваные представители Крыма подписали с президентом РФ Владимиром Путиным «Договор о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и создании в составе Российской Федерации новых субъектов». Таким противоправным путем была осуществлена незаконная и поспешная сделка, призванная создать видимость правомочности вооруженного вторжения России и незаконной аннексии нею части территории Украины.

Вторая фаза вооруженной агрессии Российской Федерации против Украины началась в апреле 2014 года. Тогда контролируемые, руководимые и финансированные спецслужбами Российской Федерации вооруженные бандитские формирования провозгласили создание «Донецкой народной республики» (7 апреля

2014 года) и «Луганской народной республики» (27 апреля 2014 года).

В течение мая 2014 года самозваные лидеры «ДНР» и «ЛНР», среди которых было много граждан Российской Федерации, неконституционно провели фиктивные референдумы об отделении этих нелегитимных образований от Украины. С целью их поддержания на территорию Украины были засланы разведывательно-диверсионные группы, возглавляемые кадровыми офицерами Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС РФ. В их подчинение приданы парамилитарные формирования российского казачества и укомплектованные чеченцами — гражданами Российской Федерации батальон «Восток», а также задействованные такие вооруженные банды наемников как «Русский сектор» и «Оплот». При их активном участии осуществился захват административных зданий во многих населенных пунктах Донецкой и Луганской областей, вооруженные нападения на части украинских сухопутных войск и самолеты Воздушных сил Украины.

Так, возле города Славянск 6 июня был сбит самолет АН-30, выполнявший наблюдательный полет. Тогда погибло 5 человек экипажа. 14 июня был обстрелян военно-транспортный самолет Ил-76 в аэропорту «Луганск». На этот раз погибло 40 десантников и 9 членов экипажа. И, наконец, 17 июля 2014 года вблизи города Торез Донецкой области при помощи российского зенитно-ракетного комплекса «Бук» был сбит пассажирский самолет Boeing 777 авиакомпании «Малайзийские авиалинии», который осуществлял перелет за рейсом Амстердам — Куала-Лумпур. Вследствие катастрофы погибли 283 пассажиров 15 членов экипажа.

Иррегулярные вооруженные формирования, задействованные Российской Федерацией в агрессивной войне против Украины, систематически подпитываются российскими наемниками из числа уволенных в запас военнослужащих ВС РФ. Осуществляются регулярные поставки вооружения и военной техники, включительно с танками, артиллерийскими системами, противотанковыми средствами и современными зенитно-ракетными комплексами. В июле 2014 года подразделения Вооруженных сил Украины начали подвергаться систематическим обстрелам, которые ведутся с территории Российской Федерации при помощи артиллерийских систем и реактивных систем залпового огня «Град». Было осуществлено ряд нападений регулярными подразделениями ВС РФ, свидетельством чему являются многочисленные задержания военнослужащих ВС РФ.

Третья фаза вооруженной агрессии Российской Федерации началась 27 августа 2014 года массированным вторжением на территорию Донецкой и Луганской областей регулярных подразделений российских Вооруженных Сил. Среди них, в частности, те, что входили в состав 9 отдельной мотострелковой бригады, 76 и 98 дивизий воздушно-десантных войск ВС РФ. Агрессивные действия частей регулярных войск РФ против Украины сопровождались распространением среди населения Украины агитационных листовок с призывом: «При любых обстоятельствах не создавайте препон продвижению российских войск (техника и личный состав)».

Вторжение российских регулярных частей стало предметом рассмотрения на заседании Совета Безопасности ООН 29 августа. На нем делегация Украины заявила: «Россия начала непосредственное вторжение на материковую Украину с применением своих регулярных вооруженных сил». После чрезвычайного заседания комиссии Украина-НАТО, созванного 29 августа 2014 года по просьбе Украины, Генеральный секретарь НАТО А. Расмунсен квалифицировал вторжение Вооруженных Сил РФ через восточную и юго-восточную украино-российскую государственную границу как «серьезную эскалацию вооруженной агрессии России против Украины».

Невзирая на достижение Минских договоренностей (Минский протокол от 5 сентября 2014 года, Минский меморандум от 19 сентября 2014 года и Минский «Комплекс мер от 12 февраля 2015 года»), участником которых является и российская сторона и которые направлены на прекращение вызванного российской агрессией вооруженного конфликта, Российская Федерация с большей или меньшей интенсивностью продолжает вооруженную агрессию против Украины. С момента подписания 5 сентября 2014 года Минского протокола, ВС РФ и иррегулярные подразделения российских наемников захватили Донецкий аэропорт, Дебальцево и ряд других населенных пунктов. Таким образом, они расширили контролированную ими территорию Украины в Донецкой и Луганской областях более чем на 500 кв. км.

Снабжение российских оккупационных сил осуществляется, в частности, при помощи так называемых «гуманитарных конвоев», которые регулярно направляются Российской Федерацией на территорию Украины путем несанкционированного пересечения украинско-российской государственной границы в нарушение правил, установленных Международным Комитетом Красного Креста. Под предлогом исполнения Минского «комплекса мер» от 12 февраля 2015 года российская сторона осуществляет

перегруппировку своих вооруженных подразделений, тяжелых вооружений, концентрацию их на Артемовском, Волновахском, Донецком, Мариупольском направлениях. Одновременно возле украинско-российской границы удерживается многочисленная группировка регулярных российских войск.

С этой точки зрения все заявления российской стороны о непричастности Российской Федерации к вооруженной агрессии против Украины являются необоснованными и несостоятельными. Масштабная, длительная концентрация ВС РФ вблизи государственной границы Украины, ускоренная милитаризация Крымского полуострова, регулярные учения ВС РФ вблизи границ Украины и на территории Крымского полуострова с проведением огневых стрельб являются противоправными.

Более того, Российская Федерация осуществляет вооруженную агрессию против Украины, сопровождая ее циничными и противоправными требованиями относительно изменения конституционного строя Украины и отказа Украины от избранного цивилизационного курса, ориентированного на сотрудничество с ЕС и НАТО с перспективой полного членства в этих организациях.

А тем временем захват украинских территорий сопровождается незаконным присвоением государственного имущества Украины в Автономной Республике Крым и городе Севастополе и тотальным уничтожением инфраструктуры и промышленных предприятий в Донецкой и Луганской областях. В частности Украине было нанесен материальный ущерб путем «национализации» Российской Федерацией земли, государственных и частных объектов. Кроме того Российская Федерация своими противоправными действиями нанесла нематериальный ущерб, нарушая права граждан Украины в АРК и городе Севастополе, в Донецкой и Луганской областях. Речь идет, прежде всего, о таких правах как право на жизнь, право на уважение чести и достоинства, право не быть подверженным пыткам, право на личную свободу и неприкасаемость, право на справедливый суд, право на уважение к личной и семейной жизни, право на свободу мысли, совести и религии.

Никакого оправдания нет тому, что жертвами вооруженной агрессии Российской Федерации стало мирное население, в частности женщины и дети. Согласно данным ООН, вследствие вооруженной агрессии России было убито 65 детей, а 159 получили ранения.

Украина как государство, которое непосредственно пострадало от вооруженной агрессии, имеет право на возвращение всех аннексированных и оккупированных украинских территорий,

возмещения всего причиненного ей вреда и привлечения лиц, виновных в осуществлении вооруженной агрессии и военных преступлений и злодеяний против человечности, к криминальной ответственности. И фактически, и юридически вооруженная агрессия Российской Федерации против Украины будет продолжаться вплоть до полного отвода с территории Украины всех подразделений Вооруженных сил Российской Федерации, включая наемников, которых она поддерживает, и полного возобновления территориальной целостности Украины.

Именно об этом идет речь в решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 6 мая 2015 года. По сообщению пресс-службы главы государства, «в соответствии с данной стратегией основными направлениями государственной политики в сфере национальной безопасности является восстановление территориальной целостности в рамках признанной международно государственной границы Украины, создание эффективного сектора безопасности и обороны и повышения обороноспособности страны, в том числе благодаря углублению оборонно-промышленного и военно-технического сотрудничества с государствами — членами НАТО и ЕС и достижение полной независимости от России в вопросах производства вооружений и военной техники» [1].

Кроме того, документ предусматривает проведение реформы и развитие разведывательных, контрразведывательных и других силовых органов, а также реформу системы госуправления и новое качество политики в сфере борьбы с коррупцией.

Кроме того, 6 мая президент Украины Петр Порошенко заявил, что стратегия нацбезопасности нашей страны должна включать в себя положение о возможности приобретения дальнейшего членства в НАТО.

Эта позиция Украины находит понимание со стороны США и других стран Запада. Так, согласно заявлению пресс-секретаря президента США Джоша Эрнеста в связи с утверждением стратегии национальной безопасности Украины, «США поддерживают своих украинских партнеров, которые пытаются противостоять этой угрозе своей безопасности. США не готовы отправляться на войну ради Украины, и мы ясно об этом заявили, но, в то же время, у США и у наших партнеров по НАТО есть возможности помочь им противостоять угрозе, с которой они сталкиваются со стороны России, открыто нарушившей их территориальную целостность» [2].

Украина с пониманием относится к этой позиции. Тем более, что руководство США обсуждает возможные поставки оружия

украинскому правительству. Так, 24 марта 2015 года Конгресс США призвал президента США Барака Обаму представить летальное вооружение Украине. А 1 мая в Конгрессе США решили предоставить нашей стране оружия на 200 миллионов долларов. Украина же не исключает того, что возможная эскалация конфликта в восточных регионах нашей страны разблокирует поставки и летального оружия.

А тем временем угроза крупномасштабной войны России против Украины нарастает. Об этом можно судить не только по агрессивной риторике президента Путина — ее характер вообще меняется ежечасно, в зависимости от сложившейся ситуации и тех целей, которые он преследует в текущем моменте. Например, выступая на торжественном приеме в честь выпускников высших военно-учебных заведений, Путин внешне миролюбиво заявляет: «У нас нет, и не может быть агрессивных планов. Мы никому не угрожаем, и любые спорные вопросы стремимся решать исключительно политическими средствами, с уважением относимся к международному праву и интересам других стран». Однако это было сказано после того, как 16 июня на церемонии открытия Международного военно-технического форума «Армия-2015» Путин заявил, что ядерный арсенал России увеличивается на 40 новых межконтинентальных баллистических ракет. И в тот же день на пресс-конференции по итогам переговоров с президентом Финляндии Саули Ниинистё Путин заявил, что если «кто-то ставит под угрозу» какие-то российские территории, то Россия нацелит на них свои «Вооруженные силы, современные ударные средства» [3].

Что же касается политической софистики по отношению к Украине, то здесь Путин чаще всего использует как раз иезуитско-миролюбивую риторику, вслед за которой уже следуют агрессивные действия. Возьмем, к примеру, пресс-конференцию на Петербуржском экономическом форуме (ПЭФ) в июне 2015 года:

«*Ч. Роуз*: Каковы приемлемые границы для Украины, для России? Какие границы приемлемы для Вас?

В. Путин: Что Вы имеете в виду, когда говорите о границах — географические границы, политические границы? О чем речь?

Ч. Роуз: Политические границы.

В. Путин: Что касается сотрудничества, мы всегда говорили и продолжаем говорить, что здесь нет ничего нового, при всех сложностях сегодняшнего дня я считаю, считал всегда и продолжаю считать, что русские и украинцы — это один народ, один этнос, во всяком случае, со своим, конечно, своеобразием. Со своим, конечно, своеобразием, со своими культурными особенностями,

но с общей историей, с общей культурой, с общими духовными корнями. Чего бы ни происходило, в конечном итоге Россия и Украина, так или иначе, обречены на совместное будущее».

Нет смысла содержательно обсуждать этот тезис Путина, поскольку для любого мало-мальски грамотного человека он звучит просто нелепо. Однако, обращает внимание бывший советник Путина по экономике Андрей Илларионов, есть три важные обстоятельства, которые не позволяют пренебрегать анализом этого неадекватного заявления. Первое, — этот тезис был встречен бурными аплодисментами участников ПЭФа, а ведь тамошняя аудитория, что ни говори, достаточно информированная и значимая в российском обществе. Второе, все мы помним как вслед за подобными словами о едином народе, произнесенными 27 июля 2013 года, вскоре началась антиукраинская война. Третье, и это самое главное, появился новый элемент, отсутствовавший ранее: утверждение об «обреченности России и Украины на совместное будущее». Поэтому это заявление Путина «трудно интерпретировать иначе, как объявление о начале нового этапа антиукраинской войны» [4].

Во внутренней политике нет никакого фактора, который мог бы сдержать Путина от дальнейших опрометчивых шагов по отношению к Украине. Уровень одобрения россиянами деятельности президента РФ Путина, по данным «Левада-Центра», вырос в июне 2015 года до 89%. Такого высокого уровня поддержки российского лидера не было еще ни разу за 16 лет. При этом 64% россиян считает, что дела в стране идут в правильном направлении. Подавляющее большинство россиян по-прежнему поддерживают решение руководства России об аннексии Крыма. И вообще российское население настроено агрессивно: 46% не испытывают особых опасений, что вооруженный конфликт на востоке Украины с участием граждан РФ может перерасти в войну между Россией и Украиной. При этом 75% россиян допускают, что вооруженный конфликт между Россией и Украиной может даже перерасти в мировую войну.

Инфантильность российского населения просто зашкаливает: 74% из опрошенных считают вероятным, что в случае войны с Западом президент РФ Путин даст приказ первым применить ядерное оружие; 50% одобряют готовность Путина начать ядерную войну; 33% уверены, что в случае войны между Россией и США или странами НАТО победителем из нее выйдет Россия; и только 5% верят в победу США или сил НАТО. Да и как иначе, если большинство россиян считает, что для России важнее порядок, чем

демократия, а 57% отказываются считать Сталина государственным преступником. Одним словом — психология орды. При том, что Путин к месту и не к месту заверяет в своих симпатиях к украинцам, население России прекрасно понимает, что он ненавидит Украину, а потому 59% опрошенных «Левада-Центром» заявили, что они негативно относятся к Украине. Плохое отношение испытывают 59% и к Европейскому Союзу. При этом самыми большими врагами России россияне считают США, Украину, Латвию, Литву, Польшу и Великобританию [5].

Чтобы понять причины такой обостренной реакции, следует прибегнуть к анализу состояния самого российского общества. По мнению руководителя Левада-Центра Льва Гудкова, в России после 1991 года произошла очередная неудачная «абортивная модернизация», которая нанесла огромную моральную травму всему российскому обществу. Модернизация не удалась, либо была сорвана, что и вызвало подъем консерватизма во внутриполитической жизни и наращивание агрессивности во внешней политике. Причины тому весьма традиционные. В истории России и раньше были подобные ситуации — возникали альтернативные варианты развития, были соответствующие люди, способные реализовать новации, хотя их было явно недостаточно и, как всегда, недоставало демократии (права, свободы, уважения к закону и т.п.). То есть, речь не идет о случайных эксцессах, а о системных кризисах России последних полутора столетий: «Последствиями потрясений оказывалась редукция сложности социальной структуры, реорганизация по упрощенной схеме, принимающей вид «возвращения» к «национальным традициям», «особого пути» России. В таких ситуациях прекращались заимствования более развитых и эффективных институциональных и культурных форм, шло «восстановление», «регенерация» гораздо более примитивных или архаических, чаще всего даже варварских по своей репрессивности и жестокости типов социальной организации» [6].

А что же российское гражданское общество? Неужели опять «народ безмолвствует»? Действительно, в разных сегментах российского общества постоянно возникают и накапливаются ресурсы, идеи и стимулы ограничения всевластия неэффективного государства. Однако эти потенциальные возможности, во-первых, стерилизуются теми, кто обладает монополией на принуждение. А, во-вторых, главное препятствие российской модернизации «заключается в самом типе советского или постсоветского человека (Homo soveticus), в его базовом недоверии к миру, в опыте приспособления к насилию, которые делают его неспособным к рецепции

более сложных моральных представлений и отношений, а это значит невозможность институционализации, закрепления новых социальных форм взаимодействия. Специфическая «невменяемость» российского общества объясняет периодически возникающую блокировку модернизации, подавление функциональных императивов, ведущих к усложнению структуры социума» [7].

Конечно же, из этого не следует какая-то предопределенность «зависимости от прошлого пути» в качестве фатальной «судьбы России». Но на сегодняшний день следует признать, что в ослабленном тоталитаризмом постсоветском обществе бюрократия обладает значительными преимуществами перед населением, в частности своим умением в области применения простейших политтехнологий тщательно и систематично поддерживать аморфность, неорганизованность ослабевшего общества. А это и является основным ресурсом воспроизводства нынешней социально-политической системы в целом.

Все это так, но это касается внутренней политики России, а ведь в нашем случае мы рассматриваем проблему Украины и России через призму феномена Майдана и последующей агрессии России против Украины? Дабы не быть обвиненными в каком-то предубеждении к России, обратимся опять к авторитетному мнению Льва Гудкова. Неудачная «абортивная модернизация», по его мнению, провоцирует такой феномен как «доминирование массового завистливого сознания». *Во внутренней поли*тике оно оборачивается не просто систематическим понижением коллективных представлений, подавлением или стерилизацией ближайших «своих» в социальном плане инновационных и мобильных групп, но и общей тенденцией к социально-политическому консерватизму, поддержкой центральной власти, символизирующей приоритет коллективных значений над индивидуальными и частными. *Во внешней политике* эта социальная злоба и «зависть, возмущение направлены не только на своих соотечественников, но и на другие страны, с которыми Россия традиционно меряется, в первую очередь Америку», а другим примером может служить «резко негативное отношение к сбежавшим от России бывшим соцстранам и республикам СССР» [8].

Так что Украина здесь не одинока, просто она оказалась, с одной стороны, наиболее ослабленной предыдущим криминальным режимом, а, с другой стороны — наиболее радикальной и последовательной в выборе пути евроинтеграции. А потому в отношении к Украине ныне наиболее зримо проявляется общая тенденция «социальной зависти», «то своеобразное родство душ верхов

и низов, которые образуют морально-политическое единство последних лет, понимание и взаимодействие, взаимопризнание и солидарность власти и населения» России [9].

Что печальнее всего, что при власти Януковича российское руководство неизменно подчеркивало свои симпатии к «братскому украинскому народу», а лишь нескольких месяцев спустя, этот же народ вдруг был представлен на Майдане как сборище бандеровцев и экстремистов. И это в то время, когда украинскую границу со стороны России пересекают не просто бандитские формирования, осуществляется снабжение оружием сепаратистов Юго-Востока Украины, но и регулярные части Вооруженных Сил РФ.

Однако общественное мнение России воспринимает это как должное, не чувствуя за собой никакой ответственности за содеянное. И это пришло не сразу, и не вдруг, а является устойчивой тенденцией общественно-политической жизни Российской Федерации: «Население России в абсолютном большинстве своем считает, что оно не может, а поэтому и не должно отвечать или даже думать о своем участии в коллективных преступлениях. Отсутствие морали или, точнее, моральная несостоятельность российского общества оказываются условиями репродукции репрессивных институтов и самого человека мстительно-агрессивного, обиженного, завистливого и вместе с тем — лукавого и пластичного» [10].

Глядя на все происходящее, граждане Украины вместе с тем понимают, что фактор России будет присутствовать в общественной жизни всегда — соседей не выбирают. А потому наше отношение к России и политика в отношении северного соседа должны быть адекватными вызову времени. Как отметил в своей инаугурационной речи пятый Президент Украины Петр Порошенко, «всенародные выборы Президента поставили жирный крест на мифе о якобы нелегитимности киевской власти. Этот миф посеян и взращен российской пропагандой и кланом Януковича, который предал Донбасс и ограбил его еще в большей степени, чем всю страну». Но народ восстал, а победная Революция достоинства изменила не только власть — иной сделалась страна, иными стали люди. А потому «пришло время неотвратимых положительных изменений. Чтобы ввести их, нам необходим в первую очередь мир, безопасность и единство». Задача эта первостепенной важности: «Граждане Украины не смогут чувствовать блага мира и безопасности, пока мы не урегулируем наши отношения с Россией» [11].

Мы не ставим перед собой задачу комментировать все 10 тезисов инаугурационной речи Президента Украины. Этот емкий до-

кумент требует отдельного глубокого анализа. Как и все последующие заявления в области внутренней и внешней политики. Это работа многих научных и пропагандистских коллективов в течение длительного времени.

Однако в пределах обозначенной темы мы хотели бы отметить, что реализацию намеченного курса на нормализацию отношений с Россией трудно себе представить без надлежащего объяснения всем гражданам Украины сущности планируемых в нашей стране общественных преобразований, каждого последующего шага по их реализации. Да, собственно, и любого действия правительства — с помощью радио, телевидения, пресс-конференций, публичных дискуссий и т.п. Мы глубоко уверены, что сила сторонников модернизации Украины на пути евроинтеграции заключается не только в глубокой проработке плана реформ, но и в технике его популяризации — предельно демократической по своей сути, и по форме. Следует достичь широкого общественного консенсуса на необходимости «открытия» украинской экономики, ее быстрого встраивания в мировое хозяйство. Жизнь неоднократно доказывала, что без счастливых и довольных, полностью трудоустроенных людей не будет счастья никому — ни государству, ни капиталу, ни управленцам.

Конечно, существуют разные точки зрения на счет популяризации курса реформ, одобрения его со стороны гражданского общества, крупного капитала, а в первую очередь — средних классов. С одной стороны, по-своему прав лауреат Нобелевской премии Пол Кругман, который настаивает на радикальных мерах, которые не всегда находят отклик среди населения, поскольку, дескать, экономику нельзя рассматривать с точки зрения морали потому, что экономические процессы только на словах управляются и руководствуются моралью. На деле же это не так. Кругман считает, что если хочешь сделать людям хорошо — не надо жалеть их и действовать полумерами. Надо придумывать и пытаться, пытаться делать правильные, а не только моральные вещи [12].

С другой стороны, нельзя не согласиться с Фернандо Энрике Кардозу, блестящим бразильским интеллектуалом, автором более 20 книг, который на посту президента страны (1994–2002 гг.) вывел Бразилию в разряд полупериферии капиталистической мир-системы, заставив мир говорить о «бразильской модели». Свое видение проблемы он излагает таким образом: «В свое время мне пришлось долго убеждать коллег-экономистов в правильности моего решения. Многие из них считали его пагубным и говорили, что нельзя заставить народ принять заведомо

непопулярные меры, невозможно растолковать суть сложной и комплексной реформы большинству населения. Но я настоял на своем и не ошибся. ***Метод, который мы применили, я называю «демократической педагогикой» и по сегодняшний день верю в его эффективность. Исключительно важно не бояться снова и снова объяснять народу свою политику…*** Это, разумеется, нелегко сделать, но никогда нельзя оставлять попытки привлечь избирателя на свою сторону. Сам я остаюсь последовательным демократом и не сомневаюсь: если вы готовы предоставлять своему народу всю возможную информацию и убеждать его в своей правоте всеми доступными вам методами, к вам рано или поздно придет успех. Если же вы считаете, что люди не способны понять вас и ими следует манипулировать ради принятия правильных решений, то это — начало больших неприятностей. Да вы и не добьетесь ничего такими методами — конечно, если мы говорим об открытом обществе» (здесь и дальше курсив наш. — *Авт.*) [13].

К сожалению, мы зачастую не используем знания, которыми обладаем, поскольку слишком многие люди, облеченные властью, — политики, государственные чиновники, а также более многочисленный класс говорящих и пишущих, формирующих общественное мнение, по разным причинам предпочитают забыть уроки истории. А уж тем более умудряются игнорировать и выводы нескольких поколений историков, экономистов, социологов, политологов, предпочитая заменить давшиеся большим трудом познания идеологически и политически удобными предубеждениями. Но подобные идеологические барьеры необходимо преодолевать. А это и есть обязанность представителей науки и образования, всех тех, кто имеет влияние на общественность, чтобы ускорить этот процесс и оказать помощь гражданам Украины укрепится в осознании себя украинской нацией, уверенной в своем европейском выборе.

На решение этих первоочередных задач и нацелена представленная читателю книга.

Литература

1. Президент Украины утвердил стратегию национальной безопасности Украины. — Доступно: http://fakty.ua/print/200382.

2. Пресс-секретарь Обамы: США не готовы воевать ради Украины. — Доступно: http://fakty.ua/print/200384.

3. Путин: у России нет и не может быть агрессивных планов. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cp%20style%3D%22box-sizing%3A%20border-box%3B%20margin%3A%200px%3B%20padding%3A%200px%200px%20...

4. Андрей Илларионов: В. В. Путин по факту заявил о новом этапе войны с Украиной. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Ch1%20itemprop%3D%22name%22%20style%3D%22margin%3A%205px%200px%200px%3B%20color%3A%20rgb(0%2...

5. Соцопрос: Рейтинг Путина вырос до 89%. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cp%

20style%3D%22box-sizing%3A%20border-box%3B%20margin%3A%200px%3B%20padding%3A%200px%200px%20...

6. Гудков Л. Д. Абортивная модернизация. / Л. Д. Гудков. — М.: Российская политическая энциклдопедия (РОССАЭН), 2011. — С. 5.

7. Там же. — С. 7.

8. Там же. — С. 9.

9. Там же.

10. Там же. — С. 12.

11. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

12. Пол Кругман. Выход из кризиса есть! Кругман П. — Доступно: http://thelib.ru/books/pol_krugman/vyhod_iz_krizisa_est-read.html

13. Кардозу Ф.Э. «Только демократия может укоротить рынок» / Ф.Э. Кардозу. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/n_5756

Раздел I.
УКРАИНА — НЕ РОССИЯ: ИСПЫТАНИЕ МАЙДАНОМ

Борітеся — поборете,
Вам Бог помагає!
За вас правда, за вас слава
І воля святая!
(Тарас Шевченко)

Избирательная кампания Президента Украины 2014 года проходила в обстановке хаоса восточных областей и угрозы российского вмешательства. И в таком восприятии действительности нет преувеличения. Логика событий подсказывала, что если Россия оказалась способной спровоцировать отделение Крыма, то почему бы ей не применить обкатанную уже модель к промышленным регионам востока страны?

Уже весной-летом 2014 года можно было утверждать, что аннексия Крыма превращается в пограничную линию водораздела в истории украинско-российских отношений. Мы реально стали свидетелями «распада связи времен» между Россией и Украиной, той связи, которая складывалась между людьми столетиями. Даьше-больше: возникла угроза того, что большинство украинцев вскоре могут превратиться не только в недругов России как государства, но и, не приведи Господь, русских как этноса.

Свидетельство тому — сдвиги в общественном мнении, которые последовали сразу же после аннексии Крыма. Если согласно социологическому опросу в феврале 2013 года 85% украинцев засвидетельствовали свое позитивное отношение к России, то в марте 2014 уже около 47% были категорически негативно настроены к продолжению каких-либо отношений с ней. Еще более определенное отношение выразили украинцы к политике Владимира Путина: свои голоса «против» российского президента отдали 77% респондентов. На Западе, Севере и в Центре в его поддержку высказались лишь 3%. Даже на Юге и Востоке Украины 60% респондентов относились к решениям Путина негативно и только 31% голосов — «за».

Чем дальше продолжалось обострение положения на востоке Украины, тем более определенным становилось восприятие украинцами России. В конце апреля 2014 года уже 67,1% засвидетельствовали, что их отношение к Российской Федерации ухудшилось (2.3% — улучшилось, а в 21,7% — не изменилось). В региональном аспекте это восприятие ухудшилось в 91,8% жителей Запада, 82,4% — Центра, 56,3% — жителей Юга Украины [1]. Более драматично ситуация сложилась в Крыму: здесь идею дружественных взаимоотношений с Россией в марте 2014 года поддержало 88% респондентов.

Социологи свидетельствовали, что речь на то время пока что не шла о вспышке «антирусских» настроений в Украине, а лишь только об ухудшении отношения к реальной политике России. Согласно опросам от 9–16 апреля 2014 года 59% респондентов все еще считали, что Украина и Россия должны быть независимыми, однако дружественными странами, с открытыми границами и без виз. И только 4,8% — высказались за объединение в одно государство. А еще 5,1% вообще не ответили на вопрос о желаемом характере отношений между нашими государствами [2].

Однако в этом пункте уже сказывалась проблема асимметричности взаимоотношений между Украиной и Россией. Реально обозначилась проблема: надолго ли в украинцев останутся надежды на «независимый, но дружественный» характер взаимоотношений между двумя государствами, когда в то же самое время, согласно данным российских опросов, «близко трех четвертей россиян готовы поддержать войну с Украиной, если ее начнет руководство России»? [3]. То есть, и со стороны власти, и населения в России уже тогда царило полное взаимопонимание относительно ввода войск в Украину.

Закономерно возник вопрос: каковы истоки этого столь тесного взаимопонимания народа и властьимущих России? Все ли дело в характере их отношения к самой Украине? Судя по всему, дело обстоит намного сложней. Так, социологические исследования «Левада-Центра» (Москва) за 23–26 мая 2014 года определили следующую вереницу «главных врагов» в общественном мнении России: таковыми отныне считаются Соединенные Штаты Америки (69%), Украина (30%), Литва (34%), Латвия (23%), Эстония (21%), Грузия (19%) [4].

То есть, врагами России считается, прежде всего, Америка, которая олицетворяет собой успешный путь модернизации, а также те государства постсоветского пространства, которые поставили перед собой задачу модернизации на пути евроинтеграции,

отказавшись от интеграции в рамках Евразийского союза с его идеологией «Русского мира». Именно факт европейской интеграции Украины был воспринят Россией как исторический вызов, который, дескать, заслуживает надлежащего силового наказания.

1.1. Момент истины

Один из центральных пунктов инаугурационной речи Президента Украины состоял в том, что «на пути колоссальных возможностей, которые с падением тирании открылись для европейской модернизации Украины, стала настоящая война, спланированная и воплощенная на украинском Донбассе» [5]. Он отражает тот сдвиг в общественном мнении, который сказался и на характере публицистических выступлений украинских СМИ сразу же после аннексии Крыма. Что и говорить — путинские войска в Крыму раздавили своими сапогами симпатии украинцев к России. Более того, Кремль после Крыма стал закладывать фундамент новых российско-украинских отношений, когда визави видят друг в друге совсем не доброго соседа: «Национальная травма, причиненная украинцам, может сформировать у них, как минимум, отчужденность и антипатию по отношению к русским. Говоря иначе, теперь духовно-политическое самочувствие украинского народа разделяется на два периода: до крымского кризиса и после него» [6].

Аннексия территории — это, прежде всего, удар по престижу украинского государства, его силовых структур и вооруженных сил. Не только среди украинских военнослужащих, а и в широких слоях населения стало доминировать чувство обиды, смешанное с отвращением. И это чревато негативными последствиями: вероломство и коварство на наших глазах воочию стало как никогда ранее «обогащать» психологический портрет России в глазах граждан Украины.

На перспективу здесь многое зависит и от отношения самих россиян к происходящим событиям. Так, в социологических исследованиях «Левада-Центра» даже сами российские граждане придерживаются не лестной оценки существующего в России положения, облика своих властных структур, да и господствующих настроений относительно других народов. Осознание основной массой людей собственной униженности и беспомощности, уязвимости и зависимости от власти приводит к тому, что «в представлении населения большинство российских политиков как были, так и остаются алчными, коррумпированными, бессовестными,

лживыми и неумными людьми, ставящими себя над законом, не уважающими обычных граждан» [7].

Но при этом, и даже в первую очередь по причине этого, показатели одобрения Путина (в январе 2014 г. — 50%, в начале марта — 72%, а в конце марта — 80%), как это не парадоксально на первый взгляд, касались действий высшей власти *только в отношении Крыма*. Объяснение тому со стороны аналитиков «Левада-Центра» следующее: «Реанимация имперских настроений, торжество силы, этическая глухота по отношению к Украине — это компенсаторная реакция на хроническое состояние отсутствия самоуважения людей, превращенное сознание, что да, конечно, по отношению к ним власть относится как к бессловесному ресурсу, но зато «Россия — великая держава» и мы можем заставить кого хочешь слушать нас и подчиняться нам. Поэтому, если посмотреть данные нашего последнего опроса, присоединение Крыма к России свидетельствует, прежде всего, о «возвращении ее к традиционной роли великой державы», утверждающей свои интересы на постсоветском пространстве» (так считают 79%!). Отношение к Майдану — резко отрицательное. Причем самое негативное среди образованных москвичей» [8].

Отмеченное выше, на наш взгляд, является еще одним свидетельством того, что демократизм русского обывателя, даже интеллигенции, в массе своей заканчивается ровно на том месте, где начинается Украина. Речь идет не только об «одобрямсе» физических действий оккупационных войск. Донимает постыдное поведение официальной российской пропаганды, нагло обманывающее свое население и мировую общественность заявлениями, будто бы в Крыму и вовсе не было сначала российских войск, а присутствовали лишь некие «неизвестные» в российской форме, но без опознавательных знаков. И это в то время, когда достоверно были известны даже регионы, откуда прибыли эти подразделения, когда сами воины РФ простодушно не скрывали перед телекамерами факт принадлежности к вооруженным силам России. И, тем не менее, в своем интервью от 4 марта 2014 года, президент Путин на вопрос, «были ли это российские солдаты, или нет», не мигнув глазом, ответил: «Это были местные силы самообороны» [9]. Правда, в конце концов, 17 апреля — уже после аннексии Крыма — президент Путин признал: «За спиной сил самообороны Крыма встали наши военнослужащие». Мол, чего уж там греха таить — победителей не судят! [10].

Да, собственно говоря, в рамках операции «Русская весна» информационная агрессия постоянно сопровождала и продолжает

сопровождать вооруженную агрессию. Кремлевские с позволения сказать «пропагандисты» деморализовали информационное поле. Более того — они идеологически поддерживали вал «политических туристов», который хлынул весной-летом 2014 года из соседних российских областей на Харьков, Донецк, Луганск, Херсон, Николаев, Одессу...

Судя по всему, российской стороне некогда было даже задуматься, что тем самым она создает мощнейший антироссийский комплекс ментальности украинцев. А ведь история должна была чему-нибудь уже и научить. Здесь стоило бы вспомнить, как в 1914 году царская армия, ворвавшись в Галицию, своими антиукраинскими действиями фактически положила конец до того достаточно распространенного в этом регионе москвофильства. Разгромив в Галиции украинские школы, разогнав общественные организации и запретив униатскую церковь, русская власть воочию обнаружила свое истинно имперское лицо. Поддерживающее эту политику москвофильство вызвало волну возмущения среди населения и, идеологически деградировав, это политическое течение впоследствии бесследно исчезло. Стоило ли после этого удивляться вспышке антирусских настроений жителей Галиции, которые практически 600 лет до этого не имели опыта общения с россиянами? А получив такой опыт, резко отвергли его.

Таким образом, именно насильственная русификация, по отношению к украинскому населению стала подрывать основы украинско-российских отношений на многие годы вперед, закономерно провоцируя реакцию русофобии. Можно вспомнить и другой факт, когда после поражения украинской революции 1917–1921 гг. и победы большевизма, вскоре появилась УВО — Украинская воинская организация полковника Евгения Коновальца. В ее рядах образ русского человека тоже радикально переформатировался в негативную сторону, приобретая довольно неприглядные черты, разрывая существовавшие до этого довольно тесные эмоциональные связи (литературные, научные, семейно-бытовые), сформировавшиеся в течение 300-летнего совместного пребывания в Российской империи.

И вот теперь уже в XXI веке, создавая экстремальные условия своей агрессивной политикой аннексии Крыма, Владимир Путин опять стимулирует подвижку национально-духовной самостоятельности украинцев в сторону радикализма, что впоследствии приводит к вспышке политического экстремизма. Так что здесь самое время поразмыслить, кто на самом деле являлся подлинной «повивальной бабкой» украинского радикализма? Хотя для Пути-

на и это не вопрос. Оказывается, вся проблема состоит в каком-то прирожденном, буквально на уровне подсознания комплексе жителей западных областей Украины: «Там, где процветает национализм и даже возрождается неонацизм — это западные части Украины. Частично они находились в Чехословакии, частично в Польше, в Венгрии. И нигде и никогда они не были полноценными гражданами этих стран. Это что-то там внутри у людей созревало. То, что они были людьми второго сорта в этих государствах подзабылось. Но в исторической памяти, под коркой, где-то в душе там закопано. И отсюда истоки этого национализма».

Таков, стало быть, вердикт — непременный, но не окончательный. По мысли российского президента, выход по спасению украинцев все же есть, и спасителем станет, конечно же, Россия: «Наша страна, как пылесос, втягивала в себя представителей разных национальностей... Наш генный код — одно из главных наших конкурентных преимуществ в мире, он очень гибкий... Русский человек, я бы сказал даже человек русского мира... больше развернут вовне». А раз так, и коль НАТО поддерживает Украину, то «развернутым вовне» представителям русского мира «не нужно бояться НАТО, мы сами всех задушим» [11].

Как говориться, здесь трудно что-нибудь добавить, или отнять. Все четко и однозначно: рассматривать «представителей разных национальностей» не более чем пыль для русского пылесоса. Однако на пути этих планов вдруг возникла в Украине Революция достоинства.

Естественно, что феномен Майдана потряс основы имперской ментальности. Как свидетельствуют исследования «Левада-Центра», на первом месте в формировании общественного мнения оказались те, кто поддерживает лозунги русских националистов: «сейчас эта группа сделала большой скачок. Национализм, который так ругали на Украине, у нас оказывается не менее популярным. Пропаганда дала поддержку не столько Путину, сколько этническому национализму, взвинтив и без того высочайший уровень фобий и тревожности» [12]. В общественном мнении России, которая привыкла всегда видеть в украинце нечто неотделимое от себя, опять на слуху стало ходульное изречение, повторяемое ныне министром иностранных дел РФ С. Лавровым: «не допустить отрыва Украины от России». В свое время академик И. Дзюба иронизировал по поводу этой умственной заморочки на счет отрыва, что речь будто бы идет об отрыве пуговицы от имперского вицмундира.

Конечно, антитеррористическая операция, осуществленная украинскими силовыми структурами в регионе юго-востока

Украины, внесла свои коррективы. На конец мая 2014 года, как показал опрос общественного мнения «Левада-Центра», все меньшее количество граждан РФ хотели бы видеть Донецкую и Луганскую области в составе России. Так, в начале марта 2014 года 79% россиян поддержало бы присоединение юго-восточных областей, если бы тамошнее население высказалось на референдуме за выход из состава Украины и вхождение в состав России. Но уже на конец мая их число сильно сократилось — так считали уже 51%. Наметилась и другая тенденция: все больше россиян считали правильным, чтобы эти регионы стали независимым государством. В апреле так думало 25%, а в мае — уже 36%. При этом, 72% считали, что Россия должна признать независимость ДНР.

Кроме того, с марта по май 2014 года снизилось количество граждан, убежденных, что Россия имеет право присоединять территории, где русскоязычное население заявляет о притеснениях (с 58% до 41%). Одновременно с 28% до 42% увеличилось число тех, что считает, что Россия не имеет на это права, хотя в случае с Крымом поступила правильно. Также 49% россиян были согласны с тем, что их власти поддерживают пророссийски настроенные силы на юго-востоке Украины. Участие в вооруженных действиях российских «добровольцев» одобряет 61% опрошенных. В том, что Россия должна оказать прямую военную поддержку (введение войск), были уверены 31%, а что необходимо предоставлять военно-техническую (консультации, вооружение) — 58% респондентов [13].

Эксперты объясняют такой перелом в настроениях россиян тремя факторами. Во-первых, военно-патриотическая мобилизация при массовом участии российских СМИ рано или поздно начинала себя исчерпывать. Во-вторых, сменился тон официальной пропаганды — картинки по телевидению заметно потускнели. В-третьих, начали возобладать прагматические соображения — Россия стала входить в очередную полосу финансового кризиса, а присоединение всегда несет за собой существенные расходы. Свидетельством тому — усиление социальной напряженности в Крыму. Но это — подвижки в общественном мнении России.

Что же касается особенностей текущего момента Украины, то на наших глазах уже весной-летом 2014 года происходила зримая эмансипация украинских граждан — их социально-психологическое освобождение от опеки «большого брата». Как отмечают политологи, «понятно, что активной стороной в этом процессе окончательного разрыва выступает именно РФ (независимо от субъективных намерений ее элиты). Чем дольше находятся оккупационные войска в Крыму, тем больше углубляется этот раскол

двух обществ — украинского и российского — в самостоятельные сущности». Для украинского наступает великий момент истины, когда нация освобождается от предрассудков лицемерной пропаганды «старшего и младшего брата» и начинает видеть мир в его истинных чертах. И это является позитивным, хотя и болезненным процессом, потому что за иллюзии приходится слишком дорого платить. И немудрено. Как мы увидели, те исторические и ментальные ткани, которые связывали две нации, Владимир Путин решил грубо разрубить мечом: «В очень тяжелом состоянии будет теперь идеология «Русского мира» и пропаганда братства двух народов, потому что всегда будут помнить Крым. Именно он станет пропастью между нациями, потому агрессия РФ 2014 года, останется в анналах украинской истории. Слишком болезненная травма... Начнет формироваться новый тип украинца, подготовленного к суровым историческим испытаниям, способного противостоять национальным и геополитическим вызовам» [14].

Прежде всего, это касается армии. Как это ни печально, но на протяжении 22 лет независимости Украины боевые учения украинских Вооруженных сил даже не предполагали сценария агрессии со стороны Москвы — ведь Россия не предусматривалась как возможный интервент. После аннексии Крыма перелом в сознании произошел почти мгновенно: впервые в истории современной Украины мужчины мобилизованы для защиты от внешнего врага, армия переведена в полную боевую готовность. Мобилизационные меры обнажили существенную проблему: ведь на протяжении двадцати с лишним лет украинские военные вообще не рассматривались как важная составляющая независимости государства. Однако, сейчас все становится на свои места. Агрессия России вынудила страну вспомнить: и что значит армия, и какие реформы необходимы Вооруженным Силам Украины, и что нужно сделать, чтобы защитить страну. По оценке Петра Порошенко: «Мир, которого мы надеемся достичь в ближайшее время, не будет продолжительным, если мы должным образом не укрепим нашу безопасность. Чтобы мир стал долговременным, нам следует привыкнуть к жизни в условиях постоянной боевой готовности. Мы должны держать порох сухим. Армия и ее перевооружение усилиями отечественного военно-промышленного комплекса — это наш главный приоритет» [15].

Так или иначе, а Украине рано или поздно придется определяться со своим статусом: либо внеблоковость и круговая самооборона, либо членство в НАТО, либо что-то третье. По мнению военного эксперта Дмитрия Тымчука, «это принципиальный момент, определяющий всю сферу не только военной, но и национальной

безопасности. Только после того как мы ответим на вопрос — в НАТО или нет — можно говорить о тактических шагах, направленных на развитие армии и повышение ее боеготовности» [16].

В своем выборе приходится учитывать тот факт, что на европейском континенте наиболее распространенный вариант защиты от агрессии — коллективный. Самые известные из таких коллективных объединений — НАТО (Североатлантический альянс, 28 государств), а также ОДКБ (Организация договора о коллективной безопасности), куда входят Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан. В силу сложившихся обстоятельств, ОДКБ после аннексии Крыма не может рассматриваться Украиной как вариант коллективной безопасности по определению. Но и в отношении к НАТО в Украине весны-лета 2014 года еще не было однозначной позиции. В начале апреля 2014 года, при полном отсутствии какой-либо информационной поддержки, только 35,8% согласились бы со вступлением в НАТО. Присоединение к ОДКБ поддержали бы 17,3% опрошенных, а 60,9% — были бы против. Еще 44,8% респондентов выступали за сохранение внеблокового статуса Украины, 32% — против [17].

Что и говорить, население в то время не осознавало того факта, что имея гарантии коллективной безопасности в рамках НАТО, можно было бы ограничиться сравнительно малочисленной, но отлично подготовленной и вооруженной армией. Не было пока также понимания того, что при варианте внеблоковости необходимо будет тратить огромные средства на оборону, а также возвращаться к принципу огромной призывной армии. В этих условиях логика подсказывала необходимость принятия Украиной третьего варианта развития двусторонних отношений. Наверное, потому и в инаугурационной речи президента Украины эта идея обрела такую форму: «Все, от чего зависит обеспечение устойчивого мира и безопасности Украины, мы должны сделать своими силами. Надежные наши союзники и лучшие гаранты устойчивого мира — армия, флот, Нацгвардия и профессиональные спецслужбы! Никто нас не будет защищать, пока мы не научимся обороняться сами. Я использую свой дипломатический опыт, чтобы обеспечить подписание международного договора, который бы пришел на смену Будапештскому меморандуму. Такой договор должен предоставить прямые, надежные гарантии мира и безопасности — вплоть до военной поддержки в случае угрозы территориальной целостности» [18].

Какое конкретное воплощение найдет этот тезис Президента Украины в дальнейшем — сейчас говорить не приходится. В слу-

чае удачного стечения обстоятельств подобный договор мог бы быть заключен по инициативе Киева между Украиной и гарантами безопасности страны по Будапештскому меморандуму — с Великобританией, Францией, США и Китаем. Конечно, Россия, грубо нарушившая меморандум, теперь вряд ли может рассматриваться в обозначенном контексте [19].

Или же может быть речь пойдет о разработке какой-то своеобразной модели, похожей на систему взаимоотношений между США и Израилем. Программа взаимоотношений между этими странами предполагает обмен разведданными, а также военно-техническую и материальную помощь со стороны США. Ныне в армии Израиля служат как мужчины, так и женщины. Военные сборы в этой стране проходят ежегодно по несколько недель до исполнения гражданином 40 лет. Альтернатива при освобождении от службы — волонтерская работа в больницах, школах и других спецобъектах. Регулярная армия Израиля — около 200 тысяч солдат, в резерве — полмиллиона. Основная идея ВС Израиля — постоянное поддержание боевых навыков резервистов плюс современное вооружение.

Так или иначе, но в общественном мнении возникает вопрос: можно ли воспринимать происшедшее в украинско-российских отношениях как неожиданность. И да, и нет. Трудно было предположить, что Россия пойдет на нарушение принципа территориальной целостности Украины, презрев гарантии Будапештского меморандума. Но то, что соотношение сил в европейском регионе на ближайшую перспективу уже складывалось не в пользу Украины, нельзя было упускать из виду. И необходимый дискурс в украинских СМИ присутствовал.

Да и мы в своей книге еще более чем за год до аннексии Крыма предупреждали, что в условиях кризиса однополярного мира усиливается влияние новых конкурирующих центров силы. Здесь и амбиции России (в так называемом «ближнем зарубежье»), и Франции (на севере Африки), да и Турции (на Ближнем и Среднем Востоке), которые, так или иначе, пытаются создать свои региональные зоны влияния. Но в реализации этих планов многое будет зависеть от следующих факторов. Во-первых, от масштабов и степени диверсификации экономики той или другой страны региона. Во-вторых, от интенсивности ее финансового и экономического взаимодействия с другими полюсами силы. В-третьих, от масштаба и боеспособности ее обычных вооружений (ядерный потенциал скорее играет сдерживающую роль). И, в-четвертых, от способности и решимости великих держав интегрировать свое

«ближнее зарубежье». Перспективы для Украины по всем этим показателям виделись нами не обнадеживающими: «по всем четырем параметрам Украина проигрывает России, а перспективы евроинтеграции все еще недостаточно четкие. Таким образом, перед Украиной во все большей степени вырисовывается перспектива не просто периферии капиталистической мир-системы, а «двойной периферии» — где Россия будет представлять собой периферию Европы, а Украина — периферию России» [20].

А ведь так и случилось, да и ситуация после аннексии Крыма лишь подтвердила высказанные ранее опасения. К тому же Россия стала более откровенно и вызывающе позиционировать себя по отношению к Евросоюзу, а потому, наверное, будет более уместно говорить о ней как «полупериферии» современной мир-системы. Но тот факт, что дальнейшая судьба Украины продолжает решаться в формате переговоров то «четверки» (Украина, США, Евросоюз и Россия) а то и «тройки» (Украина, Евросоюз и Россия) — все это свидетельствует и о том, что ситуация Украины как «двойной периферии» в 2014 году продолжала во многом сохраняться. И не в последнюю очередь из-за позиции Европейского Союза (в Женевских соглашениях даже был снят вопрос об аннексии Крыма). Более того, эта ситуация, вероятно, во многом может оставаться такой вплоть до вступления Украины в каком-то отдаленном будущем в ЕС или НАТО. Кстати, если бы темой референдума в начале апреля 2014 года была проблема интеграционного выбора Украины, 54,5% всех опрошенных поддержали бы вступление в Европейский Союз, в то время как присоединение к Таможенному союзу готовы были поддержать 23,9% граждан Украины [21].

Все прочие варианты «финляндизации» Украины, по нашему мнению, будут лишь консервировать нынешний статус-кво «двойной периферии».

1.2. В зоне «двойной периферии»

Конечно, лестно утешать себя тем фактом, что широко известное изречение Леонида Кучмы «Украина — не Россия» все-таки утвердилось и закрепилось в сознании зримого большинства украинских граждан. Евромайдан засвидетельствовал, что этап «идентичности сопротивления» мы в основном прошли. Однако злобу дня ныне определяет необходимость разработки «идентичности проекта будущего». Придавая особое значение этому документу, Президент Порошенко отмечал: «А что нам надо конкретно сде-

лать, чтобы жить свободно, жить безбедно, жить в мире и безопасности? Это все написано в соглашении о политической ассоциации и зоне свободной торговали с Евросоюзом. Мы вместе прилагали усилия к этому документу. Теперь мечтаю воплотить его в жизнь, а для этого нам нужно как можно быстрее подписать экономическую часть соглашения» [22].

Конечно же, речь не идет о наличии Соглашения «на бумаге», а, что более значимо — восприятие его в сознании граждан как «своего». Лишь только появление «проекта будущего», воспринятого общественным мнением Украины, могло бы засвидетельствовать появление в нашей стране не просто «правящего класса», а настоящей «национальной элиты», которая достигла определенного консенсуса вокруг ключевых проблем текущего момента: государственность, демократия и евроинтеграция. Консенсуса элиты и в своих рядах, и консенсуса общенационального. И это было бы едва не лучшим свидетельством легитимности власти.

Важность Соглашения об ассоциации Украины и Европейского Союза трудно переоценить. Оно создает рамки для сотрудничества между договаривающимися сторонами. Ту сферу сотрудничества, которая затрагивает развитие политических, торговых, социальных, культурных связей и укрепление безопасности. Соглашение об ассоциации Европейский Союз, как правило, заключает в обмен на обязательство осуществления политических, экономических, торговых или судебных реформ. И лишь при выполнении этих условий ассоциированное государство может получить беспошлинный доступ к некоторым или всем рынкам ЕС (в частности к рынку сельскохозяйственных продуктов), а также финансовую или техническую помощь.

Все это так, но Соглашение представляет собой документ на тысячу страниц, который, понятное дело, никто из простых граждан Украины читать не будет — это дело специалистов. Однако исполнение этого документа будет затрагивать каждого, а в краткосрочной перспективе жизнь вряд ли станет лучшей, поскольку любой процесс адаптации всегда болезнен. И к этому мы должны быть готовы. Улучшение может наступить только в среднесрочной, а то и долгосрочной перспективе. И чтобы стойко перенести краткосрочный период адаптации, необходимо хотя бы в общих чертах понять, что иного не дано, что любые полумеры будут лишь ухудшать ситуацию и оттягивать процесс оздоровления.

А для этого необходимо осознать, что нынешнее украинское общество тяжелобольное, что оно пребывает в фазе обострения кризиса. А кризис, как известно, в переводе с греческого — решение,

поворотный пункт, или состояние, для которого существующие до того средства достижения цели в существующих условиях становятся неадекватными.

С одной стороны, мы должны прийти к пониманию того, что нынешний мир жестокий, высококонкурентный и по большому счету несправедливый. Капиталистическая мир-система объединяет в себе три составные: ядро, полупериферию и периферию. Между ними складываются отношения «зависимого развития»: путем неэквивалентного обмена выигрывает ядро (развитые капиталистические страны); периферия проигрывает («третий мир»), а полупериферия (например, так называемые страны БРИКС — Бразилия, Россия, Индия и Китай и ЮАР) занимают промежуточное положение. Как мы уже отмечали выше, в силу специфики, и в этом трагизм ситуации, Украина пребывает в зоне «двойной периферии».

Однако, с другой стороны, как отмечал Президент Украины, «европейская демократия для меня — лучший способ государственного правления, изобретенный человечеством». А потому нечего и удивляться, «что в отличие от нас страны европейского сообщества построили экономику свободной конкуренции. Новых идей, деловой инициативы, упорного труда, постоянного самосовершенствоания. Так будет и в Украине» [23].

А пока что приходится исходить из того что есть — учитывая особенности периода «дикого капитализма» и специфику олигархически-бюрократического корпоративизма, господствующего в нашей стране на протяжении двух десятилетий независимости. При таком наследии стране мировой периферии не позавидуешь — она фактически была обречена на режим выживания в роли «внутренней колонии» своих же таки олигархов и международных транснациональных кампаний, которые выкачивали из нее финансы, переводя их в офшорные зоны. Хотя все это самоочевидно и тяжело ощущаемо населением Украины, однако сегодня, когда мы полны решимости вступить в новый этап своего развития, не лишне будет и проиллюстрировать глубину и распространенность поразившего нашу страну кризиса.

Так, исследуя объемы незадекларированных мировых финансов по заказу международной неправительственной организации «Tax Justice Networks» (Сеть налоговой справедливости) экс-главный экономист «McKinsey&Co» Джеймс Генри сообщает, что за 20 лет независимости Украины на офшорные счета было выведено 167 млрд дол. (при этом Генри считает свою оценку консервативной, поскольку она учитывает только экономические ак-

тивы, опуская недвижимость, яхты и предметы искусства) [24]. А еще в последнее время за границу из Украины было выведено 70 млрд дол. Об этом было заявлено Арсением Яценюком из трибуны Верховной Рады Украины: «За последние три года из финансовой системы Украины на оффшорные счета было выведено в общей сложности около 70 млрд дол. США. Выводились средства, которые брались как кредиты под государственные гарантии и воровались представителями предыдущего правительства» [25]. Что и говорить — одни только эти цифры ярко демонстрируют уровень деградации политической власти в Украине, приведшей к Евромайдану.

Конечно, здесь следует учитывать тот факт, что часть денег из офшорных зон до этого возвращалась в Украину в виде инвестиций, проходящих официально как «заграничные». То есть, денежные средства в принципе не растаяли как дым, они просто сменяли «порт прописки», и было бы справедливо, чтобы хотя бы некоторая часть из них была возвращена в виде налогов. Однако отдельные призывы ввести налог на приватизацию как-то быстро затухали в системе характерного для олигархического корпоративизма постсоветского пространства.

Украина в этом процессе не одинока. Из других постсоветских регионов также значительная часть средств была получена в итоге несправедливой приватизации государственных активов в «лихие» 1990-е годы, а затем выведена в офшоры. Как утверждает Джеймс Генри, из России, например, за два десятилетия также было выведено почти 800 млрд дол. через офшоры. И в этом процессе постсоветская бюрократия и западные «акулы капитала» нашли полное взаимопонимание. Описывая механизм их «сцепки», профессор Калифорнийского университета (Беркли) Мануэль Кастельс на примере России показывает, что «группы интересов» нуворишей — особенно менеджеры кампаний и правительственные аппаратчики, — которые возглавили процесс приватизации на постсоветском пространстве, удержали наиболее ценную собственность под своим контролем. При этом они занизили цены акций приватизированных кампаний с тем, чтобы предложить существенную прибыль иностранным партнерам в обмен на быстро полученные наличные, которые чаще всего оседали на их банковских счетах за границей.

Приложили руку к развалу постсоветской экономики и зарубежные научные консультанты вследствие безответственных рекомендаций на пути внедрения фундаменталистской политики свободного рынка со стороны Международного валютного фонда. Они

консультировали политически неопытных постсоветских экономистов, которые внезапно очутились на командных постах вследствие паралича государств «новой демократии», погрязших в запутанных интригах между политическими фракциями, где взыграли политические амбиции. В результате взаимодействия внутренних и внешних групп интересов, криминальная и полукриминальная экономика выросла до пропорций, невидимых в развитых индустриальных государствах, устанавливая связи с мировой криминальной экономикой и превращаясь в фундаментальный фактор как внутри страны, так и на международной арене [26].

Обозначенная модель общественной трансформации практиковалась практически на всем постсоветском пространстве, в том числе и в Украине. В итоге образовалась широкая зона «периферийного капитализма», которая целиком вплелась в систему экономической взаимозависимости, обеспеченную сетевыми информационными инструментами гибкого реагирования на уровне «давосских мальчиков» с целью принятия ими судьбоносных для мира решений. Однако технологически привлекательная для управления сетевая система современного капитализма оказалась не такой уж привлекательной в гуманитарной плоскости на уровне конкретного человека труда. Так, ей была совершенно безразлична дальнейшая судьба преимущественной части населения постсоветского пространства. Впрочем, как и судьба остального мира за пределами «золотого миллиарда». Судя по материалам упомянутого Дж. Генри, в современном мире глобальное теневое состояние принадлежит ныне менее чем 10-ти млн человек. При этом 9,8 триллионов дол. из общего объема средств на офшорных счетах владеют всего 92 тыс. человек. Так что налоговые поступления, недополучаемые из этих источников, могли бы быть достаточными для оздоровления экономического положения многих стран, в том числе и Украины. Однако это все в идеале.

Конечно, нельзя сказать, что ничего не делается вообще. Осуществляются, например, определенные практические шаги по наведению порядка. Так, агенты ФБР и сотрудники Министерства финансов США уже в 2014 году прибыли в Киев, чтобы помочь правительству Украины раскрыть финансовые преступления, совершенные правительством смещенного с поста четвертого президента Виктора Януковича, и попытаться вернуть вывезенные из страны миллиарды долларов. Как сообщил министр юстиции США Эрик Холдер, Соединенные Штаты — не единственная страна, старающаяся помочь Украине вернуть похищенные средства: «Правительства целого ряда стран выразили заинтересованность

в сотрудничестве в рамках международных финансовых сетей с целью раскрытия финансовых преступлений, совершенных предыдущим режимом, чтобы таким образом попытаться вернуть часть похищенных активов» [27].

Как сообщалось, в Женеве также было начато расследование в отношении и самого Виктора Януковича, и его старшего сына Александра. Их подозревают в «отмывании» денег. Евросоюз также принял постановление о замораживании активов еще ряда граждан Украины, подозреваемых в незаконном присвоении государственных средств и причастности к нарушениям прав человека. В конце концов, 29–30 апреля в Лондоне прошла двухдневная международная встреча по оказанию помощи украинскому правительству по возвращению выведенных активов. На этой встрече были высокие представители правоохранительных органов США, Великобритании, Австрии и т.д. С целью конфиденциальности во время закрытых встреч общались между собой только представители финансовых разведок 33 стран мира, которые могли поделиться между собой информацией о финансах Януковича и его окружения. Однако о результатах этой встречи можно будет судить лишь некоторое время спустя. Теоретически деньги вскоре можно вернуть Украине. Зарубежные страны готовы предоставить помощь для возвращения этих средств. Но реальность такова, что если Украина не представит информации об их преступном происхождении, то даже те средства, которые сегодня заморожены на счетах европейских банков, зарубежные страны вынуждены будут разморозить. [28].

А вот здесь возникают проблемы, поскольку в Украине должны определиться, кто же на правительственном уровне будет отвечать за возвращение денег. Самой большой проблемой оказалось то, что отсутствует координация правительства и правоохранительных органов. Да и кроме этого существует еще множество заторов. Профессиональные юристы, специализирующиеся по вопросам возвращения выведенных активов, обращают внимание на то, что есть офшоры с разными степенями защиты: в одних акции оформлены на предъявителя, а потому реального бенефициария установить невозможно, а в других — меньшая степень защиты, и можно увидеть, кто есть реальный держатель денег. Кроме классических офшоров, деньги могут находиться на заграничных счетах ЕС, США или Швейцарии. Основополагающим документом, на который можно опираться при выведении этих денег — это конвенция ООН о противодействии коррупции, которая была ратифицирована Украиной в 2006 году, и вступила в силу в 2010. Но

для ее успешной реализации необходимо собрать доказательную базу того, что тот или другой чиновник вывел деньги из госбюджета, а также что этот чиновник именно на этих счетах держит деньги, выведенные из бюджета: «И если этим позаниматься, то все это реально доказать. Другое дело, что мировая практика не имеет много положительных результатов» [29].

Весьма печальный для Украины вывод. В этой ситуации можно понять премьер-министра Украины Арсения Яценюка, который, возглавив правительство, откровенно заявлял, что государственная казна разворована и пуста, а потому он не может гарантировать улучшения ни сегодня, ни завтра: «Мы стоим перед невероятными экономическими вызовами, и чтобы их преодолеть, нет другого выхода, как принимать крайне непопулярные решения, которые будут касаться субсидий, тарифов, сокращения социальных программ, сохранения финансовой системы страны. В Украине вводится самая жесткая за всю историю украинской финансовой системы система контроля и сокращение бюджетных расходов» [30].

При сложившихся условиях возникает вопрос — существует ли вообще какая-либо возможность для Украины выйти из зоны периферии и, переместившись ближе к ядру капиталистической мир-системы, приобрести хотя бы статус полупериферии? В целом перспективы здесь не очень оптимистичны. Еще в 2009 году правительственные круги Украины были ознакомлены с материалами французских аналитиков. Из них следовало, что из 133 государств, которые заняли место в списке после «большой двадцатки» (G-20), всего 20 стран за последние 50 лет смогли сократить свое отставание от стран-лидеров. Остальные 113 государств не смогли продвинуться вперед. Более того — 43 из них владеют лишь формально государственной атрибутикой, попав в полную зависимость от транснациональных и региональных корпоративных кланов. Украина в то время пребывала в числе названных 113 отстающих государств и очутилась перед более чем очевидной угрозой попадания в число 43 квазисуверенных держав. И не в последнюю очередь из-за дефицита общественного доверия к государственным институциям, вследствие чего нет возможности вывести из теневого оборота как минимум 40% ВВП, или привлечь в экономику сбережения своих граждан, тщательно спрятанных от своего «родного» государства [31].

Конечно, в мировой практике были исключения, когда ядро капиталистического Запада считало целесообразным подключить какое-либо государство из зоны периферии или полупериферии

в зону ближе к центру. Так, например, в послевоенные годы мир был поражен немецким чудом, а за ним — японским, южнокорейским или тайванским. Однако здесь сработали составные феномена холодной войны — оккупационный американский режим плюс широкие инвестиции в инновационное или массовое производство сделали свое дело. Об этом весьма откровенно признал Крейг Калхун — президент американского Social Science Research Council, ведающего финансированием социальных исследований. Как он считает, существует заблуждение, согласно которому происходящее внутри страны целиком и полностью зависит от того, хорошо или плохо управляется, а значит и развивается это государство. На самом же деле «*успешное или неуспешное развитие отдельной державы во многом определяется не ее собственной волей к победе, а тем, чего от нее хочет остальной мир и насколько он позволяет ей успешно развиваться*. Вот вам пример. Если мы хотим объяснить экономический успех Южной Кореи, то, вероятнее всего, мы будем делать это, оперируя такими фактами, как высокая норма сбережений, трудовая дисциплина и удачная технологическая имитация. Однако на самом деле вы должны смотреть на расстановку политических и экономических сил в мире, которая привела к появлению у Кореи возможности достичь всех этих успехов» [32].

В нашем случае ситуация пока что противоположная. Со стороны Украины в последнее время активно демонстрируется готовность к принятию своеобразного «плана Маршалла», однако со стороны Запада какого-то внятного ответного сигнала пока что не поступало. Именно на этом факте акцентировал в 2014 году свое внимание председатель делегации Европейского парламента в комиссии парламентского сотрудничества «ЕС — Украина» Павел Коваль. Он напоминал о 13 миллиардах дол., полученных Европой от США после Второй мировой войны. После «революции роз» Соединенные Штаты не пожалели денег на реформы в Грузии. Однако отмечал он, после «оранжевой революции» в Украине 2004–2005 годов мир ничего не предложил Украине: «В конечном результате это закончилось Евромайданом, кровопролитием и потерянными годами на реформы. Сегодня нам нужен новый план Маршалла» [33]. Однако по состоянию на 2014 год это было лишь личное мнение депутата Коваля, но никак не Евросоюза.

В связи с неопределенным положением на вершине политической пирамиды Украины (отсутствие до 7 июня 2014 года легитимного президента), Брюссель стал маневрировать с подписанием Соглашения об ассоциации Украины и Европейского Союза — разбил его на часть политическую и экономическую. Не

исключено, что европейцы на то время сомневались в способности Украины реализовать Соглашение. Слабость украинской власти их просто пугала. В существующей кризисной ситуации выстраданное с такими муками Соглашение могло быть если не проваленным, то уж, во всяком случае, дискредитированным. Поэтому здесь, конечно же, нужны были соответствующие шаги с украинской стороны по пути утверждения демократии.

Характер выборов Президента Украины продемонстрировал консолидацию всех патриотических, проукраинских, проевропейских сил: «Вокруг идеи независимости, свободы, достоинства, правового государства, европейской интеграции объединилась вся Украина и все мировое украинство. Народ свое веское слово сказал. Во время революционных событий. При сопротивлении агрессии. Во время выборов. Теперь очередь — за нами, за властью» [34].

Но и власти здесь не позавидуешь. Не в последнюю очередь ей приходится искать достижения взаимопонимания и с лидерами Запада, и с отечественными представителями крупного капитала, и с разросшимся аппаратом управления. Приходится учитывать и фактор Майдана, который долго не расходился, хотя его изменившийся состав и не пользовался летом 2014 года тем общественным доверием, как в былые времена. Но и это не беда. Самое главное — следовало учитывать общественное мнение народа, вновь обретшего чувство собственного достоинства. Ведь к лету-осени 2014 года уже мало кто сомневался, что фактор Майдана стал постоянно действующим в нашей общественной жизни. Что при каждой новой ситуации на нем рано или поздно появятся новые движущие силы, которые вытеснят старые, отжившие, дискредитировавшие себя. Не приходится сомневаться и в том, что в случае обострения ситуации в стране сроки между Майданами будут сокращаться, а последствия мало кто сегодня взялся бы прогнозировать.

Этот настрой общественного мнения после президентских выборов в очередной раз взяла на себя смелость выразить Юлия Мостовая: «Кто-нибудь сознался в том, что нам нужны не столько идеи реформ — все уже давно разработано и описано — только выбирай, а нам нужны «смотрящие» от цивилизованного мира. Они нужны в Нацбанке для недопущения мутного рефинансирования и определения путей вымывания денег посредством акцизных марок; они нужны в Фонде госимущества для недопущения приватизационных конкурсных манипуляций; они нужны в Минтопэнерго для недопущения междусобойчика по дерибану ГТС, «Укртранснафты» и «Укрнафты» между верными короне олигархами; они нужны в налоговой службе для отслеживания условий

возврата НДС; они нужны в «Укравтодоре» для недопущения снятия процентов; они нужны в ГПУ для прекращения рэкета; они нужны в Госказначействе для препятствования откатам; они нужны в Антимонопольном комитете, который никак не узрит точку приложения сил в рудно-сырьевой, газораспределительной, авиаперевозочной, банковской и прочих сферах; они нужны в Минтрансе для предотвращения портовых и железнодорожных схем дерибана; они нужны премьер-министру для остановки всего вышеперечисленного, включая очередной масштабный передел собственности с благодарностью за способствование этому» [35].

Государство должно было незамедлительно определиться в этих вопросах, когда на Западе от украинского вопроса многие хотели бы избавиться, когда не то чтобы воевать за Украину, но многие не хотели даже нести экономические потери от санкций против России. Оставалось только надеяться на себя, да еще и приложить максимальные усилия и обрести уверенность в том, что «мы преодолеем все трудности. Отстоим территориальную целостность нашего государства, обеспечим мир и спокойствие. Нас уже никто не обратит в рабов криминала и бюрократии, в прислужников колониальных властей» [36].

1.3. Глобальное политическое пробуждение

Нет ли здесь какого-то элемента несбыточных надежд? Отнюдь нет. Как говорил в свое время Виктор Гюго, «можно противостоять нашествию армий, но нельзя остановить идею, время которой пришло». Закономерно возникает вопрос: а пришло ли это время? И другой вопрос: а какова же магистральная идея нашего времени?

Не претендуя на оригинальность, сошлемся на авторитет Збигнева Бжезинского. В ряде своих знаковых выступлений — в канадском Монреале (май 2010 г.), российском Ярославле (сентябрь 2011 г.) и французской Нормандии (октябрь 2011 г.) — он попытался дать ответы на предмет: 1) глобального политического пробуждения; 2) принципов глобального сотрудничества; 3) архитектуры будущего глобального управления. Магистральной идеей XVIII–XIX веков, считает он, была идея *свободы*. В XX веке — идея *защиты демократии от тоталитаризма*. А в XXI веке лидирующее место заняла идея *универсального человеческого достоинства*. Универсальность последней идеи состоит в том, что она, с одной стороны, вмещает в себе идеалы свободы и демократии,

а с другой — принципы уважения к культурному разнообразию и нацеленности на ликвидацию социальной несправедливости [37].

Что же представляет собой это «глобальное политическое пробуждение», которое подняло идею универсального человеческого достоинства? Ведь и в Украине, за оценкой Петра Порошенко, «победа Революции достоинства изменила не только власть. Страна сделалась иной. Иными стали люди» [38].

Каковы истоки и движущие силы этой революции? Каким образом она может повлиять на преодоление Украиной неприглядного статуса «двойной периферии». На наш взгляд, самым непосредственным образом. Ведь это пробуждение есть не просто бунтом против «дикого капитализма», а ни чем иным как восстанием периферии против ее эксплуатации со стороны «золотого миллиарда» в рамках существующей глобальной капиталистической мир-системы. И тому есть весомые доказательства.

Проблема социальной поляризации мира вообще не нова, она достаточно полно описана экспертами Римского клуба. Однако лишь в последние годы глобальное политическое пробуждение заставило по-иному взглянуть на поколение «миллениумов» — поколения молодежи, родившееся накануне XXI века — как на мощный политический фактор, бросающий вызов существующей системе общественного развития.

Уже XX век ощутил на себе гигантский сдвиг в системе «природа-общество-человек». Только за XX век количество населения увеличилось с 1,4 млрд человек до 6 млрд, а ныне в XXI веке оно достигло уже 7,2 млрд человек. Этот период отмечен серьезными изменениями в социальной структуре населения Земли: лишь только так называемый «золотой миллиард» людей развитых стран пользуется в полной мере достижениями современной культуры, а шестимиллиардная зона мировой периферии образует «полюс нищеты», страдая от голода, болезней и плохого образования. Эксперты прогнозируют, что когда население Земли достигнет 10 млрд человек (а это по экспертным данным предельное количество людей, которое наша планета может прокормить), население «полюса нищеты» уже достигнет 9 млрд человек, притом, что население «полюса благополучия», судя по всему, останется неизменным.

Следует учитывать и то, что каждый человек, проживающий в развитых странах, оказывает в 20 раз большее давление на природу, чем человек из развивающихся стран. За экспертными подсчетами, если каждый житель Земли будет потреблять столько, сколько средний американец, нам будет необходим объем ресурсов в размере... пяти планет. Поэтому общественность во все

большей степени выступает против потребительского отношения к жизни и за необходимость принятия модели устойчивого развития. Необходимо меньше использовать воды, бензина, леса, газа, меньше покупать вещей и т.д. Обозначенное касается непосредственно Украины. Состояния ее экологии плачевно, поскольку оно несет на себе печать мировой периферии: загрязнение окружающей среды непосредственно связаны с высоко затратной экономикой, низкой энергетической эффективностью и неиспользованием природных источников энергии, деградацией почв и низким качеством использования грунтов, увеличивающимися размерами индустриальных отходов, загрязнением питьевой воды, необходимостью сохранения биоразнообразия в стране.

Пути решения этих проблем на мировом уровне претерпели известную эволюцию. В наибольшей мере поиском концептуального решения глобальных проблем стали заниматься ученые, в частности под эгидой Римского клуба. Сначала выдвигалась идея *«органического роста» мировых экономики и культуры* как единого организма (М. Месаревич, Э. Пестель). Далее выход стали видеть в создании всемирных институтов *по контролю* над глобальными социокультурными и экономическими процессами (Я. Тинберген). Впоследствии дальнейшее развитие получила идея *глобального управления миром* из единого центра в форме «всемирного государства». В 1990-е гг. идея «мирового правительства» все же уступает место проектам *глобального сотрудничества* государств, при сохранении жизненно важной роли ООН (доклад «Наше глобальное соседство», 1996 г.). А уже в XXI веке все большее значение приобретает понятие *«глобальное гражданское общество»*, под которым понимаются все люди Земли, активно решающие глобальные проблемы там, где это не способны делать национальные правительства.

Но что такое «глобальное гражданское общество»? Бжезинский уточняет это довольно произвольно трактуемое понятие, выделяя из него наиболее радикальный, на его взгляд, революционный элемент. Прежде всего — это население мировой периферии, пребывающий в состоянии политического брожения. Под влиянием СМИ — газет, радио, телевидения, Интернета — активная часть населения третьего мира создает общность, охваченную чувством возмущения и зависти к «золотому миллиарду» и становится вызовом существующей глобальной иерархии во главе с Соединенными Штатами. Эти мощные социальные сдвиги — результат осознания населением мировой периферии беспрецедентного уровня социальной несправедливости, результат возмущения нищетой

и пренебрежения человеческим достоинством. Среди этого населения особое место занимает молодежь до 25 лет, заряженная нетерпением. Революционная заостренность этой группы рождается среди миллионов студентов, сконцентрированных часто в вузах довольно сомнительного интеллектуального уровня. Осознавая довольно низкий уровень профессиональной подготовки, и вместе с тем получая опыт общественно-политической деятельности, они готовы к самым радикальным шагам. Как пишет Бжезинский, «потенциальные революционеры, они представляют собой эквивалент боевого пролетариата XIX и XX столетий» [39].

Этот контингент и является движущей силой глобального политического пробуждения. Бжезинский акцентирует внимание на том, что оно является глобальным по своему географическому измерению, всеохватывающим по социальной структуре (за исключением отдаленных общин в сельской глуши), разительно юным по своему возрастному составу, а потому открытым к политическим призывам, которые поступают из транснациональных источников, вследствие синергетического влияния грамотности и средств массовой коммуникации. В результате воздействия СМИ современные политические пристрастия могут быть разогретыми и направленными даже на весьма отдаленные цели, невзирая на отсутствие такой объединительной доктрины, как марксизм.

Создавшаяся обстановка вызывает нервозность среди сильных мира сего. Это нашло свое отражение в докладе под названием «Миллениумы», вынесенном международной консалтинговой фирмой Deloitte на обсуждение международного экономического форума в Давосе в 2014 году. В докладе «миллениумами» названо тех, кто родился позднее 1983 года. До 2025 года они будут составлять 75% всей рабочей силы в мире, а значит, именно от них во многом будет зависеть дальнейшее существование человеческой цивилизации.

Представленный этой фирмой анализ показывает, что репутация, как государства, так и бизнеса среди молодежи на сегодняшний день крайне низкая, хотя лишь сотрудничество государства и бизнеса, с одной стороны, и гражданского общества — с другой, только и могут обеспечить решение наиболее серьезных социальных проблем. В этой ситуации как никогда вырастает роль организаций гражданского общества, способных генерировать достойные идеи. Однако, как это ни прискорбно, до сих пор они не имеют ни достаточных средств, ни надлежащей инфраструктуры для достижения своих целей. Именно поэтому миллениумы во всем мире требуют изменений, и с их требованиями трудно не согласиться.

Дискуссии в Давосе 2014 года подтвердили преемственность уже довольно-таки определившегося курса Запада. Прежде всего — снятия социального напряжения широких слоев обездоленного населения. Как выход из существующей ситуации, по мысли главы Международного валютного фонда Кристин Лагард, ключевой и определяющей задачей экономического развития ведущие аналитики видят необходимость роста среднего класса в мире, способного обеспечить консолидацию гражданского общества с учетом появления социальных сетей, нарастающей миграции и необходимости смены концепции гражданства в современном мире. То есть, мир нуждается в новых социологических подходах при анализе доминирующих глобальных трендов [40].

Результирующие выводы консалтинговой фирмы сводились к тому, что ответственность за общество впредь нельзя возлагать только на правительство. Бизнес-лидеры также должны во все большей степени предлагать молодежи уникальный набор знаний и умений, которые только в соединении с финансовыми ресурсами как государственного сектора, так и неправительственного сектора имеют возможность создать могущественный инновационный микс. В итоге, на Всемирном экономическом форуме была поставлена задача «Изменить мир», содействуя: 1) инновационному мышлению; 2) развитию инновационных навыков; 3) достижению реальных позитивных результатов. То есть, в работе с молодежью слова никоем образом не должны расходиться с делами. Ведь только на пути практического воплощения в жизнь реальных экономических и политических реформ есть возможность восстановить веру миллениумов — новейшей рабочей силы и выдвинутых из ее среды будущих лидеров [41].

Как обстоят дела в Украине? Удельный вес молодежи в общественно-политической жизни страны объективно должен возрастать. Но вызывает тревогу то, что во время первого двадцатилетия независимости произошло шестимиллионное сокращение населения Украины, а ныне эта печальная цифра достигает семи миллионов. Смертность опережает рождаемость. К тому же на рынок рабочей силы постепенно выходят люди, рожденные во время демографического кризиса 1990-х годов, что обостряет ситуацию. Если в 2000 году насчитывалось 11 млн детей в возрасте до 14 лет, то уже в 2009 их количество сократилось в два раза — до 6,5 млн детей. Система образования одной из первых ощутила необходимость глубоких реформ, когда в 1990-х годах в одночасье опустели детские сады при наличии 14 миллионов пенсионеров.

Когда страна вошла в нулевые годы XXI века, в Украине трудилось только 44% жителей страны (чуть больше 20 млн). К тому же в молодежной среде происходит угрожающее расслоение. С одной стороны, молодежь пытается избежать трудоустройства в промышленном секторе, где тяжелая работа связана с риском здоровью и жизни. Она отдает преимущество финансовому и офисному сектору, торговле и государственному управлению (несмотря на невысокий уровень заработной платы). И это нельзя осуждать — таково есть веление времени.

Но при этом следует учитывать, что заработная плата «белых воротничков» в Киеве в среднем вдвое ниже, чем в столице России и в четыре-пять раз ниже, чем в Великобритании. Все это отражается на производительности труда. Согласно социологическим опросам, около 42% граждан Украины признают, что могли бы трудиться лучше, если бы при этом увеличилась их заработная плата. Около 8% признаются, что на работе они откровенно отлынивают от выполнения обязанностей. И только 15% наших соотечественников считают, что выкладываются на все 100% [42].

Спрашивается, нужно ли удивляться, если по опросам кадрового портала HH.ua 44% офисных работников Украины собираются уехать работать в другие страны. Еще 52% задумываются над этой перспективой, и только 4% не планируют никуда уезжать. Наиболее распространенные причины миграционных настроений таковы: низкая заработная плата (41%), отсутствие перспектив (36%), невозможность профессиональной реализации (32%). Еще 29% стремятся уехать из-за нестабильности политической ситуации в стране, 26% мечтают о более высокой заработной плате, а еще 12% собираются открыть в другой стране свой бизнес [43].

В этих условиях, пишет Мануэль Кастельс, при помощи современных информационных технологий, ведущие транснациональные кампании могут отыскать и нанять необходимых для фирмы людей, если они, даже, условно говоря, будут находиться в Сахаре. И наоборот, эти фирмы не интересуются теми людьми и регионами, которые не втянуты в современное инновационное или массовое производство, где люди не представляют собой интереса для глобального капитала ни как производители, ни как потребители. Отчаянные попытки некоторых такого рода регионов мира стать частью глобальной экономики, избежать маргинализации наталкиваются на то, что международная организованная преступность пытается использовать их для укрепления позиций мировой криминальной экономики [44].

В сфере промышленного производства этот сегмент рабочих мест занимают специалисты, которые при других обстоятельствах не имели бы вообще шансов устроиться на работу. Отсутствие конкуренции со стороны более образованных снижает их мотивацию к повышению профессионального уровня — ибо заменить этот контингент малоквалифицированной рабочей силы практически некем.

В итоге на рынке труда Украины зримо проявила себя трещина общего глобального раскола: между традиционным индустриальным «родовым» трудом, с одной стороны, и «самопрограммированным» трудом нового информационно подготовленного поколения — с другой. И линию водораздела между ними, которая углубляется, проложило образование. Для представителей «самопрограммированного» труда на первый план выходит образование как возможность и способность «перепрограммировать» себя соответственно к бесконечным изменениям и новым задачам в процессе усовершенствования и усложнения производства. Однако, для этого контингента необходимо новое инновационное производство. А вместо него в Украине все еще работает старое, оставшееся от советских времен «трофейное» оборудование, на котором работают представители «родового» труда, которых ничто не стимулирует к «самопрограмированию» и повышению уровня знаний.

Отмеченные тенденции характерны не только для Украины, но и для всего остального мира — ситуация экономической депрессии всегда и везде отрицательно сказывается на судьбах молодежи. Так, Лайза Кан, экономист Йельской школы менеджмента, сравнила карьеру выпускников университетов, закончивших учебу в годы высокой безработицы, с карьерой тех, чей выпуск пришелся на период экономического подъема. Те, кому не повезло, показывали значительно худший результат, причем не только в первые годы после окончания университета, но и на протяжении всей жизни. Комментируя обозначенную тенденцию, лауреат Нобелевской премии Пол Кругман пишет: «это разрушающий эффект продолжительной безработицы: если людей долгое время остающихся без работы, начинают рассматривать как неспособных ее найти, в долговременном плане это приводит к сокращению эффективной силы экономики, а следовательно, к уменьшению ее продуктивности. Примерно в таком же положении оказываются выпускники университетов, вынужденные соглашаться на работу, не требующую полученных при учебе профессиональных навыков: время идет, и они могут обнаружить, что низведены до уровня неквалифицированных работников, по крайней мере, в глазах потенциальных работодателей, что делает образование ненужным» [45].

Проблема усугубляется тем, что когда — и если — экономика, наконец, начнет восстанавливаться, она столкнется с ограничениями производственной способности. Становится ясно, что без смены политического курса экономика еще долго будет оставаться слабой. И такая тенденция уж никак не радует нынешнее руководство Украины. Десятки и сотни тысяч людей постоянно находят и теряют свое рабочее место, часто скатываясь в структуры теневой, если не криминальной экономики. Все это отражается на личностных кризисах, провоцирует болезни, тяготение к наркотикам/алкоголю, угрожает потерей сбережений и попаданию в кредитный капкан. Увеличивается прослойка людей, где грань между социальным исключением и ежедневным выживанием все больше размывается. Часть бывшего советского сегмента специалистов и научно-технических работников все еще пытается удержаться на плаву, не скатиться к уровню люмпенизированной рабочей силы социально недееспособных людей. Вместе с тем, выстраивается настоящая спираль выталкивания людей из производственного цикла (да и настоящего социального исключения), которая ведет к личностной деградации.

Раскол в социальной структуре рабочей силы внес с собой и политическое противостояние образованной, с одной стороны, и малообразованной молодежи — с другой. Он зримо углубляет размывание не только остатков классовой, но и национальной солидарности. Более того, этот ценз провоцирует социальное исключение целых потенциально богатых высокообразованных сегментов общества, чьей ценностью до последнего времени пренебрегали, чья значимость как производителей/потребителей была не затребована или примитивно игнорировалась. И наоборот, малообразованная молодежь депрессивных районов примитивно использовалась в роли «штурмовиков» массовых мероприятий. То есть, образно говоря, по одну сторону баррикад на Евромайдане мы увидели студенчество ведущих университетов, а по другую — малообразованную молодежь депрессивных регионов страны, так называемых «титушек».

Вот этот клубок проблем и привел к тому, что объективно миллениумы политизируются ежедневно и ежечасно. Одни стали понимать, что если не возьмутся за политику, то политика возьмется за них. Ведь не зря одним из наиболее часто используемых понятий во время интервью на Майдане было «ДОСТАЛИ». Однако есть и другие — молодежь, которая живет «по понятиям», которые привили им кураторы депрессивных регионов. И одни, и другие поставлены перед выбором альтернативы: какая система власти и форма государственности является для них наиболее приемле-

мой? Судя по всему, узкоспециализированный труд, связанный с индустриальным производством, с конвейером — тяготеет к политике «сильной руки». И наоборот: «самоорганизованный» труд информационного общества тяготеет к децентрализации властных полномочий и образования современной геометрии власти.

Осмысливая пережитое, можно ли было в этой ситуации ставить вопрос: «кто кого»? Ведь это — два контингента преимущественно молодых граждан одной и той же Украины? Именно им было суждено жить вместе и адекватно ощущать на себе «общность исторической судьбы». Нужно было уж очень постараться, чтобы разбудить ненависть в этих молодых сердцах, преследуя свои корыстные интересы и отсекая тем самым Украину от цивилизованного мира. А потом еще и обвинять миллениумов в экстремизме! Такое поведение никак не коррелируется с феноменом «глобального политического пробуждения».

Нынешнее руководство Украины проявляет все большую обеспокоенность тревогой, вызванной экономическими кризисами и социальным выталкиванием граждан вплоть до исключения. В иннаугурационной речи Президент Украины четко обозначил будущий магистральный тренд достижения общественной консолидации: «Наличие работы — это то, что дает человеку жить безбедно. Наибольшее профессиональное удовольствие я поныне получал именно от создания новых рабочих мест. Что может утешать человека больше, чем труд и достойная его зарплата? Рабочие места должны организовывать предприниматели. А вот дело главы государства — это обеспечение таких условий, когда никто и ничто не мешает работать. Государство ценит вклад работодателя и налогоплательщика в экономику и социальную сферу. Обеспечение людей работой и достойной оплатой — это первая гарантия внутреннего мира и национальной безопасности. Хотя управление экономическими процессами относится к компетенции свободного рынка или Правительства, Президент как гарант Конституции обязан обеспечить условия для инновационной экономики и социальной справедливости. Справедливое распределение национального богатства — это насущное требование времени. Но прежде чем национальное богатство делить, его надо умножать» [40].

Таким образом, наше общество все больше приближается к консенсусу — его больше не устраивает авторитарная политическая мобилизация. Вопреки сложности и неоднозначности текущего момента, мы должны в Украине осознавать, что в долгосрочном плане лишь демократическое участие может быть наилучшей гарантией, как социального прогресса, так и политической стабильности.

1.4. Цивилизационный вызов

Было бы неправильно все беды Украины сваливать на войну и аннексию Крыма, хотя эти факторы и выступают катализаторами общественных процессов. Дело намного сложнее, и в то же время проще — речь идет о цивилизационном выборе страны, который пришелся на период водораздела тысячелетий.

Если вспомнить судьбоносный для Украины 1991 год, то тогда линия противостояния в обществе имела идеологический окрас борьбы коммунистов и либералов. Однако ныне пришли другие времена. Перелом XX и XXI веков в современном мире характерен отсутствием былого идеологического накала. Более того — в общественном сознании происходит замещение классических идеологий их гибридными суррогатами. Мир интегрируется, впитывая в себя разнообразные теоретические построения, часть которых — то уходит на периферию идеологической борьбы, то вновь привлекается в качестве составного ингредиента какого-то нового мутантного идеологического гибрида. Ярким примером тому может быть плотный и, казалось бы, противоестественный тандем бывшей «пролетарской» Коммунистической партии Украины с олигархической Партией регионов.

То же происходит во всем мире — бывшие левые коммунистические и правые радикальные партии давно уже интегрированы если не в политические структуры, то в идеологическое поле многих развитых стран Запада. Взять хотя бы выборы в Европарламент 2014 года. Они показали, что ультраправые и левацкие партии вошли в евроструктуры и стали, образно выражаясь, «одомашненными». Не потому ли Бжезинский и приходит к заключению, что главную угрозу нынешнему глобализированному миру представляет собой не одна из разновидностей утопического фанатизма (коммунизм, фашизм), как это было в XX веке, а внутренне присущая нашим дням турбулентная сложность самих социальных процессов. Это, так сказать, взгляд четырехлетней давности на поле противостояния с наблюдательной точки Запада, да еще и без учета авантюрной политики нынешней России.

Однако вид с Востока, а в нашем случае — с Восточной Европы, значительно отличается. Нарастание «гроздей гнева» в среде носителей глобального политического пробуждения и отсутствие какого-то консолидированного понимания адекватных ответов на вызов времени со стороны мировой иерархии — все это создает угрозу скатывания к международному хаосу. В Украине такой беспорядок уже налицо. И вызван он не в последнюю очередь тем,

что Украина стала пограничьем двух противостоящих цивилизаций: уже сложившейся Европейской, с одной стороны, и формирующейся Евразийской — с другой. То есть, главная черта уязвимости Украины — в ее роли «двойной периферии», когда Россия длительное время рассматривалась полупериферией Европы, а Украина — все еще окончательно не отошла от роли «периферии России». Иначе кто бы так долго терпел весь тот произвол, который происходит на Донбассе?

Сегодня ситуация зримо меняется. Всемерную поддержку получило заявление Президента Порошенко: «Граждане Украины не смогут чувствовать блага мира и безопасности, пока мы не урегулируем наши отношения с Россией. Россия оккупировала Крым, который был, есть и будет украинским. Во время встречи в Нормандии я именно так и сказал Президенту Путину — Крым является украинским. И точка. Ни с кем не может быть компромисса в вопросах европейского выбора и государственного устройства. А все остальное должно обсуждаться и решаться за столом переговоров» [47].

К сожалению многие в Европе не хотят видеть нарастающую угрозу Украине со стороны возрождающегося в России фашизма под сурдинку антифашистской риторики. Как убеждают нас события вокруг нарушения принципа территориальной целостности, ни одна из стран Запада пока что не в состоянии дать адекватный ответ на вызов России, который создает угрозу общей мировой безопасности. Те разговоры и заявления, которые касаются расширения общедемократических принципов международного сотрудничества, вряд ли могут передать собой наличие принципиально иной системы ценностей, которая активно пропагандируется ныне в Российской Федерации. Чего только стоит пассаж колумниста правительственной газеты «Известия» Игоря Караулова, который искренне восторженно изложил основы путинской идеологии таким образом: «Легитимно-нелигитимно, легитимно-нелигитимно. Легитимна сила. Легитимна воля. Легитимна стойкость. Легитимно отчаяние. А нормы международного права можете засунуть себе в задницу. Точнее: проверьте, пощупайте — они уже там. И всегда там находились» [48].

Это, увы, реальность сегодняшнего дня, та реальность, в которой мы живем в уповании на то, что в краткосрочной перспективе нам придется нелегко, скорее — трудно, а на улучшение мы можем надеяться в лучшем случае в среднесрочной перспективе. Даже, вероятнее всего, реально это может произойти лишь в перспективе долгосрочной. Обратимся опять к прогнозам З. Бжезинского:

«судьба России в дальнейшем не имеет в виду контроля над «половиной мира». Скорее, вопрос стоит таким образом — как ей пережить свою внутреннюю стагнацию и депопуляцию в контексте нарастающего Востока и более богатого (даже если он пребывает в состоянии растерянности и сомнений) Запада. *И именно поэтому **западная политика, направленная на поддержку более тесных связей Украины с ЕС является необходимой предпосылкой и стимулом для обеспечения в конечном итоге более тесного сближения и России с Западом. Это может не состояться при президенте Путине, но внутренние предпосылки для демократической эволюции в России нарастают и, с моей точки зрения, в конечном итоге перевесят»*** [49].

Сравнивая эти прогнозы Бжезинского четырехгодичной давности с нынешними событиями в южных и восточных областях Украины, невольно задаешься рядом вопросов. Первый из них: учитывали ли западные аналитики, что Россия не станет дожидаться установления более тесных связей Украины с ЕС? Более того, что РФ будет делать все, дабы не допустить их реализации и не создать тем самым «внутренние предпосылки для демократической эволюции в России»? А были ли произведены хоть какие-то расчеты на предмет того, выдержит ли украинское общество то напряжение, которое связано с ролью своеобразной шестерни, или приводного ремня, призванного стать «*необходимой предпосылкой и стимулом для обеспечения в конечном итоге более тесного сближения и России с Западом»?* Были ли предусмотрены какие-то гарантии для недопущения аннексии Россией украинских территорий — того же самого Крыма? Осмысливались ли на Западе какие-то меры для выполнения гарантий Будапештского меморандума 1994 года? А ведь от этого зависит, выживет ли Украина вообще в те два-три десятилетия, во время которых З. Бжезинский и другие западные стратеги планируют реализовать перспективу демократизации России? Как бы в краткосрочной перспективе Украине не пришлось изведать на себе правоту старой пословицы: «покамест травка подрастет, лошадка с голоду умрет».

А тем временем логика развивающихся событий не оставляет Украине какого-то зримого сегмента для маневра. С одной стороны — плохо прикрытая интервенция России с угрозой полной потери Украиной национального суверенитета, а с другой — суровая необходимость принятия правил игры ныне действующей глобализированной капиталистической мир-системы.

А правила игры, откровенно говоря, не скучны, и даже весьма напряженные. Сперва-наперво приходится учитывать растущее

социальное расслоение капиталистической мир-системы, когда представители наиболее обеспеченных слоев населения даже в развитых странах центра все больше отрываются от среднего класса. Приходится принимать во внимание и то, что если в странах «золотого миллиарда» удельный вес полученных населением благ оказался относительно заниженным, то в странах мировой периферии он стал просто мизерным. То есть, не особенно уповая на «манну небесную», мы должны осознать, что пропасть между теми, кому достаются плоды цивилизации, и всеми другими, в нынешнем мире продолжает углубляться. Причем как в масштабах отдельных государств, так и в международном масштабе. А так называемый «чистый рынок» является далеко не во всем совершенным механизмом, порождающим опасную для общества дифференциацию доходов и монополизацию экономики.

Да, было время, отмечает профессор А. Гальчинский, когда система активного государственного регулирования уберегла общество не только от чрезмерной дифференциации доходов, но и от проникновения духа рыночной психологии в сферу культуры, социального развития, частично и в политику. Однако ныне, «на интернациональном уровне эти противовесы... не только не действуют по объективным причинам, но и сознательно отрицаются: вся существующая институционная система мировых экономических отношений — механизмы МВФ, Мирового банка, СОТ и др. действуют на основе принципов либерализма, которые адекватны логике классического (ничем не ограниченного) рынка, и таким образом, реализуются в режиме рыночного фундаментализма» [50].

В итоге, мы должны осознать суровую реальность — практическая деятельность широкой сети нынешних международных финансовых институтов направлена в первую очередь на обслуживание интересов ядра капиталистической мир-системы. Именно отсюда проистекает и всяческое приспособление производственного, финансового и интеллектуального потенциала стран «периферийной» зоны, в том числе и Украины, к потребностям «центра» этой мир-системы. А потому именно отсюда проистекают и реальные, и возможные риски. Как отмечает Мануэль Кастельс, с одной стороны, глобальная экономика будет все время расширяться, сканируя при помощи информационных сетей всю планету в поиске новых возможностей получения прибыли. Однако, с другой стороны, «она будет делать это выборочно, объединяя значимые сегменты и *пренебрегая местностями и людьми, которые уже исчерпали свой потенциал, либо не представляют, на данный момент, никакого интереса*... Планета сегментируется на

четко различимые пространства, определенные различными временными режимами» [51].

То есть, рано или поздно каждый регион мира ощутит на своей повседневной жизни тот факт, исчерпала ли эта местность свой потенциал и представляет ли ее население какой-то интерес в роли производителей и потребителей для международных транснациональных кампаний. Если инвестиции в этот регион не поступают и такое не предвидится, то его население в лучшем случае может превратиться в своеобразную резервацию, где эти люди будут обречены на самопрокорм. Взять хотя бы за пример печальную судьбу Сомали.

Невольно возникает вопрос: не в этом ли кроется одна (хотя и далеко не единственная) причина всех имеющихся беспорядков и экстремизма в Донецкой и Луганской областях, пребывающих ныне на уровне третьего технологического цикла восьмидесятилетней давности с устаревшим еще советским оборудованием добывающей угольной промышленности? Эта нерентабельная отрасль в принципе не интересует современный мировой капитал. На наш взгляд, здесь срабатывает именно *фактор временного разрыва* — как в свое время ушла в небытие слава и удельный вес немецкого Рура, английского Уэльса, или американского Детройта, так и в Украине уходит былой престиж и значимость устаревших и уже вечно вчерашних технологий Донбасса. Его люди и ресурсы в нынешнем виде не привлекательны для зарубежных инвестиций и убыточны для отечественной экономики. Не в последнюю очередь именно поэтому один из последних губернаторов Сергей Тарута «публично развеял миф о том, что Донбасс кормит Украину, и, оперируя данными статистики, признал дотационность региона» [52].

Понятное дело, что население этого региона и не хочет смириться со своим положением. Однако, судя по общественным процессам, описанным М. Кастельсом, в современной капиталистической мир-системе ***регион Донбасса, если не прибегнуть к его глубокой реформе и коренной модернизации, обречен на выбор одного из двух курсов.*** *Первый — дрейфовать в глобальную криминальную экономику*, которая все более становится фундаментальной чертой XXI века: «Ее экономическое, политическое и культурное влияние будет проникать во все сферы жизни. Уничтожить это явление будет невозможно, разве что удастся ограничить его к допустимым размерам» [53]. И мы видим, как это все уже реально происходит в форме нелегальных «копанок» или вполне устоявшейся практики перераспределения государственных дотаций, львиная доля которых не доходит до шахтеров, а оседает в карманах олигархов и бюрократии.

Второй курс тоже уже вполне узнаваемый в современном мире — это взрыв идеологического фундаментализма. Он представляет собой реакцию на социальную отторгнутость. Как это происходит во всем мире, лидеры фундаменталистских движений «берут Коран, Библию или какой-то другой священный текст для интерпретации и использования его как флага своего отчаяния и оружия своего гнева» [54]. Подобного рода идеологические фундаментализмы, которые происходят из различных источников, представляют собой наиболее бескомпромиссный вызов экономическому фундаментализму современного глобального капитализма с его лозунгом: «Бабло решает все!».

А ведь этот стиль жизни рыночного фундаментализма могут принять далеко не все. И потому, играя на обострившихся протестных чувствах, расплодилась целая плеяда новейших политических «попов Гапонов» — своеобразных политических кураторов глубинки. Именно они обеспечивают обездоленный контингент депрессивных районов Донбасса экспортными заготовками идеологии православного фундаментализма в форме «Святой Руси» и «Русского мира». Пытаясь отвлечь людей от свободного политического выбора, или хотя бы возможности независимого анализа информации (к примеру, в том же Интернете) прыткие политтехнологи нагнетают в массовом сознании одного контингента населения чувства и групповые повадки фанатизма, где «кто не с нами, тот против нас». Либо, наоборот — среди законопослушных обывателей насаждается психология политического эскапизма, когда телевизионные передачи уводят от активной гражданской позиции, перегружают свои сюжеты бытовыми и семейными проблемами. Не понимая сущности происходящего в стране и мире, население депрессивных районов или замыкается в повседневных заботах, выплескивая час от часу энергию в бытовое насилие, или мобилизуется в массовые протестные акции против «Иных», пришедших из «других» регионов, и якобы зловредно разрушающих их традиционную и давно устоявшуюся жизнь.

Анализ подсказывает нам, что, как это ни печально, но сегодня приходится начинать практически с того же изначального пункта, что и в 1991 году. Если смотреть по большому счету, то в Украине, как и в других странах постсоветского пространства, так и не произошла буржуазная революция, разве что появился своеобразный гибрид феодально-криминальной олигархии. По сути дела на переломе веков осуществилась сегментация старого брежневского режима, которую кое-кто не прочь реанимировать и усугубить под сурдинку федерализации регионов и перераспределения наиболее

прибыльных отраслей экономики (банковское дело, газотранспортная отрасль, аграрный сектор).

По авторитетному мнению российского (ныне американского) исследователя Георгия Дерлугьяна, Советский Союз погиб не так от восстания низов под руководством диссидентов, и не настолько от того, что был расстроен извне — вспомним хотя бы призывы не разрушать СССР, исходившие от Буша-старшего или Маргарет Тетчер. Советский Союз развалился главным образом вследствие активных действий среднего звена советской номенклатуры, которая в условиях кризиса увидела шанс приватизировать наиболее рентабельные отрасли, а также от стремления руководства союзных республик и областей вывести из оборота центральной власти легко конвертируемые территории. «Скажем, представьте себе, если вы руководите газом, газовой отраслью, почему не превратить ее в капиталистическую корпорацию и не стать миллионером или миллиардером. Если вы руководите Туркменистаном, почему бы не превратить его в независимое государство и, таким образом, навсегда себя обезопасить от возможности, что вас снимут на очередном пленуме ЦК. Собственно это и произошло. И таким образом, получается, что система теряет целостность, распадается на сегменты. Это была сегментация, но при этом система не меняется внутренне» [55].

Закончился ли этот распад империи в 1991 году, или же этот процесс продолжается и по сей день? Как показывает практика, движется обозначеннй процесс, увы, не по дорожной карте Хельсинкских соглашений, где во главу угла поставлен принцип нерушимости границ. Об этом свидетельствует и факт объединения Германии, и опустошительные войны по разделу Югославии, и в том же ряду — аннексия Южной Осетии и Крыма со стороны России. Судя по всему, Россия на этом пути не остановится, пытаясь восстановить имперский статус абсолютистского государства, как это было присуще ее политике в прошлом. Что может ей помешать? Разве что можно уповать на то, что и мир, и Россия с тех пор кардинально изменились, налагая тем самым на произвол правящих кругов России значительные ограничения. Главным образом потому, что в былые времена в ходе завоеваний Россия могла пожертвовать неисчерпаемыми ресурсами крестьянства, пополнявшего армию исполнительными солдатами. Однако с тех пор произошли глубинные социальные изменения — рождаемость резко сократилась, подрывая человеческие ресурсы милитаризма. Как отмечает тот же Дерлугьян, «наша демографическая ситуация стабилизировалась, и сейчас она даже вызывает, скорее,

уже опасения. Потому что она начинает стагнировать. Боюсь, что это главная внутренняя причина, это наш ограничитель, который не позволяет повторить, как бы ни хотелось кому-то, опыт Петра, или Ивана Грозного, или Сталина. Просто некого жертвовать. Второй ограничитель, очень мощный, конечно, это мировая геополитика. Нет таких больших войн. Каждый раз Россия оказывалась нужна, когда во времена Ивана Грозного шли религиозные войны на Западе... На сегодня Запад достиг институционализации внутреннего мира» [65]. То есть, казалось бы, объективно перед Россией, по мнению Дерлугьяна, стоит задача построения индустриальной экономики нового типа на собственных ресурсах, балансируя при этом между Китаем и Европой. Учитывая при этом и подъем Китая, и то, что Европа если и не поднимается, то и не упадет в ближайшие сто лет.

Но это все из области благих пожеланий. А реальностью наших дней в Российской Федерации является то, что мысль об империи, по мнению С. Никольского (Институт философии РАН) всегда была и остается одной из самых ценных в идейном багаже: «***С крушением СССР империя исчезла. И ни власть, ни общество, похоже, не знают — чем жить дальше. Ответа нет, а число ошибок, неизбежных при отсутствии цели и смысла существования, множится день ото дня***». В результате анализа, даже с учетом того, что «долженствование по отношению к будущему справедливо вызывает улыбку», Никольский все-таки пытается предложить выход из создавшейся ситуации: «России пора перестать имитировать признаки империи. Эволюция российской государственности в форму национального (гражданского государства) в современных условиях возможна и необходима... Исторического опыта такого рода работы у нас нет. Но и империю воссоздать нельзя. Остается заняться созданием самих себя» [57]. Не ставя под сомнение порядочность и гражданственность автора, все же приходится констатировать: как это все похоже на лозунг времен Горбачева о том, что перестройку, дескать, надо начинать каждому с самого себя. Но когда еще этот ресурс гражданского общества — свободных людей — накопится и даст о себе знать в России?

Другой российский исследователь Виктор Макаренко (Южный федеральный университет), учитывая тяжелый груз имперского наследия, настроен менее оптимистично. А это наследие таково: «В советское время партия, армия и спецслужбы стали новым эксплуататором... В репрессивных органах сложилась особая полицейская точка зрения на факты и события социальной действительности, которая способствовала выдвижению полиции

на роль ключевого агента социального бытия. Категории науки в 1930-е гг. многое переняли у административных и полицейских организаций. Социальные науки превратились в «легавый марксизм»... Во взглядах 2/3 населения современной России сохранилась имперская компонента» [58].

За многие столетия имперской действительности была создана система русской власти, важнейшими составными которой стал *террор Ивана Грозного*, *бюрократизация Петра I, а также модернизация Александра II*. А поскольку русская власть всегда навязывала и навязывает до сих пор обществу эти традиции ради собственного усиления, а не решения социальных задач и достижения целей государства всеобщего благосостояния, В. Макаренко предлагает ***рассматривать терроризацию, бюрократизацию и модернизацию как органические составные части одного и того же процесса осуществления власти***. По его мнению, общую посылку можно сформулировать так: «под воздействием природно-климатического фактора в России возник специфический тип государства, которому не были свойственны хозяйственно-экономические функции. Роль государства в создании всеобщих условий производства всегда была минимальна. Господствующий класс уже на ранних этапах российской государственности был военизированным. Чем меньше был объем создаваемого обществом прибавочного продукта, тем сильнее проявлялась роль государственного насилия в процессе изъятия и концентрации этого продукта. В результате война стала средством производства» [59]. Важнейшим элементом такого строя был *институт «власти-собственности», который стал основой жесткого механизма изъятия совокупного прибавочного продукта.*

В свете изложенного становится понятной столь обостренная реакция Российской Федерации на попытки Украины покончить с наследием имперского прошлого, ухода из зоны «двойной периферии» с целью построения современного государства. Такой курс Украины объективно становится прямым вызовом российской действительности, а тем более идеологии «Русского мира».

1.5. Понуждение к «единству судьбы»

Не удивительно, что проблема национальной идентичности Украины стала определяющей для Майдана. Она постоянно присутствовала в ситуации конфликта, и ее температурный накал продолжает все более обостряться в связи с событиями на юго-востоке

Украины. Вопрос стоит даже шире: ныне идет глубинный поиск цивилизационной идентичности «проекта будущего» перед вызовом не только со стороны России, но и все более глобализирующегося мира. Однако вразумительного ответа на этот вызов пока нет, да и вряд ли он будет предложен кем-то в обозримом будущем. Судя из того, что «председатель Еврокомиссии Мануэль Баррозу договорился с российским президентом Путиным о проведении трёхсторонних консультаций в контексте готовящейся подписания соглашения об ассоциации между Евросоюзом и Украиной» [60], то первые шаги на пути Украины в Европу в начальной стадии становились итогом непростого многостороннего компромисса. И как всякий компромисс, он будет устраивать стороны «постольку, поскольку», но не навсегда. То есть, напряженность вокруг европеизации Украины вряд ли полностью исчезнет.

В чем не приходится сомневаться, так это в том, что в планах России будущего для Украины как национального государства вообще не предусмотрено. Россия преследует свой интерес — создания русского государства-цивилизации. Что это такое — тайна за семью печатями. Мы пока что исходим из того, что на встрече Валдайского клуба в сентябре 2013 года российские эксперты лишь поставили задачу определиться относительно того, «кто мы, с какой своей историей мы ассоциируем, являемся ли мы самостоятельной, но периферийной частью Европы и хотим ли ей быть»? Еще более остро стоял вопрос о том «куда мы (большинство российской элиты, населения) хотим идти». В итоге, в ответ на вопрос публициста Александра Проханова — существует ли вообще синтетический, интегральный проект «Россия?» — ответ президента Российской Федерации Владимира Путина был следующим: «Россия — это не проект, это судьба» [61].

Вне всякого сомнения, Россия как суверенное государство, сама решает, какой проект будущего она изберет себе. И вряд ли в мире кто-нибудь может однозначно предвидеть, какой судьбы ей не избежать. Нас же беспокоит тот момент, что в изложенной Путиным версии судьбы России, к превеликому нашему сожалению, заложено российское видение Украины, которое вряд ли разделяет большинство украинских граждан. Процитируем этот отрывок из суждений Путина по возможности наиболее полно, ибо дело того стоит. Вполне возможно, что именно в нем и содержится суть российской государственной доктрины в отношении Украины:

«По поводу Украины. Украина, без всяких сомнений, независимое государство. Так было угодно истории, так произошло. Но не будем забывать, что сегодняшняя российская государственность

имеет днепровские корни, как мы говорим, у нас общая днепровская купель, Киевская Русь началась как основа будущего огромного российского государства. *У нас общая традиция, общая ментальность, общая история, общая культура. У нас очень близкие языки. В этом смысле, я еще раз хочу повторить, мы один народ.*

Конечно, украинский народ, украинская культура, украинский язык имеют замечательные особенности, которые составляют идентичность украинской нации как таковой. И мы не просто относимся к этому с уважением, я, например, это очень люблю, мне нравится все это. *Это часть нашего большого российского мира, российско-украинского.* Но это так судьбе было угодно, что сегодня эта территория является независимым государством, и мы относимся к этому с уважением.

Кстати говоря, Украина к сегодняшнему своему состоянию шла долгим и тяжелым путем. Она была частью то одного государства, то другого государства, и в каждом из государственных образований части Украины не были привилегированными частями. Украинский народ прошел очень тяжелую судьбу, а вот объединившись в единую Русь, эта часть страны стала развиваться быстрыми темпами...

Повторяю еще раз: сегодня Украина — независимое государство, и мы относимся к этому с уважением. И конечно, выбор приоритетов, выбор союзников — это национальное, суверенное право украинского народа и легитимного украинского руководства» [62].

Мы не станем здесь детально анализировать этот достаточно изощренно сконструированный микс, где одно положение дезавуирует по существу другое. А тем более практика аннексии Крыма и подрывной деятельности на Донбассе показывает реальную цену слов Путина об уважении суверенного права украинского народа. Однако к вопросу об идентичности Украины и России. А сущность его, в конечном итоге, сводится к тому, что ***украинцы и русские якобы были и остаются одним народом, принадлежат к одному российскому миру, который, в силу обстоятельств, сейчас можно даже считать «российско-украинским» миром*** (последнее — инновационный прорыв, или обмолвка?), ***но в конечном итоге все же «российским»***.

Но поинтересовалось ли руководство России, каково мнение украинцев на счет принадлежности к «Русскому миру»? Для этого достаточно было обратиться к социологическим опросам. Так, по результатам опроса Центра Разумкова от 2005 года 24,5% респондентов полагало, что «Украина — единая наследница истории и культуры Киевской Руси», а 43,9% считало, что «история

Украины является неотъемлемой частью истории великого восточнославянского народа, как и история России и Беларуси». Кроме того, 3,8% придерживалось мнения, что «нынешняя история Украины начинается с Галицко-Волынского княжества»; 5,2% — что «с Запорожской Сечи»; 2,1% — «с распада царской Российской империи 1917–1918 гг.»; 7% — «началась в 1991 г. после провозглашения независимости»; 1,9 — «другое»; и, наконец, трудно ответить было для 11,6% опрошенных. Разброс мнений, как видим, захватывает достаточно широкий диапазон [63].

Не станем углубляться в то, кто из респондентов прав, а кто ошибается. Это же ответы не профессиональных историков, а простых людей. Дискуссии в их среде продолжаются, и это нормально, демократично. Даже среди профессиональных исследователей никто не может претендовать на истину в последней инстанции, хотя в научной среде и сформировалась уже определенная консолидированная точка зрения. Однако, пока она будет усвоенная широкими массами украинского населения — должно пройти определенное время. Скорее всего, это произойдет сначала среди школьников. А новое поколение, которое придет на смену, будет в большей степени единым в своем понимании исторического прошлого Украины. Собственно как и в понимании того проекта евроинтеграции, который, надеемся, будет в конце концов выработан новой политической элитой страны.

Однако в России и на счет своего прошлого, и на счет будущего уже сложилось вполне устоявшаяся казенно-государственная точка зрения. Свидетельством тому являлись состоявшиеся в 2012 году торжества, посвященные 1150-летию зарождения российской государственности. В выступлениях на юбилейных празднествах была затронута тема и украинской государственности. Она трактовалась как некое позднее ответвление от государства российского. Эта мысль вошла «красной нитью» в учебники и учебные пособия, энциклопедии, на которых и воспитывается новое поколение россиян. Возьмем для примера сайт, где «публикуются информации, ориентированные в первую очередь на студентов технических специальностей, специалистов экономики, маркетингу, банковскому делу, а также простых людей, которые желают улучшить свои знания в области экономики». Почему мы апеллируем к Интернету, а не к академическим изданиям? Потому, что формирование общественного мнения осуществляется сейчас в основном через два канала — телевидение и «мировую паутину». Телевидение — для массового потребления, а Интернет — для продвинутых слоев населения.

Итак, складывается впечатление, что если в мировой научной практике время формирования наций относится к периоду после Великой французской революции, то для материалов по истории России эти научные каноны не писаны. Вы спрашиваете почему? Приходится обратиться ко всему объясняющему ответу Фёдора Тютчева на этот феномен: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать — / В Россию можно только верить». Вот и приходится верить всему тому, что для студентов — экономистов и менеджеров — уготовила вышеупомянутая энциклопедия:

«Русская нация... возникла как нация с момента образования Русского (уже даже не российского! — *Авт.*) государства в середине IX в. Совокупность русских черт русской нации включает ее сравнительно длительное существование, огромную жизнеспособность, упорство, выдающуюся готовность ее представителей идти на жертвы, а также необычайное территориальное, демографическое, политическое, социальное и культурное развитие в течение ее исторической жизни...

Основополагающей идеей, национальной духовной русской нации на протяжении многих веков ее существования была идея единения русских земель... История свидетельствует, что становление и развитие русской нации не было гладким. Были периоды, когда она на время утрачивала свою государственную самостоятельность (татаро-монгольское завоевание), переживала глубокий духовно-нравственные кризис, падение нравов, всеобщий разброд и шатание (как в смутное время XVI в. или в период революции и гражданской войны начала XX в.). *В конце XX в. произошло ее разделение по политическим мотивам на Россию, Белоруссию, Украину в рамках СНД. Но преимущества сообщества людей, близких по крови и духу, неминуемо заставят политическое руководство этих стран искать и находить формы объединения.* Создание Союза России и Белоруссии, его расширение и углубление — убедительное свидетельство целесообразности данного процесса» [64].

Из этого пассажа российский, да и украинский читатель должны вынести одну якобы непреложную истину: украинское государство появилось лишь в конце XX в., да и то лишь в рамках СНГ, а потому и век ему свободы не видать, как только «находить новые формы объединения», близкие «по крови и духу». Что и было наглядно продемонстрировано во время «крымского вторжения» в начале марта 2014 года, когда «неизвестные» (со споротыми шевронами) на российских вертолетах и кораблях блокировали украинские воинские посты и захватывали аэродромы.

Со стороны украинцев возникает закономерный вопрос: что же беспокоит этих ревнителей «Русского мира», которые однозначно записали туда Украину, лишив ее возможности самостоятельного выбора? Оказывается, события в Украине воспринимаются ими сегодня даже не в драматическом, а прямо таки трагическом ключе: «Символом... распада русского мира служит сегодня Киевский майдан: где начиналась история русского величия, там она и заканчивается. Киев, как «мать городов русских» отрекся от своих детей». Отсюда и мрачные прогнозы относительно дальнейшей судьбы Украины: «украинский социум сегодня добровольно совершает на глазах всего мирового сообщества торжественный акт самоубийства, надеясь даже в своем страдании получить максимум наслаждения» [65].

Судя по всему, неприкрытая агрессия российских десантников, взявших в 26 февраля 2014 года под свой контроль ключевые позиции в Крыму, — это и есть пример российской миссии по спасению Украины от некоего «самоубийства». В разгадке вот этой самоотверженности русских десантников по выполнению своей «миротворческой миссии» обратимся к знатоку русской жизни, известному публицисту Алексею Широпаеву: «Все-таки в отношении русских к украинцам, к Украине таится что-то ключевое, судьбоносное — для нас, русских. Для украинцев Россия тоже значима, но только как точка отталкивания, помогающая осознанию своей, украинской одинаковости. Для русских же Украина, напротив, точка постоянного притяжения, ревнивого внимания, объект поглощения как чего-то «исконно своего» и переделки по собственному образцу и подобию. Ничто так не раздражает русских, как очевидные различия с украинцами в языке, менталитете, культуре, историческом опыте. Если русские и признают эти различия, то лишь на уровне различий, скажем, между Владимирщиной и Рязанщиной, но никак на уровне отношений двух разных народов... Надо сказать, что на словах русские всегда готовы признать, что украинцы — народ, но обратите внимание! — «братский» народ. За этой лукавой формулой кроется твердое убеждение, что мы — русские и украинцы — ОДИН народ, призванный жить в одном государстве со столицей в Москве» [66].

По Широпаеву, говоря о «братском украинском народе», большинство русских воспринимает украинский язык и само украинство как досадное историческое недоразумение, исторический вывих, возникший благодаря зловредному влиянию Литвы и Польши: «И при этом русские не задаются вопросом: а может вывихом-то являются они сами?» [67].

Воспринимается ли подобная пропаганда среди граждан Украины? К сожалению, отчасти воспринимается. Это особенно опасно в дни, когда широко тиражируемые в Интернете политтехнологи типа небезызвестного одессита Анатолия Вассермана (ныне обитающего в Москве) однозначно прогнозируют, что русский народ не оставит украинцев в беде, а потому «в отдаленной перспективе... Украину ждет освобождение от Галичины и воссоединение с остальной Россией» [68].

Направляется эта пропаганда, учитывая демографический фактор, в первую очередь для дезориентации молодежи. И это понятно: каковы бы ни были показатели зрелости и судьбы того или другого общества, все они — ничто в долгосрочной перспективе без демографического наполнения. Поэтому и в идеологической борьбе современной Украины между сторонниками «евроинтеграции», с одной стороны, и «евразийства» — с другой, апелляции к демографическому фактору, к его будущему — молодежи — зазвучали все настойчивей.

Последнее относится, например, к некоему Евгению Чернышеву, пропагандисту идеи «Русского мира» из Донецка. Выразив сомнение, что «Украина просуществует как отдельное государство в нынешних границах до 2100 г.», он прогнозировал, что населения «к концу века на Украине останется 23 млн, что ставит крест на самом существовании Украины как отдельного государства». Единственный выход, по его мнению, — повышать рождаемость, а здесь, дескать, без помощи со стороны России дело не сдвинется с места. Как это ни прискорбно, но писания этого пропагандиста были поддержаны со стороны кураторов науки. Председатель наблюдательного совета российского Института демографии, миграции и регионального развития Юрий Крупов вторил: «именно демография и является основанием для интеграции России и Украины, поскольку в одиночку Украина точно не сможет преодолеть демографическую катастрофу» [69].

Понятное дело, что суть вопроса не в заблуждениях того или другого доморощенного украинского эпигона «Русского мира» — каждый из них в меру сил или призвания, вольно или невольно, но действует в русле, направленном против статьи 17 Конституции Украины, которая гласит: «Защита суверенитета и территориальной целостности Украины, обеспечение ее экономической и информационной безопасности является наиважнейшими функциями государства, делом всего Украинского народа».

Однако, раз вопрос будируется, рассмотрим его несколько глубже — почему демографический фактор стал такой актуальный для

возрождения имперской России? В изданном в 2005 году исследовании «Стратегия демографического развития России» под редакцией В. Н. Кузнецова и Л. Л. Рыбаковского сказано: «При условии сохранения нынешнего уровня рождаемости и смертности и отсутствия миграционного прироста численность России сократиться к 2025 году не менее чем на два десятка миллионов человек. Но демографическая динамика в нашей стране может оказаться значительно хуже... В этом случае численность населения к началу 2025 года может сократиться по сравнению с 2005 годом почти на 30 миллионов человек. Составляемые демографическим департаментом ООН прогнозы представляют будущее России еще в более неблагоприятном свете: к середине настоящего столетия численность населения страны может оказаться в 1,5 раза меньше, чем в начале XXI века». Если сегодняшняя тенденция не измениться, то это значит, утверждает руководитель лаборатории системных исследований здоровья Государственного научно-исследовательского центра практической медицины, доктор медицинских наук, кандидат философских наук, член РАЕН Игорь Гундаров, «что через 80 лет, а может быть и раньше, русский этнос перейдет порог, после которого воспроизводство будет невозможно» [70].

Итак, получается, что в этом вопросе Украине ждать помощи от России не приходится. Более того — именно Россия не прочь бы решить свои демографические проблемы за счет украинского населения, которое в имперской практике всегда привычно рассматривалось как традиционный славянский демографический донор «триединого русского народа». Если кто не верит — обратитесь к мыслям профессора Сергея Караганова, декана Факультета мировой политики и экономики Высшей школы экономики (Россия): «Если ввозить рабочую силу, то под конкретные проекты. Завозите хоть из Китая, главное, чтобы они потом уезжали. Перераспределение населения внутри России — не очень сильная идея по той простой причине, что традиционно русское население не очень мобильное. К тому же у нас действительно сейчас нет, как было больше века тому назад, когда проходило добровольноне заселение Сибири, излишнего человеческого ресурса. Тем не менее, я думаю, что если будут создаваться экономические условия, то какое-то число молодых людей потянется сюда. Плюс ***нужно внимательно смотреть, на огромные ресурсы бывших республик СССР, имею в виду, прежде всего, русскоязычное население. Надо, чтобы российские региональные власти начали массовое привлечение людей с Украины. Украинский кризис — не только опасность и война, но еще и возможность»*** [71]. Есть ли

необходимость кого-то переубеждать в том, что заселение украинцами (пусть и русскоязычными — кто там будет проводить селекцию!) Сибири — неизбывная мечта любого околокремлевского идеолога.

В Украине есть понимание того, что эмоционально насыщенное отношение к нашей стране со стороны значительного контингента российского населения имеет под собой основание. Ведь украинцев (и белорусов) всегда, в том числе и в советские времена, считали — в отличие от представителей других национальностей — «нашими» первого порядка. Украинцы успешно ассимилировались в русской среде, что приветствовалось русскими. Однако то, что они сохраняли в своей среде особость, — все это со стороны русских выглядело как-то странно и бессмысленно. Хотя и не вызывало особого раздражения: дескать, со временем они все обрусеют. Да и власть политику русификации облекала в лукавую формулу «расцвета и сближения социалистических наций». Все это приводило к тому, что «реальная национальная политика советского государства лежала в русле имперской логики, что находило полное понимание среди населения метрополии».

Поэтому, с момента распада СССР в российском массовом сознании живет травма. Связана она, прежде всего, с тем, что в Беловежье Советский Союз распустили не представители Средней Азии или Кавказа, которых советское массовое сознание относило к несколько отдаленным «своим». Психологическую травму нанесло то, что решение о роспуске принимали, как оказалось, сами близкие — русские, украинцы и белорусы, — нанеся этим удар по базовой ценности «общности исторической судьбы».

Конечно, стресс от гибели империи, а затем и глубокие экономические неурядицы на какое-то время оттеснили проблему Украины в подсознание бывшего советского человека. Но осталась травма, не изжитая, и все никак не находящая себе модели своего практического разрешения. А тем временем новая эпоха стала предъявлять человеку требования, предполагающие работу в условиях риска и неопределенности. Кто не принимал этих требований, был обречен на маргинализацию и скромное доживание на ярком фоне бурлящей ярмарки тщеславия. К первому кто-то оказался неспособен, а второе представлялось другим вопиюще несправедливым.

На этой почве и начал обнаруживаться консенсус между определенными категориями населения, как Украины, так и России. Объединяющим их началом стала ностальгия по советскому прошлому, с его всё объединяющей уравниловкой. При этом в Укра-

ине не все учитывали, что ностальгия в России может быть только великодержавной. А именно этот комплекс великодержавия и стал включать в себя не только устойчивые рефлексы и привычные стереотипы в позиционирование России на международном пространстве, но и надежду на стабилизацию общественной жизни в форме хотя и скудного, но гарантированного «модус вивенди» с надеждой на возможное улучшение в каком-то отдаленном будущем. В итоге «распад имперского государства не был отрефлексирован, не был адекватно проработан общественным сознанием. В России не нашлось ответственной политической силы, которая отважилась бы заявить, что с точки зрения самосохранения и воспроизводства русского народа распад СССР явился самой крупной удачей за последние полвека» [72].

Для определенной части украинцев новая геополитическая реальность — государство Украина — тоже никаким образом не вписывалось как нечто суверенное, а лишь как часть «русского мира». В политических кругах обоих государств обнаружились влиятельные политические силы, которые стали подпитывать и использовать ностальгические настроения — скорее даже не в политических, а своекорыстных целях. Нельзя сказать, что это люди политически невменяемые, которые, дескать, не осознают катастрофичность любых форм реставрации. Однако, видимо жажда власти и денег превалировала в их сознании — «после нас, хоть трава не расти». И здесь Украине нечего обольщаться: «Как это веками происходило в России, власть делает ставку не на наиболее продвинутых, модернизируемых и адекватных стремительно развивающейся реальности, а на самых традиционализированных, обращенных во вчерашний день. Таков идейный и социально-психологический контекст, в рамках которого современное российское общество осознает феномен украинской государственности» [73].

Стоит ли удивляться, что при таком подходе, идея «общности исторической судьбы» Украины и России приобретает самые причудливые формы. А поэтому, в конечном счете, все зависит от самой Украины, от того, насколько вызрели и выросли в социальную жизнь страны, в политическую культуру нации идеи независимости, демократии и прав человека.

Конечно, с точки зрения науки, сама по себе империя ни хороша и ни плоха. В контексте исторического процесса ее следует оценивать как один из способов интеграции больших пространств. Уже начиная с эпохи Ивана Грозного, имперская идея вдохновляла элиту Московского княжества на создание великой державы.

Далее в течение четырех столетий все составные российского общества, с одной стороны, получали блага от существования империи, хотя, с другой стороны, несли и соответствующие тяготы. В том числе и украинцы.

Нет сомнения, что для многих «рожденных в СССР», его распад знаменовал тот непреложный факт, что имперская идея исчерпала себя. Однако, далеко не для всех. Что касается людей традиционного склада мышления, образ жизни которых сложился в рамках имперского бытия, их система мировидения и мироощущения воспринимались как нечто устойчивое, вечное и неизменное. И, конечно же, с этих позиций распад империи воспринимался ими как случайность, противоестественное течение событий, результат заговора враждебных сил, нашедших себе опору в лице «агентов влияния» внутри «нашего» общества. Конечно, этот среднестатистический советский человек что-то слышал на уроках истории, смотрел кинофильмы о петлюровцах и бандеровцах, а потому к твердым в своей национальной идентичности украинцам у него были свои счеты: якобы сохраняя свою идентичность, украинцы «обнаруживали злокозненное упорство в глупом заблуждении» [74].

Стоит ли удивляться, что и поныне из 1600 человек опрошенных «Левада-Центром» в 45 регионах РФ 44% полагают, что людей на акции протеста в Украине выводит «влияние Запада», 35% — «националистические настроения», и лишь только 8% — «стремление сделать Украину такой же цивилизованной страной, как и другие страны Европы», а еще 7% — «чувство гражданского достоинства» [75]. Киевский Евромайдан дал, казалось бы, однозначный ответ со стороны украинского народа на разнообразные украинофобские измышления. Беда лишь в том, что разнообразные «украинские этюды» в российских СМИ о какой-то «диктатуре бандеровщины», мешают адекватному восприятию русским читателем процессов, происходящих в Украине. И эта пропаганда, к сожалению, часто достигает своей цели: по итогам социологических опросов «Левада-Центра», 84% россиян расценивали акции протеста в Киеве как попытку государственного переворота, и лишь 4% воспринимают происходящее как «мирный протест» [76].

Что это — простодушное доверие к писаниям политтехнологов, или же все намного серьезней? Скорее и то, и другое, но инерция имперского стереотипа «общности исторической судьбы» Украины и России, которую, дескать, пытаются разрушить вражеские силы, внушает все же большую настороженность. Это еще одно свидетельство того, что имперское сознание вошло в плоть

и кровь постсоветского пространства, пронизало собой все уровни общественного сознания, отпечаталось на массовой психологии.

Конечно, было бы некорректно строить изложение материала на одном лишь противопоставлении Украины и России согласно модели: «МЫ — ОНИ». Хотя и этот момент всегда неизбежно присутствует в определении национальной идентичности того или другого социума. Однако факт остается фактом: между нашими народами и странами так много общего, что нет нужды даже ссылаться на избитые стереотипы об «общей православной Днепровской купели», или же о Киеве как «матери городов русских». Кстати, в летописях речь идет о городах «руських» (от Руси), а не «русских» (от России).

А реальная общность исторической судьбы — вот она! Достаточно оглянуться вокруг на цветочки и ягодки «дикого капитализма» в обеих странах, чтобы убедиться: не может быть простой случайностью разительное совпадение в годы независимости обеих государств этих громких коррупционных скандалов, наглого дележа госсобственности и передела частной собственности, рейдерских наездов, заказных убийств и таких же заказных расследований. За подобными совпадениями незримо стоит общность ментальных установок, устоявшейся практики и пропагандистских клише, унаследованных от имперского прошлого. И его необходимо преодолеть на пути построения современного демократического национального государства.

1.6. Перспективы модернизации

Перед Украиной во весь рост стала проблема найти оптимальную модель объединения двух общественных процессов — проведения модернизации и обеспечения социальной интеграции украинцев как политической нации, осознающей общность исторической судьбы. То есть, в полной мере стать современным государством с надлежащим уровнем безопасности. Имеются ли какие-то обнадеживающие тенденции и зримые перспективы в этом направлении?

Определившись выше, на какой фазе общественного развития мы находимся, мы осознали необходимость и неотложность задачи приобретения черт современного государства и модерного социального обустройства в условиях имперской угрозы со стороны России. Теперь самое время определиться в том, есть ли у самой Украины должное понимание того, что именно подразумевается

в существующем глобальном мироустройстве под понятием «современное государство» (modern state)? Ведь стремясь уйти от имперского давления России, мало кто из нас представляет себе все сложности и перипетии вхождения в европейское экономическое пространство. А потому попытаемся в тезисном порядке изложить основные проблемы, которые могут повстречаться Украине на пути создания «современного государства», отвечающего европейским требованиям.

В общественных науках в самом общем виде «современное» означает — демократическое, эгалитарное, научное, экономически продвинутое и суверенное государство всеобщего благосостояния. В этом государстве правители не только заботятся о своем народе, но и народ является для них источником вдохновения и руководства к действию, а прогресс государства основан на рациональной технологии и научном знании (Эдвард Шилз). Оно космополитично, мобильно, контролирует состояние окружающей среды, оно секулярно, приветствует перемены и характеризуется сложной системой разделения труда. Однако, это, так сказать, идеальная модель, которую трудно встретить в «чистом виде» в реальной действительности. Тем не менее, в научной литературе бытует мнение, что эта модель дает определенные ориентиры при осуществлении правительственной политики модернизации.

Что вызывает сомнения, так это широко распространенное положение западных теорий о том, что любая страна, если она будет придерживаться курса на модернизацию — совершая психологические, культурные, политические, социальные, институциональные и экономические изменения — в идеале может и должна стать похожей на развитые страны Запада. Как отмечают критики теории модернизации, «в основе этой теории лежит взгляд на мир, как на ряд стран, стоящих на разных уровнях развития. Примерно, как и в рамках теории эволюции Дарвина, в теории модернизации предполагается, что в каждый конкретный момент некоторые страны находятся в исторически более продвинутой фазе развития, чем другие... Однако данное положение порождает иллюзию, что все проблемы менее развитых стран, например Эфиопии, вызваны тем, что она просто находится на более ранней стадии развития, чем Великобритания. То есть, в идеале Эфиопия, если она все будет делать «правильно», может и должна стать Великобританией» [77].

Впрочем, реальные процессы, происходящие в мире, не подтверждают эту версию и недостаток этой теории, как говорится, лежит на поверхности. Наиболее серьезные критики указывали на то, что развитие той или другой страны нельзя рассматривать

изолированно: «Хотя страны являются независимыми, они все равно подвержены сильному взаимному влиянию. Развитие страны очень зависит от этого влияния, а не только от того, какое место страна занимает «на лестнице прогресса». Так, если вы хотите понять, что происходит в Эфиопии, вы должны спросить себя, как это связано с тем, что происходит в таких странах, как Великобритания, Франция, США и Россия. То есть, развитие Эфиопии определяется не только тем, какой модели развития она придерживается, но и тем, как на ней сказывается это влияние» [78].

Этот процесс описан в «теории зависимости» (Фернандо Кардозу). Основная проблема, с которой сталкивается «модернизируемая» страна — возникновение ее глубокой зависимости от стран-доноров. И Украине этот момент следует учитывать, ибо помощь, которая предоставляется модернизируемой стране для преодоления трудностей в начальный период, в конце концов, может возводиться в ранг долгосрочной политики. В итоге у страны, которая получает эту помощь от развитых стран, постепенно возникает определенная зависимость от этой помощи. Не приходится удивляться, что правительство развиваемой страны вынуждено все более ориентироваться не на волю своего населения, а на пожелания стран-доноров и на поддержание с ними эксклюзивных отношений. Такая практика зависимой страны может привести к накапливанию больших внешних долгов и, в конце концов, к долговым кризисам.

Таким образом, в первой фазе участие более развитого государства в экономике развивающегося государства приводит к видимым положительным сдвигам — что-то начинает строиться и работать. Но в долгосрочной перспективе это может оказаться ловушкой — достигнув определенного уровня, зависимая страна может перестать развиваться, так как старается делать только то, что от нее хотят, а потом уже не может перешагнуть через установленные барьеры. Примером тому может служить Аргентина, которая в начале XX века была одной из пяти самых богатых держав мира, но потом, выстраивая свою экономику исключительно на экспорте сельскохозяйственных продуктов и натуральных ресурсов в индустриально развитые страны, постепенно экономически деградировала. Сегодня, преодолев системный кризис 1990-х годов, Аргентина оказалась глубже интегрированной в глобальную производственную систему, а потому к ней применимо многое из того, чего достигла Бразилия.

То есть, неоднозначность процесса модернизации при содействии развитых стран-доноров вовсе не означает непринятие этого

курса для Украины. Ведь реальная практика дает и другие, положительные примеры. Во-первых, необходимо учитывать, что режим опеки не всегда устраивает и развитые страны, поскольку слишком часто приходится давать займы развивающимся регионам во время периодических экономических кризисов. Поэтому здесь много зависит от политической целесообразности развитой страны к оказанию экономической помощи менее успешной, с учетом, конечно же, геополитического фактора. Лучший пример тому — успех плана Маршалла, в котором были заинтересованы и США, и Европа. Послевоенной Европе важно было положить конец вражде между странами, которая терзала континент на протяжении нескольких веков. Ведь известно, что чем интенсивнее происходит экономическое и цивилизационное развитие в регионе, тем успешнее решаются старые конфликты. А когда дело доходит до экономической интеграции, то бывшие враждующие страны и вообще утрачивают желание воевать друг с другом.

А тем временем холодная война, породившая НАТО и Варшавский договор, довольно наглядно показала, что реальный мир был и остается местом, где по-прежнему решающее значение имеет военно-политическая мощь. Поэтому, пойдя на определенные экономические издержки в Европе при реализации «плана Маршалла», США очень выиграли от обеспечения политической стабилизации, расширения и укрепления капиталистического мира в этом важном для себя регионе мира. Да и Европа в послевоенные годы была обеспокоена, прежде всего, вопросами безопасности, а потому была заинтересована не только во внешних займах, но и в присутствии американского воинского контингента. То есть, доминировала проблема безопасности, и она оставалась таковой до тех пор, пока европейские страны все еще чувствовали себя пространством, зажатым между США и СССР.

А между тем реальные шаги по европейской интеграции все еще длительное время не приносили ожидаемых результатов. «Химическая реакция интеграции» стала ощущаться лишь после того, как европейцы, решив проблемы безопасности, почувствовали себя менее зависимыми от непосредственной американской опеки. Более того, настоящая глубинная интеграция в рамках ЕС началась лишь тогда, «когда Европа почувствовала реальную необходимость ответить на вызовы глобализации, когда она оказалась перед неизбежной необходимостью конкурировать с Азией и США. Вот тогда европейские страны почувствовали, что по отдельности они просто не способны ответить на этот вызов. И вскоре интеграционные механизмы начали работать по-настоящему.

Европейцы решили, что интеграция больше не должна быть чисто формальной и номинальной. ЕС должен стать настоящим органичным объединителем Европы для того, чтобы та смогла участвовать на равных в этой большой игре» [79].

Сегодня Украина, как и Европа в послевоенные годы, зажата между ЕС и Таможенным союзом, а аннексия Крыма не оставила никаких сомнений в том, что начался новый раунд холодной войны, как бы президент США Обама ни старался дипломатично обходить этот неудобный для себя термин. Впрочем, его где-то можно и понять: ведь признав наличие ситуации холодной войны, Америке необходимо было бы и вести себя соответственно обстановке. Но, судя по всему, современное (да и предыдущее) руководство этой страны к подобной политике не готово. Как отмечает Крейг Калхун, традиционно, а особенно после распада СССР, «американская элита воспринимает мир в более геополитических категориях. Ее волнует, например, какова будет роль России в снабжении мира природным газом и будущая роль России в мировом обществе. Американская элита понимает, что мир очень сложен. В нем много кризисных точек, в которых присутствует Россия. Поэтому американскую элиту волнует, будет ли Россия в спорных вопросах, таких, например, как ядерная программа Ирана, на стороне США или же будет мешать Америке в достижении своих целей» [80].

Безусловно, в последние два года мировоззрение американцев несколько изменилось, но всеже инерция мышления берет свое. А потому стоит ли удивляться, что и США, и Евросоюз перед лицом агрессии против Украины маневрируют, ограничиваясь введением тех или иных санкций против одиозных лиц в окружении президента Путина и некоторых сбежавших из Украины политических деятелей и олигархов. Но Украина такого выбора для маневра не имеет. При всех издержках «зависимого развития» от Запада, исходя, прежде всего, из необходимости обеспечения безопасности, Украина вынуждена ускорить курс на евроинтеграцию и неотложного проведения модернизации экономики, да и всей системы власти в стране. Иного, как говорится, не дано.

Конечно, еще недавно перед Украиной раскрывались некоторые возможности для определённого маневра, поскольку практически все постсоветское пространство было одновременно вовлечено в две противоположные тенденции — как в процесс глобализации, так и в регионализации. Несмотря на то, что Украина занимает всего лишь периферийное положение в мировом разделении труда с низкой добавленной стоимостью, конкуренция интеграционных проектов давала возможность правящему

классу Украины как-то позиционировать себя по отношению друг к другу: одни заявляли о своей приверженности Евразийскому союзу, другие ориентировались на интеграцию с Европейским союзом. Это позволяло им не только политически конкурировать, но и удерживаться у власти, формируя многовекторный и многоуровневый внешнеполитический курс со смещенным центром — то в одну, то в другую сторону. Учитывая свое промежуточное положение между Европой и Россией, активно формирующих свои пространственные проекты, Украина, долгое время пыталась выстроить какие-никакие прагматичные проекты взаимовыгодных отношений между этими двумя большими пространствами. До последнего времени казалось, что подобная ситуация в чем то устраивала и Запад при осуществлении курса на «перезагрузку» отношений с Россией.

И немудрено. Ведь многие на Западе были даже уверены в том, что Россия стремится и способна пойти по пути демократизации и модернизации рыночной экономики. Для этого было бы достаточно, считали они, лишь провести короткую шоковую терапию, а также убедить правящие круги выполнить все рекомендации Джефри Сакса — и Россия автоматически вступит на дорогу модерного западного развития. Дальнейший путь на Западе для России виделся непременно секулярным, либеральным и открытым для международного сообщества. Но при этом не были учтены два серьезных фактора. Во-первых, что глобализация сохранит и углубит огромное экономическое неравенство в мире и тем самым как бы дискредитирует себя. А во-вторых, мало кто ожидал, что общий рост глобальной экономики совершенно не затронет множество людей, особенно в зоне мировой периферии, чья жизнь останется на прежнем крайне низком уровне. В итоге, столкнувшись с проблемами обратной стороны глобализма, люди постсоветского пространства вдруг вспомнили былое и озвучили вопрос: «За что сражались, за что кровь проливали?». Ответом на глобализацию стал резкий рост религиозного фундаментализма — в нашем случае русского православного в форме постсоветского «Русского мира» — густо замешанного на национализме.

Правящие круги России решили направить этот социальный протест в русло возрождения империи, реинкарнации ее идейно-политических ценностей, в том числе и свойственную значительной части населения современной России «антикапиталистическую ментальность». По этому поводу С. Никольский отмечает: «В существо капиталистического способа производства включается частная собственность, определение максимизации дохода

и пользы как цели хозяйствования, координация хозяйственной деятельности через рынки и систему цен, почти полное исключение из межчеловеческих связей патернализма в отношении типа «раб — господин», стремление к утверждению верховенства закона. Естественно, что наше общество, привыкшее к царскому или советскому произволу, в том числе и прежде всего в отношении института частной собственности, равно как к типам хозяйствования и потребления, далеким от рациональности и личной, не зависящей от «господина» выгоды, в массе своей не готово к быстрому переходу на капиталистические основания жизни. Думаю, что и современная российская власть иногда искусственно подпитывает антикапиталистические настроения населения. Все перечисленное, если иметь в виду перспективу не загнивания и даже возможности исчезновения нашего народа, а его возрождения на новых основах, заставляет рассматривать попытку нового имперского строительства как дело убийственное» [81].

Происходящее в России невольно поднимает вопрос: а может быть не все народы и способны к тому, чтобы развиться до уровня современного государства? Возможно, что существует множество «современностей» — российская современность, исламская современность, китайская современность, в конце концов — украинская современность. Отчасти, это здравая мысль, но появляется тревожная тенденция переосмысливания понятия — а что вообще значит быть «современным государством»? Получается, что современным можно считать каждое государство — с любой политической системой, любой религиозной ориентацией и, самое главное, любым уровнем социальной интеграции в обществе. А ведь последний фактор — социальной интеграции — и является, по-видимому, «Ахиллесовой пятой» украинского общества. Ситуация «все против всех» в Украине просто обескураживает. И она не появилась из ничего. Как следует из тянувшихся до последнего времени не один год политических дебатов, мало кто задумывался над тем, как организовать институты, которые необходимы стране для развития системы образования, здравоохранения, госуправления, юриспруденции и т.д. Страна оказалась без национальной элиты, место которой занял суетящийся «правящий класс», который был не в состоянии эффективно обеспечить территориальную целостность страны и ее социальную интеграцию.

Неудивительно, что взрыв постсоветского фундаментализма под сурдинку «Русского мира» оказался сюрпризом — как для правящих кругов Украины, так и для мировой общественности. А ведь это фундаменталистское движение, как и прочие другие,

по существу дела, является составной частью глобализации — ее оборотной стороной. Так что в событиях в Украине, кроме внутренних факторов, очевиден не только «русский след», но и заметны негативные последствия курса западного глобализма. Украина в очередной раз стала заложником геополитического противостояния конкурирующих интеграционных проектов, терпя издержки без ожидаемой обществом надлежащей и неотложной помощи со стороны Запада.

Еще раз вспомним упоминаемое не однажды нами положение: в условиях глобализации развитие отдельной страны во многом определяется не только ее собственной волей к победе, а и тем, чего от нее хочет остальной мир и насколько он позволяет ей успешно развиваться. Недостаточно было Украине провозгласить свою европейскую идентичность, необходимо еще, чтобы эта идентичность была признана Европой. Именно этот фактор — признания/непризнания не на словах, а на деле — может оказаться решающим в определении того, какое место будет занимать Украина в архитектуре будущего мирового порядка.

Яркой демонстрацией влияния внешнеполитического фактора на характер осуществления путей модернизации может послужить сравнительный опыт России и Китая. Конечно, здесь многое можно объяснить различиями в стартовых условиях, в социальном состоянии общества, в степени укоренённости национальных традиций и т.д. Однако нельзя скидывать со счетов и другой важный системообразующий фактор. «На момент начала реформ, — отмечает Крейг Калхун, — Китай пользовался значительно большим расположением Запада, чем Россия. А внешние условия часто оказываются не только немаловажной деталью, но и решающей. Администрация Рейгана делала все возможное для коллапса Советского Союза. Отношение к Китаю было прямо противоположным — США делали все возможное, чтобы перемены в китайском обществе произошли исключительно мирным путем. Правы были США, или нет, но они решили, что предпочтительнее будет полный коллапс СССР и постепенно эволюционирующий Китай. Это внешнее давление отчасти и обусловило разницу в сценариях развития Китая и России. Это как раз то самое упущение в теории модернизации, о которой я не раз говорил. Нельзя упускать из виду не только то, что происходит во внутренней жизни страны, но и то, какая обстановка формируется вокруг нее. Иногда это имеет решающее значение» [82].

С учетом обозначенных факторов возникает вопрос: а есть ли вообще какие-то обнадеживающие перспективы для Украины

в ситуации все обостряющегося кризиса и внешнеполитического давления со стороны России, но при отсутствии ожидаемой Украиной адекватной реакции со стороны Запада? Безусловно, в иерархии предпочтений Украины на первом месте ныне стоить проблема безопасности страны. Но поскольку Запад заявил о невозможности привлечения своих вооруженных сил, то многое будет зависеть от того, насколько будет усилена социальная интеграция украинского общества, а в итоге — решимость всего украинского народа в защите своих рубежей. Как здесь не вспомнить тезис из инаугурационной речи Президента Украины: «Никто не имеет права вето на европейский выбор Украины. Признать это — значит проводить политику мира и спокойствия в Украине... Для реализации наших амбициозных планов нам нужны не только мир и единство страны, но и консолидация всех патриотических, проукраинских, проевропейских сил» [83].

Конечно, в условиях глобализации нам не обойти и фактора внешнеполитического. Тем более, что внешняя политика осуществляется в условиях развивающегося кризиса однополярного мира при отягощающихся условиях кризиса финансово-экономического. Никто не станет спорить, что природа современного экономического кризиса носит две составляющие. Первая — объективная, которая в рамках «циклов Н. Кондратьева» состоит в смене пятого технологического цикла (микроэлектроника, компьютерная техника, Интернет, мобильная связь) шестым технологическим укладом (биоинженерия, генная инженерия, космическая химия, науки о человеке). Вторая — субъективная, где руководство американской Федеральной резервной системы, ориентируясь, прежде всего, на обеспечение интересов ядра капиталистической мир-системы, старается поддержать долларовоцентричную модель глобальной экономики.

В то же время, как показывает практика, необходимо учитывать, что одним из ключевых механизмов смягчения кризисных явлений в странах ядра, где преобладают технологии пятого технологического цикла (Запад и Япония, с некоторыми оговорками Китай), состоит в том, что они будут скидывать свои финансово-экономические проблемы на полупериферию (Россия, Бразилия, Индия, Турция и Иран). В свою очередь последние будут скидывать проблемы на периферию, к которой, как мы уже отмечали, относится и Украина: «Механизм перекладывания проблем заключается, прежде всего, в стимулировании внешних займов. В условиях кризиса необходимость внешних заимствований возрастает. Учитывая, что темпы экономического роста

подавляющего большинства стран составляет не более 4% в год, а ставки ссудного капитала порядка 8–20%, то страны-эмитенты мировых валют навязывают неравноценный обмен с последующей потерей экономической независимости государств периферии и полупериферии, как минимум, на поколение вперед» [84].

Но все ли так однозначно, и насколько эта схема касается получения Украиной нынешних кредитов? Если подходить с точки зрения рыночного фундаментализма, то описанная выше модель действительно отражает одну из доминирующих в нынешнем мире тенденций. Но если не зацикливаться на норме прибыли, а смотреть на мир шире, замечает английский исследователь Энтони Гидденс, то в подходе к той или другой стране на перспективу следует предусмотреть необходимость решения самых разнообразных жизненных проблем. Речь идет не только об экономической эффективности, но и экологической безопасности, политической стабильности, построении гражданского общества, развитии национальной культуры вплоть до культивирования ценностей семейных отношений [85].

В нашем случае, на первое место сейчас выходит проблема национальной безопасности Украины, которая является в то же время и проблемой сохранения национальной идентичности. И здесь, безусловно, нарождающемуся гражданскому обществу Украины необходимо учитывать ряд важных моментов. И то, что глобализация в нынешнем варианте рыночного фундаментализма часто меняет диктатуру старых национальных элит новой диктатурой международных финансов. И то, что фактически страны периферии шантажируются тем, что за невыполнение определенных условий рынки капитала и МВФ отказывают им в предоставлении кредитов. И то, что решая проблемы безопасности и территориальной целостности страны, мы будем вынуждены в какой-то степени уступить часть своего суверенитета (хотя это, в принципе, вообще характерно для современного глобализируемого мира). И то, что это несет в себе риск активизации деятельности международных и отечественных спекулянтов, которые, как правило, исходят из собственных краткосрочных интересов, а не из потребностей роста экономического могущества страны и повышения благосостояния людей.

Однако, здесь нет какого-то фатализма и заведомой обреченности на неуспех. Если возникает подобная ситуация, отмечает лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц, развивающиеся страны должны сделать свой демократический выбор и сами определить ту меру, которую они считают целесообразной при установлении отношений с международным рынком капитала: «Даже

если экономический рост действительно бы замедлялся, многие из развивающихся стран были бы готовыми заплатить такую цену за более демократичное общество с более высоким уровнем социального равенства — так же как много стран сегодня готовы пожертвовать частью экономического роста для улучшения среды обитания» [86]. Что уж тут говорить, когда дело касается национальной безопасности и территориальной целостности страны.

То есть, глобализация несет в себе определенные риски, но и предоставляет такие же определенные преимущества. Именно на этом настаивает, исходя из положительного опыта Бразилии, Фернандо Кардозу: «Если в некоторых странах (назовем их «более развивающимися») правительствам удается разглядеть не только опасности, но и возможности, связанные с глобализацией, они смогут продвигаться вперед намного быстрее. Пример тому — Чили. В других случаях власти, напротив, борются против неизбежных проявлений глобализации и тем самым замедляют развитие страны, порой вообще обращая его вспять. Вместо с тем, серьезной опасностью становятся недовольство и озлобленность тех, кто отстает от задаваемого глобализацией темпа... В то же время нельзя недооценивать роль правительств. Возможно, им следует избегать чрезмерного вмешательства в экономику, но они обязаны заложить фундамент, позволяющий стране включиться во всемирное разделение труда. Иными словами, они должны обеспечить гражданам получение образования, сделав общество восприимчивым к технологиям и создав эффективные социальные институты. Если это есть, то участие в глобализации принесет пользу. Если его нет — можно ожидать проблем» [87].

В свете вышеизложенного, исходя из чрезвычайной обстановки, сложившейся вокруг безопасности Украины, следует отметить положительную оценку возобновления сотрудничества Украины с МВФ. По мнению украинских специалистов, желаем ли мы того, или нет, но для многих инвесторов сотрудничество с МВФ является важным формальным сигналом о готовности правительства и центрального банка адекватно реагировать на вызовы экономике Украины. Важно и то, что украинская экономика имеет пока что достаточный запас прочности, а сценарий дефолта исключен даже при отсутствии помощи от фонда.

Однако следует учитывать и то, что поначалу с точки зрения иностранных инвесторов их беспокоил фактор риска приближения президентских выборов, перед которыми инвесторы обычно ведут себя очень осторожно. И здесь надо отдать должное правительству Украины: даже в этих экстремальных условиях кредит

МВФ оказался более дешевым, нежели предложенный в конце 2013 года российский кредит под 5% годовых. По итогам переговоров 2014 года, финансирование от МВФ оказалось на сегодня самым дешевым в мире, которое смогла получить Украина. Кредитная ставка оказалась выше 3%, но ниже 4%. Учитывая, что до сих пор Украина получала кредиты по 9–9,5%, это будет в три раза дешевле, нежели на свободном коммерческом рынке. Самое главное, что между Украиной и МВФ на уровне экспертов было достигнуто понимание относительно программы экономических реформ, на поддержку которой Украине может быть предоставлен двухгодичный кредит за программой «стенд-бай» в размере 14–18 млрд дол. [88]. Все это дает определенную надежду на продолжение реформ, направленных на модернизацию и достижение социальной интеграции страны.

Конечно, деньги решают многое, но не все. Нельзя пренебрегать социальными, историческими и культурными традициями. Отсюда вытекает вывод, что внутренняя безопасность Украины должна выстраиваться таким образом, чтобы ее суверенная власть, характер экономических взаимоотношений и степень социальной ответственности отвечали историческим и культурным традициям украинского народа и его соционормативным ценностям, с одной стороны, и одновременно были бы обеспечены необходимым уровнем глобальной легитимности — с другой. Президент Порошенко отразил этот процесс таким образом: «Пора строить новую великую страну. Современную, высокотехнологичную, обороноспособную, конкурентоспособную. Учтем опыт стран, которые появились на политической карте лишь несколько десятков лет назад, но стали лидерами, поставив на развитие интеллекта и новейших технологий. Потому ценно — не деньги, не заводы и предприятия, а «человеческий капитал», который имеет Украина» [89].

1.7. Региональный тренд

Итак, актуализация проблемы безопасности Украины во весь рост ставит вопрос: что же мешает гражданам Украины «научится жить вместе»? Конечно же, не в последнюю очередь, массированная информационная война, невиданно обострившаяся в ходе последних событий вокруг аннексии Крыма. На авансцене общественной жизни Украины появилось мародерствующее племя циничных политтехнологов, пытающихся «кроить из блохи голени-

ще» (В. Шукшин). Уводя общественное мнение от противоречия между трудом и капиталом, между трудом «самоорганизованным» и трудом «родовым», они подхватывают старую песню о каком-то «цивилизационном расколе» Украины, который должен неминуемо поразить это якобы «искусственно созданное лоскутное государство». Разнообразные специалисты по кризисному управлению Украиной оглашают как непреложную истину, что раскол в Украине — это свершившийся факт, потому что, мол, никогда ментальность людей из Донецка не совпадала и не совпадет с ментальностью львовян. Что уже говорить о Крыме, который, дескать, в 1954 году был просто подарен Хрущевым Украине (это отдельный вопрос, который касается целой череды территориальных изменений между Украиной и Россией в годы советской власти, в частности, приращение территорий Курской, Воронежской и Ростовской областей за счет земель, раньше входивших в состав Украины).

В обозначенном контексте вопрос об общности исторической судьбы украинского народа как «граждан Украины всех национальностей» (преамбула Конституции Украины) приобретает особую актуальность и остроту. Даже с поправкой на навязанное нам с имперских времен (и присущее до сегодняшнего дня) понимание толерантности как терпимости, доходящей часто в практической жизни Украины вплоть до грани самоуничижения. Действительно, в период стабильного развития к идее «раскола Украины» общественное мнение, как правило, относилось довольно снисходительно — как к одному из экзотических сценариев кучки политтехнологов, желающих дешево пропиарить себя, и приобрести пусть и скандальное паблисити. Однако в период системного кризиса, когда в обширных регионах Украины зримо происходит захват административных зданий, а в средствах массовой информации рефреном зазвучала идея утраты страной территориальной целостности — большинство людей такие прогнозы пугают, пусть они и излагаются в «цивилизованных» обертках якобы необходимой федерализации страны.

Впрочем, каждая проблема имеет свою историю. Так и идея федерализма в Украине далеко не нова. Но эта идея касалась не федеративного устройства самой Украины, а преобразования Российской империи на принципах федерализма. Не усматривая сто с лишним лет назад ближайшей перспективы отделения от России, многие украинские общественно-политические деятели конца XIX — начала XX века видели выход для своего народа в федерализации России и в дальнейшем постепенном наращивании потенциала украинского возрождения в рамках существующего

государства. Общеизвестно, что в первом Универсале Центральной Рады от 10 (23) июня 1917 года был заложен тезис о неотделимости Украины от России, а провозглашалась лишь ее автономия. Украинцы были не одиноки в оценке недостаточно вызревшего потенциала своей независимости — подобные настроения царили и среди других национальностей России, даже среди части поляков и финнов. Поэтому на съезде народов и областей России, который был созван в Киеве 8–15 сентября 1917 года по инициативе Центральной Рады в составе 86 делегаций различных регионов бывшей Российской империи, была принята резолюция «О федеративном устройстве Российской державы». В ней речь шла лишь о необходимости отказа от чрезмерной централизации законодательной и исполнительной власти России и целесообразности перехода к федеративному обустройству государства. Кроме того съезд выступил против русификации народов бывшей Российской империи, за их право на родной язык, широкое развитие национальных культур. Русский язык при этом признавался общегосударственным, а на местах предусматривался принцип добровольности установления того или другого языка.

От идеи федерального статуса Украины в составе России Центральная Рада отказалась лишь с принятием 9(22) января 1918 года IV Универсала, который провозглашал самостоятельность и независимость Украинской Народной Республики. Вернее — вопрос о федеративных связях с республиками бывшей Российской империи был оставлен на последующее рассмотрение Украинским учредительным собранием. На повестку дня были вынесены вопросы, не терпящие отлагательств: Универсал назначал перевыборы местных органов власти; устанавливал сроки передачи социализированной земли — к началу весенних работ; провозгласил государственный контроль над банками и важнейшими отраслями торговли; обязал Раду Народных Министров немедленно приступить к модернизации промышленности. Однако, при этом было провозглашено о полном роспуске армии и организации вместо нее народной милиции. Последнее решение оказалось фатальным — 29 апреля 1918 года власть Центральной Рады была низвергнута, и в Украине был установлен режим гетмана П. Скоропадского. В конце концов, дело дошло до победы большевиков и образования СССР, в пределах которого Украина приобрела статус «всесоюзной кочегарки» (В. Ленин).

После провозглашения независимости Украины в 1991 году идея федерализации Украины неожиданно всплыла, когда лидер Народного Руха Украины Вячеслав Черновол инициировал созыв

так называемой Галицкой ассамблеи. Хотя эта ассамблея и послужила одним из катализаторов украинской независимости, она же впоследствии и дала повод для обвинений Черновола в сепаратизме. В конечном итоге, с принятием в 1996 году новой Конституции, Украина утвердилась как независимое унитарное государство. В период президента Леонида Кучмы вопрос о федерализме, казалось бы, был снят навсегда.

Однако, в период «оранжевой революции» 2004 года инициаторы федерализации уже появились на востоке страны. 26 ноября очередная сессия Луганского областного совета большинством голосов приняла решение о создании Юго-Восточной Украинской Автономной Республики (ЮВУАР) и обратился за поддержкой к Москве. В тот же день на митинге в Донецке лидер Славянской партии Украины Александр Базилюк предложил провести в Донецкой области референдум об отделении и создании автономии. На следующий день инициатива была поддержана на внеочередной сессии Харьковского областного совета. 28 ноября проект создания ЮВУАР был публично вынесен на обсуждение Первого всеукраинского съезда депутатов всех уровней в Северодонецке. После многих перипетий, проект остался нереализованным ввиду победы «оранжевой революции». Но на ситуацию надо было както реагировать. Сначала по итогам северодонецких инициатив было возбуждено уголовное дело, которое, впрочем, впоследствии было закрыто. Постепенно накал страстей поутих, хотя вопрос впоследствии и поднимался впоследствии некоторыми депутатами в виде законопроекта о децентрализации власти [90].

Антикриминальная революция в Украине вызвала агрессивную реакцию России в форме инспирации системного кризиса, который снова вынес на повестку дня тезис о «разделе Украины». Главным образом этот тезис стал прерогативой целого сонма разнообразных «экспертов» на страницах Интернета, вплоть до астрологических прогнозов небезызвестного Павла Глобы. Казалось бы, этими писаниями можно было бы и пренебречь, если бы они не оказывали влияния на формирование неадекватного восприятия реалий украинской жизни в общественном сознании. В частности, представители «восточного лагеря политтехнологов» прибегли к своим излюбленным экономическим аргументам, которые якобы неопровержимо свидетельствовали о том, что восточные области — Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская и Харьковская — всегда были и остаются регионами-донорами бюджета. А Галичина и все прочие «западенцы», дескать, всегда были и остаются иждивенцами на государственной дотации.

То есть, обществу навязывалось мнение, что пока представители западных областей Украины организуют всевозможные демонстрации и бастуют, то в это же время жители восточных областей Украины работают и кормят всю страну.

Однако взвешенный анализ показывает, что это утверждение ныне далеко от истины. Уходя от оценок украинских экспертов, которых при желании кто-то мог бы обвинить в политической ангажированности, обратимся к независимому анализу известного российского экономиста Андрея Илларионова. Проанализировав региональную структуру распределения населения и экономической активности в современной Украине, он пришел к выводу, что в последние два десятилетия между макрорегионами Украины (Запад и Центр в сравнении с Востоком и Югом) произошли весьма серьезные, можно даже сказать, тектонические сдвиги.

Это видно, прежде всего, по динамике Валового регионального продукта (ВРП). Так, за его словами, «за 17 лет кумулятивный экономический рост на Западе и в Центре был почти вдвое более быстрым (прирост ВРП на 60,7%), чем на Востоке и Юге (на 35,2%). Прирост производительности труда на Западе и в Центре также был более высоким, чем на Востоке и Юге, так что относительные уровни производительности труда (относительно среднего уровня по Украине) поменялись на противоположные. Если еще в 1995 г. Восток и Юг имели более высокий показатель ВРП на душу населения, чем Запад и Центр (101,6% против 98,5%), то в 2012 г. уже Запад и Центр заметно опережали по этому показателю Восток и Юг (на 9,1%, 104,3% против 95,2%). Изменение соотношений в межрегиональных уровнях доходов на душу населения происходили в том же направлении, однако с заметным запаздыванием по времени и масштабам. Опережение Запада и Центра над Востоком и Югом является минимальным (на 2%). Таким образом, можно сказать, что в настоящее время перераспределение финансовых потоков идет, похоже, с Запада и Центра в пользу Востока и Юга. Тем не менее, изменения демографической макроструктуры Украины соответствуют изменениям в структуре экономической активности. Если в 1992 г. на Западе и в Центре проживало 51,4% всего населения страны, то в 2012 г. этот показатель увеличился до 52,9%» [91].

Данные украинских СМИ подтверждают эту тенденцию. К примеру, Донецкая область за первые полгода 2013-го получила из госбюджета больше, чем ему отдала. Обогнал ее в этом только Киев. В то же время Львовская область перечислила в госбюджет на 356 миллионов гривен (80 миллионов долларов) больше, чем получила от него. На одного донетчанина на шесть месяцев 2013

глда пришлось 2 126 гривен, перечисленных области из госбюджета, а на каждого львовянина — 140 гривен. В бюджете 2014 года на поддержку шахт в Донбассе было опять предусмотрено около 16 млрд грн., да и восстановление инфраструктуры (дороги, объекты ЖКХ) также происходит за счет госбюджета. Без поддержки центра Донбассу пришлось бы очень туго. В итоге, как подсчитали журналисты, реальных «кормильцев» в Украине осталось только три — Харьковская, Днепропетровская и Полтавская области. При этом последнюю область в привычном понимании уж никак нельзя было отнести к «востоку» страны [92].

Приведенные данные в какой-то степени отражают и объясняют тот политический сдвиг, который произошел в Украине после «крещенского противостояния» 19 января 2014 года, когда «Правый сектор», проигнорировав предостережения лидеров мирного Евромайдана, перешел к силовому противостоянию с бойцами «Беркута». Эти события, судя по всему, напрямую были связаны и с захватом зданий областных администраций во Львове, Ровно, Ивано-Франковске и в Тернополе, а также последовавшими за ними событиями на Волыни, в Черновцах, на Полтавщине и в Черкасах. Некоторые политологи тут же дали оценку этим акциям: их следует рассматривать не как свершившийся сепаратизм, «но как возможное начало процесса, который может окончиться переустройством Украины по типу конфедерации или федерации» [93].

Что касается областей Юго-Востока Украины, то здесь случилось так, что в головах доморощенных идеологов так называемых Луганской и Донецкой «республик» возобладало восприятие феномена Евромайдана не как «антикриминальной революции», а как рейдерской атаки по захвату государственной собственности и переделу активов конкурентов. В своих интервью на российских телеканалах они трактуют события таким образом, что, дескать, «киевская хунта» захватила контроль над Западом и Центром Украины, Игорь Коломойский — над частью Центра и Югом, а мы, дескать, над Востоком страны. Однако против нас почему-то бросили силовиков, с нами не хотят договариваться, нас убивают. Судя по их словам, создается впечатление, что речь идет не о целостности государства, а о необходимости «забить стрелку» и решить вопрос об огромных залежах Юзовского месторождения сланцевого газа, запасы которого могут достигать нескольких триллионов кубических метров.

В создавшихся условиях ажиотажа вокруг «большого передела» все разговоры о статусе русского языка выглядели уже просто нелепыми. А ведь речь никогда не шла о запрете русского языка,

а лишь о необходимости пользоваться государственным языком в государственных учреждениях. Эта практика доминирует во всех странах мира, а потому вызывает лишь сожаления те 6,5% населения, которые, согласно социологическим опросам, демонстративно выступают против обязательного знания украинского языка.

Казалось бы, нет никаких причин ставить под сомнение «общность исторической судьбы» Украины, если только не ставить во главу угла передел собственности. Но именно последний фактор и толкает особо алчных «приватизаторов» пойти на риск государственного распада, и этот риск, хотя и незначительный, все же постоянно присутствует и вносит беспокойство в ряды украинского бизнеса.

Так, за территориальное единство на пути евроинтеграции выступил ряд украинских олигархов. В упомянутом выше интервью от 13 декабря Ринат Ахметов призвал политиков сесть за стол переговоров, дабы не допустить возможного раскола страны: «Я убежден, что сейчас, в сложный момент для нашей страны, очень важно иметь холодные головы и взвешенный подход. Одним словом, должен победить здравый смысл. Я — за сильную, независимую и целостную Украину. Мы — одна страна, и ее делить не нужно. Я — за стол переговоров. Чтобы политики, власть, оппозиция, моральные лидеры страны сели за стол переговоров и приняли то решение, которым мы будем гордиться. Повторюсь, гордиться, а не стыдиться. То решение, от которого выиграет Украина и каждый украинец как в краткосрочной, среднесрочной, так и долгосрочной перспективе. Этот стол я бы назвал столом мира, компромисса и будущего нашей страны. И пусть за этим столом политики потеряют свои рейтинги. Но самое главное, чтобы рейтинг Украины пошел вверх» [94].

Такая постановка вопроса соответствовала злобе дня. Национальная идентичность Украины — центральный вопрос, которым была пропитана вся атмосфера Майдана. Этот вопрос постоянно присутствовал в ситуации конфликта, и еще долго будет присутствовать за всеми последующими событийными перипетиями. Вопрос стоит даже шире: ныне идет глубинный поиск цивилизационной идентичности «проекта будущего» перед вызовом все более глобализирующегося мира. С точки зрения учета фактора регионализма Президент Порошенко видит разрешение ситуации таким образом: «Именно европейский опыт подсказывает нам, что значительную часть полномочий уже сейчас надо делегировать из центра местным органам власти. Реформа по децентрализации начнется уже в этом году изменениями в Конституцию. Новые

полномочия получат новоизбранные местные Советы. Но Украина была, есть и будет унитарным государством. Бред о федерации не имеет почвы в Украине» [95].

Здесь, как говорится, ничего ни отнять, ни добавить. Этот путь Украина избрала для себя сама.

1.8. Национальная идентичность

Стало общим местом в социальных науках положение, что национальная идея не может быть воплощена в каком-то документе или законе, а является «ежедневным плебисцитом» в плоскости кардинальных вопросов национальной идентичности: «позади — наследие славы и раскаяние, впереди — общая программа действия» (Э. Ренан). Ежедневный плебисцит — это постоянное обсуждение страной своих проблем и перспектив. Долгое время в Украине вместо общественного диалога практиковалась парочка политических ток-шоу, где специально отобранные политики спорили друг с другом с перерывом на рекламу. Временами это зрелище было просто захватывающим, но гнусным по существу — оно не имело никакого отношения к диалогу власти и народа. Этот эрзац призван был растлить процесс формирования политической нации и подвести к выводу о несостоявшемся украинском государстве. Дескать, что можно говорить о народе, который не то что не имеет общей программы действий, но даже и не представляет себе, какой она должна быть? А эти ток-шоу наглядно иллюстрировали дремучую бессмысленность политической трескотни.

Евромайдан перечеркнул эти домыслы в главном: гражданское общество показало, что оно переросло своих политиков — как представителей власти, так и некоторых «наказных атаманов» реестровой оппозиции. Не преуспев в процессе выработки «идентичности проекта будущего» — это еще предстоит сделать новым лидерам страны — гражданское общество берегло и приумножало тот морально-нравственный императив, который так удивлял зарубежных представителей СМИ. Обывателю, как доморощенному, так и европейскому, стало ясно, что за сотню долларов люди не пошли бы через пламя пылающих шин на смерть от пули наемных снайперов. Они шли на Майдан отстаивать свою честь и достоинство. Именно поэтому сейчас их и пытаются ошельмовать, навешивая ярлыки «бандеровцев» и «фашистов». Именно поэтому на востоке Украины не утихает война национальных флагов, когда украинские символы государственности силовыми методами

меняют на символы соседнего государства и при этом жалуются, что Киев их «не слышит».

А тем временем национальные символы для украинцев в процессе становления как «идентичности сопротивления», так и «идентичности проекта будущего» играют первостепеннейшую роль. Свидетельство этому — драматические события Евромайдана, когда ежедневно, а особенно в минуты силовых штурмов спецназовцев люди погибали под пение национального гимна. И это была не телевизионная картинка — на карту была поставлена жизнь своя, детей и их будущего.

Что нам скажет на этот счет социологический опрос, проведенный авторитетным Центром Разумкова в 2012 году, когда мы еще утешали свою душу обстановкой «стабильности»? На поставленный вопрос — «Как Вы относитесь к наведенным атрибутам независимого украинского государства?» — ответы «горжусь» или «отношусь положительно» были следующие (в порядке очередности): (1) флаг Украины — 37,9% и 56,2%; (2) Герб Украины — 29,9% и 57,6%; (3) Гимн Украины — 30,1% и 52,2%; (4) Украинская гривна — 22,8% и 67%; (5) Государственный украинский язык — 35,8% и 54,7%. То есть, для свыше 90% украинских граждан национальные символы были или предметом гордости, или же к ним относились положительно. Не является ли это свидетельством видения украинской государственности как «своей» в идеале. Далеком, впрочем, от будничной реальности, когда в общественном мнении требовательность к государству на пути евроинтеграции постоянно возрастает, а социальная политика государства все чаще подвергается острой критике со стороны нарождающегося гражданского общества [96].

Ориентируясь на построение социально ответственного государства европейского типа, украинцы довольно трезво и взвешенно оценивают свои шансы и перспективы на пути евроинтеграции из-за массы нерешенных социально-экономических и политических проблем. Снова обратимся к социологическим опросам. На вопрос — «Является ли Украина европейским государством?» — утвердительно ответили «да»: 76,6% — «в географическом смысле»; 58,3% — «в историческом»; 41,9% — «в культурном»; 23,6% — «в политическом»; 17,1% — «в социальном»; 12,7% — «в экономическом». То есть, население Украины отчетливо понимает, что для достижения социально-экономических, политических и культурных параметров, присущих современной Европе, нашей стране придется приложить немало сил и старания [97].

Тем не менее, нельзя не отметить, что и «оранжевая революция» 2004–2005, и Евромайдан 2013–2014 годов послужили большим толчком к преодолению имперского прошлого, к переориентации на евроинтеграцию. Процесс этот еще предстоит осмыслить, но пока, лишь для иллюстрации (хотя на этом кто-то и попытается спекулировать), узнаваемым образом этого процесса преодоления прошлого может послужить хотя бы массовый демонтаж памятников Ленину. Конечно, все эти памятники (как и их демонтаж) всего лишь миф, но за этим мифом стоит такое весомое понятие как сплочение народа вокруг какого-то определенного символа. Евромайдан показал, что сегодня таким символом является не Ленин, а национальный гимн и флаг, а также флаг Европейского Союза. Причем европейская символика вывешивалась не вместо украинской символики, а рядом с ней, чего мы не видим в Донбассе, где украинская грубо попирается, сжигается, а на ее место водружаются флаги другого государства. И значение этих тревожных событий принципиально отличное: с одной стороны — ожидание перемен, а с другой — возвращение имперского прошлого на круги своя. Ведь под различной символикой собрались люди не для решения сугубо идеологических, а прежде всего своих насущных жизненных вопросов.

Мы уверены, что и российскому читателю несложно вникнуть в сущность этих вопросов. Социологические опросы последних лет показывали, что и украинцев, и россиян, волновали, прежде всего, одни и те же социально-экономические проблемы. Наиболее важные из них — экономические. Однако, для украинцев эти проблемы были намного острее: разрыв составлял практически 30%: на них акцентировало внимание 78% украинцев и 48% россиян. Острота экономических вопросов стала определяться уже в первые годы президентства Януковича. Если в марте 2010 года сразу же после президентских выборов 46% украинцев надеялись, что их благосостояние будет улучшаться, то уже в декабре пошла полоса разочарований — цифра ожиданий сократилась до 16%. Показательно, что в разрезе регионов показатели разочарований практически не отличались: ухудшения своего положения ожидали 26% жителей запада-центра и 24% жителей юго-востока [98].

Два года спустя ситуация не улучшилась. Летом 2012 года абсолютное большинство опрошенных (78,%) были уверены, что в Украине отсутствует равенство граждан перед законом, и лишь 14% все еще верили, что это равенство существует «в основном», а 3% даже были уверенны «в полном равенстве». Впереди списка назревших проблем были: преодоление безработицы

(59,3%), преодоление кризиса в экономике, экономический рост (51,8%), повышение общего уровня зарплат, пенсий, стипендий (51,5%), снижение цен на продукты и товары первой необходимости (43,3%) и т.д. (респонденты могли выбрать 10 наиболее значимых для них проблем). А вот идеологические вопросы были смещены в самый конец списка актуальных проблем. Так, если в 2004 году статус русского языка интересовал 8,9% граждан, то в 2012–3,9%. При этом в списке из 33 вопросов этот показатель оказался на 31 месте. Самыми незначимыми проблемами в списке оказались: «преодоление конфликта религиозных конфессий» (3,1%) и «вступление Украины в НАТО» (2,9%) [99].

В мае 2013 года обнажился еще ряд первостепенных проблем. По сравнению с сентябрем 2012 года, наиболее ощутимо выросло количество опрошенных, которые среди основных проблем страны выделили: коррупцию в государственных органах (с 37 до 51%); низкий уровень производства (с 40 до 45%); некомпетентность правительства (с 13 до 22%); а также политическую нестабильность (с 16 до 21%) [100].

Консолидация общества вокруг необходимости решения основных экономических и политико-правовых проблем современной Украины поставила в затруднительное положение те правящие группы, которые привыкли приумножать свои богатства и властные полномочия, прибегая к известной практике «разделяй и властвуй». Диапазон маневрирования для них разительно сократился: и они попытались выискать линии общественного противостояния в гуманитарной сфере — играя на существующих отличиях отдельных регионов в сфере культуры, языка и исторического наследия. И к тому были определенные предпосылки в состоянии общественного мнения и на них политтехнологи решили сыграть, разжигая отличия до уровня противостояния.

На опасность подобных манипуляций обращали внимание эксперты Центра Разумкова, стараясь вместе с тем дезавуировать их. Так, летом 2007 года они сформулировали постановку вопроса кардинально, можно даже сказать — с некоторым элементом провокации для получения более контрастного, а не размытого ответа. Звучал он следующим образом: «Некоторые политологи и публицисты утверждают, что отличия культуры, языка, исторического наследия западных и восточных украинцев настолько велики, что их можно считать двумя разными народами. Согласны ли вы с этой мыслью?». Ответы в целом по Украине были следующие: «целиком согласен» — 6,4%; «скорее согласен» — 20,1%; «скорее не согласен» — 34,5%; «абсолютно не согласен» — 27,4%;

«сложно ответить» — 11,6%. То есть, абсолютно или частично не согласных с тезисом о «двух разных народах» оказалось на уровне 62%, что более чем в 2 раза превышало количество тех, которые тяготели считать «восточных» и «западных» украинцев двумя разными народами. В региональном разрезе удельный вес тех, кто считал украинцев единым народом, был следующим: «восток» — 56,2%; «юг» — 58,3%; «центр» — 65,7%; «запад» — 68,4%. А из этого следовало, что представители западных областей Украины, которых в последнее время так назойливо выставляли в роли русофобов и чуть ли не зоологических националистов, на деле были наиболее открытыми к принятию культурного разнообразия современной Украины [101].

Однако бывшей правящей власти казалось, что вот здесь-то и найдено наиболее слабое звено, которое можно разорвать и посеять, таким образом, рознь и противостояние среди украинцев. Именно шаблонные и примитивные клише о несовместимости мировоззрения «донецких» и «львовских» были до безобразия использованы во время спровоцированного властями гражданского противостояния зимой 2013–2014 годов на Евромайдане. Политтехнологи и подведомственные им закопёрщики, пытавшиеся подавить в зародыше политическое пробуждение украинского народа, унизить его гордость и «загнать в стойло» не учли того, что чувство общности исторической судьбы и гражданского единства молодой Украины давно уже перешагнуло реликты «языкового вопроса», присущего в известной степени для периода «идентичности сопротивления» первого десятилетия независимости Украины.

Замусоленная карта якобы «гонимого русского языка» оказалось битой в силу того, что новое поколение украинских миллениумов внесло в общество свежую струю толерантности к культурно-языковому своеобразию своих «Иных» граждан Украины. Так, в ходе опроса в мае 2013 года, был поставлен вопрос: «Что вы чувствуете, когда незнакомый человек обращается к вам на украинском/русском языке? Ответы были следующие: «мне это приятно» — 37,8% на украинском и 15,4% на русском; «ничего особенного не чувствую» — соответственно 59,4% и 75,6%; «мне это неприятно» — 1,2% и 5,6%; «трудно ответить» — 1,7% и 3,5%. То есть, для свыше 90% граждан Украины «языкового вопроса» как такового не существует, и только для 1,2% неприятно, когда к нему обращаются на украинском, и для 5,5% некомфортно, когда к нему обращаются на русском. Как нам представляется, трудно найти в мире аналогичный уровень толерантности в языковом вопросе, как среди граждан Украины. На каком же основании

строятся все эти пропагандистские ярлыки о «бандеровцах» и «экстремистах»? [102].

Тенденция к снижению остроты языкового вопроса определилась уже после «оранжевой революции», когда взошли первые всходы гражданского общества Украины. Тогда в 2006–2008 годах появился такой феномен как увеличение показателя «два родных языка» за счет уменьшения показателя «один родной язык». Тогда в мае 2006 года социологами был сформулирован вопрос: «Какой язык для вас есть родной?». Ответы последовали следующие: украинский — 51,4%, русский — 30,7%, ***и украинский и русский одновременно — 15,6%,*** другой язык 1,1%, сложно ответить — 0,6%. Однако уже два года спустя, в октябре 2008 года, полученные результаты значительно отличались: украинский — 43,7%, русский — 26,0%, ***и украинский и русский одновременно — 28,7%,*** другой язык — 0,9%, тяжело ответить — 0,7%. ***То есть, только за два года количество тех, для которых оба языка — и украинский, и русский — стали одновременно восприниматься как родные, увеличилось на 13,1%. Такая динамика, судя по всему, свидетельствовала о доминирующем тренде, который лишь набирал обороты в последующие годы*** [103].

Что уже говорить об активистах Евромайдана. Как свидетельствуют его участники, в течение трех месяцев на нем слышалась как русская, так и украинская речь, и далеко неизвестно чья чаще, хотя никто это и не пытался фиксировать: все были объединены одной целью — отстранить от власти криминальную клику. Но означает ли стремительная политизация текущего момента, что культурное разнообразие регионов Украины нивелируется или даже игнорируется в общественном мнении (речь, собственно, идет о нем, а не государственной политике, за неимением таковой). Вопреки всему каждый народ несет в себе громаднейший культурно-духовный и интеллектуальный потенциал, унаследованный от предшествующих поколений, и именно в этом культурном разнообразии и содержится неиспользованный до сих пор громадный потенциальный ресурс вхождения Украины в европейскую цивилизацию. Культурная традиция не является альтернативой гражданскому единству, а составляет его духовную сердцевину. В этом показателе динамика тренда особенно разительная — ведь речь о гуманитарной составной человеческого бытия, стремящейся к консервированию и тщательному отбору своего духовно-морального императива.

Итак, сравним показатели 2006 и 2007 годов (новейших исследований мы просто не нашли), когда был задан вопрос: «К какой

культурной традиции вы себя относите?». Ответы были следующие: «к украинской» — 56,3% в 2006 году и, соответственно, 57,9% в 2007 г.; «к советской» — 16,4% (19,4%); «к русской» — 11,3% (10,1%); «к общеевропейской» — 6,6% (6,4%); «к другой» — 1,5% (1%); «сложно ответить» — 7,9%; (5,2% соответственно). Напрасно в этом процессе выискивать «перетягивания каната» в контексте «чья возьмет — украинская или русская традиция». Резервом для пополнения «украинской традиции», судя по всему, служит контингент так называемой «советской традиции», который чахнет с уходом старшего поколения, а новый миллениум пополняет ряды «украинской традиции». Последователи «советской традиции» в 2007 году составляли 30,8% среди контингента «60 лет и старше», и только 6,8% в составе молодежи «18–29 лет». Поэтому в старшей возрастной группе сторонников «украинской культурной традиции» было 52,4%, а среди молодежи — 65,3%. Удельный вес сторонников «русской культурной традиции» стабилизировался приблизительно на одном уровне: 9,5% среди старшей возрастной группы и, соответственно, 9,7% — среди молодежной. Однако о своей принадлежности к «общеевропейской культурной традиции» уже заявило 9,7% молодежи и лишь 2,9% людей пожилого возраста [104].

Были ли основания драматизировать отмеченные тренды как таковые, что якобы несут в себе угрозу раскола общества. Абсолютно никаких! На вопрос — «Какая культурная традиция будет преобладать в Украине в будущем (через 20–25 лет)?» — респонденты ответили (первый показатель — за 2006, а второй — 2007 год): «украинская» — 35,4% и 37%; «в разных регионах будут преобладать разные культурные традиции» — 21,7% и 24,7%; «общеевропейская» — 16,1% и 17,8%; «русская» — 2,1% и 3,3%; «советская» — 1,3% и 2%; «другая» — 1,3% и 0,7%; «сложно ответить» — 22,1% и 14,6%.

Эти показатели свидетельствуют, что участники опроса не идентифицировали свою региональную (преимущественно русскоязычную) культурную традицию как «русскую». Поэтому на Юге Украины в 2007 году перспективу для «региональной культурной традиции» видели 35%, а для «русской» — 3%. Соответственно на Востоке Украины — 31,3% и 6,7%; в Центре Украины — 19,2% и 1,4%. Даже в западном регионе, который сегодня так настойчиво изображают как «бандеровский» и сплошь «экстремистский», в 2007 году верили, что будет преобладать украинская культурная традиция всего лишь 49%; что в различных регионах будут свои традиции — 14,2%; что «общеевропейская» — 22,5%;

а «российская» — 0,9%. Все эти показатели зримо свидетельствовали о том, что на уровне гражданского общества, народной жизни, быта и традиций, в целом был достигнут общественный консенсус, который не давал никаких оснований для угрозы национального экстремизма [105].

Это успокаивало и даже расслабляло. На государственном уровне эту проблематику практически вывели из поля зрения. Министерство Украины по делам национальностей и миграции, которое в свое время заложило неплохую законодательную базу, было впоследствии переформировано в Государственный комитет Украины по делам национальностей и миграции, а потом, после череды реорганизаций, и тот был распущен. Проблемы национальных меньшинств вменили в обязанность малочисленному подразделению Министерства культуры Украины, которое было в состоянии разве что «сопровождать» стихийно развивающиеся процессы. Стоит ли удивляться, когда вот эта «стихия» была оседлана «казачками» — засланными и доморощенными, — которые всегда пребывали на глубокой периферии политических процессов, не набирая и необходимых 5% для победы на выборах в Верховную Раду.

Мы далеки от мысли, что любую проблему можно решить путем создания еще одной бюрократической структуры. Но нельзя допускать и мысли, что деликатные вопросы этнонациональных отношений или, например, конфессиональных отношений можно пустить на самотек. Наоборот, этими вопросами должны заниматься высоко подготовленные профессионалы и глубоко интеллигентные личности. Однако, после президентских выборов 2010 года к власти пришли люди, которые в лучшем случае имели представление о том, как управлять производством и получать барыши, но, как показала практика, были абсолютно несведущи в управлении социальными процессами. Как следствие — социум был взорван, связь между гражданским обществом и властью была разрушена, и не нашлось необходимых институтов, которые могли бы развязать конфликт в зародыше, обуздав волну негодования. В итоге в стране обнажились три незавершенных процесса: «борьба за суверенитет, модернизация страны, формирование единой политической украинской нации» [106].

Какое видение предлагает новый Президент Украины регионам страны для решения проблемы сохранения их идентичности? С чем, например, он собирается приехать на Донбасс: «С миром. С проектом децентрализации власти. С гарантией свободного использования в Вашем регионе русского языка. С твердым наме-

рением НЕ делить украинцев на правильных и неправильных. С уважительным отношением к специфике регионов. К праву местных общин на свои нюансы в вопросах исторической памяти, пантеона героев, религиозных традиций. С проработанным еще до выборов Совместным проектом с нашими партнерами из Евросоюза по созданию рабочих мест на Востоке Украины. С перспективой инвестиций, с проектом программы по экономической реконструкции Донбасса». Эти меры никак не могут повлиять на подрыв территориальной целостности и морально-политической консолидации украинского общества. Потому что «жить по-новому означает не пренебрегать волей народа. Жить свободно — значит пользоваться родным языком. Руководствоваться статьей 10 Конституции. Она определяет украинский язык как единственный государственный, но гарантирует свободное развитие русскому и другим языкам» [107].

1.9. «Постмайданье»

В апреле-мае 2014 года Украина сосредоточилась не президентских выборах. С одной стороны, гражданское общество понимало, что введение чрезвычайного положения или другого режима, который бы поставил под сомнение результаты выборов, было бы крайне нежелательным. Однако, с другой стороны, политика страны в отношении обеспечении единого правового поля выглядела, мягко говоря, не всегда эффективной. Регионы страны как бы присматривались друг к другу в ожидании действенных встречных шагов по консолидации общества перед лицом угрозы расширения очагов военных действий и дальнейших потерь территориальной целостности страны.

Но результаты выборов 25 мая 2014 года превзошли все ожидания. Самое главное — они подвели черту под нелегким периодом легитимации государственной власти Украины. Во-первых, Петр Порошенко, набрав без малого 55% голосов, был избран президентом с большим отрывом в первом туре голосования, что неопровержимо свидетельствует о единстве политических устремлений гражданского общества. Во-вторых, впервые за всю историю независимой Украины новоизбранный президент победил во всех областях Украины, прервав «дурную бесконечность» традиционного раздела на «гетманов» правобережных и левобережных. В третьих, более 90% голосов было отдано за кандидатов, отстаивающих принцип унитарного государства и отвергающих любые

варианты федерализации. В-четвертых, никогда еще за годы независимой Украины не ощущалось такого отсутствия любого административного давления на волю избирателей. В-пятых, был невиданный до сего дня массовый наплыв избирателей на участки (официально названная явка — более 60% избирателей — объясняется невозможностью свободного волеизъявления жителей Крыма, Донецкой и Луганской областей, а это свыше 6 млн объективно отсутствующих людей).

То есть, новоизбранный президент получил огромный кредит доверия от общества, которое надеется, что полное уважение к демократии, правам человека и верховенству права должно быть единым способом гарантирования украинскому народу процветания и мирного будущего. ***По своей значимости эти выборы можно приравнивать к декабрьскому референдуму 1991 года о независимости Украины.***

Их весомость важна и в плане опровержения всех тех стереотипов о якобы установлении в Украине «крайне правого режима хунты». Даже лидер Правого сектора Дмитрий Ярош, которым кое-кто пугал взрослых и детей (вспомним хотя бы появление на первом российском телеканале фейкового сообщения о 37% голосов, якобы набранных Ярошем), получил поддержку всего лишь 0,9% голосов избирателей. С низкими результатами пришел к финишу и лидер крайне правой «Свободы» Олег Тягнибок (1,2%), а также лидер коммунистов Петр Симоненко (1,5% голосов).

Были ли эти результаты выборов неожиданными. Вряд ли. В конце декабря, с появлением Евромайдана в нашей стране, стало ясно — гражданское общество заявило о себе как о весомом субъекте в общественной жизни Украины. Параметры этого феномена были замерены социологической службой Центра Разумкова еще в период с 21 по 25 декабря 2013 года. Они засвидетельствовали о том, что подавляющее большинство жителей всех макрорегионов (от 88% на юге до 99% на западе, а по Украине в целом — 95%) воспринимают Украину как свою Родину. Более того, 84,5% респондентов считают себя патриотами Украины (в западном регионе — 94%, в центральном — 88,5%, в восточном — 81%, в южном — 72%). Большинство граждан Украины отрицательно относятся к идеям федерального уклада (отрицательное отношение выразили 61%, положительное — лишь 16%). Еще ниже уровень поддержки получили идеи отделения области (региона) от Украины и присоединения к другому государству (не поддерживают — 81%, поддерживают — 6,5%). Такое же отрицательное отношение фиксировалось при прочих вариантах: создание независимого

государства на основе юго-восточных областей Украины (соответственно 80% и 6%), отделение юго-восточных областей от Украины и присоединения к России (соответственно 80% и 7,5%), образование на территории нынешней Украины двух независимых государств — 1) на основе юго-восточных областей и 2) на основе западных и центральных областей (не поддерживают такую идею 77% опрошенных, а поддерживают — 7%).

Таким образом, ставка на широкую поддержку населением Украины сепаратизма выглядела уже тогда совершенно призрачной. Согласно опросу, всего 5,5% респондентов хотели бы, чтобы их область вышла из состава Украины и присоединилась к другому государству (такое желание выражают 2,5% опрошенных в западном регионе, 0,5% — в центральном, 9% — в восточном, 13 — в южном регионе). При этом, 4,5% респондентов хотели бы, чтобы их область вышла из состава Украины и создала свое независимое государство (такое желание выражают 3% опрошенных в западном регионе, 1% — в центральном, 5% — в восточном, 13% — в южном регионе). А в целом, ***61% участников опроса не считали, что между западными и восточными регионами Украины существуют настолько глубокие политические противоречия, языковые и культурные отличия, экономические диспропорции, что в перспективе они могут разъединиться и (или) создать свое собственные государства, или же войти в состав различных других государств*** [108].

Таким образом, еще за несколько месяцев до официальной избирательной кампании было видно, что идея федерализации Украины объективно не должна была находить себе поддержки в общественном мнении страны. Что особенно важно в текущем моменте — многие крупнейшие бизнесмены впервые за всю историю независимости открыто выступили в защиту геополитических интересов Украины. И это вносит элемент оптимизма в час, когда нерушимость границ и территориальная целостность государства поставлена под вопрос. А это та «красная черта», через которую преступать нельзя.

Итак, какую же общую характеристику можно предложить, оценивая все происходившее в Украине? Известный российский публицист Анатолий Стреляный предлагает определять ее как *антикриминальную* и *национально-освободительную революцию*. Может быть и так. Однако, наверное, следовало бы повременить и подождать результатов дальнейших экономических и социально-политических преобразований в стране. В какую сторону они будут эволюционировать?

А до тех пор воспримем Майдан не как революцию в ее классическом понимании — изменение общественно-политического строя, судя по всему, не предвидится. Скорее всего, это «морально-гражданская революция», которая обязывает к преодолению имперского прошлого и наполнению лозунга «Украина — это Европа» конкретным практическим содержанием. Но уже сейчас можно констатировать, что украинское общество продемонстрировало высокий уровень консолидации вокруг европейских ценностей свободы и верховенства права. Евромайдан засвидетельствовал, что действенные изменения в политико-правовом устройстве страны невозможны без создания и последующей поддержки со стороны гражданского общества, в среде которого рождаются зримые элементы партиципаторной политической культуры, признающей необходимость непосредственного участия широких слоев населения в политическом процессе. Конечно, еще рано говорить о высоком уровне институциональных компетенций граждан. В то же время два фактора — право выбирать как непременная фундаментальная ценность, и масштабные гражданские движения — Рух 1991 года, «оранжевое» движение 2004 года и Евромайдан 2013–2014 годов — в определенной мере возмещали нехватку институциональных компетенций в общественном сознании высоким уровнем морально-духовных установок.

И, наконец, не следует забывать и международное значение этих выборов. Свидетельство этому — все те официальные поздравления Петру Порошенко со стороны президентов и глав правительств ведущих государств мира. Но нам, как представителям системы науки и образования, будет уместно процитировать и слова французского ученого, публициста и гражданского деятеля Бернара-Анри Леви: «Думаю, совершенно реально — Украина не утонет. И я верю, что она не потерпит крушения. Ибо если потонет Украина — потонет и вся Европа. Наши судьбы сегодня полностью связаны» [109]. Насколько дальнейшая судьба Украины будет связана с Россией — покажет будущее. Жить нам придется все равно рядом, значит надо находить общий язык.

Однако, какую же судьбу уготовила себе сама Украина? Пока что приходится исходить из того, что шли мы до сих пор как бы наощупь — путем проб и ошибок. Все проблемы и трагедии, с которыми столкнулась Украина на переломе 2013–2014 годов — прежде всего результат этих проб и ошибок, которые всем нам еще предстоит проанализировать и осмыслить. Однако, во весь рост стала проблема определения «проекта будущего», который и сможет консолидировать общество, придать ему вид «идентичности

проекта будущего». Как отметил Президент Украины, «вокруг идеи независимости, свободы, достоинства, правового государства, европейской интеграции объединилась вся Украина и все мировое украинство» [110].

Попытаемся и мы внести свою лепту в определение тех черт, от которых нам необходимо избавиться. Будем первоначально исходить из того, что течение общественных процессов подлежит закону: «вызов — ответ» (Арнольд Тойнби). Вызов обусловливает стимул к развитию общества, побуждает его к переходу на более высокую ступень самореализации и социально-экономической модернизации. Вместе с тем, присутствует и риск того, что если вызов слишком мощный и масштабный, то общество может не найти адекватный ответ на него.

В основе нынешнего вызова, который возник перед Украиной, лежит ряд факторов. Во-первых, это неразрешенность проблем прошлого, чрезмерная традиционность организации общественной жизни и построения государственности. Мы не отказались от советских норм строительства, создавая Украинское государство. В итоге получили страну с чрезмерной централизацией власти, отсутствием какой-либо самостоятельности регионов, назначением руководителей из центра, их независимостью от населения и т.д.

Во-вторых, к полученным в наследство упущениям мы добавили новые, либо же активизировали старые: коррупция, вседозволенность и безнаказанность чиновников, продажность, несправедливость, произвол и крайняя степень разложения судебной власти и правоохранительных органов. Особенных масштабов эти и другие отрицательные явления приобрели в последние несколько лет. В результате, в условиях критической ситуации, обнаружилась полная деградация правоохранительных структур.

В-третьих, несостоятельность власти и общества, с которым более 20-ти лет заигрывают популистские политические силы Украины, осуществить назревшие реформы социально-экономической жизни. Это, с одной стороны, обусловило невозможность вести успешную предпринимательскую деятельность, а с другой — повлекло за собой необоснованно низкий уровень жизни людей. Все этажи представительской власти — от Верховной Рады до районной — буквально переполнены людьми бизнеса. И в значительной степени потому, что другого способа наладить эффективное производство, а то и просто защитить бизнес, часто оказывается невозможно. Это стало особенно очевидно в последние годы.

В-четвертых, в украинском государстве забыли о человеке, его воспитании, формировании новых черт, ценностей, прежде всего

чувства гражданина Украины, а не гражданина Крыма, Донбасса или другого региона. Все было отдано на откуп нецивилизованному рынку, с его искривленной системой ценностей, часто продажными (именно так, а не коммерческими) телеканалами, да и другими СМИ, на поругание политикам и политическим технологиям, которые не только делят и разделяют Украину, а и, как говорится, ради красного словца не пожалеют и отца.

И, наконец, в-пятых, доминирующий при нынешнем кризисе фактор, это политика России, которая осуществляет активные действия по обновлению Российской империи. Правящие круги РФ пренебрегают при этом всеми нормами международного права, собственными договорными обязательствами, коварно провоцируют недовольство людей в Украине и прибегают к прямому, неприкрытому вмешательству во внутренние дела Украины вплоть до вторжения армии и вооружения сепаратистов. Все это происходит под прикрытием невиданной ранее и лживой пропаганды. К сожалению, мы здесь вовремя не собрались с силами, чтобы дать достойный отпор. И не мудрено, поскольку какой-то взвешенной целостной гуманитарной политики, особенно в последние годы, у нас просто не было. Наоборот, осуществлялась сознательная политика уступок достигнутого в пользу России.

Можно однозначно утверждать: если бы не вражеские действия России, кризиса нынешнего масштаба не было бы. К тому же внутренние причины недовольства по своей логике не вели к требованиям отделения от Украины отдельных регионов. Формирование именно этой направленности протестов и разностороннее содействие им — от координации до финансово-экономического и материального обеспечения и является результатом массированного российского вмешательства.

Для того, чтобы Украина не только сохранилась как государство, но и сделала весомый шаг в своем развитии, следует консолидировать общество. И в этом плане важнейшей задачей общественных наук является формирование консолидационной парадигмы модернизации страны.

Консолидация украинского общества является единственным способом сохранения Украинского государства и его дальнейшего цивилизационного развития. Консолидация государства-нации — это результат длительных усилий, даже жертв и самоотдачи. Героическое прошлое, славные предки и современники, настоящая заслуженная слава не только прошлого, но и современного — вот главный капитал, на котором основывается национальная идея. Иметь славу в прошлом и общее желание достигнуть результатов

в будущем, осуществлять вместе значимые поступки, разделять общую славу и общую скорбь, реализовывать общую программу модернизации страны — вот это и есть составные украинской национальной идеи. Наиболее ярко общность исторической судьбы проявляет себя в желании жить вместе.

Тем более, уже сегодня следует задуматься над библейским вопросом — «Quo vadis, Domine?» (*Куда Ты идешь, Господи*), — который две тысячи лет назад поставил апостол Петр перед Иисусом Христом. И услышал ответ «Я иду в Рим на второе распятие»... Пережив распятие Голодомором в составе СССР, примет ли Украина судьбу второго распятия в форме государственного раскола Украины?

Кризис, как выбор пути, заставляет нас задуматься. Ведь с философской точки зрения фраза «Куда ты идешь?» является предложением (в форме вопроса), осмыслить, правильно ли мы живем, туда ли идем в своей жизни, верны ли наши жизненные цели и ценности.

Литература

1. Отношение украинцев к России радикально ухудшилось — опрос. — Доступно: http://news.liga.net/print/news/politics/1633262-otnoshenie_ukraintsev_k_rossii_ukhudshilos_opros.htm; Украинцы относятся к России лучше, чем россияне к Украине (опрос): Новости УНИАН. — Доступно: http://www.unian.net/sosiety/770639-ukraintsi; Отношение украинцев к России и ЕС/ Общество/ The Kiev Times. — Доступно: http://thekievtimes.ua/society/343324-otnoshenie; Большинство украинцев осуждают Путина и рады соглашению с ЕС — опрос. — Доступно: http://ru.tsn.ua/article/print/politika/ukraincy-osuzhdaut-putina-i-rady-soglasheniyu-s-es-opros-356329.html

2. Почти 70% украинцев выступают против второго государственного языка — Общество: деловой новостной сайт Дело Украина — Доступно: http://delo.ua/ukraine/pochti-70-ukraincev-vystupajut-protiv-vtorogo-gosudarstvennogo-j-234322/

3. Ежедневный журнал: Медиафрения. Демаркация. — Доступно: http://ej.ru/?a=note_print&id=25038.

4. Россияне назвали своих самых ярых врагов. Украина 0 № 2 / Украинская правда. — Доступно: http://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/06/5/7028104/

5. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

6. Послезавтра «Агрессия Путина в Крыму изменит отношение к русским (обзор прессы). — Доступно: http://poslezavtra.com.ua/aggressiya-putina

7. В ожидании чуда: российское общество после крымских событий. Беседа политолога Эмиля Паина и социолога Льва Гудкова // Политическая концептология — № 1, — 2014. — С. 72.

8. Там же.

9. Полная версия пресс-конференции Путина по ситуации в Украине/ Страна/Вести. — Доступно: http://vesti.ua/strana/40907-polnaja-versija-press-konferencii-putina-po-situacii-v-ukraine.

10. Выступление Путина: «Новороссия» и другие яркие цитаты — Новости дня — bigmir)net. Доступно: http://news.bigmir.net/world/809994-Vystuplenie-Putina-Novorossija-i-drugie-jarkie-citaty.

11. Там же.

12. В ожидании чуда: российское общество после крымских событий. Беседа политолога Эмиля Паина и социолога Льва Гудкова // Политическая концептология — № 1, — 2014. — С. 72.

13. Ситуация на Юго-Востоке Украины. — Доступно: http://www.levada.ru/print/02-06-2014/situatsya-na-yugo-vostoke-ukrainy

14. Каин, где твой брат Авель? / АНТИСОВЕТСКАЯ ЛИГА. — Доступно: http://maxpark.com/community/4375/content/2615582/print.

15. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

16. Украинская армия: три пути после агрессии России. — Доступно: http://news.liga.net/print/articles/politics/1015403-ukrainskaya_armiya

17. Украинцы поддерживают вступление в ЕС и унитарную страну, — опрос — Фокус.ua. Доступно: http://focus.ua/society/304099

18. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

19. Украинская армия: три пути после агрессии России. — Доступно: http://news.liga.net/print/articles/politics/1015403-ukrainskaya_armiya.

20. Кремень В. Ткаченко В. Україна: ідентичність в добу глобалізації (начерки метадисциплінарного дослідження) 2-ге видання доповнене. — К., Точвариство «Знання» України, 2013. — С. 130.

21. Украинцы поддерживают вступление в ЕС и унитарную страну, — опрос — Фокус.ua. Доступно: http://focus.ua/society/304099

22. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

23. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

24. Всего за два десятилетия из России через офшоры вывезли почти 800 млрд долларов / Против коррупции. — Доступно: http://protivcorr.org/2012/08/05/za-20-let-iz-rossii-viveli-800-milliardov/

25. Яценюк: Из финансовой системы Украины на оффшорные счета было выведено $70 млрд /фрАза. — Доступно: http://fraza.ua/print/27.02.14/189360/jatsenjuk_iz_finansovoj_sistemi_ukrainy

26. Кастельс М. Информационная эпоха: эклономика, общество и культура / М. Кастельс. — Доступно: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/08.php.

27. Запад обещает вернуть Украине миллиарды, похищенные при Януковиче / Политика. — Доступно: http://maxpark.com/community/politic/content/2585206

28. Дубровик А. «Як повернути вкрадені в українців гроші?» // День. — № 81. — 7 мая 2014. — С. 6.

29. Украинские деньги, выведенные в офшоры, можно вернуть только в теории — юрист — Новости — Эксклюзив — Голос Столицы 106 FM Русск. — Доступно: http://newsradio.com.ua/rus/2014_04_03/Ukrainskie-dengi-vivedennie-v-ofshori-mozhno-vernut-tolko-v-teorii-jurist-8895/?print=1

30. Яценюк: предыдущие власти вывели в офшоры 70 миллиардов долларов. — Доступно: http://news.tut.by/world/388660.html

31. Антикризисным мерам правительства пророчат повал из-за недоверия народа. — Доступно: http://rus.newsru.ua/ukraine/02may2009/geecz-print.html

32. Теория развитого капитализма: Expert.ua. — Доступно: http://www.expert.ua/print/83/58/1621/

33. Коваль П. Україні потрібен новий План Маршалла // День. — 2014. — № 14. — С. 3.

34. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

35. Мостовая Ю. Купеческое слово. Президентское дело. // Зеркало недели. — 2014. — № 21 (167). — 14–21 июня. — С. 1,3.

36. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

37. Бжезинский З. Глобальное политическое пробуждение. — Доступно: http://politzone.in.ua/index.php?id=752; Бжезинский З. Новый глобальный политический порядок. — Доступно: http://www.armtoday.info/default.asp? Lang=RU&NewsID=51466; Выступление Збигнева Бжезинского на вручении премии Токвиля. — Доступно: http://inosmi.ru/usa/20111102/177005474.html

38. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

39. Бжезинский З. Глобальное политическое пробуждение. — Доступ: http://politzone.in.ua/index.php?id=752

40. Давос между деньгами и футурологией. Газета «Коммерсантъ Украина», № 9 (1928), 23.01.2014. — Доступ: http://www.kommersant.ua/doc/2390056

41. Зальцберг Б. Давос-2014: три способа изменить мир. — Доступ: http://forbes.ua/opinions/1363796-davos-2014-tri-sposoba-ismenit-mir#print

42. Попель С. Падение рынка труда Украины: влияние демографических, социальных и экономических факторов. — Доступно: http://dialogs.org.ua/ru/progtct/page19237.html

43. Почти половина украинцев планирует эмигрировать // Вести. — 2014. — 18 марта. — С. 5.

44. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — Доступно: http://www.gumer.info/bibliotek_Duks/Polit/kastels/08.php

45. Пол Кругман. Выход из кризиса есть! Кругман П. — Доступно: http://thelib.ru/books/pol_krugman/vyhod_iz_krizisa_est-read.html

46. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

47. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

48. Цит. за: Кремль зупинятися в Криму не збирається. Політика Путіна як класичне руйнівне імперське розширення, що служить лише зміцненню внутрішньої влади // День, — № 48. — 18 березня 2014 р. — С. 8.

49. Выступление Збигнева Бжезинского на вручении премии Токвиля. — Доступно: http://injsmi.ru/usa/20111102/177005474.html

50. Гальчинський А. Глобальні трансформації / А. Гальчинський. — Либідь, 2006. — С. 251.

51. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — Доступно: http://www.gumer.info/bibliotek_Duks/Polit/kastels/08.php

52. Полищук О. Путиноборец Тарута // Власть денег. — № 10–17. — март-апрель 2014. — С. 34.

53. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — Доступно: http://www.gumer.info/bibliotek_Duks/Polit/kastels/08.php

54. Там же.

55. Дерлугьян Г. Эволюция Российского государства в миросистемной перспективе, 1000–2010 гг.н.э. — Доступно: http://samlib.ru/m/militarew_w/derlugyan-rossia.shtml

56. Там же.

57. Никольский С. Н. Русские как имперский народ // Политическая концептология, № 1, — 2014. — С. 42, 53. — Доступно: www.politconcept.sfedu.ru

58. Макаренко В. П. Русская власть и модернизация: общие тенденции на фоне новейших исследований // Политическая концептология. — № 1. — 2014. — С. 20. — Доступно: www.politconcept.sfedu.ru

59. Там же.

60. Баррозу і Путін домовилися про тристоронні консультації в контексті підписання УА з Україною. — Доступно: http://ua/korrespondent.net/ukraine/politics/3378022-barrozu-i-putin-domovylysia-protrystoronni-konsultatsii-v-konteksti-pidpysannia-ua-z-ukrainoui

61. Выступление Владимира Путина... 2013. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». — RG.RU. Российская газета. — Доступно: http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html

62. Там же.

63. Опитування: З яким твердженням щодо історії України Ви згодні найбільшою мірою? // Центр Разумкова. — http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=285

64. Социальная общность — понятие, признаки и виды. — Доступно: http://www.grandars.ru/college/sociologiya/socialnaya-obshchnost.html

65. Там же.

66. Широпаев, А. Украинский и российский пути в истории: толчок к размышлениям. — Доступно: http://www.day.kiev.ua/290619?idsource=298307&mainland=rus

67. Там же.

68. Анатолий Вассерман: Украину ждет воссоединение с Россией. — Доступно: www.aif.ru/euromaidan/prediction/1038863

69. Демографический прогноз: Украина уже скоро может исчезнуть как отдельное государство:: Аналитика:: Накануне.TV. — Доступ: http://www.nakanune.ru/service/print.php?articles=8461

70. Беглярова И. Демографическая ситуация — производная состояния общества. Журнал «Российская Федерация сегодня», № 11, 2007 г. — Доступно: ricolor.org/rus/zn/ts/demograf_nabat/1/

71. Караганов С., Авченко В. Первые контуры Большой Евразии. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/pubcol/Pervye-konturu-Bolshoi-Evrazii-17480

72. Яковенко И. Украина и Россия: сюжеты соотнесенности. Журнальный зал / Вестник Европы, 2005, № 16 / — Доступно: http://magazines/russ/ru/vestnik/2005/16/ia5-pr.html

73. Там же.

74. Там же.

75. Треть россиян считает соглашение Украины с ЕС предательством. — Доступно: http://www.levada.ru/print/25-11-2013/tret-rossian-schitaet-soglashenie-ukrainy-s-es-predatelstvom

76. Опрос: Россияне считают протесты на Украине государственным переворотом. — Доступно: http://www.levada.ru/11–02–2014/opros-rossiane-schitaut-protesty-na-ukraine-gosudarstvennym-perevorotom

77. Теория развитого капитализма. / «Эксперт», № 7 (501). — Доступно: http://m.expert.ru/expert/2006/07/interview_kalhun_69378/

78. Там же.

79. Там же.

80. Америка должна стать нормальной страной — Российская газета. — Доступно: http://www.rg/printable/2006/02/02/politolog-usa.html

81. Никольский С. Н. Русские как имперский народ // Политическая концептология, № 1, — 2014. — С. 51. — Доступно: www.politconcept.sfedu.ru

82. Теория развитого капитализма: Expert.ua. — Доступно: http://www.expert.ua/print/83/58/1621/

83. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

84. Ирхин А. Проблемы интеграционного выбора Украины на современном этапе. — Доступно: http://rusprostranstvo.com/article/view/578

85. Гіденс Е. Нестримний світ: як глобалізація перетворює наше життя / Е. Гіденс. — К., Альтерпрес, 2004. — С. 58.

86. Стігліц Дж. Глобалізація та її тягар / Дж. Стігліц. — К., 2003. — С. 232.

87. Кардозу Ф.Э. «Только демократия может укоротить рынок» / Ф.Э. Кардозу. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/n_5756

88. Угода з МВФ негайно здешевить зовнішні позики України на 1,5% — експерт / Новини / Finance.ua. — Доступно: http://news.finance.ua/ua/~/1/o/all/2013/10/15/310948/printable; Кредит МВФ майже вдвічі дешевший для України, ніж російська позика / Новини / Finance.ua — Доступно: http://news.finance.ua/ua/~/1/2014/03/28/322371/printable

89. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

90. Юго-Восточная Украинская Автономная Республика — Википедия. — Доступно: http://ru.wikipedia.org/wiki; Так не доставайся ж ты никому! О спекуляциях на тему разделения Украины. — Доступ: http://lenta/ru/articles/2014/01/25/seperated/

91. У Корзуна — Андрей Илларионов / Украина в поисках идентичности. — Доступно: http://marina-herriott.livejournal.com/523173.html].

92. Звездный десант // Фокус, — 2014, — № 10(373). — С. 18.

93. Так не доставайся ж ты никому! О спекуляциях на тему разделения Украины. — Доступ: http://lenta/ru/articles/2014/01/25/seperated/

94. Главный олигарх Украины призвал политиков не допустить возможного раскола страны. — Доступ: http://www.regnum.ru/news/1745080.html

95. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

96. Опитування: Як Ви ставитеся до наведених атрибутів незалежної української держави? (динаміка 2011–2012)// Центр Разумкова. — Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=779

97. Опитування: Чи є Україна європейською державою?// Центр Разумкова. — Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=673&&address=poll

98. ІФАК: Материальные проблемы украинцев волнуют сильнее, чем россиян. — Доступно: http://www.rosbalt.ru/ukraina/2011/01/19/810163.html

99. Статус русского языка оказался на 31 месте среди приоритетов украинцев, НАТО — на 33-м. — Доступно: http://zn.ua/article/print/SOCIETY/status-russkogo-yazyka

100. Некомпетентность правительства волнует украинцев в 1,5 раза больше, чем полгода назад. — Доступно: http://zn.ua/article/print/POLITICS/nekompetentnost-pravitelstva

101. Опитування: Деякі політики і публіцисти стверджують, що відмінності культури…. Доступно: http://razunkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=7198&&address=poll

102. Що ви відчуваєте, коли незнайома людина звертається до вас українською/російською мовою? // Центр Разумкова. — Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll-id=896

103. Опитування: Яка мова для вас є рідною (динаміка 2006–2008) // Центр Разумкова. — Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll_id=290

104. Опитування: До якої культурної традиції ви себе відносите? (динаміка 2006–2007) (регіональний, віковий розподіл за національністю). — Доступно: http://rasumkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=6938&&address=poll

105. Опитування: яка культурна традиція переважатиме в Україні в майбутньому (через 20–25 років)? (динаміка 2006–2007) (регіональній, віковий розподіли та розподіли за національністю). — Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php&poll_id=700

106. Революційна ситуація в Україні спричинена відсутністю ефективних інститутів // Центр Разумкова. — Доступно: http://rasumkov.org.ua/ukr/point.php?lng=UKR&&news_id=4505&&adress=expert

107. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

108. 95% жителей Украины считают ее Родиной — опрос.: Новости УНИАН. — Доступно: http://religions.unian.net/religionssociety/892806-95-jiteley-ukrainyi-schitayut-ee-svoey-rodinoy-opros.html

109. Леви Б. — А. «Если потонет Украина — потонет вся Европа. Наши судьбы сегодня полностью связаны» // Зеркало Недели. — 2014. — № 18(164). — 23 мая. — С. 5.

110. Инаугурационная речь президента Порошенко: полный текст — 112.ua — Версия для печати — 112.ua. Доступно: http://112.ua/article/print/glavnye-novosti/inauguracionnaja-rech-presidenta-poroshenko-polnyy-tekst-72737.html

Раздел II.
«ПУТИНИЗМ»: ШОВИНИЗМ ПОСТСОВЕТСКОГО РЕВАНША

И сюда нас, думаю,
Завела не стратегия даже,
Но жажда братства:
Лучше в чужие встревать дела,
Коли в своих нам не разобраться.
(Иосиф Бродский)

16 июня 2014 года в Центре Уилсона (США) состоялась конференция под названием «Взаимная безопасность под вопросом? Россия, Запад и архитектура европейской безопасности». Выступая на ней, Збигнев Бжезинский охарактеризовал украинский кризис как «симптом более серьезной проблемы: проявления политики, упакованной внутри более масштабной философской концепции» современной путинской России. По его мнению, «решить эту проблему будет крайне трудно», потому что «многое зависит еще и от того, ***станет ли Украина симптомом успеха или краха путинского мировоззрения***. Коротко говоря, ставки высоки» [1].

То есть, нынешняя агрессия России в отношении Украины рассматривается Бжезинским как своеобразный «оселок», на котором будет засвидетельствован «успех или крах путинского режима». А что будет с Украиной в случае «успеха» путинского режима? Вот этот вопрос как то ведущими западными политологами оставляется «за кадром». А зря — ведь это не только судьба сорокапятимиллионного украинского народа, это еще и судьба великой «европейской мечты», которая, в случае дистанцирования Запада от решения украинского вопроса, будет навсегда осквернена грехопадением их власть предержащих.

Выступление Бжезинского стало продолжением более широкого дискурса, развернувшегося в мире, а прежде всего в самой России, вокруг проблемы идентичности современного путинского режима. В частности, Бжезинский апеллировал к статье Игоря Зевелева — доктора политических наук, руководителя филиала фонда Макартуров (являющегося скорее западной структурой,

нежели российской). Центральная мысль публикации Зевелева состоит в том, что до весны 2014 года российские дискуссии о национальной идентичности, включая «русский мир», носили более отвлеченный характер, «мало соприкасались с повесткой дня в области внешней политики и безопасности. ***Революция на Украине перевела эти вопросы в разряд важнейших для выживания нации и государства***» [2].

Действительно, за последние 20 лет в России был наработан широкий круг идей, касающихся ее постсоветской идентичности. Но принципиальное новшество текущего момента состояло в том, что правящие круги страны выбрали из этого круга идей именно те, которые представлялись им наиболее подходящими для легитимации путинского режима и укрепления силы и влияния российского государства.

Прежде всего, по мнению Игоря Зевелева, речь может идти о следующих *двух концепциях*: «***Первая*** — идея о том, что Россия должна быть мощной, самостоятельной великой державой, являющейся оплотом всех консервативных сил, борющихся против революций, хаоса и либеральных идей, насаждаемых США и Европой. ***Вторая*** — представление о существовании большого русского мира и российской цивилизации, отличной от западной и выходящей за государственные границы собственно России. Обе концепции не очень хорошо совмещались с доминирующими дискурсами на Западе ***и воспринимались там как своеобразная интеллектуальная архаика***», якобы не имеющая никакого прямого отношения к системе современных международных отношений и европейской безопасности.

А ведь очень даже зря — в итоге это привело к недооценке на Западе всех упомянутых теоретических построений. А следствием такого легковесного отношения со стороны Запада стало то, что аннексия Россией Крыма в марте 2014 года оказалась полной «неожиданностью для большинства зарубежных лидеров и аналитиков, не погруженных во ***внутренний российский дискурс, развивавшийся все более изолированно от глобальных тенденций***». В итоге, считает профессор Зевелев, аналитики должны осознать, что решения, принимавшиеся в Москве в феврале-марте 2014 года, ***были продиктованы не просто стремлением России прирастить территорию за счет Крыма, а питались особым мировоззрением и важными для российского менталитета концепциями. Речь идет, прежде всего, о концепциях: «разделенного народа»; защиты соотечественников за рубежом; «русского мира» и «большой российской цивилизации»*** [3].

К подобной мысли склоняется и Збигнев Бжезинский: «То, что мы сейчас наблюдаем в Украине, это, с моей точки зрения, не просто ссора, а симптом более серьезной проблемы — а именно, постепенного и устойчивого подъема российского **квази-мистического шовинизма**, который продолжается уже в течение шести или семи лет. ***Главную роль в этом сыграл Путин, и содержание этой новой концепции полностью определяет отношения России с миром в целом и с Западом в частности***» [4].

Таким образом, в свете агрессии против Украины проблема дискурса вокруг идентичности агрессора касательно России приобрела особую актуальность. Мы не ставим перед собой задачу проанализировать весь корпус существующих ныне аналитических материалов, касающихся российской идентичности — это задача целого научного коллектива, которая, надеемся, когда-нибудь будет осуществлена. Просто воспользуемся рядом наиболее авторитетных для нас научных разработок.

В первую очередь речь идет об аналитическом докладе «Самоопределение России», подготовленном под руководством Георгия Шахназарова в «Горбачев-Фонде» при финансовом содействии Корпорации Карнеги (Нью-Йорк). Представленный общественности 15 мая 2000 года, этот документ и 15 лет спустя, выдержал проверку временем и подтвердил профессионализм и заслуженный авторитет ныне покойного руководителя проекта [5].

Следующим базовым материалом послужит для нас широкий корпус публикаций, подготовленных в рамках проектов «Левада-Центра» под руководством его директора — Льва Гудкова. Широкое международное признание этого коллектива и его руководителя говорит само за себя. Третий корпус публикаций — материалы, собранные в своеобразном дайджесте «Россия в глобальной политике», где самими же российскими аналитиками подобраны наиболее значимые, с их точки зрения, публикации — российские и зарубежные — касающиеся российской идентичности в контексте современного российско-украинского кризиса.

2.1. Социальные истоки «путинизма»

Итак, в какой степени аннексия Крыма оказалась «полной неожиданностью» для большинства зарубежных лидеров и аналитиков, не погруженных во внутренний российский дискурс? Восстановим последовательность событий. Поворотным моментом, судя по всему, стало 1 марта 2014 года, когда президент России

внес в Совет Федерации обращение с просьбой разрешить использование российских вооруженных сил на территории Украины. Таким образом, формальность со стороны президента была соблюдена, поскольку, согласно Конституции, только верхняя палата парламента может дать президенту право на использование российских войск в другой стране. Как и следовало ожидать, Совет Федерации не замедлил отреагировать — менее чем через час после внесения обращения Путина он собрался на экстренное заседание, где просьба президента и была удовлетворена единогласно. В итоге, впервые за 69 лет послевоенной истории Европы, Россией был осуществлен силовой захват территории — произошла аннексия Крыма. Но это случилось несколько позже.

А вечером 2 марта 2014 года по московскому времени состоялся продолжительный телефонный разговор Путина и Меркель с попыткой (с ее стороны) урегулирования украинского кризиса при участии миссии ОБСЕ. Однако в итоге случилось нечто из ряда вон выходящее: сразу же после этого разговора канцлер ФРГ перезвонила президенту США Бараку Обаме и сообщила ему, что российский президент потерял «связь с реальностью». Более конкретно слова немецкого канцлера звучали таким образом: ***«она не уверена, сохранил ли господин Путин связь с реальностью», поскольку он пребывает «в другом мире»***. Именно эти слова привела газета The New York Times на сайте со ссылкой на свои собственные источники информации [6].

В связи с происшедшим газета выразила озабоченность возможной оккупацией Крыма со стороны России. За этой обеспокоенностью угадывался кардинальный вопрос: «может ли Обама быть достаточно жестким, чтобы одолеть бывшего полковника КГБ в Кремле?». Вряд ли кто в состоянии дать однозначный ответ на поставленный в газете вопрос. Кто может предвидеть будущее? Остается только поверить авторитетному мнению Збигнева Бжезинского, где Барак Обама характеризуется «очень четким в своих реакциях и достаточно сильным в оценках российской агрессивности по отношению Украины. Но у него есть союз [ЕС], есть альянс [НАТО], в который в общей сложности входит 25 или более государств, некоторые из них являются очень сдержанными. Они все очень рады иметь защиту в виде Америки и НАТО. Но не все из них готовы нести свое бремя, чтобы стоять вместе с США. Это займет некоторое время, чтобы мобилизоваться всем странам, но уже сейчас канцлер Меркель, очень сильная фигура в мировой политике, поддерживает сильные реакции. Президент Франции Оланд начинает реагировать таким же образом. Премьер Британии Кэмерон глубоко обеспокоен происходящим, и многие другие лидеры стран» [7].

Так или иначе, а реакция Обамы на звонок Меркель была экстренной. Обменявшись мнениями со своими союзниками, Барак Обама решил послать госсекретаря Джона Керри в Киев, а также одобрил ряд дипломатических и экономических санкций — «жалящих» мер против России. Далее он обсудил с руководством Великобритании и Польши вероятные планы России относительно военной операции против Украины. Тут же Обама осудил решение Путина, назвав его нарушением международных обязательств. В свою очередь госсекретарь США Керри в телеинтервью заявил, что Россия ведет себя как страна XIX века, осуществляя «невероятный акт агрессии» и пригрозил Москве введением санкций и экономической изоляцией. И лишь немного спустя, в ночь на понедельник (3 марта), на сайте Белого Дома уже было опубликовано сообщение о том, что все страны «большой семерки» — США, Канада, Франция, Великобритания, Германия, Италия и Япония — приняли решение приостановить свое участие в подготовке саммита G-8, который должен был пройти в Сочи в начале июня. Эти же страны пригрозили введением экономических санкций против России, а США настояли на немедленном допуске наблюдателей ОБСЕ в зону конфликта [8].

В последующем ведущую роль в деле мобилизации европейских союзников на ужесточение санкций против режима Владимира Путина сыграла Ангела Меркель. Во-первых, ей, как никому другому, пришлось неоднократно обращаться к Путину, дабы дать понять, что Европа не собирается занимать выжидательную позицию, на которую он рассчитывал. Второй ее аудиторией были деловые круги ФРГ и те 6200 немецких компаний, благодаря которым Германия стала одним из основных торговых партнеров России. Третьей группой, с которой ей пришлось вести серию нелегких дискуссий, были страны-партнеры по ЕС, в особенности Британия, Франция и Италия, где присутствуют достаточно сильные пророссийские деловые лоббисты. Ее главная мысль в переговорах с европейскими союзниками сводилась к тому, что ни одна страна в XXI веке не может думать лишь только о своих интересах, а бизнесмены должны быть готовыми принести в жертву собственные интересы, если речь пойдет об ужесточении санкций против России. В результате все больше европейских компаний приняло идею, что европейская безопасность должна быть превыше всего, включая коммерческую прибыль.

О конструктивности позиции Меркель засвидетельствовали и дальнейшие события, обнажившие реальную угрозу со стороны России. Так, трагедия с малазийским авиалайнером и концентра-

ция российских войск у границ Украины вкупе с растущим потоком военного оборудования с российской территории на восток Украины заставили согласиться с ней тех, кто поначалу выступал против ужесточения санкций. Ведь не секрет, что Лондону совершенно не хотелось приостанавливать денежный поток из карманов российских олигархов в британские банки. Париж тоже не хотел отказываться от продажи России своих «Мистралей». Но когда деловые круги Германии согласились пойти на жертвы, другим ничего другого не оставалось, как последовать их примеру. В этот момент нежелание Путина менять свою стратегию по отношению к Украине лишило его последнего шанса избежать обострения конфронтации Востока и Запада, сохранив при этом свое лицо. В результате он получил новые — скоординированные и более жесткие санкции ЕС и США [9].

Все эти необходимые и экстренные меры со стороны Запада по обузданию агрессора производят, вместе с тем, неоднозначное впечатление. Видимо Игорь Зевелев в чем-то был прав, когда утверждал, что для многих лидеров и аналитиков аннексия Россией Крыма оказалась полной неожиданностью. А причина тому — несколько легковесное отношение со стороны Запада к тем процессам, которые исподволь, но целенаправленно, определялись в значимый общественно-политический тренд России. Все это ставит в полный рост необходимость более глубоко и всесторонне рассмотреть вопрос об идентичности агрессора, взаимосвязи объективных и субъективных причин, приведших к возникновению очага напряженности в регионе Центральной и Восточной Европы.

Однако, на наш взгляд, было бы опрометчиво сразу же апеллировать к мировоззренческим предпочтениям и пристрастиям самой персоны президента России, даже если согласиться с тезисом Бжезинского о том, что «***понимание доктринальной основы мировоззрения Путина — это важная отправная точка для рассмотрения украинского вопроса»*** [10]. Ведь Путин появился на вершине властной пирамиды России не сразу и не вдруг. Да и на третий срок избрало его большинство граждан России уже в первом туре голосования. Значит, чем-то он был им люб!

В самоопределении Россией своей идентичности в современном мире мы будем исходить из того, что самоопределение народа не является одномоментным актом. Тем более, когда политическое руководство этого народа претендует на построение не просто государства, а государства-цивилизации, где динамика общественного прогресса, согласно Арнольду Тойнби, определяется моделью: «вызов — ответ». Вызов становится стимулом для

адаптации общества к новым условиям, его модернизации. Таким вызовом могут послужить резкое изменение окружающей среды, стимул неожиданного нападения внешнего врага, или стимул неблагоприятного социального статуса и т.д. Чаще всего это бывает комбинация нескольких факторов, требующих перехода на высшую стадию общественной самоорганизации.

Рост цивилизации продолжается до тех пор, пока она в состоянии дать адекватный ответ на все новые вызовы. Не в последнюю очередь успех общественных преобразований зависит и от способности творческого меньшинства находить консенсус с широкими слоями населения. В случае потери способности к взаимодействию верхов и низов, это творческое авторитетное меньшинство деградирует до уровня властвующего, опирающегося на насилие. В итоге в обществе накапливаются различные аномальные явления, затем следует надлом цивилизации, а за ней приходит и гибель. Впрочем, локальная цивилизация может избежать гибели за счет продвижения в развитое пространство мировой цивилизации [11].

Исторический опыт XX века свидетельствует, что единственной успешной цивилизацией пока что оказалась европейская, которая вовремя нашла способ реагирования на мировые и внутренние вызовы — через упорядочение себя на основе закона, частной собственности и признания прав личности. Неевропейские общества (Индия, Япония, Турция, Южная Корея) смогли найти новое дыхание через вестернизацию общественного и государственного устройства. Индия и Япония приняли западные стандарты под давлением извне (в первом случае роль «трансформатора» сыграла британская колонизация; во втором — американская оккупационная администрация и генерал Маккартур). Здесь следует отметить тот факт, что и Индия, и Япония сумели найти баланс между западными нормами и своей национальной культурной особенностью. В то же время Турция и Южная Корея сами отказались воспроизводить традиционную национальную модель, которая вела их к деградации, и стали заимствовать европейские принципы организации власти, гарантируя для себя место среди влиятельных мировых игроков. В то же время, отмечает ведущий научный сотрудник Центра Карнеги (Москва) Лилия Шевцова, «оставшиеся великие цивилизации (исламская, китайская, российская) пока не убеждают, что они нашли свой способ существования в качестве полноценных и успешных мировых субъектов. Нынешний экономический взлет Китая может оказаться лишь всплеском на пути заката китайского централизованного государства, с трудом сдерживающего пробуждающееся общество» [12].

Однако, предмет нашего непосредственного интереса все же — цивилизационный выбор России. Эту страну судьба не миловала — в течение XX века ей дважды приходилось самоопределяться заново. До октября 1917 года Российская империя воспринималась в самосознании элиты и населения в целом великой державой с монархическим правлением, являющейся оплотом славянства. Считалось, что она унаследовала от Византии почетную и ответственную роль твердыни православия, объединяющей на обширном евразийском пространстве вокруг Руси многие народы разных верований и традиций. И хотя в итоге Октябрьского переворота 1917 года этот мир рушился, но возникший на ее руинах Советский Союз продолжал позиционировать себя с таких же мессианских позиций — как первое в мире социалистическое государство, авангард мировой пролетарской революции. После Второй мировой войны, достигнув ядерного паритета с Соединенными Штатами Америки, СССР самоопределился в своем рейтинге еще выше — как одна из двух сверхдержав, вершивших судьбы мира. Самомнение руководства СССР достигло апогея.

Но здесь следовало бы отметить, что дореволюционное (1917 г.) российское общество, при всех своих особенностях, все-таки не противопоставляло себя принципиально остальному миру. Иное дело советское общество — оно позиционировало себя в качестве исторической альтернативы капиталистическому строю. Однако с альтернативой не заладилось, а неумолимая «ирония истории» в который раз внесла свои коррективы — инициированная Горбачевым перестройка попыталась вновь осуществить интеграцию страны в мировые структуры. Предполагалось, что трансформация советского общества пойдет по эволюционному и как можно менее болезненному пути смены общественных ориентиров. Да тут случилась «шоковая терапия» времен Ельцина, которая вырвала Россию из одного общественного уклада и швырнула в другой. Глубокий системный кризис вверг страну в состояние неопределенности, близкой к хаосу.

Ну и что же получилось в итоге падения СССР? Отвечая на этот вопрос, Лилия Шевцова констатирует, что в России произошло, во-первых, обновление персоналистской власти в виде президентства, стоящего над обществом и ему не подконтрольного. Во-вторых, осуществилось слияние власти и на этот раз частной собственности. В-третьих, определилось стремление политического класса к сохранению и приобретению «сфер интересов», т.е. имперскости (пусть даже имитационной). В итоге, «даже немало российских либералов продолжают верить, что Россия может

существовать только как центр собственной галактики. Словом, в начале 90-х годов Россия оказалась в тупике: не сумев отказаться от «триады», она зависла в историческом пространстве» [13]. Да и не только зависла, добавим мы, а всем грузом своих проблем нависла над Украиной.

Так или иначе, а перед Россией продолжала стоять острая необходимость заново самоопределиться в историческом времени и геополитическом пространстве. Элита страны должна была внятно ответить и самой себе и всему миру, чего же она хочет и для себя и для других. Объективно общество столкнулось с дилеммами: авторитаризм или демократия; гражданское или корпоративное общество; федерализм или распад на несколько самостоятельных государств; рынок или государственный патернализм; постиндустриализм или сырьевой анклав мировой экономики; партнерство или противостояние на международной арене и т.д. От этого самоопределения в общемировом контексте вырисовывалась и альтернатива: или становление устойчивого и справедливого миропорядка, или же втягивание в новую «холодную войну» с нарастанием ядерной угрозы во всем мире. Каждая из этих возможностей могла быть реализована почти с равной вероятностью. И зависело это, в конечном счете, не только от выбора самой России, но и от позиции мировых держав.

Так в поисках и прошло целое десятилетие России после распада СССР. Однако же ко времени прихода к власти Владимира Путина выбор в пользу демократии в России окончательно так и не был решен. Атрибуты демократии — всеобщие выборы, разделение властей, многопартийность, комплекс гражданских прав и местное самоуправление — все это было во многом задекорировано, проимитировано, придавлено и «обесточено» режимом ельцинского самовластия. Радикальный слом советских форм управления не компенсировался адекватным ростом новых демократических учреждений. Слабое развитие гражданского общества и невысокий уровень массовой политической культуры способствовали узурпации реальной власти кучкой олигархов и их политических ставленников. В одночасье обнищав, широкие слои населения начали связывать свои надежды на социальную защищенность и обуздание криминального беспредела с появлением «сильной руки».

В итоге, подорванная перестройкой вековая традиция самовластия обрела себе новую почву для возрождения: в России восторжествовал режим единовластия. Некоторые пытаются отнести возрождение «русской матрицы» за счет «темного народа». В этом контексте Борис Ельцин предстает не как лидер-револю-

ционер, а как «лидер реставрации», который возглавил возврат России к персоналистской власти, на сей раз в виде «назначенной монархии», легитимирующей себя управляемыми выборами. Другие считают, что во всем виноваты демократы, которые, придя к власти, тщательно и последовательно затаптывали все ростки демократии, а потому было бы ошибкой всю ответственность за неспособность выйти из прошлого возлагать исключительно на Ельцина. Российская элита, и в первую очередь те, кто позиционировал себя как демократы и либералы, сама отказалась от трансформации, сделав ставку на вождя как движущую силу российского развития.

В практической жизни это вылилось в ряд знаковых событий: 1993 год — принятие новой Конституции, обосновывающей сверхпрезидентство; 1996-й — манипуляции с выборами Ельцина и формирование модели «управляемых выборов» и, наконец, 1999-й — назначение Владимира Путина в качестве преемника и гаранта статус-кво. Все это — вехи возрождения российского единовластия. При этом «ирония истории» проявила себя в том, что адаптация единовластия произошла в контексте глобализации — через имитацию западных институтов и личную интеграцию российской элиты в жизненный уклад Запада. Случилось прямо по Тойнби: отжившая свое система продлевает свою жизнь при помощи самой передовой на сегодняшний день — западной цивилизации. Причем роль Запада в этом процессе далеко не безукоризненная: «западное общество вначале не поняло ельцинской траектории, а когда осознало, что Россия вернулась «к себе самой», решило, что единовластие — это ее судьба» [14].

В итоге, и парламентские выборы в России 1999 года, и президентские выборы 2000 года послужили не так образцами демократии, как, в лучшем случае, согласованным механизмом легальной передачи власти от Бориса Ельцина к Владимиру Путину. Вместе с тем, отмечалось в аналитическом докладе Шахназарова, «выборы показали, что население, уставшее от тягот жизни, ощущения перманентной опасности и отсутствия перспективы, готово довериться новому харизматическому лидеру и увидеть в нем спасителя Отечества почти с такой же безоглядностью, с какой в 1991 г. доверило судьбу страны Б. Н. Ельцину» [15].

В стране возобладало мнение, что вытащить Россию из переживаемого ею кризиса способна только сильная власть. Выбитые из привычной житейской колеи *люди тешили себя надеждой, что это будет не сильная авторитарная власть, а сильная демократическая власть.*

Воистину — блажен, кто верует. Но вера не заменяет той простой истины, что опорой демократии всегда служило гражданское общество, которое к тому времени в России было все еще слабо и хрупко. А потому оно оказалось не способным стать противовесом для сдерживания корыстных интересов соперничающих олигархических групп. Коррупция, охватившая по существу весь государственный аппарат, создала тепличную среду для государственно-бюрократического, криминально окрашенного корпоративизма политических кланов, «теневиков» и чиновников, связанных с мафиозными группами.

Появилась прямая угроза, что деградация страны примет необратимый характер. Более того — в создавшейся обстановке все более насущной задачей становилось сохранение государственной целостности России. Провозглашенный в свое время Ельциным неограниченный суверенитет субъектов Федерации породил центробежные тенденции. Так, некоторые республики ограничили налоговые платежи в федеральный бюджет, отказались проводить набор в армию. Экономически развитые области стали требовать уравнения их правового статуса с национальными республиками. Чечня став полем разгула бандитских группировок, грозила превратиться в оплот международной террористической деятельности исламских фундаменталистов. Появилось понимание того, что чеченская проблема не может быть решена одними военными средствами. В Российской Федерации стала нарастать опасность распространения, с одной стороны, русского шовинистического угара, а с другой — воинствующего национализма окраин.

И вот в этой то сложной ситуации взятый Владимиром Путиным курс на решительное подавление террористов вызвал в российском общественном сознании давно назревавший эффект национального единения перед лицом угрозы самому существованию Российской Федерации. Общество с готовностью восприняло идею, что «военная сила оказалась единственным аргументом Центра в споре с Грозным, а армия — гарантом не только безопасности, но и целостности российского государства. Естественным следствием такого признания явилось молчаливое забвение демократического принципа, исключающего применение вооруженных сил для разрешения внутренних конфликтов» [16].

Истины ради можно допустить, что иного механизма решения политических проблем России на то время практически и не существовало. В стране так и не сложилась многопартийная система, обеспечивающая соблюдение соперничающими группами «правил игры» в рамках модели представительной демократии.

Сами же политические партии представляли собой скорее избирательные блоки, создаваемые под популярных лидеров. Эти искусственные образования, как правило, сразу же распадались, когда их боссы сходили с политической арены. Но были и позитивные сдвиги. Так или иначе в партийных дискуссиях того времени все-таки выкристаллизовалось несколько концепций политического будущего России: 1) автократия олигархов с соблюдением демократического декорума; 2) сочетание демократических институтов с сильной государственностью; 3) восстановление авторитарной системы по советскому или дореволюционному образцу.

С учетом этих условий можно понять коллектив Г. Шахназарова, который в докладе засвидетельствовал свое пожелание увидеть оптимальным вариантом политического самоопределения России «сильную демократию», где исполнительная власть будет пребывать «под контролем парламента и организаций гражданского общества». А как по-другому? Однако это был, так сказать, всего лишь идеальный вариант добрых пожеланий Шахназарова. А с точки зрения реального положения дел, наиболее вероятным трендом общественно-политического развития России в докладе все же была названа ***«умеренная авторитарная власть, применяющая при необходимости жесткие меры для обеспечения целостности государства, мобилизации ресурсов общества во имя преодоления кризиса и сохранения державного статуса России»***. К такому ходу событий было готово общество, предельно уставшее от жизненных тягот, криминала, неразберихи и безволия власти. В его пользу действовала и острая потребность в консолидации политической элиты. К нему побуждало и ущемление национальных интересов на международной арене.

И здесь надо отдать должное прозорливости и научной порядочности Г. Шахназарова. Раскрывая «веер возможностей» дальнейшей эволюции политического режима России, он акцентировал внимание на том, что «умеренная авторитарная власть, как известно, способна эволюционировать в сторону **демократии,** но может стать и мостом к **жесткому авторитаризму**. Куда пойдет дело — во многом зависит от нового президента и его окружения». Здесь решающую роль могло сыграть то, что взаимодействие всех отмеченных выше факторов общественного развития России объективно открывало возможность ***«использования авторитарных методов властвования, бонапартистской политики маневрирования и игры на противоречиях»*** [17].

Спустя 15 лет после опубликования доклада следует отдать должное аналитической глубине и житейской мудрости

Г. Шахназарова. Благие пожелания так и остались задачей для решения в будущем — более или менее отдаленном. А практически все наиболее вероятные его прогнозы и опасения свершились — в стране был установлен режим жесткого авторитаризма во главе с Владимиром Путиным. Переход авторитаризма в стадию внешнеполитической агрессии стал лишь вопросом времени.

2.2. Идейная природа «путинизма»

Выступая 8 декабря 2009 года на конференции «Российские альтернативы», директор Аналитического центра Юрия Левады («Левада-Центр») Лев Гудков обратил внимание на то, что «путинизм» остается явлением, все еще не описанным толком в политической литературе, а потому и счел необходимым проанализировать самое природу этого явления. Десять лет Путина во власти — срок к тому времени немалый, который и предоставлял исследователям значительный материал для анализа. Мы же в полной мере воспользуемся этим докладом для изложения в тезисном порядке его основных положений — более глубокого на то время анализа нам пока что не встречалось.

В контексте поставленной нами задачи — шовинизм постсоветского реванша как идентичность агрессора — нас, прежде всего, привлекло следующее определение Льва Гудкова: «Нынешний кризис со всей очевидностью показал, что сложившаяся в 2000-е годы в России политическая система не просто консервативна, она сдерживает или даже подавляет развитие других подсистем общества (включая экономику, науку, образование, гражданское общество, публичную сферу жизни). Путинский режим, начав с подчинения себе СМИ, а затем судебной системы и парламента, парализовал процессы дифференциации институциональной системы, отделения «общества от государства», инициированные реформами 1990-х годов. Речь идет уже не о новом «застое», а о нарастающих явлениях социальной и культурной деградации страны. Следуя логике самосохранения власти, нынешний режим сам по себе уже не может остановиться в этом движении. Объем принуждения с каждым годом будет расти, масштабы фальсификации выборов или новых судебных процессов будут увеличиваться» [18].

Характерной особенностью путинского режима, по мысли Гудкова, является не столько то, что он выстроен из «обломков» и «материала старой системы, а главным образом то, что его «архаика» в значительной степени модернизирована, и контекст ее

функционирования стал несколько иным. Прежде всего, это было достигнуто за счет применения новых технологий власти (массового управления), а также новой системы легитимации господства (основания авторитета). Именно поэтому «путинизм», если его сравнивать с другими аналогичными (тоталитарными или авторитарными) режимами, имеет своеобразный ряд отличий.

Во-первых, в нем отсутствует привычная для советского поколения монополия «партии-государства» (сращения партийного аппарата и государственных органов управления). Отсутствовал в первое десятилетие правления Путина и плотный государственный и идеологический контроль, пронизывающий всю общественную жизнь (здесь подвижки начнутся в 2012–2014 году). Партия Единая Россия не повторяла КПСС ни по своему устройству, ни по функции, ни по эффективности — дело ее партийного аппарата сводилось лишь к обеспечению инсценировок массовой поддержки власти.

Во-вторых, в 2009 году Лев Гудков считал, что «Путин не «фюрер», не «демагог» или трибун, завоевавший доверие масс в ситуации глубокого кризиса; по своей ментальности — это чиновник «из органов», пришедший к власти в результате аппаратных сделок и интриг, которому пропаганда, уже задним числом, после утверждения его у власти, придала «харизматический» ореол. Причины его популярности лежат, с одной стороны, в иллюзиях масс, что его руководство страной позволит сохранить нынешний уровень жизни; с другой — в устранении с политической сцены любых влиятельных политических фигур, в стерилизации критики, в создании обстановки безальтернативности его положения. Следовательно, какого-то «обожания» ВВП [Владимира Владимировича Путина] в исследованиях общественного мнения не отмечено. Основа доверия к нему — вполне консервативна, и не связана (как у собственно тоталитарных вождей) с идеями «нового мирового порядка». Это положение Гудкова, на наш взгляд, с точки зрения событий 2014 года, нуждается также сегодня в уточнении.

В-третьих, обращает на себя внимание и тот факт, что еще пять лет назад в правящих кругах России не было тотальной по охвату мобилизационной идеологии построения «нового мира» и формирования «нового человека». «Путинизм» в то время был еще не в состоянии предложить каких-либо значимых для массы политических ориентиров или целей развития общества, разве что пытался сохранить то, что есть. А уж о притягательной картине завтрашнего дня и речи быть не могло.

В-четвертых, что очень важно для украинского читателя, еще пять лет перед этим российские аналитики позволяли себе

утверждать, что «его внешняя политика не нацелена на экспансию, на образование второго «соцлагеря». Максимум возможного на то время считалось создание своеобразного «санитарного кордона» против западных влияний, вестернизации. Даже среди либеральных кругов было общепринятым считать, что геополитическая демагогия предназначена лишь для поддержания самоидентичности режима и консолидации элиты вокруг власти, «защищающей» страну от враждебного окружения либералов — «пятой колоны» Запада. Но на сегодняшний день, как нам представляется, это положение Гудкова также нуждается в уточнении. Ведь доклад Гудкова прозвучал в декабре 2009 года, а к тому времени уже была совершена агрессия против Грузии, которая привела к нарушению территориальной целостности этого государства. Но, видимо, этот факт показался тогда малозначительным даже для такого глубокого исследователя как Лев Гудков.

Сегодня на наших глазах произошла аннексия Россией Крыма, ведется постоянный обстрел территорий восточных областей Украины российскими войсками, осуществляется непосредственная поддержка террористов Донбасса живой силой и техникой. Самопровозглашенные «республик» ЛНР и ДНР обеспечиваются руководящими кадрами из российских спецслужб. А против своих же российских граждан, симпатизирующих Украине, предпринимаются репрессивные действия. Все это вынуждает нас пересмотреть тезис пятилетней давности о том, что в Российской Федерации «нет специфического для тоталитаризма соединения террора, массовых репрессий и тотальной пропаганды». Конечно, пять лет назад можно было констатировать, что надзор за СМИ в Российской Федерации все еще различен в зависимости от объема аудитории. То есть, он «жесткий на ТВ, слабый — в печатных средствах информации, и пока еще отсутствует в Интернете». Но в 2013–2014 годах пропаганда стала тотальной, циничной и насквозь лживой. Этот общественный тренд России вынудил известного зачинателя российской концептологии Виктора Макаренко поставить вопрос кардинально: ***к важнейшим исследовательским направлениям России «следует отнести систему тотальной лжи, которую пропагандирует нынешнее правительство страны в связи с событиями в отношениях между Россией и другими постсоветскими странами, включая Украину. Требуется надежное теоретическое средство опознания и систематизации лжи для противодействия ей»***. [19]

Не умаляя заслуг Макаренко, следует отметить, что надо отдать должное и предшественникам. Все-таки, предпосылки

к тому — изменения технологии манипулирования общественным мнением — были отмечены Львом Гудковым еще в 2009 году: «сегодня разорвана связь между деятельностью партий и общественных организаций и СМИ, которая была значимой и эффективной в 90-х годах. Тем самым оказались парализованными возможности информирования общества о состоянии дел и критической, публичной рефлексии над тем, что происходит в стране и в Кремле. Установить ответственность властей за те или иные политические действия или решения стало невозможным» [20].

Безусловно, и тогда — в 2009 году, когда Лев Гудков представил свой доклад о «путинизме», да и сейчас, существует еще ряд показателей, которые не позволяют ставить знак равенства между путинским режимом и тоталитарными режимами прошлого. Так, нельзя не согласиться с тем, что в России нет (или пока что нет!) централизованной планово-распределительной экономики (подчиненной целям режима) — экономика все еще децентрализована и устроена гораздо сложнее, чем это было в СССР. Но вряд ли можно сомневаться в том, что в России осуществляется тренд в сторону закрытого общества, где в качестве кадрового резерва все чаще заменителем номенклатуры выступают кадры спецслужб. И вряд ли можно однозначно утверждать, что нет контроля за вертикальной и горизонтальной мобильностью — иначе, откуда бы взялся этот всеобщий «одобрямс» не только со стороны чиновников (что взять со служивых людей?!), но и среди интеллигенции, деятелей науки, культуры и искусства? Их низкопоклонство и сервилизм в связи с событиями в Украине просто зашкаливает.

Хорошо бы дело заканчивалось какими-то знаковыми фигурами, привыкшими пребывать в коридорах власти, а потому то и путать любовь к Родине с любовью к начальству. Но ведь дело доходит до какого-то массового помешательства, своего рода «танцев святого Витта». Чего только стоит скандал, вспыхнувший в российских социальных сетях вокруг гуманного поступка известной певицы Земфиры, которая на сцене фестиваля в Тбилиси развернула украинский флаг. Скандальный артист Панин, отпущенный летом 2015 года из психлечебницы, где был госпитализирован с белой горячкой, взял на себя роль Великого Инквизитора: «Если она теперь патриотка Украины, то ей надо публично заявить об этом и объяснить свой поступок... Пусть она скажет, мол, ребята, спасибо вам большое, я работала в России, мне здесь не понравились, и теперь работаю на Украине, считаю вас агрессорами, преступниками, и поэтому с вами расхожусь. Но ведь Земфира этого не сделала, и поэтому она не права. А то из российских артистов

о том, что сейчас действительно происходит на Украине, говорят только Пореченков, Охлобыстин и я. И всё» [21]. Хороша компания — друг друга стоят!

И таких фактов с призывами «осудить и отмежеваться» множество. А поэтому их следовало бы снова и снова переосмыслить и адаптировать к создавшейся новой ситуации. В частности переосмыслить казавшееся еще пять лет назад допустимым утверждение, что «ментальная и психологическая опора режима — периферия, консервативная и депрессивная среда, не имеющая шансов и ресурсов справиться с последствиями распада советской социальной инфраструктуры. Элита — оппортунистична и продаст нынешнее руководство, как только режим начнет трещать. В институциональном отношении режим опирается на силовиков (включая суд)» [22]. Ключевыми словами, на наш взгляд, здесь служат «как только режим начнет трещать» — никто не знает, когда это может случиться. Хотя уже сейчас есть свидетельства системного кризиса режима.

В начале второго десятилетия XX века в пользу утверждения о системном кризисе говорила провальная попытка модернизировать Россию, охарактеризованная словами того же Льва Гудкова как «абортивная модернизация» [23]. Оказалось, что для модернизационных рывков у нынешней российской власти нет ни сил, ни ресурсов, ни идей, ни лидеров. С одной стороны, режим как бы и осознает необходимость модернизации. Но, с другой стороны, он и боится ее, поскольку любая трансформация сопряжена с реальным риском потери всей полноты распорядительной власти, которой он сегодня располагает. Вот эта двойственность режима, который, с одной стороны, стоит перед необходимостью модернизации, а с другой — опасается ее последствий и обрекает, в конечном счете, страну на хроническое транзитивное состояние — все это придает правящему режиму квази-персоналистический характер. Создается впечатление, что «все решает Путин», а в конечном итоге это приводит к: сужению или деградации сферы политического (публичное обсуждение целей политики и цены или средств ее реализации); превращению правительства в технический аппарат исполнения «воли автократора» (большинство министров в российском правительстве — технические специалисты, исполнители, а не политики, выдвиженцы партий, победивших на парламентских выборах), а потому они не ответственны перед избирателями за проводимую «национальным лидером» политику. В конечном счете, эти тенденции приводят к усилению традиционализма, консервативных интересов и антимодернизационных ориентаций.

Нельзя не согласиться с мыслью Гудкова о разлагающей роли коррупции, которой пропитаны все сферы государственного устройства. С одной стороны, она вроде бы даже несет в себе какую-то положительную функцию: коррупция становится мощным механизмом социальной интеграции в виде подкупа — как населением государственных служащих, так и государством своего подопечного населения. С другой стороны, нельзя не видеть, что коррупция является лишь реакцией на примитивность, на «ручной» характер управления, на неэффективность государственного аппарата. Административный произвол неизбежно возникает как следствие недифференцированности власти, соединения в одной точке законодательной и исполнительной функции. Открыто признаваемая руководством страны коррумпированность системы означает неспособность власти справиться с функциями государственного управления. Более того — она означает негласное требование верхов принять сложившуюся клановую систему и частно-корпоративный характер государственной власти в стране как факт или особенность нынешнего безальтернативного порядка.

Однако, как нам представляется, на субъективном уровне самого автократора Путина подобное положение вещей по истечении первых двух сроков президентского правления могло вызвать значительный дискомфорт. Каково это ощущать на себе, что «персонализм» режима — чисто внешний? Ведь если и дальше пойти по этому пути мышления, то получается, что Путин — вовсе и не творец нынешнего режима а, по меткому выражению Льва Гудкова, «псевдоним или номинальное выражение для сложившейся расстановки сил в самом узком круге лиц, вырабатывающих и принимающих все важнейшие кадровые и экономические решения. Он в большей степени зависит от этого круга выходцев из спецслужб, контролирующих ключевые отрасли экономики или важнейшие институты, чем «они» от него. Он не определяет состав этого круга, в лучшем случае он — арбитр конкурирующих между собой группировок. Ни личные его способности, ни стиль управления (тактика проведения «спецопераций» против намеченных групп влияния или интересов) не позволяют видеть в нем государственного лидера. По существу, его политика не выходит за рамки проблем адаптации к внешним изменениям. Отсюда — разнообразные суррогатные формы псевдоинституциональных инноваций и медийной «демократии» — Общественные палаты, движения «наших», послания к Федеральному собранию и т.п. Путин не задает программу деятельности бюрократии, а пытается приспособиться (удержать рутинную конструкцию бесконтрольной

власти) к нарастающим явлениям децентрализации господства и возникновению новых источников влияния» [24].

Как нам представляется, такое положение дел никак не могло устраивать человека, претендующего на роль «национального лидера», а вместо этого вынужденного мириться до поры до времени с ролью «псевдонима» или «номинального выражения» сложившейся расстановки сил в самом узком круге лиц, преимущественно из «силовиков». Конечно, недифференцированность, аморфность и архаичность российской институциональной системы могли в какой-то мере восприниматься как концентрация власти в одних руках. Но это, так сказать, мнение для публики. А в узком круге приближенных все видели, что этот персонализм реально представлен в ослабленном варианте — а потому власть вынуждена была пока ориентироваться на соблюдение конституционных сроков президентства. Замена, пусть даже временная, на президентском посту Путина на Медведева могла свидетельствовать лишь о том, что упомянутый «узкий круг» продолжал не считать Путина достаточно авторитетным и надежным для обеспечения устойчивости режима, а потому принимал во внимание необходимость хотя бы формального учета легальных процедур.

Вследствие этого власть продолжала сохранять пусть даже декоративные и формальные, но все еще демократические институты (парламент, «независимый» суд, выборы). Все это свидетельствовало о том, что для утверждения «подлинного авторитаризма» реальных ресурсов пока еще не было. А отсюда и острая потребность в идеологическом клее, который бы удерживал общество воедино. И в дело здесь могла пойти любая «идеологическая окрошка», чаще всего своеобразный «микс» традиционализма и модернистской риторики: и «необходимость инновационного развития», и «увеличение человеческого капитала», и «борьба с коррупцией», и «правовым нигилизмом». Впрочем, дальше слов дело, как правило, и не доходило. Но суть дела-то в том, отмечает Гудков, что «подлинный авторитаризм не нуждается в выборах как в плебисцитарной санкции своей легитимности. Ни Каддафи, ни Франко, ни Хусейн, ни Чан-Кайши и проч. не устраивали периодических инсценировок смены власти или одобрения проводимого ими политического курса. Напротив, «путинизму» выборы как средство демонстрации массовой поддержки крайне необходимы. Электоральная «демократия» в российском варианте заменяет демократическую систему, замещает механизмы политического целеполагания и политической ответственности (а значит — партийной конкуренции, парламентского контроля и т.п.) » [25].

Однако все это лишь временное прикрытие того факта, что политическая полиция представляет собой не столько инструмент для власти, сколько сама стала стержневой составной власти. Дело не только в удельном весе соответствующих «сотрудников органов», сколько в изменении самой практики управления. Обеспечивая принудительное, но незаконное или слабо легитимированное перераспределение собственности, финансовых потоков, административного влияния, став теневой частью политического руководства, спецслужбы превратились в субстрат прежней плановой регуляции экономики (квази-государственного регулирования) и суррогат кадрового резерва для власти. Стоит ли удивляться, что главным ресурсом этой власти, указывающим на ее происхождение, стало сочетание легальных и нелегальных (тайных, секретных) методов, характерных для работы спецслужб. Яркими примерами тому является инициирование разного рода провокаций, судебных процессов, войны на Кавказе, конфронтации с ближайшими соседями — в первую очередь с Украиной. Верхом цинизма является то, что все эти спецоперации получают обязательное законодательное, юридическое оправдание и оформление. То есть, акцентирует внимание Лев Гудков, дело даже не в самих чекистах, «а в том, что присущая им *практика исключения из общих правил* (на то она и «тайная полиция», особый отдел, «специальная служба») была распространена на всю область публичной жизни. Политика руководства страны направлена на принуждение людей к тому, чтобы признать тождество узкогрупповых или ведомственных, даже — корпоративных интересов в качестве национальных, государственных, то есть интересов «всего целого». Это означает исключение общества не просто из политики, а из числа факторов, подлежащих учету, принятие во внимание теми, кто обладает властью» [26].

Могла ли являться опора на силовые структуры свидетельством монолитности власти, залогом гарантии на прогнозируемую ее ротацию, или хотя бы на мирный порядок передачи этой власти? Вот здесь и возникает ряд сомнений. Заняв все важнейшие стратегические позиции во власти и ключевые позиции в экономике и управлении, выходцы из спецслужб трансформировали функции тайной полиции, начиная работать не «на систему» в целом, а на экономические интересы определенных кланов. Как только появляется право распоряжения собственностью и экономическими ресурсами, так сразу же возникают столкновения материальных и властных интересов, появляется стремление перевести ресурсы в частные капиталы. А это, естественно, вызывает конфликт интересов.

И вряд ли Путин не видит латентных процессов децентрализации власти и неминуемого появления конкурирующих между собой скрытых групп интересов (корпоративных, региональных, финансово-административных), которые и стали определять содержание внутренней и внешней политики страны. А это — и распил бюджетов, и рейдерство, и попытки монополизации или приобретения льготных условий для ведения бизнеса. Конечно, жесткая борьба за власть разных групп интересов чиновничества и связанного с ними бизнеса могла выступать до поры до времени даже заместителем террора. И пять лет назад это была еще действенная система децентрализованного использования институциональных ресурсов насилия. Однако уже события на Болотной площади 6 мая 2012 года обнажили тот факт, что режим неустойчив, а шансы на мирный порядок передачи власти стают в перспективе все больше сомнительными. Для Путина наступил «час Ч» — как нулевого значения секретного времени планирования и подготовки решительных военных действий с широким применением информационной интервенции с привлечением заранее приготовленных и апробированных информационных ресурсов.

2.3. «Лидер нации»: виртуальная реальность

А накоплению этих ресурсов в свое время было уделено огромное внимание. Начиналось все с того, что 2004 год был отмечен в России взрывами в московском метро, захватом детей в Беслане, подрывами двух российских пассажирских авиалайнеров, неутихающими боевыми действиями в Чечне. Многим казалось, что этому не будет конца. По мнению большинства российских исследователей, имидж России за рубежом находился в плачевном состоянии [27].

Было очевидно, что с проблемой улучшения имиджа России на международной арене больше не могут справиться такие применявшиеся до последнего времени традиционные методы как пресс-конференции и интервью с ведущими мировыми СМИ. Во весь рост стала задача поиска новых форм влияния на общественное мнение развитых стран мира. И со временем такие формы были изысканы: это и телеканал Russia Today, и информационный портал Russia Profile, и привлечение PR-агентств (Ketchum), и, наконец, олимпийская программа Сочи-2014 и многое другое. Что же касается поворотного 2004 года, то он вошел в историю началом ежегодной работы международного дискуссионного клуба

«Валдай». Впоследствии аналитики отнесли это событие к разряду одного из самых успешных пиаровских мероприятий Кремля.

Клуб начал свою работу в сентябре 2004 года в Великом Новгороде рядом с озером Валдай. Отсюда произошло и название клуба. Первое заседание клуба проходило в рамках общей темы «Россия на рубеже веков: надежды и реалии». С тех пор такие заседания клуба стали регулярно проводиться ежегодно ранней осенью. Тема встреч, естественно, менялась, что меняло и состав участников — а их на начальной стадии обычно было 30–40 человек.

Отличие международного дискуссионного клуба «Валдай» от других форм медиатусовок стала его направленность на зарубежное экспертное сообщество. Вместо того, чтобы адресовать сообщения журналистам зарубежных СМИ (как это обычно принято), в данном случае фокус воздействия был смещен на экспертов: политологов и экономистов, а удельный вес журналистов никогда не превышал одной трети участников. Да и самих журналистов среди участников по своему статусу скорее можно было отнести к экспертам, специализирующимся на изучение России. Но что особенно важно — «изюминкой» этого форума были встречи с президентом России. То есть, формат клуба предполагал обязательные встречи не просто с первыми лицами государства, но с самым первым лицом. Но и этим не ограничивалось: зарубежные эксперты имели возможность пообщаться также и с представителями оппозиции [28].

Еще одним необычным и крайне удачным решением стало перемещение клуба «Валдай» по различным городам и регионам Российской Федерации. В 2004 году было осуществлено путешествие по озеру Валдай, в 2005 г. — плаванье на пароходе из Москвы в Тверь и обратно, в 2006 г. — местом проведения была Москва и Ханты-Мансийск, в 2007 г. — Казань и Сочи, а в 2008 г. — Москва, Ростов-на-Дону и Сочи. По задумке организаторов, это должно было впечатлить зарубежных экспертов обширностью и разнообразием страны.

Но не только. Каждая встреча имела свою сверхзадачу — подготовить мировое общественное мнение к намечающимся крупным сдвигам в жизни Российской Федерации. Например, еще в 2004 году, по оценкам экспертов, ставилось под вопрос само существование России спустя 15–20 лет. Можно было понять, что в силу этих причин обсуждению на форуме подверглись в основном надежды и реалии выживания страны. А уже в 2006 году главной темой была «Глобальная энергетика XXI века: роль и место России». Примечательно, что вслед за этим форумом, уже через 6 лет,

был открыт «Северный поток», который и стал в дальнейшем серьезной политической картой в газовых войнах с Украиной.

В 2007 году встреча проходила в Казани. И в этом был заложен определенный смысл. Именно в то время остро обсуждались проблемы сепаратизма, в том числе и татарского. Надо были предпринимать какие-то шаги. В том числе со значительной пропагандистской насыщенностью. За этим тоже дело не стало. Например, в том же году в Казани прошла Универсиада. Появилась возможность представить Казань как современный российский город, именно — российский. Не случайно, что именно в то же время федеральная власть взяла под непосредственный контроль практически все регионы России.

А уже в 2008 году темой обсуждения была «Мировая геополитическая революция начала XXI века: роль и место России». А поскольку работа клуба проходила сразу же после августовской войны в Грузии, то это событие было представлено не иначе как отражение Россией атаки НАТО в Грузии. Одновременно участникам был продемонстрирован отстроенный Грозный. При помощи вот таких шагов «кавказский вопрос» как бы снимался с повестки дня [29].

Это не значит, что пропагандистский эффект всех этих мероприятий был стопроцентный. Так, например, известный американский политолог Эндрю Качинс выразил уверенность, что «позитивный образ» и «Россия» — эти два понятия сегодня почти взаимоисключающие. Но, это было мнение одно из многих, а тем временем выход десятков и сотен статей в первоклассных зарубежных СМИ — это дало весьма ощутимый результат. Кроме того, по повесткам дня заседаний клуба «Валдай» можно было проследить, какие вызовы возникали перед Россией, и каким образом их решение преподносилось зарубежной публике.

Так, по истечению несколько лет наиболее острые проблемы внутренней жизни стали как бы отходить на второй план. Дефолт 1998 года постепенно стали забывать. Цены на нефть и газ непрерывно росли, что решало проблему бюджетного наполнения. Общество перестало думать о том, как прокормить армию или пенсионеров. Больше не ставился под сомнение вопрос о самом существовании России. Власть могла перейти к решению более узких вопросов: как поступать с той же несистемной оппозицией или недовольной интеллигенцией. Кроме того, на первое место, конечно же, стали выходить проблемы будущего страны в глобальном мире.

Каждый из этих вопросов настоятельно требовал важной пропагандистской составляющей — страна должна была непременно

как-то позиционировать себя в этом самом глобальном мире. Объективно назревал ряд вопросов: «Какой должна быть Россия?», «Каков новый желаемый образ России будущего?», «Кто вообще такие россияне?», в конце концов — «Кем россияне хотят стать?». На эти вопросы и призвано было дать ответ юбилейное (десятое) заседание клуба «Валдай» в процессе обсуждения вынесенной на рассмотрение темы «Многообразие России для современного мира». Юбилейное заседание, как и первое, проходило в Нижнем Новгороде возле озера Валдай 16–19 сентября 2013 года — и это было символично.

Следует отдать должное устроителям этого форума — обсуждаемые на нем вопросы были отнюдь не надуманы. Результаты специально подготовленного исследования ВЦИОМ под названием «Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы» показало, что более трети россиян (32% опрошенных) вообще не относят себя ни к каким социальным группам: ни национальным, ни классовым, ни конфессиональным. Угадывалась типичная ситуация: «каждый за себя, а Бог за всех». При этом из всех предложенных вариантов «идентичности» более половины опрошенных ассоциируют себя лишь с расплывчатой категорией «граждане России». Это когда дело касается «позитивной идентичности» по отношению к самому себе. Но когда же касается идентификации «Иных», то здесь население более определенно: почти половина россиян считают русскими проживающих в России украинцев и белорусов, хотя в то же самое время порядка 40% вообще не считают Дагестан и Чеченскую республику российскими территориями. Когда же речь заходит об отношении к людям этих республик — чеченцам и дагестанцам — то считать их русскими готовы только 7% опрошенных. То есть — внутри самой России появились соотечественники, напрочь отвергаемые российским населением.

Где уж тут развивать мысль о мультикультурализме, интеграции или ассимиляции — и собравшиеся в Валдае, да и российское общество в целом до консенсуса в этом вопросе как то не созрели. Еще сложнее было представить себе возможные пути интеграции России в мировое сообщество. В кулуарных обсуждениях известный политолог Сергей Караганов сформулировал свое видение будущего России таким образом: «Проблема решается так: либо государство будет инвестировать в человека, в его образование, уровень жизни и, в конце концов, вырастит новых 10–20 млн человек, новую элиту, новый средний класс, которые поведут за собой Россию». Либо же придется поступать так, как в США: «Будем «воровать» чужой человеческий капитал, то есть создадим

в России такие условия, что сюда будут мечтать приехать люди со всего мира». Иного пути преобразовать Россию, как то модернизировать ее согласно вызову времени, по его мнению, нет. Диагноз поставлен: человеческий фактор в России не дотягивает до кондиции.

Была попытка озвучить и другие точки зрения на возможность преобразования России. Одна из них прозвучала со стороны не менее известного публициста и главного редактора газеты «Завтра» Александра Проханова: возможность позитивных преобразований существует, «но нужна вера в божественную справедливость». Как только социальная сущность вопроса была перенесена Прохановым в сферу божественного провидения, философский спор как то сразу увял. Оживить его попыталась глава парижского отделения Института демократии и сотрудничества, академик Наталья Нарочницкая: «Я, как говорил Тютчев, верю в Россию, какой бы она ни была. Много грехов мы накопили. И мы, россияне, очень разные. Кто-то живет еще в XIX веке, кто-то в XX, некоторые в XXI. На Западе народ живет ровнее», — издалека начала Нарочницкая. Но, увы...

Продолжить развивать мысль ей не дал приход самого ожидаемого участника клуба — президента РФ Владимира Путина. Его решение пойти на третий президентский срок воспринималось к тому времени как уже состоявшийся факт. К тому же массовое движение, направленное против выдвижения Владимира Путина на третий срок (так называемое «Болотное дело) несколько утихло, да и расследование, направленное против протестующих, приобрело официальный ход. А потому вряд ли у кого могли возникнуть сомнения, что выступление Путина может означать что-нибудь иное, нежели презентацию своего новейшего политического курса. Вполне понятно, что с точки зрения процедуры это событие, конечно же, было призвано приобрести статус нерядового, ибо вместо традиционного ужина (всегда без телекамер) с иностранными участниками заседания, на этот раз Путин решил принять непосредственное участие в дискуссии на итоговой пленарной сессии клуба. Более того — дискуссия должна была пройти в открытом режиме, во что до последней минуты мало кто верил, особенно в среде представителей оппозиции. Все как бы приготовились к тому, что здесь должна состояться заявка на международную презентацию Владимира Путина в роли лидера нации. Не исключалось, что и бессменного.

В освещении этого события сошлемся на мнение непосредственного участника событий (давнего собеседника Путина на

различных мероприятиях) — президента Центра глобальных интересов (США) Николая Злобина. Кроме этого, используем и некоторые материалы радиостанции «Эхо Москвы». Почему уделяем меньше внимания другим, например, консервативным источникам? Во-первых, потому, что на любом аналитическом материале всегда лежит печать исповедуемых авторами личных ценностных нормативов. И это нормально. А, кроме того, есть еще и народная мудрость, которая гласит: «Всем святым не накланяешься». Итак, мы в основном подвергнем анализу личные впечатления сотрудника иностранного исследовательского центра (а именно для них в первую очередь и замышлялась деятельность клуба «Валдай»), человека либеральных убеждений, но, тем не менее, имеющего доступ к персоне Владимира Путина.

Итак, по мнению Николая Злобина, саму встречу Владимира Путина с участниками клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года можно было бы разделить на действо и содержание: «С точки зрения действа это был «Бродвей», театр одного актера, шоу триумфатора — назовите, как хотите. Путин выступал в роли лидера страны, который чувствует себя абсолютно уверенно. Он самодостаточен, спокоен, открыт, знает, чего хочет, не боится вызовов — по крайней мере, производит такое впечатление. Было видно, что он получает удовольствие от этой встречи, вероятно, чувствуя себя хозяином положения. В общем, за десять лет существования «Валдайского форума» такого Путина мы никогда не видели: это был молодой, уверенный в себе Путин, которого просто «прет» от того, что он делает. Было видно, что он знает, что надо делать, как надо делать, и поэтому легко отбивает атаки оппозиционеров, которым он, кстати, сам же и предлагал задавать ему вопросы. *В итоге, все участники встречи выходили оттуда со словами: «Какое прекрасное шоу!». Что же касается содержания, то на следующий день после этой встречи мы стали анализировать, что именно сказал Путин. И здесь уже мнения разделились, и оценки были куда сдержаннее. Но это было на следующий день...*» [30].

Остановим и мы пока свое внимание что на «шоу», «Бродвее» или «телевизионной картинке», которые, кстати говоря, в современной политике играет тоже далеко не последнюю роль. А что касается содержательной части этого действа, то уделим ей отдельное внимание в последующих сюжетах. Хотя, конечно, обе стороны процесса тесно связаны между собой, дополняют, а то даже и взаимно обусловливают друг друга. Так и это «политическое шоу» на Валдае: оно было призвано стать наглядной демонстрацией кризиса политологической мысли — как российской,

так и западной — в отношении нынешней России. Все должны были удостовериться, что любые пессимистические прогнозы на счет политического режима России не имеют под собой оснований.

И это можно было понять. Ведь еще совсем недавно, когда 6 мая 2000 года произошли события на Болотной площади, многие эксперты уже пророчили Путину закат карьеры. Некоторые вообще писали, что Путин — едва ли не политический труп. И вот на этой встрече на Валдае все присутствующие, да и телевизионные зрители, должны были зримо убедиться, что у Путина большой потенциал — и личный, и касающийся его команды. Ведь встречи на Валдае начались еще 16 сентября, и до 19 сентября Путин воспользовался возможностью продемонстрировать перед «валдайцами» всю свою ближнюю команду: Вячеслав Володин, Сергей Иванов, Сергей Лавров, Сергей Шойгу... По их выступлениям чувствовалось, что происходит «разогрев» публики перед выходом главного действующего лица, которому уготовлена особая миссия.

В чем же, судя по всему, состояла эта миссия? Вспомним, как еще в 2009 году Лев Гудков писал, что Путин не «фюрер», не «демагог» и уж вовсе не «трибун», а всего лишь чиновник «из органов», пришедший к власти в результате аппаратных сделок и интриг, которому лишь впоследствии пропаганда придала «харизматический» ореол. И здесь Гудков был прав — на то время «путинизм» был еще не в состоянии предложить широкой общественности каких-либо значимых политических ориентиров, а уж тем более значимых целей общественного развития. То есть, абсурд ситуации состоял в том, что все усиливающийся авторитарный режим как бы демонстрировал свою неспособность предложить российскому обществу, а тем более мировому содружеству какой-то внятной, тотальной по охвату мобилизационной идеологии построения «нового мира» и формирования «нового человека». Да и внешнеполитическая доктрина в то время топталась преимущественно на площадке создания «санитарного кордона» против попыток экспансии западной «вестернизации» на каноническую территорию смиренной и боголюбивой православной страны. По всему чувствовалось, что с такой платформой ситуацию не переломить, а уж на роль «отца нации» Путину нечего и претендовать.

То есть, ощущалась общественная необходимость в том, чтобы лидер страны публично продемонстрировал свою способность дать ответ на вызов времени. По оценке очевидца событий Злобина, сверхзадача Путина, которую он ставил перед собой, состояла в том, чтобы «сделать свое третье президентство президентством

ценностей. Экономикой, политикой он, разумеется, занимался, и будет заниматься, но с ними ясно, что делать. ***А вот с идеологией, с ценностями — полный бардак. Россия уже превратилась в страну с царем во главе, но она по-прежнему без царя в голове. Мне кажется, Путин это понимает и пытается решить эту проблему так, как он это видит. Грубо говоря, он пошел на третий срок поставить этого «царя в голове»***. Разумеется, того «царя», который ему нужен...» [31].

Что касается внешней политики, то со стороны Лаврова и Шойгу еще перед выступлением Путина было заявлено, что ни о какой конфронтации с США речь не идет. Видимо, российской стороной учитывалась инициатива Президента США Обамы на счет «перезагрузки» американо-российских отношений. На то время, судя по всему, Россия предпочитала ограничиться нежестким конфронтационным стилем, рассчитанным больше на внутреннего потребителя, чем на внешнего. Комментируя этот момент на Валдае, президент Центра им. Р. Никсона кремлинолог Дмитрий Саймс оценивал ситуацию таким образом: «Россия не может себе позволить сейчас ни под каким видом проводить амбициозную внешнюю политику. Чтобы жестко вести себя на международной арене, нужна другая экономика, не стагнирующая. Жесткость во взаимоотношениях не исключает вероятность ссоры с ЕС и США, а Россия, имея такую экономику, не может оказаться вне экономической интеграции. Слишком дорого это обойдется...» [32].

Что же касается внутренней политики, то упомянутые выше антиправительственные выступления на Болотной площади стали свидетельством того, что прежняя модель так называемой управляемой демократии исчерпала свои возможности, а скамейка запасных политических лидеров оказалась если не пустой, то, во всяком случае, весьма короткой. Не исключено, что в Кремле появилось понимание того, что нужны новые люди, и такие люди за десять лет уже подросли, им по 30–40 лет, и их нельзя уже сдерживать, с ними нужно работать. Но как работать — это предстояло осмыслить заново. С одной стороны, их вроде бы следовало и допустить к каким-то структурам управления, а не создавать проблему, выдавливая их из общественно-политической жизни. Но, с другой стороны, никто не собирался отказываться от старой доброй тактики: задушить врага в объятиях — попытаться вовлечь в существующую систему — сделать несистемных политиков системными. Пусть эти энергичные люди избираются в мэры, городские и региональные Думы: кто пройдет, тот и пройдет. А дальше мы будем с ними работать — пусть вживаются в систему.

Высказывалось мнение, что с точки зрения новых политтехнологий, тактика Путина, его нынешний подход в отношении оппозиции предположительно будет состоять в следующем: «кто хочет работать, пусть идет и работает». Вот в этом то и состояла главная опасность для оппозиционеров: отвергнуть это предложение власти они не смогут, а вживание в систему может означать для них фактическое вступление в «Единую Россию». В фигуральном, разумеется, смысле. Для оппозиции содержательной, типа Владимира Рыжова, это хороший вариант. Для оппозиционеров-ораторов, политических блогеров это неприемлемый вариант. Так что у оппозиции появился выбор: либо оставаться внесистемной оппозицией, либо встраиваться в систему. Но система съест... Как показало дальнейший ход дискуссий в клубе «Валдай», расчет оказался верным. Во время встречи оппозиция поддалась на мягкий тон Путина: в ответ они тоже стали задавать президенту мягкие вопросы. Тем более никто из них уже не говорил про антинародный режим, про нелегитимные выборы и т.д.

По большому счету, подводит итог Злобин, «это свидетельствует о банкротстве российского интеллектуального класса. Иногда мне кажется, что оппозиция вообще спорит с Путиным по тем темам, по которым ему хочется, чтобы с ним спорили». А поэтому будущее для тех оппозиционеров, которые выберут путь непримиримого противоборства с властью, выглядит размытым и туманным. Какая-то перспектива для них может забрезжить «только если система рухнет. Пока она работает, политических перспектив нет. Сейчас система устойчива, и изнутри ее взорвать не удастся».

То есть, если верить Николаю Злобину, то устойчивость и стабильность этой системе в 2013 году обеспечивала широкая массовая поддержка. Насколько прочным и долговременным может быть этот фактор? Значит ли это, что до 2024 года, когда истечет гипотетический четвертый срок Путина и логично возникнет ситуация «пересменки», ничего не сможет произойти. А ведь все может быть: и другая Конституция, и другая политическая система. Но до этого срока еще надо дожить — и в этом заинтересовано подавляющее большинство российского общества. Именно поэтому прогноз Злобина на то время выглядел довольно креативным: «Давайте не будем упрощать ситуацию: в такой большой и сложной стране, обладающей к тому же ядерным потенциалом, немало умных и влиятельных людей, которые надеются на стабильность. Пусть и при смене лиц, при более широкой политической конкуренции, но на стабильность. Так что Путину с его программой объективно есть на кого опереться» [33].

Одним словом, в 2013 году на Валдае произошел обряд посвящения под лозунгом «единения власти с народом». Если в первые дни заседаний имели место жесткие дискуссии — высказывались различные и весьма неоднозначные мнения, в том числе и по отношению к персоне самого Путина — то с его появлением 19 сентября ситуация, хотя и не сразу, но все же переменилась. По свидетельству очевидцев, придя в зал, Путин был не в очень хорошем настроении, сначала достаточно невыразительно выговорил свою речь, и уж потом, как бы поймав кураж, внезапно предстал перед аудиторией в новом свете. Он стал расковано шутить и даже рискованно выражаться, достигая ожидаемого эффекта, так что острая на словцо корреспондент радио «ЭХО Москвы» Ксения Ларина не преминула случая дать следующую характеристику: «Вот, мы знаем, как бы, бывают съезды победителей. Здесь по ощущениям это был такой форум триумфатора» [34].

И действительно, многие присутствовавшие при встрече впоследствии признавались, что не видели таким Путина ни на Валдае, не вне Валдая никогда. Проводились сравнения с тем интересом, который был проявлен к его персоне с первым его появлением на политической арене: «Вот, сейчас появился какой-то новый Путин, триумфатор, легко обыгрывающий и оппонентов своих внутри страны, и выбранных им в качестве оппонентов гостей из Европы и США. И, действительно, это было, в общем, весьма впечатляющее шоу». Владимиру Владимировичу удалось обаять аудиторию, которая лишь на следующий день попыталась снять с себя это очарование, задавая себе вопрос: «*Ну, вот, а сегодня утром шоу как-то уже забывается. А вот, что он сказал, мы начинаем задумываться. А он чего то не то, ведь, говорил. Чего-то, вот, если серьезно подумать, он вот это сказал, это сказал. Как это? А чего это мы даже не отреагировали никак?*».

Стало приходить на ум, вспоминал впоследствии Злобин, что Путин ведь отпускал шуточки, не совсем политкорректные, да и связанные с такими темами, которые не могут себе позволить политики европейского или американского пространства. Но вот эта позиция — «могу себе позволить» — в свою очередь «позволила Путину не только проявить себя в качестве вот такого шоумена, если хочешь, в самом хорошем смысле этого слова, политического шоумена такого, американского типа. *Но и както сбила остроту дискуссии. Вот это огромное количество людей, камеры, президент на подиуме, а ты внизу в зале, там уже нельзя с ним так говорить, потому что надо просить микрофон*. Когда мы сидим обычно за круглым столом, то как-то разговор на более

ровном идет уровне. *А здесь он вверху, а ты внизу* — надо, чтобы тебе принесли микрофон, чтобы ты возразил или продолжил свой вопрос... То есть, на самом деле, *открытость эта дала вот этот вот внешний очень сильный эффект, но снизила очень уровень, мне кажется, остроты дискуссии*, которая обычно на Валдае есть, когда он проходит, вот эта главная встреча за зарытыми дверьми» [35].

В связи с этим в среде аналитиков не мог не быть поднятым вопрос о специально задуманной драматургии вот этой якобы открытой встречи, где главная задача состояла в создании телевизионной картинки этакого себе образа «доброго миротворца»? Комментируя эту ситуацию, Николай Злобин предложил свою версию происходившего в аудитории: «Это был образ миротворца, который ничего не боится. До выборов 5 лет. Он полностью контролирует ситуацию в стране. Никакие оппозиционеры ему не страшны». Но это не просто телевизионная картинка. Следует считаться и с тем, что именно стоит за этой картинкой. По мнению Злобина, создавалось впечатление, что Путин гораздо более опытен, чем любой другой отечественный или зарубежный политик его уровня, действующий сегодня: «Он прошел через очень многие перипетии. И с точки зрения политического маневрирования он, конечно, очень силен, очень талантлив». При этом аналитики оговариваются, что ***речь идет, прежде всего, не об анализе позиции Путина с точки зрения интересов России, а тем паче с точки зрения морали — здесь она совершенно отсутствует. А с точки зрения мастерства «как он это делает», с точки зрения лицемерия, двойных стандартов, политического мастерства маневрирования, передергивания фактов. Здесь ему равных нет*** [36].

Отдавая должное аналитикам, невольно ловишь себя на мысли, что ведь речь должна идти не о телевизионной картинке. По большому счету, следовало бы определиться в доктринальных предпочтениях президента ядерной державы, представленной в Совете безопасности ООН, от позиции которой зависят судьбы миллионов людей. И вот эта суровая необходимость заставляет, насколько это возможно, дистанцироваться от предлагаемого публике скромного обаяния телевизионного шоумена, уделив больше внимания сущностным характеристикам провозглашаемых Путиным истин.

2.4. Догматы развитого «путинизма»

Итак, аудитория юбилейного заседания Валдайского форума, на которую было собрано более 200 экспертов, интеллектуалов, политических, общественных и духовных лидеров из более 30 стран мира, в целом соответствовала повестке дня — «Многообразие России для современного мира». Что ни говори, а тема звучала фундаментально. Речь шла о глобальных вызовах и об определении российской идентичности через призму этих вызовов. По словам одного из организаторов форума Сергея Караганова, эта тема была выбрана потому, что «Россия не может больше развиваться, мы находимся в тупике, и не можем больше развиваться без определения того, кто мы и куда хотим идти. К сожалению, этот вопрос не решается ни интеллектуальной элитой, ни властью. Поэтому мы решили подтолкнуть интеллектуальную элиту и власть к более интенсивным поискам национальной идеи и национальной идентичности... Наверное, мы начнем с того, какие вызовы и возможности предоставляет мир. Нужно решить, что нам угрожает» [37].

Знамо дело, весомость проблемы нуждалась и в соответствующем антураже. На этот раз в команде Путина решили, что разговор должен быть с особым судьбоносным значением. А раз так, то в создавшейся ситуации для изложения доктринальной проблемы важно было соблюсти хрестоматийное «единство места и действия». Именно поэтому в начале выступления Путина было озвучено, что Новгородская земля, ее реки — Волхов и Нева, да и само озеро Валдай лежали у истоков Российского государства. И этот момент следует считать одним из принципиальных — последующие размышления Путина об «общей днепровской купели» или о «Киеве — матери городов русских», таким образом, были подчинены первоначальному истоку — Новгороду, Валдаю и Неве. Как нас учили когда-то в начальных классах школы, «начинается земля, как известно, от Кремля». Вот эта исходная точка в системе координат обязывала и к соответствующей трактовке Путиным проблемы российской идентичности: «Речь идет не просто об анализе российского исторического, культурного, государственного опыта. Прежде всего, я имею в виду всеобщие дискуссии, разговор о будущем, о стратегии и ценностях, ценностной основе развития нашей страны, о том, как глобальные процессы будут влиять на нашу национальную идентичность, о том, каким мы хотим видеть мир XXI века, и что может принести в этот мир совместно с партнерами наша страна — Россия» [38].

Что и говорить, избранная тема о «ценностной основе развития страны» как никакая другая давала возможность в корне поменять существующий до сих пор имидж Владимира Путина. Как мы помним, в первое десятилетие своего правления он воспринимался (во всяком случае, в серьезных академических кругах) лишь в роли заурядного выдвиженца силовых структур. Но, видимо, наступил час «Ч», когда в Кремле посчитали, что необходимо представить Путина в принципиально новой ипостаси — как отца нации, гаранта государственной целостности и радетеля дальнейшего процветания страны. В своей речи он должен был принести стране (да и всему миру) благую весть о новой стратегии выживания России перед вызовами глобализации, о сохранения Россией своей уникальной национальной идентичности в кардинально изменяющемся мире. В том мире, который, с одной стороны, стал ныне все более открытым, прозрачным, взаимозависимым, а с другой стороны, высоко конкурентным — в котором сталкиваются интересы практически всех стран и народов.

К тому же, понятное дело, было важно найти и представить широкой общественности свой — сугубо российский — путь, свою рафинированно российскую траекторию развития в современном глобализирующемся мире. И здесь надо отдать должное спичрайтерам Президента РФ в постановке проблемы: «Для россиян, для России вопросы «Кто мы?», «Кем мы хотим быть?» звучат в нашем обществе все громче и громче. Мы ушли от советской идеологии, вернуть ее невозможно. Приверженцы фундаментального консерватизма, идеализирующие Россию до 1917 года, похоже, также далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма. Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции. А сегодня мы видим новый виток такой конкуренции» [39].

Подобная постановка вопроса зафиксировала тот важный момент в истории Российской Федерации, когда ее правящий класс пришел к мысли о необходимости разработки проблемы, давно уже собственно поднимаемой, да и более или менее успешно решаемой во многих странах мира. Это — вопрос национальной идентичности. В Украине она в свое время была поднята ее вторым президентом — Леонидом Кучмой в работе «Украина — не Россия». При этом президент Украины никогда не претендовал на монополию в изложении этой проблемы. В час его администрации в стране появилась целая серия публикаций (научных и популярных),

посвященных «украинской национальной идее». Более того, вокруг этой проблемы образовался настоящий публичный дискурс. Правда, к большому сожалению, в последующее десятилетие эта тема в Украине была изрядно вульгаризирована. Однако после Евромайдана вопрос о национальной идентичности опять стал в полный рост — стало ясно, что обойти эту проблему молчанием или еще хуже — «заболтать» на различных «ток-шоу» — невозможно.

Но есть и другой момент: мы должны уяснить себе, что решить эту проблему «окончательно и навсегда» тоже нельзя. По Эрнесту Ренану, национальная идентичность представляет собой своеобразный ежедневный плебисцит по трем важнейшим аспектам: «Кем мы были?», «Кем мы являемся сейчас?», «Кем мы стремимся стать?». То есть, обретение национальной идентичности есть не что иное, как вопрос ежедневной и ежечасной адаптации социума к постоянно меняющемуся миру. А выработанная нацией соционормативная культура, собственно, и составляет сущностную сторону процесса эволюции природы и человека. По словам Ренана, «нация — это душа, духовный принцип. Две вещи, являющиеся в сущности одною, составляют эту душу, этот духовный принцип. Одна — в прошлом, другая — в будущем. Одна — общее обладание духовным наследием воспоминаний, другая — общее соглашение, желание жить вместе, продолжать сообща пользоваться доставшимся неразделенным наследием... *Иметь общую славу в прошлом, общие желания в будущем, совершить вместе великие поступки, желать их в будущем — вот главные условия для того, чтобы быть народом. Любить пропорционально жертвам, на которые согласились, пропорционально бедам, которые пришлось перенести... Разделять в прошлом общую славу и общие сожаления, осуществлять в будущем ту же программу, вместе страдать, наслаждаться, надеяться, вот что лучше общих таможен и границ, соответствующих стратегическим соображениям; вот что понимается, несмотря на различия расы и языка*» [40].

Итак, отталкиваясь от высоких научных критериев Эрнеста Ренана, поставим принципиальный вопрос: с какими же вызовами времени столкнулась Россия, и какие ответы готов был предложить от имени правящего класса президент России Владимир Путин? ***Во-первых***, анализ его выступления на Валдае наводит на мысль, что, прежде всего, перед спичрайтерами президента Российской Федерации стояла задача представить национального лидера в образе новатора, в корне изменившего направление всего потока общественного сознания. В докладе было обозначено, что после

1991 года в общественной мысли России существовала иллюзия, что новая национальная идеология (идеология развития) может родиться как бы сама по себе. Более того — государство, власть, интеллектуальный и политический класс в «лихие 1990-е» практически самоустранились от разработки национальной идеи. Сыграл свою отрицательную роль и тот факт, что прежняя коммунистическая идеология оставила после себя тяжкую оскомину. В итоге, по признанию Путина, в России «просто на самом деле все боялись даже притрагиваться к этой теме». И виной тому, надо полагать, конечно же, была существовавшая в то непростое время «семибанкирщина» олигархов: «отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности, было выгодно той квазиколониальной части элиты, которая предпочитала воровать и выводить капиталы, и не связывала свое будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались» [41]. Таким образом, первый враг в выступлении Путина был назван — квазиколониальная часть элиты.

Во-вторых, следующий вызов национальной идентичности России, по мысли Путина, был брошен со стороны рынка. А потому президентом РФ было заявлено, что «новая национальная идея не развивается по рыночным правилам. Самоустранение государства, общества не сработало, так же как и механическое копирование чужого опыта. Такие грубые заимствования, попытки извне цивилизовать Россию не были приняты абсолютным большинством нашего народа, потому что стремление к самостоятельности, к духовному идеологическому, внешнеполитическому суверенитету — неотъемлемая часть нашего национального характера. К слову сказать, не срабатывает такой подход и во многих других странах. Прошло то время, когда готовые модели жизнеустройства можно было устанавливать в другом государстве просто, как компьютерную программу» [42].

Итак, второе противостояние определилось по линии: глобализированный рынок против государственного суверенитета и самобытного национального характера России. Следует ли рассматривать эту объективно существующую дуальную оппозицию как некую спецоперацию с целью «попытки извне цивилизовать Россию»? В принципе, для этого нет достаточных оснований. Но с точки зрения выходцев из спецслужб, окружающих Путина, речь просто не может идти ни о чем другом, как о «грубых заимствованиях», когда «готовые модели жизнеустройства можно было устанавливать в другом государстве просто как компьютерную программу». И, в конечном итоге, что же, или кто стоит за всеми этими происками? Судя по всему, спичрайтеры пытаются

убедить, что человечество столкнулось не меньше, чем с заговором «мирового правительства», которое ставит своей задачей порабощение богоизбранного народа «святой Руси».

В-третьих, судя по докладу на Валдае, сообщниками внешних враждебных России сил, вольно или невольно, стают несознательные элементы внутри самого российского общества. И это происходит в то время, когда страна как никогда прежде нуждается в историческом творчестве при разработке своей национальной идеи. А ведь подобная идея не может быть навязана сверху, или построена на основе идеологической монополии. Наоборот, она должна представлять собой синтез национального опыта, основанный на всестороннем осмыслении культурных, духовных и политических традиций. А раз так, считает Путин, то в это творчество должны быть вовлечены люди различных взглядов — неославянофилы и неозападники, государственники и либералы. А государство, в свою очередь, сформулирует им соответствующий заказ: все они в национальном дискурсе должны избавиться от привычки слушать только своих идейных единомышленников. С точки зрения государственных интересов это значит, что «либералы должны научиться разговаривать с представителями левых взглядов и, наоборот, националисты должны вспомнить, что Россия формировалась именно как многонациональное и многоконфессиональное государство с первых своих шагов, и что, ставя под вопрос нашу многонациональность, начиная эксплуатировать тему русского, татарского, кавказского, сибирского и какого угодно еще любого национализма и сепаратизма, мы встаем на путь уничтожения своего генетического кода. По сути, начинаем уничтожать сами себя» [43].

Таким образом, был сформулирован и третий враждебный вызов со стороны национализма и сепаратизма: русского, татарского, кавказского, сибирского и еще какого угодного. Ответом на этот вызов, как было сказано, является «государственный интерес».

В-четвертых, по мысли Путина, еще одна опасность проистекает со стороны внутренней оппозиции, в особенности от тех, кто пытается переосмыслить и переписать отечественную историю с точки зрения актуальных проблем сегодняшнего дня. Складывается впечатление, что спичрайтерам Путина и невдомек, что каждое молодое поколение вырабатывает свою точку зрения на историю, а потому история постоянно переписывается — это ее естественное состояние. Ведь самое существенное в истории — не так факт, как его интерпретация в контексте сопутствующих событий. Все это касается и истории России — ведь это по существу

история непрекращающейся гражданской войны правящего класса против собственного народа. И здесь от переосмысления никуда не уйти, даже если ты и президент России.

Однако в силу своей служебной карьеры и занимаемого положения президент РФ Владимир Путин считает, что он должен указать науке ее истинное место в российском государстве. А потому не может удержаться от зычного еще со времен царизма государственного окрика: не сметь, свое суждение иметь. А потому озвучивает директиву о том, как впредь надо жить: «У нас практически нет семьи, которую бы обошли стороной беды прошлого века. Вопросы оценки тех или иных исторических событий до сих пор раскалывают страну и общество. Мы должны залечить эти раны, восстановить целостность исторической ткани. Нельзя больше заниматься самообманом, вычеркивая неприглядные или идеологически неудобные страницы, разрывая связь поколений, бросаясь в крайности, создавая или развенчивая кумиров. Пора прекратить замечать в истории только плохое, ругать себя больше, чем это сделают любые наши недоброжелатели. Критика необходима. Но без чувства собственного достоинства, без любви к Отечеству эта критика унизительна и непродуктивна» [44].

Что и говорить, тезис об «общности исторической судьбы» является важнейшей составной национальной идентичности каждого народа. Но вряд ли этого понимания общности можно достичь путем директивных установок. Осознание этой общности проистекает из каждодневного опыта реальной жизни, потому что «исторический опыт» это и есть синоним понятия «гражданская история». Во временной перспективе можно говорить о политических или социальных общностях целых поколений, объединенных накопленным ими и упорядоченным опытом [45].

Но в понимании Путина исторический процесс все еще ассоциируется с бюрократией «истории государства российского», а потому он и формулирует государственный заказ на историю: «Мы должны гордиться своей историей, и нам есть чем гордиться. Вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности. Без признания этого невозможно взаимное доверие и движение общества вперед» [46].

Вот здесь — в формулировке «вся наша история без изъятий» — и заложен существенный изъян, ибо, как говориться, «дьявол кроется в деталях». Как мы уже отмечали, в своем классическом докладе «Что такое нация?» французский социолог Эрнест Ренан акцентировал внимание на том, что каждая нация должна постоянно переосмысливать свое прошлое, разделяя не только общую

славу, но и испытывая общее покаяние за совершенные грехи — вольные и невольные. Это соответствует христианской традиции о катарсисе — самоочищении в процессе самоанализа. По словам Ренана, «сущность нации именно в том, чтобы все индивидуумы имели много общего, *чтобы все они многое позабыли*. Ни один француз не знает, бургунд он, алан или вестгот; всякий гражданин Франции должен забыть Варфоломеевскую ночь, убийства на Юге в XIII веке» [47].

Даже последовательный атеист Владимир Ленин, и тот написал работу «От какого наследства мы отказываемся», где попытался отмежеваться от великодержавного шовинизма в России. Но это не про Путина. Для него «вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности», включая, видимо, и черносотенные погромы, которые ныне так активно практикуются в Крыму в отношении украинцев и крымских татар, и тактику «выжженной земли», применяемую в Луганской и Донецкой области. И, конечно же, все эти неприглядные и преступные действия нуждаются в соответствующем идеологическом антураже, которые скорее напоминают военный камуфляж.

И поэтому, ***в-пятых***, на авансцену в докладе выводится «враг внешний», борьба с которым провозглашается едва ли не исторической миссией России. В чем особенность борьбы с этим «внешним врагом»? Во-первых, правящая верхушка России наглядно доказала свою несостоятельность в конкурентной борьбе на ниве новейших технологий. Во-вторых, не добилась она и каких-то значительных успехов и касательно модернизации российской глубинки (Москва и Петербург это еще не вся Россия). В-третьих, она оказалась неспособной даже освоить природные богатства Сибири и Дальнего Востока. И вот эта правящая верхушка, не преуспев в решении насущных задач страны, ныне стала активно претендовать на лидерство на ниве утверждения нравственности и духовных ценностей. Да не только в своей стране, а и во всем мире!

Как по-другому воспринять все эти стенания по поводу «заката Европы», как не попытку отвоевать себе место, даже духовную миссию в авангарде мировой истории: «Еще один вызов российской идентичности связан с событиями, которые происходят в мире. Здесь есть и внешнеполитические, и моральные аспекты. Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составлявших основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая.

Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в бога и веру в сатану. Эксцессы политкорректности доходят до того, что всерьез говорится о регистрации партий, ставящих своей целью пропаганду педофилии. Люди во многих европейских странах стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности. Праздники отменяют даже или называют их как-то по-другому, стыдливо пряча саму суть этого праздника — нравственную основу этих праздников. И эту модель пытаются агрессивно навязывать всему миру. Убежден, это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису» [48].

Что можно сказать по поводу этих рассуждений, претендующих на роль и Апокалипсиса, и Нагорной проповеди одновременно? Здесь возникает ряд вопросов, на которые может дать ответ только сама жизнь. Почему российские нувориши целенаправленно вывозят свои семьи для постоянного проживания именно в те страны, где якобы отрицается национальная, культурная, религиозная и даже половая идентичность? Почему в аннексированном Крыму его коренным жителям не позволяется отметить надлежащим образом трагическую годовщину депортации крымскотатарского народа? Почему в оккупированных российскими наемниками регионах Украины совершаются акты глумления над украинской национальной символикой, украинской идентичностью? Почему в контролируемых российскими наемниками районах были репрессированы протестантские проповедники и церковники Киевского патриархата? Почему с позволения сказать «миссионерская» деятельность российских наемников сопровождается мародерством и убийствами гражданского населения? И таких «почему» можно выстроить очень длинный ряд. И вразумительного ответа на них быть не может по определению — ибо, как вообще можно говорить о моральности агрессора, о его человеческом достоинстве? Не поэтому ли Россия пребывает ныне фактически в международной изоляции? Не зря ведь пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков «посетовал, что Кремль в попытках разъяснить свою позицию по Украине западным партнерам сталкивается со «стеной непонимания» [49].

В создавшейся ситуации, ***в-шестых***, в России догматично реанимируется миф об угрозе «однополярного мира», якобы угрожающего суверенитету национальных государств. И это несмотря на то, что попытки установления «однополюсного мира» давно ушли в небытие, на мировой арене появились такие независимые игроки как Европейский Союз и Китай, Бразилия

и Япония, Индия и Южная Африка. В конце концов, речь может идти о той же России — с ее 3,3% мирового ВВП, но имеющей вес в связи с наличием ядерного оружия. А вопрос о суверенитете государств — это вообще отдельная проблема, поскольку в эпоху глобализации понятие суверенитета государств постоянно трансформируется и приобретает все новую конфигурацию и смысловую наполненность.

Поэтому рассуждения Путина на предмет уважения суверенитета и территориальной целостности других государств, когда попрано международное право и ряд договоров, где зафиксирован принцип нерушимости границ Украины, вообще теряют какой-либо смысл в контексте российской агрессии на юго-восточных рубежах нашей страны. И совсем уж по-иезуитски звучали слова Путина на Валдайском форуме о том, что «Россия с теми, кто считает, что ключевые решения должны вырабатываться на коллективной основе, а не по усмотрению и в интересах отдельных государств либо группы стран, что должно действовать международное право, а не право сильного, не кулачное право, что каждая страна, каждый народ не исключителен, но уникален, конечно, самобытен, имеет равные права, в том числе право на самостоятельный выбор своего развития» [50].

Как Россия понимает право Украины на самостоятельный выбор — это надо увидеть по руинам промышленных предприятий и развалинам жилищного сектора, не говоря уже о разрушении всей сферы жизнедеятельности оккупированных районов Донбасса.

Седьмой вызов России Путин так же связывает с тлетворным влиянием Запада, и имя этому злокозненному явлению — мультикультурализм. Сам этот термин вызывает в Путина идиосинкразию, ибо он воспринимает это явление в качестве привнесенной и искусственно внедряемой сверху модели, которая неспособна «обеспечить интеграцию в общество иноязычных и инокультурных элементов». Почему критические стрелы летят в сторону Запада тоже можно понять — это отвлекает слушателя от своих внутренних российских проблем. По свидетельству крупнейшего специалиста в области этнонациональных отношений Эмиля Паина, в России с 1991 года нет никакого понятия мультикультурализма, равно как нет и внятной национальной политики: «Не могу сказать, была ли национальная политика в СССР лучше или хуже, чем в России, главное, что она была». Ныне же в России процветает ксенофобия, основным объектом которой выступают свои же внутренние мигранты — граждане Российской Федерации, жители республик Северного Кавказа [51].

Но Путин этой проблемы в упор не видит. Для него Россия, вопреки тезису о «тюрьме народов», представляет собой благословенную землю, где «за века не исчез ни один, даже самый малый этнос». Более того, оказывается, «все они сохранили не только свою внутреннюю самостоятельность и культурную идентичность, но и свое историческое пространство». Да так сохранили, что даже сам Путин, с его поставленной сетью информирования, «с интересом узнал (не знал даже), в советское время так внимательно к этому относились, почти каждый маленький народ имел свое печатное издание, поддерживались языки, поддерживалась национальная литература». Если Путин об этом узнал только сейчас, то где уж об этом было знать рядовому человеку?

А узнав об этом, президент России высказался, что непрочь бы вернуться к этой советской практике и в наше время. Конечно, советский опыт постоянно будоражит сознание Путина, поскольку возрождение имперской России в пределах СССР является его программой минимум. Но это, видимо, планируется осуществить уже после ликвидации Украины как государства и украинцев как нации. Вот тогда можно будет создавать «мини-резервации» для малых народов, которые демонстрировали бы «цветущую сложность», где российская государство-цивилизация была бы «скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России» [52]

Что стоит за этими словами? В лучшем случае — двойственная мораль, в худшем — прямая ложь и клевета. Например, на Валдайском форуме прозвучало, что «суверенитет, самостоятельность, целостность России — безусловны. Это те «красные линии», за которые нельзя никому заходить». Нет сомнения, это положение воспринимается как императив, когда дело касается территориальной целостности России. А как в отношении сопредельных с Россией государств? Практика показывает, что, в процессе осуществления реальной политики в сфере этнонациональных отношений, одни критерии и оценки применяются по отношению к России, но совсем другие выставляются, когда речь заходит, например, об Украине. Взять хотя бы организованные агентурой Москвы всевозможные референдумы, стимулирующие в Крыму и на востоке Украины вспышки российского великодержавного национализма и сепаратизма. Не на словах, а на деле выходит так, что процессы, осуждаемые в России, тут же активно культивируется в отношении Украины. Когда, например, дело касается «уничтожения генетического кода» украинцев, или крымских

татар, то это трактуется российской пропагандой как величайшее благо якобы восстановления исторической справедливости.

И эти пропагандистские штампы успешно вдалбливаются в сознание широких масс населения. Общественная мысль россиян ни в грош не ставит национальную самобытность других народов, их право на суверенный выбор своей грядущей судьбы. Например, как показал социологический опрос, проведенный «Левада-Центром» 21–24 марта 2014 года, российское население в целом единодушно по вопросу вероятной возможности присоединения Россией территорий бывших республик СССР, где проживают русские. В 58% респондентов превалировало убеждение, что «Россия имеет на это право, она должна защищать своих». Даже те 28% респондентов, которые сомневались в правомочности России нарушать суверенитет других государств, присоединились к мысли, что «вообще-то Россия не имеет на это права, но в случае присоединения Крыма Россия ведет себя достойно и законно, в соответствии с нормами международного права». Национальное достоинство великороссов разве что попытались спасти те 4% респондентов, которые считали, что «Россия не имеет на это никакого права, действия России международным сообществом не могут не рассматриваться как аннексия чужой территории и военная интервенция против суверенного государства». Затруднялись с ответом 10% опрошенных [53].

Конечно, можно возразить, что общественное мнение сегодня может быть одним, а завтра — совершенно другим. Другое дело закон — он должен быть исполнен в любом случае. Так вот, с 9 мая 2014 года в России начало действовать дополнение к Уголовному кодексу, в котором предусмотрено пребывание до пяти лет за решеткой лишь за высказывания об отделении от РФ любых территорий. Где уж тут ставить вопрос о референдуме? Учитывая, что Путин подписал приказ о присоединении Крыма, то даже разговоры россиян о сомнительности свершившейся аннексии полуострова попадают под действие этого закона. Согласно статье 280.1 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» призывы к экстремизму наказываются либо штрафом до 300 тыс. рублей, либо обязательными работами на срок до 300 часов, либо лишением свободы до трех лет. Если же подобные призывы будут размещены в СМИ или в Интернете — обязательными работами на срок до 480 часов, или лишением свободы на срок до пяти лет [54].

Вот таковым оказался «холодный душ» репрессивных законов после того, как на Валдайском форуме для Путина была создана

«теплая ванна» для оповещения международной общественности о благостной внутренней и внешней политике России. По мнению ведущего политолога Московского центра Карнеги Лилии Шевцовой, Валдай предоставил Путину почувствовать свой звездный час. Случился момент, когда Кремль решил, что пора предъявить миру доктрину, которая призвана обосновать новый политический режим, сформировавшийся в России в XXI веке, а заодно и кремлевские международные претензии. Для этого была специально подобрана аудитория. Это были сошедшие со сцены зарубежные политики, прикормленные зарубежные и отечественные эксперты, несколько обласканных властью декоративных оппозиционеров, а также массовка самых разнообразных экспертов.

По словам Лилии Шевцовой, Валдайская доктрина Путина «создает впечатление сборной солянки, в которую повар бросил, не глядя, несоединимые ингредиенты: советизм, национализм, империализм, православный фундаментализм. Эту смесь трудно назвать «идеологией», но ее основная идея, проговоренная Путиным, не вызывает сомнения. Сущность «Валдайской доктрины» Путина — не только отторжение, но и сдерживание Запада как совокупности либерально-демократических норм внутри России, но и вне России — как западных внешнеполитических интересов... Путин отбрасывает Запад как систему, как образ мышления, как способ жизни. Идею об «уникальности» российской цивилизации Путин проговорил еще в ходе своей президентской кампании. Теперь же он уточняет, что является его целью. Эта цель — «государство-цивилизация», которая строится на традиционных ценностях, «скрепленных» в первую очередь православной церковью. В чем стержень этого «государства-цивилизации», очевидно — в самодержавии» [55]. Это, понятное дело, взгляд оппозиционера.

А как же отзывы лояльных по отношению к Путину людей? По их мнению, выступление на Валдае было одной из важнейших речей в его жизни. Речь Путина оценивается как идеологическая, посвященная стратегии и ценностям, лежащим в основе развития России. Для российской власти было очень важно, что речь уже шла не об утилитарных и вторичных концепциях вроде «суверенной демократии», а о поиске тех объединяющих нацию принципов, идей и целей, без которых ее существование теряет всякий смысл. Особенно, когда речь идет о России, которая всегда была цивилизацией идеологической.

Валдайская речь Путина по-своему подводила итоги целой серии предвыборных статей, произнесенных на встречах с представителями общественности. В частности, среди них в свое

время привлекала внимание речь в Краснодаре, произнесенная в 2012 году. В ней было озвучено важное, как показала последующая интервенция в Украину, положение о роли пропаганды в завоевании мирового пространства. В частности, пропаганда рассматривалась как: попытка «влиять на мировоззрение целых народов, стремление подчинить их своей воле, навязать свою систему ценностей и понятий — это абсолютная реальность, так же как борьба за минеральные ресурсы, с которой сталкиваются многие страны, в том числе и наша страна» [56].

Семь лет назад в Мюнхене Путин уже выступал в роли обличителя американского диктата, навязывающего свою волю всему миру. Но на Валдайском форуме ставки были повыше: Путин выступил «как критик всей современной модели развития западной цивилизации, политик, указывающий на очевидные проблемы и угрозы, которые власти Запада не хотят или не могут решить». При этом, отмечали эксперты, Путин повторял эту мысль в различных вариациях и в спокойной, и в резкой форме, стремясь довести до сведения собеседников, что «у Европы нет будущего без России». При этом слушатели должны были осознать, что Россию не следует воспринимать в одиночку, а только в тесной интеграции с соседями, что является «абсолютным приоритетом» российской внешней политики. Что касается Украины, то присутствующим довели до сведения, что русские и украинцы — это, по большому счету, один народ, «часть нашего большого российского мира, российско-украинского». При этом Евразийский союз трактовался не иначе, как проект сохранения идентичности народов и практически единственно верный шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферией для Европы или Азии.

Для кого-то эта аргументация показалась убедительной, а для других — весьма сомнительной. Например, ведущий эксперт по проблемам России и Евразии фонда «Наследие» (США) Ариэль Коэн на сайте Forbs.ru отметил, что «Владимир Путин пытается сформулировать новые ценности для России, но пока это звучит неубедительно». Сама речь Путина «стала еще одной попыткой сформулировать идеологию постсоветской России. При этом, с одной стороны, Путин декларирует, что «сверху» национальную идею не спустишь, а, с другой, четко формулирует лимиты той самой идеи. Конечно, она в корне отличается от сусловской мертвечины, но звучит скорее как идеология Общероссийского народного фронта, а не сложного российского политического «міра» второго десятилетия XXI века». В качестве идейных предшественников Путин выбрал

Александра Солженицына и Константина Леонтьева, известных в России «охранителей», а отнюдь не Петра Чаадаева или даже ни Николая Бердяева. А это отразилось и на том, что в целом Валдайский клуб на своем юбилейном заседании засвидетельствовал существующие в России ограничения, которые мешают как поиску идентичности, так и адаптации страны к внешнему миру, развитию ее внешней политики. Что же касается призывов к дискуссии, то они так и не привели к открытию новых перспектив [57].

В целом озвученная на форуме здоровая идея о том, что России в настоящее время в плане военно-стратегическом никто не угрожает, как-то была утеряна. А весьма конструктивная идея, что главная борьба должна идти за молодежь, ее образование и конкурентоспособность была лишь обозначена. В итоге, отмечал Сергей Караганов, «мы пока боремся против геев, с одной стороны, боремся против Америки, с другой стороны», а в это же время «Америке настолько не до нас, поскольку у них своих проблем много». А ведь главное для россиян — «просто понять, что нам делать» [58].

В целом сложилось впечатление, что форма желаемой для Путина идеологии все еще далека от совершенства, и не в последнюю очередь потому, что идеологию нельзя выстроить путем сочетания пазлов «духовность, православие, народность» и т.д. Для создания идеологии в первую очередь нужен целевой проект, вокруг которого и может сформироваться в дальнейшем сама идеология. Но когда Путин на Валдайском форуме заявил, что «Россия — это не проект. Россия — это судьба», то все это приобрело какой-то фатальный оттенок.

2.5. От «европейского выбора» к «евразийству»

Итак, основные идеи доктрины были озвучены президентом РФ Владимиром Путиным. Настало время эти идеи пропагандировать и внедрять в жизнь. А тут еще подоспела агрессия России по отношению к Украине, которая стала тем «моментом истины», предоставившая возможность многим политическим и общественным деятелям либо «сохранить лицо», либо солидаризироваться с откровенно имперским курсом официального Кремля.

Очень печально, что практически все действующие чиновники России подобострастно стали «во фрунт» — что взять со служивых людей? Но трудно понять позицию лауреата Нобелевской премии мира Горбачева, который нет-нет, да и позиционирует себя как человека на 50% русского, а на 50% украинца, а потому вос-

принимающего все происходящее с большой болью. А беспокоит уважаемого Михаила Сергеевича в первую очередь, оказывается, не факт агрессии против Украины, а то, что «украинский кризис спровоцировал серьезное и опасное ухудшение отношений между Россией и Западом. Президент США Обама заявил, что Россию необходимо изолировать, он и другие руководители Запада отказались от переговоров с российским президентом в рамках «Восьмерки». Введены экономические санкции против России, резко сокращено сотрудничество во многих областях, принимаются решения об усилении военного присутствия НАТО в соседних с Россией странах. Все это напоминает о годах холодной войны. Мы слышим утверждения о том, что ***холодная война возобновилась, а некоторые считают, что она и не заканчивалась***» [59].

Так кто же, по логике Горбачева, оказался в создавшейся ситуации агрессором, а кто жертвой агрессии? Здесь экс-президент СССР с присущей ему гибкостью старательно уходит от конкретного вопроса. А из его рассуждений получается так, что пострадавшей стороной стала опять-таки отвергнутая из числа «Восьмерки» Россия, на которую, мол, неизвестно за что наложены экономические санкции. В трактовке Горбачева агрессор и жертва агрессии ставятся на одну доску, а сам Михаил Сергеевич стелет себе дорожку на трибуну, дабы вещать в роли миротворца: «Надо признать, что отношениям между Россией и Украиной нанесен огромный ущерб. Нельзя допустить, чтобы это превратилось во взаимное отчуждение наших народов. Здесь огромная ответственность ложится на лидеров — президентов Путина и Порошенко. Они должны показать пример. Надо снизить накал страстей. ***Кто прав, кто виноват — разберемся потом.*** Сейчас главное — наладить диалог по конкретным вопросам. Нормализовать жизнь в районах, пострадавших больше всего, ***оставив пока в стороне проблемы статуса*** и т.п. Здесь и Украина, и Россия, и Запад могли бы помочь — и по отдельности, и совместно» [60].

Получается так, что Украина должна забыть о статусе Крыма как составной части Украины, не обращать внимание на то, что Россия в роли агрессора дестабилизировала обстановку в районе Донбасса, а вместо этого заняться нормализацией жизни. То есть, он призывает Украину закрыть глаза на то, что российским оружием целенаправленно уничтожаются промышленные предприятия и инфраструктура городов и сел, и отложить «на потом» — кто прав, а кто виноват.

Более того, наш уважаемый Нобелевский лауреат скатывается ниже плинтуса, отыскивая «врагов внутренних» в среде российской

либеральной интеллигенции (пропагандистский аппарат российских государственных СМИ называть интеллигентами язык не поворачивается), где еще хоть изредка можно услышать трезвую мысль, или отметить порядочное отношение к Украине: «Наши народы все-таки, я думаю, не рассорятся. Мы слишком близки во всех отношениях. Непреодолимых проблем и различий между нами нет. Но многое будет зависеть от интеллигенции и СМИ. Если они будут работать на разобщение, затевать и усугублять свары и конфликты — быть беде. Примеры нам известны. И потому я призываю интеллигенцию вести себя ответственно» [61].

Вот так, пожурив интеллигенцию, Горбачев бросает на весы весь свой авторитет Нобелевского лауреата и встает на защиту ближайшего окружения Путина от докучливых санкций Запада: дескать «надо выходить из логики взаимных обвинений и санкций. По-моему, Россия такой шаг уже сделала, отказавшись от ответных мер после последнего раунда западных санкций. Слово за партнерами. Думаю, им надо, прежде всего, отказаться от так называемых персональных санкций. ***Как вести диалог, если вы «наказываете» людей, принимающих решения, влияющих на политику***? Надо разговаривать друг с другом» [62].

И все эти рассуждения о нецелесообразности наказывать людей, «принимающих решения», преподносятся Горбачевым не иначе как возврат к постулатам нового мышления, которое он предложил в свое время миру в момент максимального обострения отношений между Востоком и Западом. Хотелось, вроде бы, как лучше, а получилось как всегда. Получается так, что наказывать надо тех, которые «не принимают решения»? Чисто совковый бред!

Счел необходимым выразить свою озабоченность ситуацией вокруг Украины и бывший министр иностранных дел РФ (1996–1998), премьер министр РФ (1998–1999) Евгений Примаков (ныне покойный). О покойниках вроде бы как следует говорить или хорошо, или ничего. Однако, здесь не тот случай — ведь речь идет о человеке, собиравшимся стереть с политической карты Украину.

Нет слов: можно без обиняков принять тезис Примакова, что кризис вокруг Украины является «событием номер один по своему влиянию на развитие межгосударственных отношений в сегодняшнем мире». Однако мировосприятие бывшего главы разведки и контрразведки России оказалось более монументальным — нечета Горбачеву. Тут уж «новым мышлением» не обойтись. Создавшуюся ситуацию, по мнению Примакова, следует рассматривать не меньше чем в формате мирового заговора Запада против России «с целью внедрения однополярного мироустройства». Здесь, мол,

со стороны США присутствует и «стремление вытеснить Россию из мировой политики», и задача «заглушить центробежные тенденции проамериканских сил в Киеве», и «установление военного контроля США над Черным морем» с целью ущемить «жизненные интересы России», да и «сделать Турцию более податливой в отношениях с Соединенными Штатами».

Но вершина конспирологии Примакова — **суждение о том, что именно Америка была закулисным инициатором захвата Россией полуострова Крым и вторжения в другие восточные области Украины.** «***Судя по позиции Вашингтона, — пишет он, — ставка делалась на втягивание российских Вооруженных сил на Юго-Восток Украины***. В таком случае Европа с учетом настроений ее общественности на долгие десятилетия оставалась бы в орбите политики США» [63]. То есть, и Россия как интервент, и Украина как жертва агрессии — оказывается, стали лишь жертвами обмана со стороны США, вследствие чего и случилось «втягивание российских Вооруженных сил на Юго-Восток Украины». Вот ведь какая незадача!

Выступление Горбачева и Примакова послужило своеобразным призывом объявить всеобщую мобилизацию пропагандистского актива России на защиту нетленных ценностей обновленной идеологии путинизма? И вся пишущая президентская рать взялась за дело. Да только на практике все это воплощалось в то, что само течение украинского кризиса и предлагаемые методы его разрешения в российском информационном поле приобрели запутанный вид, стали излагаться с налетом (или даже нагаром!) лукавости, государственно-бюрократического эгоизма, грубой засаленной пропаганды и моральной двуликости. В этой ситуации здравый человеческий смысл просто отказывается все это рационально воспринимать.

Например, уже на второй день после ратификации соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом появилась алармистская статья Сергея Караганова под многозначительным названием: «Причина этого конфликта — заблуждение Запада, поэтому русские не сдадутся» [64].

По его пониманию, «драка за Украину» между Россией и Западом вовсе не означает, что «речь идет о борьбе за Украину. ***Для россиян это нечто боле значимое — а именно борьба за то, чтобы остановить попытки включить территории, которые в России считают жизненно важными для выживания страны, в чужую сферу контроля***». То есть, получается так, что территория Украины якобы сама по себе изначально не представ-

ляет никакого интереса — она, мол, значима лишь в роли сферы влияния «зоны» российского контроля. И решающее слово здесь, конечно же, за Россией. Так было всегда, и так будет впредь. Разве что в «лихие 1990-е», грех «потребительских удовольствий» на какое-то время поразил российскую элиту, отвлек ее от имперских установок. Но, к счастью, спасение России пришло от ее национального лидера: «президент Владимир Путин усвоил уроки истории и не питает в отношении Запада никаких иллюзий. Российские граждане, в отличие от разочарованных советских людей, которым всегда было недалеко до голода, знают, за что они готовы бороться. ***Наша страна находит сейчас свое место в мире***».

Невольно возникает вопрос: по каким же показателям будет определяться это «место в мире»? Оказывается, отнюдь не по валовому внутреннему продукту на душу населения, не по наполняемости потребительской корзины и не по уровню демократии и самореализации личности. Козырная карта, по мысли Караганова, состоит в другом: «Сравните советские вооруженные силы, неуклюжие и дорогостоящие, с подвижными и гибкими вооруженными силами современной России». Да еще плюс к тому и соответствующая внешнеполитическая пропаганда, рассчитанная на Европу, падшую в грех, отказавшись «от христианства и традиционных норм». Поэтому задача российской пропаганды, считает Караганов, должна дать всем понять, «что западные правительства превратили в потенциального врага тех [Россию], кто стремился стать их союзником. Россия не отступит. Для нашей страны это стало вопросом жизни или смерти».

Дав понять в весьма решительной форме, что территорию Украины Россия Западу не отдаст, Караганов заканчивает статью уже совсем загадочно: «***При этом нам не следует навлекать на украинский народ ужасы войны. Делать это, значит отречься от еще одной европейской ценности — от разума***». Откуда вдруг такое гуманистическое прозрение в голове одного из ястребов российской политической мысли? Очевидно, Караганова следует понимать так, что мы, мол, Украину не отдадим, а наоборот — и накормим, и обогреем. На то, дескать, и посылаются колонны грузовиков с гуманитарной помощью. Ну чем не данайцы, приносящие дары? После всех тех ужасов, которые пришлось пережить украинскому народу от обстрелов системой «Град», тяжелыми орудиями и минометным огнем? После разрушений жилого фонда и системы жизнеобеспечения городов Донбасса? После массовых жертв с одной и другой стороны, которые не идут даже в сравнение с потерями десятилетней афганской войны, развязан-

ной СССР? Это ли не лицемерие? Неужели в России полностью отсутствует трезвый анализ всего происходящего в Украине?

Может быть, для прояснения ситуации есть смысл отойти от публицистики Караганова и обратимся к российской академической науке, в которой присутствует достаточно сильная школа «реальной политики»? Один из ее представителей академик РАН Алексей Арбатов формулирует сущность проблемы следующим образом: «***Украина стала предметом прямого политического и идеологического противостояния России и Запада***, которое повлекло исключение России из «большой восьмерки» и других престижных форумов, экономические санкции и свертывание многих каналов сотрудничества самого различного характера. ***По остроте этот кризис беспрецедентен*** не только за период после окончания холодной войны, но, пожалуй, с конца 1970-х годов, когда советские войска вошли в Афганистан. ***А последствия этого кризиса могут иметь более долговременный характер***». Речь идет о том, что «***разрыв этой страны [Украины] на части вновь расколет всю Европу***» [65].

Вряд ли что-нибудь можно возразить по поводу выводов Арбатова. Судя по всему, раскол Украины, если дело дойдет до него, будет знаменовать собой тот же поворотный момент в истории холодной войны, что и возведение Берлинской стены. На эти грустные мысли наводит и тот факт, что от построения стены (13 августа 1961 г.) до ее крушения (9 ноября 1989 г.) прошло без малого три десятка лет, а это даже больше чем срок взросления нового поколения.

Как долго будет продолжаться этот новый раскол Европы, прошедший ныне через Украину? Очевидно до тех пор, пока в России будет существовать авторитарный режим. А в том, что он уже реально существует, можно судить по аналитическому исследованию МИД Германии. В нем значится: Госдума РФ «танцует под дудку Путина», а российские правоохранительные органы принимают решения, которые устраивают Кремль. Проблема усугубляется тем, отмечается в германском исследовании, что преобладающая часть российского среднего класса и элит принимает эти порядки в стране, поскольку они «извлекают экономическую выгоду от существующей системы или зависят от нее», а чиновничество полностью устраивает коррупция, являющаяся частью российской системы [66].

Безусловно, это не значит, что в российском обществе полностью отсутствуют критически мыслящие люди, и пример тому — хотя бы многотысячный «Марш мира» в Москве 21 сентября 2014 года с призывами прекратить войну России против Украины.

Ярким примером человека, защитившего честь России, является академик РАН Юрий Рыжов, подписавший в сентябре 2014 года заявление с требованием «прекратить агрессивную авантюру: вывести с территории Украины российские войска и прекратить пропагандистскую, материальную и военную поддержку сепаратистам на Юго-Востоке Украины». Вместе с тем, имея опыт Чрезвычайного и Полномочного посла РФ во Франции (1991–1998), Юрий Рыжов трезво оценивает, что реальной надежды на окончание войны при Путине практически нет. По его мнению, возможно лишь уменьшение потерь и превращение ситуации в «вязкую». Рыжов также констатировал, что глава российского государства «поссорил нас со всем миром», «объявляет, что у нас нет партнеров, а все враги, кругом враги», даже внутри страны «есть внутренние враги, паразиты и шпионы» [67].

Таким образом, судя по всему, надежд на скорую демократизацию России не ожидается, Так что Украине придется адаптироваться к климату «новой вспышки оледенения» периода холодной войны, который будет продолжаться неизвестно сколько. По мнению ексглавы ЮКОСа Михаила Ходорковского, существующий политический режим в России может сохраниться еще 20 лет, хотя «у меня есть надежда, что Путин совершит какую-нибудь ошибку, потому что все авторитарные режимы терпят крах вследствие ошибок». Тогда сроки падения режима могут варьироваться: «Я — пессимист. Между двумя годами — если совершит ошибки — и двадцатью» [68].

А тем временем украинское население, судя по всему, как подвергалось, так и будет подвергаться массированному пропагандистскому воздействию со стороны недругов Украины. Собственно говоря, это воздействие уже продолжается довольно долго, а надлежащая контрпропагандистская работа, к сожалению, практически отсутствует. Подчас складывается впечатление, что в Украине до сих пор так и не сложилась действенная государственная концепция гражданского воспитания подрастающего поколения. Более того — практически все информационные каналы отданы та откуп финансово-промышленным воротилам, которые в большинстве своем рассматривают СМИ как бизнес-проект, но не как средство политического просвещения населения Украины. В этой сложной ситуации государственный бюрократический аппарат Украины, особенно в последнее десятилетие, по существу самоустранился от разработки — как национальной идеи, так и от планового и последовательного патриотического воспитания.

Поэтому нет ничего удивительного, что в информационном поле Украины буйно воспроизводятся официально принятые в России взгляды на современное мироустройство, на место и роль в нем Украины и России. А состоят эти взгляды в том, что якобы через механизм Соглашения об ассоциации с Евросоюзом (ЕС) Запад попытался, прежде всего, «оторвать Украину от России» и интеграционных структур СНГ, подчинить Украину своим финансово-экономическим стандартам, разрушить крупнейший после российского постсоветский научно-технический и промышленный потенциал. И все это якобы делается лишь для того, чтобы принять Украину в НАТО, разместить близ границ с Россией американский флот и базы ПРО.

Пропагандируется мысль, что Россия, дескать, все это видела, а Украина пребывала в состоянии неведения. А потому эта ситуация не могла не вызвать обеспокоенность со стороны России: «Кремль открыл глаза президенту Виктору Януковичу на эту опасность, предложил братскую экономическую помощь, и тот отменил (или отложил) подписание соглашения с ЕС. Но украинские антипатриотические силы, националисты и фашисты при прямом подстрекательстве и помощи Запада организовали Евромайдан и свергли Януковича, совершив антиконституционный переворот и силовой захват власти в Киеве». Именно таковой, по свидетельству Арбатова, была стартовая, базисная модель интерпретации украинских событий в России [69]. (К чести автора, он эту точку зрения не приемлет).

Да собственно эта базовая модель и не претерпела каких-то значимых изменения и с началом переговорных процессов по урегулированию кризиса в сентябре 2014 года. Ведь что ни говори, а Россия пытается «сохранить лицо» якобы миротворца. Возьмем для примера трактовку событий в Украине руководителем администрации президента России Сергеем Ивановым: «Хотел бы напомнить, с чего все началось. С того, что господин Янукович предложил отложить подписание соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом. Подчеркиваю: не отказался от подписания, а предложил не спешить. Поскольку в последний момент — как говорится, лучше поздно, чем никогда — понял, что подписание этого соглашения несет очень серьезный ущерб экономике страны, положит ее на лопатки. В результате начался майдан, поддержанный западными странами. И как следствие — события на юго-востоке Украины, переросшие в войну, по существу своему гражданскую, карательную, в результате которой погибли тысячи людей. В этой же цепи событий — убийство своих на майдане, Крым, преступления

в Одессе, сбитый «Боинг», продолжавшийся до недавнего времени обстрел прямой наводкой украинских городов, гуманитарная катастрофа. А теперь — сегодняшний день... Имплементация соглашения об ассоциации Украины с ЕС откладывается на один год. У меня к вам риторический вопрос: за что боролись?» [70].

В этой лукавой цепочке событий нарушается принцип: «после того, вовсе не значит, что по причине того». Причиной Майдана было непринятие украинским народом криминального режима Януковича, а неподписание Соглашения — лишь непосредственным поводом. События на юго-востоке Украины не могли перерасти в войну без массированной поставки тяжелых вооружений, в том числе и залпового огня, из России, как и личного состава, обслуживающего эту технику массового поражения, что доказано международными экспертами. Военные действия, направленные на защиту территориальной целостности Украины и нерушимости ее границ не могут квалифицироваться как карательные. А выстраивать цепочку событий — «убийство своих на майдане, Крым, преступления в Одессе, сбитый «Боинг», продолжавшийся до недавнего времени обстрел прямой наводкой украинских городов, гуманитарная катастрофа» — это вообще верх лицемерия, с учетом видеокадров применения тяжелой артиллерии прямо с российской территории, и выводов международной комиссии о «Боинге», сбитом российской ракетой.

Но раз уж эта модель была принята на высоком государственном уровне, то пропагандистская машина России заработала по заданной программе в полную силу. Поскольку, дескать, к власти пришли националисты и фашисты, то украинская армия и действует не иначе как агрессор против оппозиционно настроенных граждан юго-восточных областей Украины (в первую очередь русскоязычных). А ведь те, мол, только и всего то, что решили путем референдума реализовать свое право на самоопределение и воссоединение с исторической родиной — Россией. Естественно, никто из пропагандистов и не вспоминает о том, что в самой России никто подобных референдумов не допустит, что за сепаратизм и призывы к сецессии (отделению) в России полагаются длительные сроки заключения. Что сам принцип территориальной целостности России президент Путин называет той «красной чертой», за которую он никому не позволит заступать под страхом уголовного преследования. Но то, о чем в России не позволено даже помыслить, то культивируется и нагло навязывается целым регионам Украины. При этом все эти «референдумы» представляются как величайшее социальное благо и торжество исторической справедливости.

Одновременно Россия пытается выставить себя как сторону, которая, дескать, вообще не причастна к разгулу сепаратистов на юго-востоке Украины. Более того, она трактуется в роли невинно пострадавшей от санкций со стороны Запада. Но раз уж так случилось, то пусть, мол, Запад теперь сам и разруливает ситуацию: «Россия не способна прекратить народное восстание в двух областях, и потому любые новые санкции со стороны Запада просто бьют мимо цели. А вот США и их союзники могут и должны оказать давление на Киев, чтобы тот прекратил операцию и путем переговоров урегулировал отношения между Центром и регионами на основе федерализации или других принципов» [71].

По большому счету в этой пропагандистской модели Украина фигурирует даже далеко не на первом плане. Главным врагом однозначно выставляются США и другие члены НАТО. Они якобы только и озабочены тем, как бы не позволить России «подняться с колен» и помешать развитию ее равноправных экономических отношений с Евросоюзом. Более того, Запад, как оказывается, ставит своей задачей удержать однополярный мир под руководством Вашингтона, утвердить свое право на смену неугодных режимов военной силой (или путем организации цветных революций) и на навязывание другим народам западных ценностей, политических норм и культурных стандартов. Судя по всему, эта жестко определенная точка зрения методично навязывается российскому обывателю. Она имеет широкое хождение не только в Российской Федерации, но и экспортируется в Украину.

Надо отдать должное Алексею Арбатову — в своем анализе, как мы уже отметили, он дистанцируется от подобной имперской пропаганды. Более того — он представляет и альтернативную точку зрения, преобладающую в европейских странах и практически безраздельно принятую в США. Эта точка зрения состоит в том, что украинский народ сверг коррумпированный режим президента Януковича, после того как он под давлением Москвы отказался от соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Тем самым украинцы подтвердили свой выбор в пользу демократического европейского пути развития. Пользуясь возможностью наказать обессиленную криминальным режимом Украину, Россия присоединила Крым, нарушив тем самым территориальную целостность Украины в границах, признанных ООН и закрепленных международным меморандумом 1994 года и Большим договором с Россией от 1997 года. В итоге, мир стал свидетелем беспрецедентного случая: впервые после 1945 года в Европе одно государство отняло часть территории у другого. А дальше — больше. Посредством посылки

частей спецназа, оружия и добровольцев Москва инспирировала вооруженное сепаратистское движение в юго-восточных областях Украины, провоцируя украинскую армию на ответные удары, влекущие, в том числе, и жертвы среди мирного населения.

Арбатов предупреждает: на Западе считают, что этим дело может не кончиться. Если России не удастся удержать обессиленную Украину под своим контролем, то с российской стороны возможна и дальнейшая территориальная экспансия. Речь идет о возрождении империи путем захвата Южной Осетии, Абхазии, Крыма, украинских южных и восточных областей, потом и молдавского Приднестровья, а при случае — Северного Казахстана и русскоязычной части Балтии. Реальные социально-политические процессы в России, призывы к реваншу за понесенное Россией унижение в 1990-е годы, признание противоборства с Западом как единственно верной политики, а территориальной экспансии как естественного способа существования Российской империи — все это дает повод для растущего беспокойства, как со стороны Запада, так и постсоветских соседей России. ***Итак, в мире объективно назревает проблема вынесение на повестку дня вопроса о возрождении со стороны НАТО политики сдерживания и изоляции России, которая, как полагают на Западе, в свое время успешно сработала против СССР.***

Все это так, и в описании этой позиции Запада академик РАН Алексей Арбатов не отступает от истины. Однако, было бы наивно с нашей стороны рассчитывать, что при всем своем либерализме, он вдруг станет на сторону Запада и осудит позицию России. Отнюдь нет — в создавшейся ситуации он предпочитает позицию «над схваткой», опираясь на традиционную академическую модель «реальной политики», освященную в свое время именами таких патриархов науки как Ганс Моргентау и Генри Киссинджер. Вот так скромно и непритязательно он напоминает, что в политическом анализе следует забыть всевозможные «высокие принципы», а посмотреть на мир исключительно с точки зрения 1) национальных интересов, 2) геополитики и 3) баланса сил ведущих держав мира. При этом не забывать о том, что представители «реальной политики» весьма цинично рассматривают всевозможные международно-правовые нормы, моральные принципы, а тем более апелляции к чаяниям народов и всевозможные исторические аргументы. Все перечисленное, с точки зрения «реальной политики», является всего лишь свободно сменяемыми инструментами для достижения поставленной цели. Выгодно России — и она во главу угла ставит принцип территориальной целостности и невме-

шательства в свои внутренние дела. Хочет Россия подорвать единство Украины — и «на первый план ставятся права национальных меньшинств на самоопределение и возможность гуманитарных интервенций для защиты прав человека, этнических и конфессиональных сообществ» [72].

Другими словами, как это принято в бизнесе, — ничего личного, все в интересах дела. А потому и нынешнее противоборство в мире, считает Арбатов, не следует связывать с какими-то идеологическими «-измами», а просто следует открыто заявить, что краеугольным камнем являются великодержавные интересы России. Вот тогда все становится на свои места: тут тебе возрождается и героический пафос империализма, и появляется позитивный смысл концепции ядерного сдерживания (а негативный — ядерное разоружение), тут же воспевается политика наращивания вооружений и демонстрации военной силы, сразу же оправдывается поиск военных баз за рубежом и прославляется соперничество в торговле оружием.

Вот если все это принять к сведению как данность, то под углом «реальной политики», отмечает академик Арбатов, ***«конфликт России и Запада вокруг Украины был объективно неизбежен»***. Так уж, дескать, повелось в этом мире, что бывшие метрополии всегда руководствовались принципом «разделяй и властвуй», а вновь образованные государства всегда вступали в борьбу за имперское наследство. Да и в самого Запада, мол, рыльце в пушку: в конце 1980-х и на протяжении 1990-х он был «занят освоением советского наследия в Центральной и Восточной Европе путем договорно-правового объединения Германии, мирного расширения НАТО и Евросоюза, силового расчленения Югославии и Сербии. А тем временем России (как правопреемнице СССР) было предоставлено гасить многочисленные конфликты на постсоветском пространстве (включая собственную территорию). Страны НАТО не горели желанием вовлекаться в кровавую неразбериху, и к тому же Россия была дезорганизована, экономически зависима и следовала в фарватере международного курса США. При этом, никаких формальных или негласных договоренностей, режимов и механизмов поддержания стабильности на постсоветском пространстве не было создано, за исключением нескольких миротворческих и переговорных миссий» [73].

Вот поэтому, утверждает Арбатов, пущенные на самотек мировые и региональные проблемы скоро дали о себе знать обострением противоречий между Россией и Западом. Более того — с точки зрения «реальной политики», для этого возникли вполне

объективные (и даже обычные) для международной политики причины и предпосылки. С одной стороны, в первом десятилетии XXI века изменилось соотношение сил в мире. Консолидированная Путиным Россия обрела устойчивый экономический рост (в основном за счет беспрецедентного взлета цен на углеводороды), а вслед за ним пришла и относительная социально-политическая стабильность. Москва получила крупные свободные капиталы для инвестиций, расплатилась с огромным внешним долгом, резко (вчетверо за 2001–2008 годы) увеличила финансирование национальной обороны. А, с другой стороны, в это же время относительно ослабли международные позиции США, Евросоюза и Японии. Это произошло как из-за провалов во внешней политике администрации Джорджа Буша (особенно в Ираке и Афганистане, а также в отношении Ирана и Северной Кореи), так и по причине мирового кризиса, спровоцированного во многом безответственной финансово-экономической политикой Соединенных Штатов.

Все это не могло не сказаться на изменении соотношения сил в мире. Прежде всего, оно проявилось в повышении дипломатической активности Москвы — как в разрешении региональных кризисов, так и в противодействии США в военно-технической сфере. Но самое главное, отмечает Алексей Арбатов, «РФ начала энергичные попытки объединения под своим руководством постсоветского пространства и вытеснения оттуда влияния Запада. Видимо, в Москве решили, что без этого было невозможно стать самостоятельным центром силы в полицентричном мире. Ведь экспортно-сырьевая экономика не позволяла сравняться по экономическому потенциалу с США, Евросоюзом, Китаем. А ядерный арсенал хоть гарантировал иммунитет от большой войны, но постепенно девальвировался по мере распространения ядерного оружия в мире и развития высокоточных оборонительных и наступательных вооружений в неядерном оснащении» [74].

Рано или поздно эти объективные предпосылки, считает Арбатов, должны были дать о себе знать. Первым серьезным сигналом Западу со стороны России стала речь Путина в Мюнхене в 2007 году. Россия предупредила, что больше не намерена играть по прежним правилам, а потому претендует на равноправные отношения. В противном случае — Россия пойдет своим путем.

И как же отреагировал Запад? По одной из версий, Запад никак не заявил о своей позиции — видимо сработал комплекс самонадеянности силы. Так, президент Мюнхенской конференции по безопасности Вольфганг Ишингер, занимавший в свое время ответственные посты посла в Париже, Вашингтоне и Лондоне, спу-

стя некоторое время заявил: «Должен признаться, что многие тогда возможно и не поняли полностью значения и смысла той речи российского лидера. А уже весной 2008 г., когда новым президентом России стал Дмитрий Медведев, все сразу переключились на сотрудничество и всеобъемлющую политику «перезагрузки» наших отношений, а не анализ того, что говорил Путин» [75].

Версия Арбатова иная: реакция Запада на речь Путина была не безразличной, а предсказуемо негативной — как раз к этому моменту НАТО и Евросоюз всерьез приступили к освоению постсоветского пространства. На смену неудавшейся коалиции ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова) приходила набиравшая вес концепция «Европейской политики соседства». Затем пришла очередь и стратегии «Восточного партнерства». Бухарестской саммит НАТО (апрель 2008 г.) объявил, что в альянс «открыта дверь» Грузии и Украине. Все это ставило под угрозу стратегию Москвы по формированию на постсоветском пространстве «сферы привилегированных интересов».

Реакция России на такой поворот событий была угрожающе-агрессивной. Выступление Владимира Путина на закрытом заседании совета Россия-НАТО стало сенсацией саммита. Во-первых, он сообщил коллегам, что Москва воспринимает приближение НАТО к российским границам как реальную угрозу интересам государства, и пообещал адекватные ответные меры. Так, президент РФ намекнул, что если НАТО предоставит план действий по членству (ПДЧ) в НАТО Грузии, то Россия признает Абхазию и Южную Осетию, опираясь на косовский прецедент, и тем самым создаст буферую зону между силами НАТО и своими гражданами.

По словам источника, присутствовавшего на заседании совета Россия-НАТО, о Грузии российский президент говорил совершенно спокойно и как бы мимоходим. Когда же речь зашла об Украине, Путин вспылил. Обращаясь к Бушу, он сказал: «Ты же понимаешь, Джордж, что Украина — это даже не государство! Что такое Украина? Часть ее территорий — это Восточная Европа, а часть, и значительная, подарена нами!». И тут он очень прозрачно намекнул, что если Украину все же примут в НАТО, это государство просто прекратит существование. То есть, фактически он пригрозил, что Россия может начать отторжение Крыма и Восточной Украины» [76].

Показательно то, что сразу же ряд околокремлевских политологов и экспертов в эфире российских телеканалов заговорили о том, что вступление Украины в НАТО чревато развалом страны и что, мол, именно поэтому Украина никогда не вступит в НАТО.

То есть, со стороны Кремля отмашка журналистам была дана, и бухарестский намек президента Путина ушел в российские массы для их вящего воспитания в духе агрессии.

После временной «перезагрузки» отношений США и России во времена президентства Дмитрия Медведева, с новым приходом к власти Владимира Путина отчужденность между Россией и Западом возросла, а соперничество возобновилось с удвоенной силой: «Массовые протестные акции в 2012 году были восприняты новым российским правящим классом как подготовка Западом цветной революции, ввиду чего сближение с последним подорвет сложившуюся в России политическую систему» [77].

В ответ на внешние и внутренние вызовы российское руководство в спешном порядке отменило курс «европейского выбора России». На смену ему пришла официальная доктрина «евразийства», предполагающая первоочередную интеграцию России в Таможенном и Евразийском союзах с постсоветскими республиками — прежде всего Белоруссией и Казахстаном. Провозглашенная Медведевым концепция «Партнерства ради модернизации» была отброшена, а вместо нее был взят курс на реиндустриализацию экономики с опорой на оборонно-промышленный комплекс, получивший гособоронзаказ на 19 трлн руб. до 2020 года.

2.6. «Совок» как социальный агент «путинизма»

После достаточно длительного периода стабилизации общественного развития России, вызванного не в последнюю очередь повышением благосостояния населения за счет роста цен на нефть, с 2011 года в стране стала наблюдаться активизация протестного движения. Сначала заявили о себе многократные политические выступления граждан России, начавшиеся после выборов в Государственную думу VI созыва 4 декабря 2011 года. Потом они продолжились во время кампании по выборам Президента России, да и после состоявшихся 4 марта 2012 года президентских выборов, на которых Владимир Путин победил в первом туре. Участники протестных акций заявляли, что выборы сопровождались нарушениями законодательства и частыми массовыми фальсификациями. Поэтому одним из основных лозунгов большинства акций был «За честные выборы!».

Наиболее резонансными в длинном ряду акций оказались события 6 мая 2012 года, вошедшие в историю России как «Болотное дело». По нему несколько десятков людей было обвинено

властью в массовых беспорядках и актах насилия на Болотной площади во время акции протеста «Марш миллионов». В то же время, в результате общественного расследования этих событий было установлено: 1) 6 мая не было массовых беспорядков, а были отдельные столкновения полиции с демонстрантами; 2) эти столкновения были спровоцированными правоохранительными органами; 3) первопричиной явилось нарушение властями схемы движения демонстрантов, согласованной заявителями с мэрией Москвы. В итоге дело получило определенный общественный резонанс. По данным «Левада-Центра», в мае 2013 году о «Болотном деле» среди москвичей были наслышаны 30%, что-то слышали 56%, и ничего не слышали 13%. Если же говорить о России в целом, то наслышаны о нем были 25%, что-то слышали, но не помнили в чем суть 45%, а 30% вообще были несведущи [78].

Уже эти данные свидетельствовали, что глубинка России настроена консервативно — она оказалась менее восприимчивой к проблемам модернизации России, ее политического переустройства в сторону либерализации общественной жизни. В то же время именно глубинка России заявила о себе как о потенциальном резерве охранительной практики власть имущих. Хотя вряд ли в целом стоит говорить о каком-то определившемся резком расколе в российском обществе: ведь и столицу, и провинцию объединяет одно общее поветрие, цементирующее страну в одно целое. Речь идет о глубоко укоренившейся в общественном сознании советской ментальности с ее главным, осевым имперским стержнем.

Впрочем, в столь деликатном вопросе как национальная ментальность лучше всего передать слово самим представителям русской интеллигенции. Известный поэт и радиодраматург Игорь Померанцев, обеспокоенный настоящим и будущим России, констатирует: «Россия кажется больной страной. Каждая страна время от времени переживает как периоды расцвета и духовного здоровья, так и упадка и болезней. Происходящее с Россией связано с традициями русской истории и психологии. У каждого народа есть свое отождествление, так сказать, паспорт. К большому сожалению, отождествление русской нации напрямую связано с имперским мышлением — даже в двадцать первом веке, после распада Советского Союза. Это было нормальным явлением в восемнадцатом, девятнадцатом веке как определенная ступень в развитии. Однако в современном мире «имперскость» выглядит архаично. Проблема России в том, что она не может найти никакого другого дела, кроме как быть империей, а значит, кого-то покорять, ломать кому-то руки и ноги. И до тех пор, пока Россия

не найдет себя в чем-то другом, она будет оставаться архаичным государством» [79].

Проблемы истоков имперской политики России занимают пристальное внимание и аналитиков Запада. Вполне естественно, что по этому вопросу существуют разные мнения. Довольно часто случаются и откровенные сторонники великодержавной имперскости России. Так, американский профессор, автор теории «агрессивного реализма» Джон Миршаймер утверждает, что война между Россией и Украиной, якобы, на совести Запада (расширяли НАТО, поддерживали протестующих на Майдане, вели себя вызывающе с Россией и т.д.). По мнению Миршаймера, в ответ на эти действия Запада Путин ответил «присоединением Крыма, т.к. опасался превращения полуострова в военно-морскую базу НАТО, и работой по дестабилизации Украины, чтобы заставить ее отказаться от планов присоединения к евроатлантическим структурам. Реакция Путина, совершенно предсказуемо, должна была случиться. В конце концов, Запад проказничал на заднем дворе России и угрожал ее стратегическим интересам, которые Путин отстаивал решительно и неоднократно. Элиты в США и Европе были ошеломлены этим только потому, что они более не способны на объективный и беспристрастный анализ международной политики»... США и европейские лидеры сплоховали в попытке превратить Украину в крепость Запада на границе России. Теперь последствия этих непродуманных действий будут все четче проступать, и было бы еще большей ошибкой не замечать этого» [80].

По нашему мнению, вряд ли эта точка зрения найдет себе много сторонников в Украине, которая никогда не согласится с оценкой своего места в геополитическом раскладе мира как якобы пребывающего «на заднем дворе России». Сам феномен Майдана уже засвидетельствовал о том, что украинский народ отказался от восприятия себя в роли провинциальной периферии каких бы то ни было международных центров силы. Вот этот факт и не в состоянии осознать сторонники «реальной политики», мыслящие имперскими категориями силы: «Нередко приходится слышать утверждение, что Киев имеет право сам решать, кто будет его союзником, и русские не вправе мешать объединению с Западом. Это опасный образ мышления для Украины, когда речь идет о внешнеполитическом выборе. Печальная правда заключается в том, что в политике великих держав на первый план часто выходит право силы. Абстрактные права, такие как право на самоопределение, оказываются бессмысленными, когда могущественные страны конфликтуют с более слабыми государствами». То есть, по

Миршаймеру выходит, что право на исторический выбор своего будущего является всего лишь «опасным образом мышления для Украины», когда рядом присутствует владеющая ядерным оружием Россия, а «особенно если защита этого государства не входит в жизненно важные приоритеты Запада» [81].

Благо дело, что представители «реальной политики» не всегда находят себе сторонников, как среди американских политиков, так и в экспертной среде США. Например, американский профессор Том Николс, ставя задачей найти истоки серийной агрессии президента России на международной арене, считает, что академическое мышление школы «реальной политики» в случае с Путиным вообще себя не оправдывает. Так же как не объясняет политику Путина и версия об уязвленности его национального самолюбия, якобы попранного Западом. С точки зрения Тома Николса, российский президент отнюдь не является адептом «реальной политики», да и «националистом Путина тоже не назовешь: он вряд ли вообще понимает эту концепцию», а потому «никакими сухими теориями реализма или ущербными историческими аналогиями нельзя оправдать войну России с мирным соседом» [82].

Суть дела, с точки зрения Тома Николса, состоит именно в ***советской имперскости ментальности*** Владимира Путина. Вот здесь и лежит ключ к пониманию путинских войн от Грузии до Украины: «То есть, для понимания Путина нужно понять, кем он на самом деле является: россияне называют таких как он «совок», что значит «советский парень», продукт советской системы. Подобно другим представителям своего поколения, он из когорты людей, которые взрослели в огромном и мощном многонациональном государстве начала семидесятых. Безликие винтики, приводившие эту систему в действие, — неприметные люди, такие как Путин, прошедшие идеологическую накачку. Этим людям внушили ложную веру в то, что величайшие дни СССР еще впереди. В более зрелые годы эти «совки» начали испытывать беспокойство и переживать типичный кризис среднего возраста. Но по достижении среднего возраста многие из этих «совков» также поняли, что прожили жизнь в государстве, основанном на лжи и державшемся исключительно на силе» [83].

Но подобное понимание общественных процессов пришло в Россию лишь спустя определенное время, и далеко не все осознали истоки этих поистине глобальных сдвигов. И тому был ряд причин. Ведь еще в 1975 году, после изгнания из Сайгона, Америка находилась в безнадежном упадке. И наоборот — Советский Союз демонстрировал свое несомненное лидерство, ощетинившись

современными вооружениями нового поколения ядерных баллистических ракет, направлял своих «советников» к самым одиозным режимам на земном шаре. Соотношение сил играло на руку СССР, а великое колесо Истории как бы катилось если и не в сторону коммунизма, то, во всяком случае, к торжеству идей мировой революции. Даже китайцы воспевали великий преобразующий «ветер с Востока». И в это самое время, акцентирует внимание Том Николс, в 1975 году Путину было всего 23 года, и это время ознаменовалось началом работы в КГБ — самом элитном советском учреждении. Оно могло обеспечить ему доступ во все властные структуры, и он предвкушал то время, когда его сограждане будут бояться его и лебезить перед ним. Он мог бы стать шишкой на ровном месте в новом славном советском будущем. Однако, оказалось, что всего через десять лет он стал свидетелем начала конца советской империи, когда крутые и жесткие лидеры, такие как Юрий Андропов, пали жертвами старения и болезней, а представители молодого и слабого поколения советских лидеров, такие как Михаил Горбачев, пришли им на смену и, по словам Николса, «сдали страну с потрохами».

Трудно представить себе такой крутой перелом в общественном сознании, когда еще в 1975 году мир, казалось бы, принадлежал Москве, а через 10 лет эта мечта юности вдруг оказалась растоптанной. По оценке Тома Николса, «такие люди, как Путин, звезд с неба не хватают, но они хитры и изворотливы (советская система славилась своим умением избавляться от творчески мыслящих людей и награждать очень умных людей — это не одно и то же) ». В конце 1980-х гг. Путин сделал то, чего не смогли сделать менее способные советские люди старшего поколения: он переметнулся от близкого к краху Советского государства к новому демократическому движению. Более того, Путин нарочито демонстративно перешел на позиции национализма, стал носить крестик, выставляет напоказ свою озабоченность положением русскоязычного населения (но только по отношению к тем, которые проживают на территории бывших советских республик). При этом он приручил крайне правые националистические группировки России и вписал их в свою политику неосоветского экспансионизма [84].

То, что Путин не вписывается в стиль мышления «реальной политики», свидетельствует хотя бы пренебрежение им заповедью этой школы: «не наживай себе лишних врагов». Он постоянно провоцирует Америку, которая в лице Барака Обамы демонстрирует, что совершенно не желает воевать, а, тем не менее, вынуждена втягиваться в европейский конфликт. Путин также нагляд-

но демонстрирует, что «не понимает тех сил на Украине, которые он создает, или которыми манипулирует. Он фактически побудил к жизни и оживил украинский национализм, представляющий угрозу для России, которую можно было бы избежать, если оставить на Украине большое число русскоговорящих избирателей... Что касается остальной Европы, то Путин, конечно же, напомнил своими действиями мирно дремавшему НАТО о том, для чего эта организация существует в первую очередь. Он крайне усилил и в НАТО и в ЕС позиции традиционного противника — Польши. Если это часть генерального плана, то с логикой тут явно не все в порядке» [85].

Как нам представляется, во многих рассуждениях Тома Николса присутствует логика и здравый смысл, а потому их можно принять к рассмотрению как одну среди многих версий объяснения текущих событий. Однако в чем мы абсолютно не можем согласиться с американским профессором, так это в том, что «война вернулась в Европу исключительно из-за Владимира Путина... злобного советского функционера, который хочет вернуться назад в прошлое и жить в той эпохе, на смену которой быстро пришел новый и лучший мир» [86].

По нашему мнению, прошлое Владимиру Путину абсолютно ни к чему — той власти, которой он обладает ныне, в советских условиях он не получил бы никогда. А тем более не получил бы и доступа к тому личному финансовому капиталу, которым, по сообщениям СМИ, он обладает как один из самых богатых людей мира. Так что дело, наверное, и проще и сложнее. *Для удержания власти и капитала — а это и есть главный движущий импульс его деятельности — Владимиру Путину, видимо, приходится заниматься сложной и весьма хлопотливой работой по созданию мощного социального базиса из числа своих сторонников среди населения России. А вербовать их приходится из среды того самого «homo soveticus» (в простонародье «совка»), которые и составляют массовую, хотя и весьма зыбкую базу «путинизма» как общественного явления.*

И тот факт, что рейтинг Путина после присоединения Крыма достиг 83%, как раз и свидетельствует, что пока что с этим заданием он справлялся весьма успешно. А это значит, что ситуация нуждается в анализе не так личных характеристик самого Путина, как в более глубинном анализе тех социальных процессов в Российской Федерации, которые и обеспечивают столь массовую поддержку проводимой Путиным великодержавной имперской политики.

Так что же представляет собой этот самый «homo soveticus» в концептуальном его осмыслении? В своем анализе мы обратимся к работам Льва Гудкова, возглавляемый которым «Левада-Центр» уже с первых лет после распада СССР методично и глубоко исследует этот феномен «совка». В определении предмета анализа, прежде всего, следует сконцентрировать внимание на том, что понятие «советский человек», по мысли Льва Гудкова, это не этническая характеристика социума, сложившегося в условиях тоталитаризма, а специфический социально-философский конструкт, собственно говоря, теоретическая абстракция, передающая сущностные черты этого явления.

Что же отличает вот этого самого «совка», и из каких элементов складывается этот дивный феномен? Прежде всего, как он описывается в социологии, это человек иерархический, с патерналистским сознанием. Это человек имперский, в том смысле, что для него коллективные ценности представлены в первую очередь в виде великодержавия. Это человек лукавый, двоедушный, руководствующийся правилами двоемыслия, потому как он вынужден все время приспосабливаться к репрессивному государству, демонстрируя лояльность, и в то же время постоянно обманывая его. Ярким примером тому может быть колхоз, который не будет существовать, если колхозник не будет подворовывать, или не использовать колхозные ресурсы для собственного приусадебного хозяйства. А это и есть условие выживания, как людей, так и самого колхоза. А эти самые интересы выживания и формируют нехитрую и одновременно лукавую житейскую стратегию понижающей адаптации: то есть, люди особенно не рассчитывают на лучшую жизнь, они преимущественно бояться потерять то, чем владеют. Этот тип поведения основан на том, что люди не видят возможности доверия ни к институтам власти, ни к другим людям. Поэтому этот человек нелюдим и крайне недоверчив. Он боится нового, и все время находится в социальном напряжении [87].

Судя по характеристике, работа с подобным контингентом населения, а еще в большей мере селекционная работа по его воспроизводству и умножению, требуют надлежащего цинизма и достаточного уровня владения технологиями манипуляции населением. Итак, постсоветский «совок» должен все время находиться в социальном напряжении. Поэтому консультант Совета национальной безопасности и Госдепартамента США Эдвард Люттвак среди таких новейших российских технологий по интеграции постсоветского пространства выделяет системное использование пропаганды, «включая массовый вброс фальшивых историй про

зверства другой стороны на телевидении и в интернете, которые должны были вызвать озлобление населения» [88].

Первые результаты применения таких технологий были получены в августе 2008 года — собственно уже в период президентства Дмитрия Медведева (май 2008 — май 2012). Это был всплеск «патриотических» настроений, вызванных маленькой победоносной войной с Грузией, которая сопровождалась чрезвычайно массовой антигрузинской пропагандой. По оценке Льва Гудкова, «уже тогда были апробированы те приемы провоцирования насилия, риторика негативной мобилизации и оправдания применения военной силы Россией для защиты «своих» («фашистский режим Саакашвили», «геноцид», заговор против России, угроза «расширения НАТО» и пр.), которые в полной мере используются в нынешней войне с Украиной» [89].

Однако агрессия против Грузии дала лишь кратковременный эффект по повышению рейтинга Кремля среди российского населения. Осенью того же года внезапно для граждан России разразился финансово-экономический кризис, и рейтинг российских властей пополз вниз. По данным «Левада-Центра», к 2012 году в российском обществе стало намечаться растущее недовольство персоной Путина и перспективой его возвращения в президентское кресло. На то время свыше 60% россиян говорили, что устали ожидать улучшения дел в экономике, повышения жизненного уровня, решения проблем в социальной сфере, и хотели, чтобы к власти пришел другой человек с другой политической программой. Разочарование, оставшееся от подставного президентства Медведева, не в меньшей мере накладывалось на тревогу российского среднего класса перед возвращением Путина, от которого многие ожидали усиление репрессивного характера авторитарного режима. А протестное движение, поводом для которого стали фальсификации на выборах (считается, что их масштаб был все-таки преувеличен) были выражением морального неприятия путинского консерватизма, смутного понимания российской общественностью нарастающей, но неизбежной деградации страны. По разным замерам «Левада-Центра», 45–47 процентов респондентов считали, что Путин не должен идти на следующие выборы (в 2018 году). Это не могло не настораживать власть. Но, несмотря на усиленные денежные вливания в социальный сектор, уровень поддержки Путина продолжал снижаться вплоть до осени 2013 года, а в декабре 2013 — январе 2014 готовность поддержать его кандидатуру на следующих выборах составляла уже в пределах от 28 до 32 процентов.

Дистанцирование от казенной путинской России — не только проблема какой-то части творческой интеллигенции. Так, настороженно отнесся к возвращению Путина и средний класс. Среди его представителей поднялась волна эмигрантских настроений — каждый второй образованный и успешный в материальном отношении молодой горожанин (в крупных городах) стал задумываться об отъезде. Что же касается социально слабых групп — в первую очередь жителей бедной и депрессивной провинции, пенсионеров, работников госсектора, сельского населения — то они были крайне недовольны отказом государства от выполнения своих социальных обязательств. В итоге рейтинг Путина (тут важен тренд, а не отдельно взятые цифры) падал вплоть до декабря 2013 года и остановился перед Новым годом. Временный подъем рейтинга российской власти начался с разворачиванием пропагандистской кампании, связанной с Олимпиадой в Сочи — здесь сыграли свою роль и патриотические мероприятия, и праздничные спектакли, да и вполне закономерная эйфория по поводу побед. Но это был временный успех власти, после которого социологи ожидали очередного падения рейтинга Кремля.

Переломный тренд массовых настроений в России резко наметился с началом киевского Майдана, точнее в связи с российской реакцией на изгнание Януковича. События на Майдане были восприняты путинским режимом как смертельная угроза для своего дальнейшего существования. Во-первых, сама идея интеграции Украины в Европейский Союз нарушала весь геополитический проект Путина восстановления, хоть и не в полном образе великой державы, но всёже доминирующей роли России на постсоветском пространстве. Ведь выход Украины из этого пространства разрушал всю изощренно задуманную систему. Но это еще полдела. С другой стороны, в общественном сознании утверждалось мнение, что массовые протесты против коррумпированных элит, да и вообще против бюрократического произвола могут иметь реальный успех. И Украина доказала это на практике. Россия была вынуждена оперативно воздействовать на ситуацию. Именно поэтому после массовых демонстраций в Москве 2011–2012 гг. российской властью была издана целая серия законов и подзаконных актов, направленных на дискредитацию оппозиционных или даже просто негосударственных организаций, движений и групп в российском обществе.

А сами украинские события были подвергнуты жесточайшей дискредитации. Во-первых, навязывалось мнение, что события на Майдане это, дескать, не народное движение, а исключительно

происки Запада. В социологии такой механизм называется дисквалификацией людей, выступающих за правовое государство, за демократию, за новый тип государственности в Украине. Этих людей попытались лишить их собственной значимости, воли и дееспособности в общественном мнении. Как результат, они стали изображаться лишь в роли агентов заговора или провокаций со стороны Запада, что полностью соответствует советским мифам о враждебном окружении в «осажденной крепости». Тем самым снимался и вопрос о правомочности самого движения и тех сил, которые стоят за Майданом.

Во-вторых, был совершен показательный маневр. Сначала в российской пропаганде было признано, что Майдан — это восстание против коррумпированного режима Януковича. Но сразу же было заявлено, что в ходе восстания произошел перехват власти ультрарадикальными украинскими националистами, которые ввергли страну в хаос, кризис государства и его дальнейший распад. Лидеров, выдвинутых Майданом, тут же стали называть «фашистами», «бандеровцами», нацистами», приклеивая тут же ярлык «антисемитов». Правда, по поводу последнего определения произошла нестыковка — учитывая значительный вклад в дело Майдана еврейской общины Украины, параллельно в ход пошло и новое определение — «жидобандеровцы», а спустя определенное время и «жидофашист». Но, так или иначе, а все это трактовалось как угроза безопасности русских в Украине — достаточно заглянуть в Интернет.

В-третьих, все это подводилось к тому, что в силу экстраординарной ситуации и распада государства, нарастания беззакония и вакуума власти, России, мол, не остается ничего другого как ввести войска для защиты русских — Совет Федерации соответствующее решение тут же и принял.

И, наконец, четвертая завершающая фаза, перевешивающая все по своему цинизму: общественному мнению стали навязывать мысль, что Россия вовсе и не аннексирует, не захватывает чужие территории, а просто возвращает свои исконные земли, возвращаясь тем самым к своей традиционной роли великой державы.

Проведение такой откровенно лживой кампании трудно себе представить даже в советские времена — и по интенсивности, и по тотальности, и по отключению всех альтернативных источников информации. Так, было закрыто кабельное телевидение, телеканал «Дождь», закрыты интернет-сайты, произведена смена редакций некоторых сайтов и информационных источников. И результаты не преминули сказаться в российском общественном мнении: «если

еще в ноябре-декабре [2013] абсолютное большинство (от 65%) считало, что происходящее на Украине — это внутреннее дело украинцев, и туда России не следует вмешиваться, то к концу января-февраля [1914], когда развернулась эта пропаганда, ситуация полностью изменилась. Во-первых, возникло такое ощущение тревоги, что это может перерасти в какую-то большую склоку и войну России с Украиной и даже чего-то большего, а во-вторых, стало много людей следить за этими событиями. Если вначале примерно 25–30% следило за событиями, то к марту следило за событиями уже две трети населения. При этом нельзя сказать, что люди разбирались в происходящем. Только 43% отвечали, что они более или менее разбираются. Но при этом доверяют средствам массовой информации, например, российскому телевидению...» [90]. То есть, разбираются так, как это трактует телевидение.

Вот так постепенно, переходя от мысли «защитить российское население» до стратегии «восстановить историческую справедливость и вернуть России ее исконные территории» российская пропаганда добилась фантастического подъема имперских чувств, которые захлестнули осознание людьми своих повседневных интересов. По оценке Льва Гудкова, в информационном поле России была осуществлена «крайне агрессивная и тотальная пропагандистская кампания против украинской демократии, свергшей коррумпированный режим Януковича, поддерживаемый Москвой», а также «дискредитация стремлений значительной части украинского общества к интеграции с Европой». Причем эта грубая пропаганда, заговорившая на языке войны, мобилизационной риторики борьбы с «бандеровцами», с «украинским фашизмом», резко изменила отношение россиян к своей власти: «Власть, которая до того воспринималась как коррумпированная, эгоистическая, некомпетентная, мафиозная, повела себя в соответствии с прежними, еще советскими стандартами брежневской «супердержавы»: вернула Крым, продемонстрировала всему миру свой своеобразный характер, резко повысив тем самым свой символический статус в глазах россиян. Одобрение этих действий радикально усилило поддержку путинского режима, вернуло ему полноту легитимности. Эффектом пропаганды телевидения стало практически исчезновение различий в поддержке власти среди разных социальных групп» [91].

Возникает закономерный вопрос — как это могло вот так в одночасье случиться, чтобы преобладающая часть россиян вдруг превратились в недругов украинского народа? Конечно, многое объясняет массированная пропаганда, обрушившаяся на россий-

ского потребителя телевизионных программ. Однако заложенные в информационные программы пропагандистские клише должны были в конечном итоге найти «своего» потребителя, расположенного к восприятию именно подобного низкопробного продукта.

Социологические исследования показывают, что в первую очередь поддержка агрессивной политики по отношению к Украине росла среди бюрократии, чиновников, бюджетников, работников госпредприятий. Подтвердилась закономерность — быстрее всего реагируют более образованные группы и зависимые от государства категории работников, а затем за ними потянулись и другие. В итоге, аннексию Крыма поддержали более 80% людей. И это все чревато весьма опасными последствиями на будущее — когда российское коллективное согласие достигает такого уровня, то различия между респондентами из разных социальных страт и категорий стираются настолько, что народ превращается в демографическую массу. Ведь что это значит, когда молодые и образованные в своих оценках и суждениях ничем не отличаются от пожилых и необразованных? А только то, что это и есть эффект пропаганды, ведь прогноз погоды профессор и дворник воспринимают примерно одинаково, точно так же как и футбольный матч. Это тотальный эффект лживого информационного облучения, снятия различий, отключение альтернативных каналов информации и очень агрессивное навязывание того, что якобы происходило: подмена картинки и текста, размещение различных фейковых сообщений, на которых особенно богат первый канал российского телевидения.

По мнению известного московского медиа-эксперта Игоря Яковенко, телевидение стало одним из наиболее эффективных механизмов по удержанию власти, а в целом пропагандистская машина России оцениваются им как угроза, гораздо опаснее «Аль-Каиды». Суть дела в том, объясняет он, что Путин и его окружение, по большому счету, не являются тоталитарными идеологами. В этом принципиальное отличие российского строя, российского режима от национал-социалистов Германии, фашисткой Италии и большевиков Ленина-Сталина. А принципиальное отличие состоит именно в том, что в классических тоталитарных режимах всегда изначально присутствовали настолько профессионально сконструированные идеологи и смыслы существования, приняв которые, люди, в общем-то, жертвовали своей жизнью. «Путинизм» пока что такой идеологии не предложил, и когда один из журналистов спросил Дмитрия Медведева — «А ради чего вы могли бы пожертвовать жизнью?», — тот долго думал, и, наконец, ответил: «Ради семьи, наверное».

То есть, «путинизм» не содержит в себе ничего такового, ради которого можно было бы пожертвовать жизнью. Он может предложить лишь только негативную идентичность России, направленную против кого ни будь — Америки, Украины, Балтийских государств и т.д. И тут, отмечает Яковенко, на первое место выдвигается медиакратия: «В нашем квазитоталитарном обществе происходит особый, необыкновенный фашизм, необыкновенный тоталитаризм. Здесь все устроено совсем по-другому. Не так, как в нацизме Германии, когда все-таки Геббельс и Юлиус Штрайхер играли вспомогательную роль. Основными войсками были все-таки СС и Гестапо. То есть — две составляющие любого тоталитарного режима — ложь и насилие. Так вот во всех без исключения тоталитарных идеологиях и режимах XX века насилие играло ключевую роль, а ложь помогала. В российском квазитоталитарном режиме все наоборот: ложь является основой, насилия у нас не так много. Ложь — основа, и в этом принципиальное отличие» [92].

И так уж случилось, что в создавшейся ситуации Украина стала не только объектом лживых нападок, но, одновременно, и той точкой кристаллизации, вокруг которой начало формироваться прогрессивное общественное мнение России. Яковенко верит в то, что если в информационном поле вокруг Украины создается полюс правды, если создается точка кристаллизации журналистики, то структура медиаполя может постепенно измениться, а это повлияет и на состояние общественной мысли в целом. Более того, отношение к Украине может стать той своеобразной точкой притяжения нормальной русской культуры. Речь идет о традициях культуры Герцена, Тургенева, Горького, Бунина, Бродского — которые писали свои произведения преимущественно за границей, в Европе. Если подобное случится в наши дни, то это поможет российскому гражданскому обществу выйти, в конце концов, на положительный образ российской национальной идеи, который так и не был найден, несмотря на все указания Бориса Ельцина. «Знаете, какая в России национальная идея? — спрашивает Яковенко. — Вот все на протяжении девяностых годов по поручению Ельцина искали национальную идею. Не нашли. Не там искали. Ее нашел режиссёр Балабанов, который в этом своем знаменитом, так сказать, фильме «Брат-2» ее сформулировал: «Кирдык Америке. Кирдык твоей Америке!». И вторая цитата, которая стала пояснением вот этой краткой формулировки русской национальной идеи: «Не брат я тебе, сука черножопая!». Вот это русская национальная идея сегодня. Понимаете? Вот это! Ничего другого! Вот это — основа! Это фундамент! Не «Православие, самодер-

жавие, народность, не «Вперед к победе коммунизма», а вот эти четкие ясные слова, которые находят сегодня путь к сердцам десятков миллионов россиян... Борьба с «балабановщиной» на территории России довольно проблематична. Значит, надо создавать какую-то точку кристаллизации русской культуры за пределами России» [93].

В создавшейся ситуации памятную нам «национальную гордость великороссов» спасает разве что небольшая часть населения, испытывающая возмущение, стыд и чувство моральной подавленности по поводу политики России в отношении Украины. Это группы, занятые, как правило, вне госсектора. О них можно с некоторой осторожностью сказать, что это люди более образованные, 40–50 лет, чаще пользующиеся альтернативными источниками информации, а потому — понимающие последствия такой агрессивной политики. Есть еще какая-то часть людей, которые вообще дистанцируются от политики: это пожилые люди, домохозяйки, сельские жители — они пребывают вне актуальных политических процессов, а потому и не интересуются всем тем происходящим, которое пребывает за пределами круга проблем их физического выживания.

В итоге, вывод, к которому приходит Лев Гудков, состоит в том, что «основной ресурс поддержки Путина — это молодые россияне из провинции, бюрократия и государственный сектор» [94]. В своей основной массе это преимущественно население малых и средних городов, где сохранилась советская отраслевая структура, прежде всего машиностроение, тяжелая промышленность — то, что составляло ядро военно-промышленного комплекса. Сегодня это, как правило, отсталые технологии, неконкурентные предприятия, откуда постепенно разбегаются рабочие. Эти люди прекрасно понимают, что рыночные реформы для них — смерть. Что они без госзаказа, без государственной поддержки не выживут, у них нет ресурсов, это довольно бедная и депрессивная среда. Поэтому для них Советский Союз с его системой занятости и гарантированной зарплаты, конечно же, выступает как идеализированное представление о стабильности и умеренном достатке.

Вот в таких обстоятельствах и появляется социальный спрос на «homo soveticus» — человека, живущего от зарплаты до зарплаты, завистливо глядящего на то, как богатеет российская вороватая бюрократия, да и начальство помельче, а также взирающего на те хоромы и «мерседесы», которые ему транслируют на телевизионных экранах. У него нет шансов на улучшение жизни, и это он если и не понимает, то подспудно ощущает в ежедневной

будничной жизни. Ведь в его частном существовании принципиально ничего не изменилось, да и нет никаких перспектив на изменения в будущем. И он вынужден жить с ощущением зависимости от произвола власти, своей незащищенности и подавленности обстоятельствами. Для него брежневское правление, когда мы все жили скромно, но зато «нас боялись и уважали» представляется временем расцвета «сверхдержавы». А потому в режиме «путинизма» он видит механизм компенсации убожества хронической бедности своей частной жизни, видит путь преодоления своих комплексов неполноценности — как индивидуальных, так и национальных.

Таким образом, социальная база «путинизма» — это консервативная периферия с очень слабым потенциалом самоорганизации. Для этого контингента населения очень характерна неприязнь к носителям более высоких устремлений. И это понятно — в обществе, где нет признания достижений, в том числе экономического успеха, где деньги достаются не через способности и талант, а через близость к распределителю властных полномочий, через коррупцию — там успех экономический, как и признаки потребительского высокого статуса, становятся дисквалифицированными. Тогда начинает давать о себе знать компенсационный механизм: идентификация себя с «великой державой» психологически освобождает человека от чувства униженности в повседневной жизни, зависимости от произвола власти, социальной беспомощности. Причастность к «великой державе» становится оборотной стороной его слабого Я.

Такого рода комплексы неполноценности пребывали некоторое время в спящем состоянии, но стали весьма ощутимыми в условиях интенсивной антиукраинской пропагандистской кампании. Отсюда и высокомерно-пренебрежительное отношение к Украине, ее населению. Например, в марте 2014 года «Левада-Центром» был поставлен вопрос: на ваш взгляд, «какие чувства вызывает в Украине присоединение Крыма к России?». Ответы были следующие. Во-первых, 17% российских респондентов ответили, что они вообще не знают, что и отвечать. Во-вторых, еще 17% отметили, что, по их мнению, в Украине аннексия Крыма не вызывает никаких негативных чувств к России. В-третьих, еще 25% сочли, что аннексия Крыма, конечно же, вызывает негативные чувства в украинцев, но не переходящие в ненависть к России и ее руководству. В-четвертых, 18% допускали, что это вызовет ненависть к российскому руководству, но не к самой России. И, наконец, только 24% ответили, что понимают, насколько эти действия Рос-

сии действительно оскорбительны для украинцев, что и может вызвать ненависть к России в целом. При этом, 75% россиян вообще не считали, что их страна несет какую либо ответственность за происходящее в Украине. Вот эта неспособность отвечать за свои действия как нельзя наглядно и свидетельствует о степени деморализации российского общества [95].

Именно такое состояние общества, где принимается как должное и вооруженная интервенция, и военный шантаж и пропагандистская демагогия — все это обеспечило небывалую консолидацию российского населения вокруг власти, очертив широкие рамки социальной базы «путинизма». Риторика «возрождения России как великой державы», которая, наконец, «возвращает свои земли», а не теряет их как при Горбачеве и Ельцине; которая защищает русских в Украине, где они якобы подвергнуты угрозам со стороны националистов, бандеровцев и «киевской хунты»; той России, которая противостоит давлению и критике враждебного Запада и т.п. — все это возымело сильный эффект квазиморальной консолидации, вызвало массовую поддержку действий кремлевских властей. И вряд ли волна подобных псевдопатриотических переживаний и крымской эйфории спадет в ближайшее время — последствия этой политики, судя по всему, будут ощущаться в продолжение долгих десятилетий.

На этот счет не строят себе иллюзий и сами российские граждане: если в марте 2014 года только 24% опрошенных верили, что после аннексии Крыма украинцы будут ощущать «ненависть к России в целом», то в августе в числе ожидаемых именно такой реакции от украинцев уже насчитывалось 38% россиян [96].

Так неужели в России уже наступает прозрение, а может быть даже желание искупить свой грех — вольный или невольный? Вряд ли, а если и да, то для очень узкого сегмента общества. Однако и всплеск великодержавных имперских чувств не может быть очень продолжительным по времени — механизмы, обеспечивающие социальную мобилизацию на негативной основе, весьма краткосрочны. Будем надеяться, что рано или поздно наступит разочарование — особенно после того, как люди почувствуют на своем кармане последствия политики агрессии (в том числе и санкционные) и придут к заключению, что экономика не выдержит нового витка милитаризма. После каждой войны, как известно, наступает мир. А вместе с ним если уж не полный порядок, то хоть какая-то упорядоченность.

Насколько близок час их прихода?

2.7. Новый мировой порядок и «другой мир» Путина

Известные слова Ангелы Меркель в телефонном разговоре с Бараком Обамой о том, что Владимир Путин пребывает в «другом мире», требуют рассмотрение вопроса в плоскости дуальной оппозиции: 1) »Новый мировой порядок» и 2) »другой мир» Путина. Судя по всему, главным в этом рассмотрении будет вопрос: насколько представления с точки зрения этих «миров» — первого и второго — несут в себе адекватное видение реальных глобальных процессов?

При словосочетании «Новый мировой порядок» невозможно не упомянуть одного из патриархов создания современной архитектуры такого рода порядка — Генри Киссинджера. С высоты своего авторитета и жизненного опыта он может себе позволить высказывать сомнение на счет торжества искомого порядка и справедливости в этом мире: «Концепция порядка, лежавшая в основе современной эпохи, не выдерживает новых реалий» [97].

Такое признание, что ни говори, несколько обескураживает: можно ли ожидать упорядочения в отношениях России и Украины при отсутствии порядка в мире вообще. А ведь кризис вокруг Украины — это проблема, выходящая далеко за рамки двусторонних отношений. Ведь не зря же Барак Обама на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН поставил проблему агрессии России в ряд главнейших мировых угроз: «В то время, как мы собрались здесь, вспышка Эболы поражает системы здравоохранения в Западной Африке и угрожает быстро распространиться за ее пределы. Агрессия России в Европе напоминает о днях, когда большие нации угрожали малым, преследуя собственные территориальные амбиции. Жесткость террористов в Сирии и Ираке заставляет нас смотреть в сердце тьмы» [98]. При такой постановке вопроса проблема установления Нового мирового порядка представляется чуть ли не единственной гарантией в обеспечении мира во всем мире, в том числе и в Украине. Но насколько вероятной может быть достижение этой цели?

Обратимся снова к Генри Киссинджеру как к одному из патриархов концепции «реальной политики». Исходя из ее принципов, этот исследователь обращает внимание на то, что долгое время поиск мирового порядка осуществлялся почти исключительно на основе понятий, господствующих в западных обществах. Опираясь на мощную экономику и военную силу Соединенные Штаты в послевоенные годы стали мировым лидером. Соответственно Америка внесла и новое измерение в понимание мирового порядка. Речь

идет, прежде всего, о распространении свободы и демократии, которым приписывалась способность содействовать справедливому и прочному миру. В этом понимании мирового порядка как данность признавалось суждение, что народы и государства конкурируют друг с другом в силу своей природы — так уж устроен мир. Поэтому для сдерживания их сталкивающихся амбиций необходимо опираться на баланс сил и согласие между просвещенными государственными деятелями. Согласно этой идеальной точке зрения люди склонны поступать логично, осмысленно и разумно, опираясь на здравый смысл и находя компромиссы мирным путем. Следовательно, распространение демократии является, как глобальной целью, так и миссией мирового порядка. А свободные рынки, со своей стороны, должны избавить людей от бедности, обогатить общества и заменить традиционное соперничество между странами экономической взаимозависимостью.

И что бы мы ни говорили об идеализме этой концепции, но определенный порядок в международные отношения она все же внесла. Да и результаты налицо — большая часть территории земного шара представлена сейчас независимыми государствами. Распространение принципов демократии и представительного управления если и не стало общемировой реальностью, то, во всяком случае, стало преобладающим устремлением. Этому способствуют и глобальные коммуникации, и финансовые сети, которые работают в режиме реального времени. Так что сплав американского идеализма, а также традиционных европейских концепций государственной власти и баланса сил принес определенные плоды. Беда лишь в том, что на обочине этого процесса оказались огромные регионы мира, которые, по существу, никогда и не разделяли западную концепцию порядка, а просто вынужденно соглашались с ней в силу сложившихся обстоятельств. В итоге, отмечает Киссинджер, ***«сегодня это стало особенно очевидно на примере украинского кризиса… Порядок, провозглашенный и установленный Западом, подошел к поворотному моменту»*** [99].

И каков же выход из этого поворотного момента? Что необходимо отбросить, а что новое приобрести? Начать хотя бы с такого базового общественного института как государство, которое ныне для Украины является императивом. Но беда в том, что в Европе, куда Украина стремится, сама природа государства ныне подверглась многочисленным попыткам ревизии. Да, Европа решила, что она уже переросла старое понятие государства с его независимостью и суверенитетом, а потому взялась строить внешнюю политику преимущественно на принципах «мягкой силы». И к чему

пришли? Сама Европа, в целом, так и не обрела многих атрибутов государственности (как долго идет согласование ряда неотложных вопросов!), но тем временем создала вакуум власти внутри самого Евросоюза и разбалансировала силовой фактор вдоль своих границ. В итоге Украине приходится на собственном опыте убеждаться, что ссылки на законность и легитимность действующей власти Киева едва ли смогут поддерживать порядок в регионе и мире в целом в отрыве от наличия силового потенциала и надлежащей согласованной стратегии. В мусульманских странах свои особенности — там распад государств провоцируют религиозно-этнические факторы. А в азиатском регионе, в противоположность европейскому, вообще преобладает принцип баланса сил независимо от легитимности тех или иных действий властей.

Новые проблемы возникли также в плоскости взаимоотношений сферы экономики и политики. Экономика становится все более глобальной, а сфера политики преимущественно остается приоритетом национального государства. Таким образом, международный порядок сталкивается с парадоксом: процветание мира зависит от успеха глобализации, но в сфере политики этот процесс приводит подчас к результатам, противоречащим главным устремлениям глобализации.

Еще одна слабость современного мироустройства — отсутствие эффективного механизма взаимодействия, международных консультаций и возможного сотрудничества. С одной стороны — в мире проводится несметное число форумов и конференций, решающих в лучшем случае тактические вопросы, а в худшем — осуществляющихся преимущественно на уровне информационных мероприятий «социальных медиа». Достаточно вспомнить, сколько было проведено различных слушаний по Украине и сколько было принято резолюций с выражением «озабоченности», а то даже и «глубокой озабоченности». Но как мало было конкретной международной помощи в разрешении проблемы аннексии Крыма и недопущения вторжения России на территорию Донбасса! А ведь поиски оптимального порядка и в регионе Восточной Европы, и в мире в целом требуют четкой и осмысленной стратегии — и в понимании самого порядка, и в понимании механизмов его достижения и поддержания.

Конечно, сначала надо достичь необходимого общественного консенсуса и международного взаимопонимания по ряду актуальных вопросов. Киссинджер и ставит эти вопросы перед Соединенными Штатами как гарантом мирового порядка XXI века. Но эти же вопросы мы можем поставить и перед украинским обществом.

Например, чего нельзя допустить любыми средствами, если даже придется действовать в одиночку? Чего мы стремимся достичь любым путем, даже если другие страны не будут нам в этом помогать? Чего мы стремимся достичь или не допустить только в союзе с другими странами? Чем нам не следует заниматься, даже если нас к этому будет подталкивать какой-то альянс или многосторонняя организация? Какова суть тех ценностей, которые мы стремимся отстаивать? И в какой мере претворение этих ценностей в жизнь зависит от обстоятельств, а в какой — от наличия политической воли?

Для ответа на эти вопросы необходимо сочетание воли и стратегического мышления. Если уж мы выбрали курс на евроинтеграцию, то должны помнить, что история не дает передышки странам, которые забывают о своем историческом предначертании. Даже ради достижения каких-то сиюминутных реальных результатов. При этом следует принять как данность, что никакие возвышенные патриотические убеждения не в состоянии заменить необходимого для обороны силового потенциала и надлежащей геополитической стратегии. Демократия тоже чего-нибудь стоит лишь тогда, если умеет себя защитить.

А вызов времени между тем нарастает, и не факт, что страны демократии в состоянии дать на него адекватный ответ. Именно об этом говорилось в статье Азара Гата, помещенной в журнале Foreign Affairs за 2007 год. В ней утверждалось: «Не исключено, что авторитарный капиталистический строй, представленный сегодня Китаем и Россией, может стать реальным альтернативным инструментом модернизации, а это в свою очередь позволит предположить, что конечную победу, или преобладание в мире, либеральной демократии нельзя считать неизбежной» [100].

Во время обсуждения этой статьи были высказаны опасения, что «авторитарный капитализм» может послужить реальной угрозой демократическому Западу. Однако вскоре разговоры о необходимости более активного продвижения демократии утихли. Причина тому — разразившийся кризис 2008 года, который подтолкнул Запад к привлечению финансовых возможностей Китая. Понятное дело, что на этом фоне разговоры о дефиците демократии в Китае стали выглядеть как-то неуместно.

Но все изменил 2014 год, когда «российская весна» стала зримо представлять собой угрозу существующему миропорядку. Именно об этом шла речь в майском номере того же Foreign Affairs, где была помещена статья Уолтера Рассела Мида «Возвращение геополитики». В частности в ней отмечается, что

американцы и европейцы в принципе предпочли бы оставить геополитические вопросы, связанные с территориями и военной мощью, в прошлом, а вместо этого сфокусироваться на проблемах мирного порядка и глобального управления. Да не тут-то было: «Российские войска захватили Крым. Китай агрессивно претендует на акватории. Япония в ответ также ведет себя все жестче. Иран пытается использовать свой союз с Сирией и «Хезболлой», чтобы добиться господства на Ближнем Востоке». Тут уж и слепому видно, что на первый план выходит традиционное геополитическое соперничество «вроде того, которое можно увидеть сейчас на Украине». А это в корне меняет характер международной политики и, «по мере того, как атмосфера мрачнеет, укреплять и поддерживать миропорядок становится все сложнее». Причины тому налицо: «***Китай, Иран и Россия никогда не признавали геополитический расклад, сложившийся после холодной войны, и сейчас старательно пытаются его изменить. Этот процесс не будет мирным***». А свидетельство тому мы уже сегодня видим воочию: «***российская оккупация украинских земель — лишь очередной этап превращения Восточной Европы в зону острого геополитического конфликта, делающего стабильное и эффективное демократическое управление невозможным за пределами Прибалтики и Польши***» [101].

По мнению Уолтера Мида, в новой сложившейся ситуации «Путин, несмотря на то, что карты ему выпали слабые, вполне успешно срывает западные проекты на бывшей советской территории. Он сумел застопорить расширение НАТО. Он расчленил Грузию, втянул в российскую орбиту Армению, упрочил свой контроль над Крымом, и преподнес Западу крайне неприятный и унизительный сюрприз своей украинской авантюрой. С западной точки зрения, Путин приговаривает свою страну к мрачному будущему, нищете и маргинализации. Однако Путин не считает, что история закончилась. На его взгляд, он лишь укрепил свою власть внутри страны и напомнил иностранным державам, что когти у русского медведя по-прежнему острые» [102].

Отмеченные тренды на международной арене приводят к выводу, что нынешний мир отнюдь не отменяет не только экономическую и политическую конкуренцию между странами, но и военную. Но и этим дело не ограничивается. Существует одна неизменная еще со времен холодной войны сфера конкурентного противостояния, которая в условиях глобализации не только не отменяется, но и становится превалирующей. Речь идет о конкуренции в поле идеологической борьбы по вопросу эффективности

внутриполитических моделей — социально-политических, финансовых, технологических и т.д. То есть конкуренции методов и технологий решения национальных и глобальных задач. Вопрос, как говорится, поставлен во всей своей наготе: в состоянии ли та или другая страна предложить миру свою альтернативную модель эффективного развития.

От того, как создаваемые страной модели общественного развития воспринимаются другими, зависит роль и место этой страны в системе современных международных отношений, ее влияние на другие страны мира. А здесь выбор для Украины, судя по всему, не так велик. Приходится констатировать, что даже Китай и Европейский Союз не ставят перед собой задачу производства глобальных моделей — их усилия направлены преимущественно на максимальный тюнинг американских моделей «под себя». В итоге, Америка пока остается единственной страной, которая производит глобальные модели внутреннего развития, которые активно применяются в других странах. А о России в условиях откровенной агрессии с ее стороны против Украины, и говорить не приходится. Как пишет Николай Злобин в «Российской газете», «Россия... создала не просто непривлекательную, а отталкивающую модель внутреннего развития и продолжает двигаться в этом направлении... Не может не тревожить то, что политическое развитие России сегодня вызывает немалое отторжение в мире, даже у тех, кто потенциально мог быть ее союзником. Принимая законы, которые направлены на решение своих сугубо внутренних проблем, власти страны должны понимать, как это влияет на ее репутацию. Занимаясь укреплением «традиционных ценностей», что само по себе полезно, важно не переборщить и снова не заболеть хронической российской болезнью — отставанием от исторического времени, в котором живет быстро убегающий вперед мир» [103].

В этой обстановке вакуума альтернативных демократических идей, вряд ли стоит сбрасывать со счетов формирование такого себе «авторитарного Интернационала» в составе Китая, России и Ирана. Как писал в октябре 2014 года председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике России Федор Лукьянов, сейчас идея о том, что Россия и Китай несут Америке совместную угрозу, возродилась вновь, но совсем на другой основе: «сейчас объективные обстоятельства, необходимость выживания толкают нелиберальные системы друг к другу. В последнее время много говорят о военной силе, вернулась тема классического противостояния. Наращивание военной мощи Россией и Китаем, дискуссии в Соединенных Штатах о возможном ответе это подтверждают.

Однако на деле куда более важной оказывается другая мобилизация — сплочение общества для идейно-информационного отпора. Не случайно, по слухам, российский и китайский лидеры во время встреч уделяют куда больше внимания обмену опытом по сохранению внутренней стабильности, чем дискуссиям об энергетике или американской гегемонии». Так, в свое время Китай проявлял большой интерес к российской концепции «суверенной демократии». Сейчас же фактически происходит российско-китайское сближение именно на идейной почве: российская власть с интересом изучает китайские разработки по контролю над Интернетом, а руководство КПК изучает российские начинания по национализации элит, а также по нелиберальной работе с неправительственными организациями. Общий вывод Лукьянова: «консерватизм сближает» [104].

И куда же ведет это сближение на консервативной, а то даже и архаичной основе? Об этом напомнил Джеффри Тейлер в журнале Foreign Policy 5 сентября 2014 года, приводя слова Путина при встрече с молодежью на озере Селигер: «Россия является одной из наиболее мощных ядерных держав. Это не слова, это реалии». И здесь Путину трудно что-нибудь возразить. И он это знает, а потому и не устает повторять, как, например, 14 августа того же 2014 года, во время своего выступления в Ялте перед собравшимися там представителями думских фракций, что скоро он планирует «обрадовать Запад нашими новыми разработками в области наступательных вооружений, о которых мы пока не говорим». И все это звучит в тот момент, когда не утихают обвинения по поводу участившихся нарушений российскими стратегическими ядерными бомбардировщиками и истребителями воздушного пространства США и западноевропейских стран, а в глубинах мировых океанов российские и американские атомные подводные лодки ведут противоборство, напоминающее худшие дни холодной войны. В час, когда лидеры НАТО собрались на свой саммит в Уэльсе, Россия объявила о проведении в этом месяце беспрецедентных по размаху учений своих стратегических ядерных сил. В этом же ряду стоит и заявление Кремля, что он внесет поправки в военную доктрину с учетом роста напряженности в отношениях между Россией и НАТО. Пока непонятно, что это значит, но ввиду усиливающейся напряженности с западным альянсом в этом нет ничего хорошего [105].

Складывается впечатление, что если события и далее будут развиваться в таком же русле, то о пришествии Нового мирового порядка придется на какое-то время (или уже навсегда?) забыть.

Гегемония США, которая зиждется главным образом на угрозе применения силы, стала в наше время как-то терять свою репутацию. НАТО тоже, по существу, закрылось в собственной скорлупе. А в это же время российское общество на всем протяжении кризиса в Украине демонстрировало свое восхищение Путиным за то, что он, дескать, не только смело противостоит Западу, но к тому же сумел еще и «вернуть» Крым России.

Хотя есть и другие сдвиги. Так, в научных кругах просматривается желание осмыслить происшедшую в последние годы трансформацию постсоветской национальной идентичности России после аннексии Крыма в марте 2014 года. Уже упоминаемый Игорь Зевелев без тени сомнения считает, что «действия Москвы в отношении Украины только на первый взгляд были неожиданными. На деле они стали логическим следствием идеологических и политических изменений, которые начались осенью 2011 г. после принятия решения о возвращении Владимира Путина на пост президента. Эти действия и привели, в конечном счете, к кардинальному пересмотру внешнеполитической доктрины России» [106].

Этот российский автор (работающий в американском фонде) считает, что понять происходящее в России совершенно невозможно с точки зрения весьма популярной в России школы «политического реализма», а события весны 2014 года и вовсе заставляют пересмотреть привычные рамки внешнеполитического анализа. Ведь после марта 2014 года, по его мнению, Кремль сильно рискует и в конечном итоге многое теряет во взаимоотношениях со странами Запада и соседями на постсоветском пространстве. А потому и возникает вопрос, почему же все-таки он идет на такие рискованные шаги?

По мнению Зевелева, здесь нам могут помочь оригинальные выводы, сделанные американским исследователем Робертом Джервисом. Последний, во-первых, установил, что «зачастую объяснение причин, по которым были приняты те или иные важные решения, требует изучения убеждений лиц, принимающих решения, их взглядов на мир и образы других субъектов». При этом подходе главным вопросом является не то, кто был прав, а кто ошибался. Важно другое: «почему представления людей о мире оказались различными». А, во-вторых, Джервис утверждал, что «представления людей о мире и о других субъектах расходятся с реальностью вполне ощутимым образом и по причинам, которые доступны нашему пониманию» [107].

То есть, Роберт Джервис предлагает принимать во внимание тот реальный (и давно известный) факт, что представления людей

о мире и других субъектах никогда не бывают абсолютно адекватными с реальностью. Тогда логично предположить, что и ***адекватность политических решений принципиальным образом зависит от того диагноза, который Ангела Меркель поставила Владимиру Путину: «она не уверена, что он находится в контакте с реальностью» и, наверное, пребывает «в другом мире»***. Вот с этого исходного пункта, очевидно, и следует исходить при анализе тех главенствующих идей, которые были избраны из широкого набора мнений, появившихся в интеллектуальном дискурсе о постсоветской идентичности России за последние двадцать лет. Из них, в конце концов, ***были выбраны именно те, которые представлялись наиболее подходящими для легитимации режима и укрепления силы российского государства. Речь идет, прежде всего, о четырех ключевых теоретических моментах. Во-первых, это концепция «разделенного народа». Во-вторых, — тема «защиты граждан за рубежом». В-третьих, — тема «русского мира». И, наконец, в-четвертых, — значение признания и сохранения, приятия и продвижения «Великой русской цивилизации»***.

Как показал анализ, осуществленный Игорем Зевелевым, этот теоретический отсев произошел не сразу и не вдруг. Вот уже полтора столетия дебаты о русской идентичности и роли России в мире исходят своими корнями к спорам между славянофилами и западниками. В итоге все разнообразие существующих ныне взглядов можно свести к трем основным школам: либералов, реалистов-государственников и, наконец, националистов. *Цель либерального проекта* для России — превратить ее в составную часть «Большого Запада». *Реалисты-государственники* составляли до последнего времени наиболее влиятельную школу внешнеполитической мысли России. Они выступают за поддержание сферы влияния на территории бывшего Советского Союза и стремящейся сдерживать американское глобальное первенство. Россия в их видении — один из влиятельных центров многополярного мира, а Соединенные Штаты — страна, ставящая задачу сохранить однополярную структуру мира в обход международному праву, а также вдохновитель всевозможных «цветных революций». *Националистическое же направление включает в себя две подгруппы: неоимпериалистов («имперцев») и этнических националистов.* Сначала *в среде «имперцев»* доминировала задача восстановления государства в границах СССР, но потом задача сузилась до создания вокруг России буферной зоны протекторатов и зависимых стран из числа бывших советских республик. *В среде националистов* ста-

вится более радикальная задача восстановления географического соответствия между государством и нацией путем воссоединения России, Беларуси, части Украины и Северного Казахстана.

После распада Советского Союза в России с переменным успехом доминировало то либеральное, то государственническое течение внешнеполитических «реалистов». Однако в час возвращения Владимира Путина на пост президента РФ в 2012 году на внешнеполитическом курсе все сильнее стали сказываться внутриполитические соображения и идеологические установки на предмет сохранения власти. Первоначально это выглядело как усиление взглядов реалистов-государственников за счет очередной маргинализации либералов. Однако действия Кремля весной 2014 г. со всей очевидностью продемонстрировали, что происходит широкое заимствование идей, развивавшихся до тех пор в рамках националистического дискурса и даже считавшихся несколько маргинальными. Но ***сейчас уже есть все основания утверждать, что сформировалась новая внешнеполитическая доктрина, которая включает в себя элементы взглядов реалистов-государственников и националистов***.

Например, весной 2014 все действия Москвы по аннексии Крыма уже противоречили всем представлениям либералов-западников о разумной политике. Так, в 1997–1999 годах вопрос о принадлежности Крыма уже поднимался в России во время дебатов о ратификации «Большого договора» с Украиной. Но тогда возобладала точка зрения, что дружба с Украиной важнее вопроса о Крыме. По иному повернулось дело в 2014 году: «у реалистов-государственников и «имперцев» появилось ощущение силы и уверенность, что Россия может безболезненно присоединить Крым, воспользовавшись глубоким кризисом украинской государственности. Влиятельной оппозиции, способной помешать этому, в России нет. Отношения с Западом больше не приоритет, и его можно проигнорировать. Главное же в том, что фактически официальной стала идеология постсоветского реванша, включающая в себя образ России — собирательницы разделенного искусственными границами русского мира» [108].

Правящим кругам Путина показалось, что есть возможность создать из отдельных фрагментов имперской и националистической риторики фундаментальную и цельную идеологию, которая могла бы консолидировать российское общество и мобилизовать его вокруг задач охраны существующего режима. Так, проявился повышенный интерес к категории *соотечественников,* проживающих за пределами Российской Федерации, но осознающих

исторические, культурные и языковые связи с Россией, и желающих сохранить их независимо от своего гражданства. Уже после 2007 года довольно старая концепция «русского мира» вводится в поле активного общественного дискурса. До весны 2014 эти два феномена еще размежевывались: если понятие «соотечественники» опиралось на законы и юридические нормы, то «русский мир» считался как нечто преимущественно находящееся в области самосознания. ***Однако весной 2014 ситуация принципиально изменилась: «Понятие «соотечественники» и «русский мир» фактически слились в националистической риторике о возрождении России и ее реванше на постсоветском пространстве»***. Та же эволюция произошла и с понятием «разделенности русского народа» и обоснованием его права на воссоединение. Сформировавшись в среде радикальной националистической оппозиции либеральному курсу Ельцина, и сдерживаемая властями на протяжении двух десятилетий, эта идея внезапно получила легитимацию в обращении президента РФ 18 марта 2014 года: «Русский народ стал одним из самых больших, если не сказать самым большим, разделенным народом в мире» [109].

Однако все эти фрагменты нуждались в более широкой мировоззренческой концепции. Ее сверхзадача — поднять вопрос о цивилизационной принадлежности страны до уровня и терминологии большого наднационального проекта. Постепенно вызревала и более фундаментальная мотивация в необходимости появления такого проекта — взять хотя бы факт неудачи попыток России стать самостоятельной частью «Большого Запада». ***Претензии на статус великой державы подтолкнули Москву более глубоко задуматься о своем месте в современном мире. Все это побуждало к принятию мысли о том, что Россия не просто страна, а целая цивилизация***. Официально об этом упомянул в свое время еще Дмитрий Медведев в берлинской речи 2008 г., призвав к налаживанию «подлинно равноправного сотрудничества между Россией, Евросоюзом и Северной Америкой как тремя ветвями европейской цивилизации». Но, как показали дальнейшие события, взгляд на Россию как ветвь европейской цивилизации, поддерживали далеко не все. Уже год спустя, в июле 2009 года, заместитель директора Института Европы РАН Алексей Громыко писал: «и все же, большая часть российского политического класса склонна противопоставлять Россию и Европу». По его мнению, это есть не что иное как «развитие, я бы сказал, охранительных тенденций в российской государственной идеологии, включая и концепцию суверенной демократии. ***Рассуждения о русской, российской или***

славянской (это разные подвиды этой мысли) цивилизации используются для выпячивания третьего или особого пути России». А этот подход может оказаться «орудием в руках сторонников конфронтационной парадигмы, которые стремятся противопоставить Россию остальному миру» **[110].**

И Громыко был прав. Подобное конфронтационное видение было изложено в выступлении министра иностранных дел России С. Лаврова на 48-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности (6–8 февраля 2015 г.). В частности, Лавров акцентировал внимание на неизбежности формирования полицентрической международной системы безопасности. По его мнению, отличительной чертой нашего времени стало то, что формирование международных отношений в наше время выразительно приобретает цивилизационное измерение, когда поиск народов мира своей идентичности во все большей степени приобретает религиозные измерения. С этой точки зрения Россия и Северная Америка представляют собой восточную и западную ветви европейской цивилизации. А это, якобы, уже есть весомым аргументом в пользу того, что нереально ставить на повестку дня тезис об «инкорпорации» России в «расширенный Запад» без учета столетиями наработанных традиций внешнеполитической самостоятельности России. Тем более, что эта страна, дескать, движется ныне по пути комплексного обновления, что включает в себя и вопрос модернизации ее политической системы. Однако, подчеркнул Лавров, темпы и характер демократических процессов в России будет диктоваться исключительно внутренними проблемами, а не советами извне. А поэтому и окончание холодной войны воспринимается Россией как возвращение к непрерывности процессов, нарушенных трагедиями XX века. То есть, следует понимать, как возвращения к имперской России XIX века [111].

Причина перетекания цивилизационной концепции России в охранительное русло оказалась традиционно банальной для российской истории — уже в который раз неудачная модернизация страны неизменно вызывала усиление консервативной архаики в общественно-политической мысли. Концепция России в качестве отдельной большой цивилизации больше соответствовала новой консервативной идеологии и позволяла парировать критику недемократичности государственного устройства современной России. Как отмечал Зевелев, «до весны 2014 года дискуссии о новой российской национальной идентичности, включая и развитие концепции русского мира, мало соприкасались с традиционной повесткой дня в области внешней политики и национальной

безопасности. ***Революция на Украине позволила (по мнению Кремля — потребовала) секьюритизировать эти вопросы, то есть перевести их в разряд важнейших для выживания нации и государства». В информационном поле России понятие «русского мира» стало созвучным понятию «исконно русская земля», «русский город» Севастополь, «русская слава» Черноморского флота и т.п.***

Так, уже 7 марта 2014 г. пресс-секретарь президента Дмитрий Песков заявил, что «Россия — это страна, на которой зиждется русский мир, и президентом страны является Путин, именно Путин является главным гарантом безопасности русского мира, и Путин уже недвусмысленно заявил о своей позиции» [112]. Это и подобные ему заявления стали свидетельством того, что в преставлениях российских официальных лиц произошли фундаментальные изменения о зоне ответственности Кремля при толковании национальной безопасности: переход от государства к большей, чем государство, общности, гарантом безопасности которой выступает Владимир Путин. Это даже и не «Москва — Третий Рим». Здесь покруче: «Москва — Православный Ватикан».

Итак, в самоидентификации России были расставлены точки над «i». Абстрактно воспринимаемый «Запад» стал фигурировать в российском информационном поле как сила, стремящаяся распространить свои ценности и образы на весь «русский мир», покушаясь тем самым на то, чтобы попрать уникальную — и все более консервативную — российскую национальную идентичность. В роли инструментов экспансии Запада стали изображать НАТО и Европейский Союз, который своей политикой «Восточного партнерства» проводит курс на отрыв Украины и других постсоветских стран от России. Революционные события в Украине были интерпретированы в Москве как государственный переворот, инспирированный Западом на территории «русского мира». Была поднята планка «исторического измерения» противостояния Запада и России: в «Обращении» Путина от 18 марта 2014 года значилось, что «пресловутая политика сдерживания России, которая проводилась и в XVIII, и в XIX, и в XX веке, продолжается сегодня». И уж верхом лицемерия прозвучало положение о том, что «отношения с Украиной, с братским народом, были, остаются и всегда будут для нас важнейшими, ключевыми без всякого преувеличения» [113].

Рассматривая итоги трансформации национальной идентичности в России, нельзя не отметить, что с приходом Путина на третий президентский срок страна стала интенсивно менять сложив-

шуюся после окончания холодной войны систему международных отношений в Европе и на постсоветском пространстве. Сущность нового этапа состоит в том, что «в России сформировалась новая внешнеполитическая доктрина, опирающаяся на комплекс идей об особой российской цивилизации, русском мире и необходимости защиты соотечественников, в том числе силовыми методами. Такая доктрина больше связана с внутренними представлениями о российской идентичности, чем с концепциями мироустройства, которые вырабатываются в рамках теории и практики международных отношений. Это создает серьезнейшее напряжение во взаимоотношениях между Россией, с одной стороны, и странами Запада, а также практически со всеми постсоветскими государствами — с другой. То, что выглядит как восстановление исторической справедливости и защита русского мира в одной системе координат, в других дискурсах воспринимается как захват большим государством части территории более слабого соседа» [114].

В итоге, весной-летом 2014 года в своих основных чертах сформировалась идеология, политика и практика российской идентичности. Ее отправной точкой послужили шовинистические заявления о том, что суверенитет России распространяется на всех русских людей, где бы они ни находились. Тем, кто знаком с риторикой нацистской Германии 30-х годов, концепция «разделенного народа» неизбежно покажется пугающе знакомой. Эта идея неизбежно приводит к мысли о правомерности защиты сограждан, проживающих за рубежом, а значит — к практике вмешательства во внутренние дела других государств. Ведь под «русским миром» подразумевается органическое целостное единство всех русских людей, независимо от их места проживания. И эти места проживания уже изменяются путем практикуемым Путиным как «воссоединение этнических русских».

При этом Россия принципиально игнорирует нормы международного права, находя себе оправдание в том, что не входит в состав западной цивилизации. Не является она также ни частью Китая, ни частью мусульманского мира. ***Считается, что Россия сама по себе является самостоятельной цивилизацией, которая выполняет свою провиденциальную миссию не только по отношению к православию, но и по утверждению базовых ценностей не только межличностного характера, но и в отношениях между полами, а также и внутри полов.*** В итоге, по оценке Збигнева Бжезинского, «мы имеем дело с полноценным мировоззрением — амбициозным мировоззрением, которое оправдывает утверждение о том, что Россия — это мировая держава. И ничто

в международном диалоге с Западом не задевало г-на Путина так сильно, как слова президента Обамы, который назвал Россию сильной региональной державой. Более обидной характеристики он дать не мог» [115].

Однако, с точки зрения Украины, остался нерешенным главный вопрос — последуют ли за этими словами конкретные шаги в русле Будапештского меморандума 1994 года — о гарантии территориальной целостности нашей державы.

2.8. Политика исторического беспамятства

Нет нужды в рамках нынешнего раздела прибегать к детальному контентанализу разнообразных пропагандистских кампаний России по отбеливанию своих неприглядных агрессивных действий против Украины. Это очень важный и ответственный самостоятельный участок работы, который мы осуществим в следующем (третьем) разделе. Здесь же мы ограничимся приведением в качестве примера фальши и лицемерия лишь один отрывок из выступления президента РФ на Совещании послов и постоянных представителей России 1 июля 2014 года в Москве. В нем, на наш взгляд, лаконично были изложены основные пропагандистские клише в оправдание агрессивного курса России:

«Мы должны с вами ясно понимать, что события, спровоцированные на Украине, стали концентрированным выражением пресловутой политики сдерживания. Ее корни уходят, как вы знаете, глубоко в историю, и очевидно, что такая политика не прекращалась, к сожалению, и после завершения «холодной войны».

На Украине, как вы видели, под угрозой оказались наши соотечественники, русские люди, люди других национальностей, их язык, история, культура, законные права, гарантированные, кстати, общеевропейскими конвенциями. Имею в виду, когда говорю о русских людях и русскоязычных гражданах, людей, которые ощущают, чувствуют себя частью так называемого широкого русского мира, не обязательно этнически русские люди, но те, кто считают себя русским человеком.

Какой реакции наши партнеры ожидали от нас при том, как разворачивались события на Украине? Мы, конечно, не имели права оставить крымчан и севастопольцев на произвол воинствующих националистов и радикалов, не могли допустить, чтобы был существенно ограничен наш доступ к акватории Черного моря, чтобы на Крымскую землю, в Севастополь, овеянный бое-

вой славой русских солдат и матросов, в конце концов, а я думаю, достаточно быстро, пришли бы войска НАТО и был кардинально заменен баланс сил в Причерноморье. То есть, практически все, за что Россия боролась, начиная с петровских времен, а может быть, и раньше, историки знают лучше — все это было фактически вычеркнуто.

И хочу чтобы все понимали: наша страна будет и впредь энергично отстаивать права русских, наших соотечественников за рубежом, использовать для этого весь арсенал имеющихся средств: от политических и экономических — до предусмотренных в международном праве гуманитарных операций, права на самооборону» [116].

Что можно сказать по этому поводу? Обвинение Запада в том, что он якобы систематически, начиная с XIX века, проводит по отношению к России политику сдерживания, что и продолжается ныне в Украине в форме ущемления русских людей и навязывания им европейских ценностей — это всего лишь дешевая пропагандистская уловка. Интеллигентные русские исследователи на это не ведутся. Так, авторитетный российский историк Алексей Миллер пишет: «Концептуализация истории России через идею цивилизационного противостояния Европе бессмысленна и контрпродуктивна, поскольку все российские творческие элиты — европейские, даже если оно ругают Европу». И дальше: «*Исторически Россия успешно развивалась в тех случаях, когда не увлекалась цивилизационным противостоянием с Западом и/или революцией*. СССР надорвался именно в своей роли второй сверхдержавы, второго полюса мира, втянувшись в непосильную гонку вооружений и соперничество с США по всему миру» [117].

Обратим внимание на то, что Алексей Миллер здесь говорит о «российских творческих элитах», которые, к сожалению, очень редко встречаются в сфере государственного управления этой страны. Понятное дело, что речь идет не просто о недостатке какого-то генетического типа отдельных людей, а скорее о той социальной бюрократической среде России, в которую человек (даже настроенный весьма идеалистически) попадает и формируется соответственно с запросами этой среды. А эти казенные «присутственные места» представляют собой общность социальных институтов, которые очень медленно трансформируются. Это, прежде всего, институты власти, которые общество не контролирует: это зависимый суд, это полностью подчиненные режимом правоохранительные органы, это и чрезвычайно консервативная система образования и т.д. Все это накладывает свой отпечаток на

кадровый состав государственного управления. По оценке Льва Гудкова, «все российские политики, включенные в нынешнюю номенклатуру, обладают приблизительно одними и теми же чертами, поскольку их отбор происходит по одним и тем же схемам личной лояльности, а не по принципам компетентности и конкуренции. Как следствие, очень многие черты воспроизводятся. Это, в первую очередь, политический цинизм, отсутствие моральных ограничений, это демагогия и стремление к сохранению власти... Главное их задание — удержать власть плюс уберечь сильную коррупционную составляющую, вести теневую деятельность» [118].

Вот потому-то украинская «революция достоинства» и не была воспринята в России, поскольку по своей сущности она была нацелена как раз на то, чтобы положить конец олигархически-бюрократическому режиму и созданной им системе власти. Тем более, что в Украине пришлось поставить вопрос о внедрении европейских ценностей революционным путем. Представителям старого олигархата Украины это, естественно, тоже не нравилось. Точно так же и Россия увидела в феномене Майдана угрозу своему существующему строю. И ее в чем-то можно было даже понять. Тот же Лев Гудков еще за два года до украинского Евромайдана ставил вопрос о логике разложения тоталитарных режимов: «На данном этапе изменения очень медленные, они накапливаются, но все-таки меняются и характер человека, и определенная среда. В России страна сегментируется: выделяется Москва, крупные города, где складывается другая инфраструктура, образ жизни, начинают выделяться совсем другие люди, занимающие значимые позиции, и в стороне от этого выделяется стагнирующая, консервативная периферия. Та самая индустриальная Россия, которая фактически не меняется. У вас, прежде всего, это Восточная Украина. В России это бедная и деградирующая деревня, у которой нет никаких шансов вырваться из этого состояния... То есть страна в состоянии модернизации распадается на отдельные анклавы, где происходят различные процессы и протекает по этой причине разное время» [119].

Стоит ли удивляться, что в попытках удержаться у власти, и некоторые украинские олигархи, и их российские партнеры попытались остановить историческое время и законсервировать «совковые» порядки на Донбассе. И все это делается под сурдинку охраны российской национальной или донецкой региональной специфики, которой якобы претят европейские нормы и ценности. Так, например, по мнению Сергея Лаврова, Украина сегодня создает атмосферу отторжения образа жизни Донбасса: «Эти люди, которые хотят жить так, как они привыкли на своей земле,

объявляются официально террористами, на них устраивается охота, ***по всей Украине висят билл-борды с объяснением, как выявлять сепаратистов, тех, кто хочет жить по-своему, не по-украински, приводятся статьи Уголовного кодекса, который за сепаратизм карает сроком лишения свободы»*** [120]. Уместно было бы спросить у Лаврова, ***нет ли в российском уголовном кодексе статьи за сепаратизм для тех, кто не желает жить по-российски?*** Или им объявляется благодарность от командования и предоставляется путевка в Сочи?

Естественно, многое зависит от того, примут ли эту охранительную риторику в России на массовом уровне. И хотя в понимании народа, как следует из материалов «Левада-Центра», российская власть устойчиво ассоциировалась как криминальная и мафиозная, но она, в силу безысходности, принималась по факту, потому, что сделать, мол, все равно, ничего нельзя. Эти же настроения распространялись и среди жителей Донбасса. А когда к этим настроениям присовокупилась еще и агитация, что в случае присоединения Донбасса к России сразу будет поднята заработная плата и пенсия, то полукриминальная подноготная существующей в Донбассе экономики как-то сразу стала неактуальной в общественных настроениях. Сработал чуть ли не главный принцип «совка» — на «халяву» надо брать без оглядки, пока дают.

А тут еще и соответствующая идеологическая обработка в стиле имперскости: русские Донбасса, мол, тоже особый государствообразующий народ, а, значит, у него должны быть привилегии. А тем более особыми правами на постсоветском пространстве пользуется Россия, и потому она должна в силу исторической обусловленности доминировать и понуждать своих соседей к «учету своих прав». Вот этот великодержавный комплекс играет даже очень сильную компенсирующую роль в массовой идентичности. Бедность и зависть маленького человека компенсируется сознанием, что мы, мол, сильная держава и нас все бояться.

А если брать в историческом контексте, то корни агрессивной политики России действительно уходят глубоко в историю, когда активно проводилась так называемая стратегия «собирания русских земель», поскольку Русь (а, значит, и руськие земли) трактовались как «исконные земли России». А это в корне неверно, потому что Русь — это еще и Беларусь и Украина, а не только Россия. Однако наш северный сосед мыслит по-своему. Логика и тогда, и сейчас в России была и остается донельзя простой — если эти земли Руси не возьмем мы, то они достанутся неверным «латинянам». Вот и ныне — если Крым возьмем не мы, то он достанется НАТО.

Те же, кто противится захватническим планам Кремля — те, естественно, были просто возведенными в ранг экстремистов и радикалов, посягнувших, как в свое время «мазепинцы», «петлюровцы» или «бандеровцы» (берем в кавычки как имя нарицательное), на имперские традиции «славных петровских времен». Вот эти политические банальности и призваны были отвлечь внимание от захватнических стратегических целей и конкретных результатов российских «гуманитарных операций» в рамках «гибридной войны». А осуществление пресловутого «права на самооборону» привело в регионе Донбасса к разрушению инфраструктуры городов, массовым убийствам и мародерству так называемых ополченцев.

Отсюда проистекает и самый главный вопрос: возможно ли вообще, а если возможно, то на какой платформе договариваться с российской стороной о мирном урегулировании на юго-востоке Украины. Во-первых, нельзя не видеть того, что сепаратизм становится действенным инструментом дестабилизации Украины как суверенного государства. Какие окончательные цели преследует ныне Кремль — еще вопрос для выяснения. Но уже нет никакого сомнения в том, что политический аспект влияния РФ на украинские события заключается в побуждении «политического хаоса» в нашей стране с перспективами достижения федерализации и недопущения (в крайнем случае — понижения степени) легитимации политических выборов общенационального масштаба. Об этом свидетельствует и отношение Кремля к досрочным президентским выборам в Украине, и досрочным выборам в Верховную Раду Украины 2014 года.

При этом наращивание количества своих теневых вооруженных сил на территории Украины мотивируется безосновательными заявлениями об якобы ущемлении прав русскоязычного населения. Иррационализм и пародийность ситуации усиливается тем, что обвинения выдвигает государство, где отсутствует хотя бы одна полноценная украинская школа для этнических украинцев России. И наоборот — адресуются обвинения государству Украина, где 17% школьников (что соответствует удельному весу этнических русских в Украине) получают среднее образование на русском языке. Но для Путина образцом языковой политики в образовании остался СССР, когда удельный вес обучающихся на украинском языке составлял всего-то 47% населения Украины (в 2012/2013 гг. этот показатель достиг 82%). А примером советских методов национальной политики в области образования может послужить закрытие последней украинской школы в Донецкой области в 1989 году.

Что же касается искусственно созданного российской пропагандой мифа о языковой дискриминации в независимой Украине, то в социологических опросах языковой вопрос занимал внимание не более 3–4% граждан Украины, давно пребывая в тени современной концепции развития гражданского общества — «два языка — одна нация», при необходимой перспективе активного изучения третьего — английского языка. Проблема не в том, что кто-то запрещает русский язык, а в том, что кое-кому хотелось иметь законодательно закрепленное право жить в Украине, однако при этом украинского языка не знать, не изучать, а пользоваться исключительно русским. А потому трудно не согласиться с мнением известного украинского обозревателя Игоря Лосева на счет всевозможных предложений по нормализации положения и защите русского языка в Донбассе. В частности, он считает, что происшедшее на Донбассе и в Крыму — «результат не чрезмерной украинизации, а практического отсутствия таковой. Если у местного населения не будет воспитано уважение и симпатия к украинскому языку, истории и культуре, государственным символам — эти регионы рано или поздно отойдут от Украины, причем не так, как Крым, а вполне демократично. Нельзя идти на поводу у имперских русификаторов. Не следует серьезно воспринимать их стенания, что якобы отмена позорного антиукраинского закона Кивалова-Колесниченко спровоцировала российскую агрессию в Крыму и на юго-востоке. А если мы будем жить так, чтобы не давать повода враждебной Москве, то нам придется ликвидировать наше государство, забыть украинский язык и стать частью российского народа. Уж лучше дать повод!» [121].

В этом ключе «миротворчества» и руководство РФ, пытаясь создать «виртуальные» проблемы языковых притеснений в восточных регионах Украины, в упор не хочет замечать собственных притеснений украинского и крымскотатарского населения на оккупированных территориях, в том числе и в Крыму. В частности остаются незамеченными многочисленные заявления представителей Меджлиса и открытые демонстрации крымских татар по ограничению их прав и игнорирование их гражданской позиции. Вот эти и другие факты указывают на то, что вторжение РФ в Украину является прямым вызовом ЕС и мировому сообществу в целом, который к тому же несет в себе угрозу усугубления существующих в мире очагов сепаратизма, час от часу прибегающих к методам терроризма.

А ведь чуть ли не два десятка лет перед этим всемирно известный чешский исследователь Мирослав Грох предупреждал

о возможности повторения Россией спекуляций по языковому вопросу по модели нацистской Германии. Речь идет о фобиях немцев, когда с возникновением новых независимых государств в 1918–1919 годах, многие немцы вдруг обнаружили, что «их статус свелся до уровня официального меньшинства. Но, как правило, они и после этого не желали смириться с преобладанием языка малых — но теперь господствующих — наций, под управлением которых им приходилось жить: чехов, румын, поляков и других. Это была взрывоопасная ситуация, последствия которой с приходом Третьего рейха в Германии стали зловещими. Сегодня происходит такой же процесс понижения национального статуса, как, в частности, статуса русских, которые в отдаленных республиках становятся меньшинством в независимых государствах, формирующихся благодаря национальным движениям. Подобные исторические параллели между положением Volksdeutsche и положением, так сказать, «Volksrussen» поразительны и внушают тревогу» [122].

Эти тенденции лишний раз свидетельствуют о том, что в контексте урегулирования кризиса в Украине возникает крайняя необходимость в мониторинге компетентными международными организациями ситуации в юго-восточных областях Украины. Международное сообщество должно не с подачи российской пропаганды, а самостоятельно удостовериться в фиктивности заявлений относительно языковых притеснений и убедиться, что все обвинения являются лишь этапом и одной из форм реализации теневой сепаратистской войны, инициированной Российской Федерацией.

Есть ли на Западе понимание нависшей над человечеством российской угрозы? На наш взгляд, если такое понимание и есть, то отнюдь не единодушное. Так, например, по мнению Збигнева Бжезинского, эту угрозу необходимо решать на трех уровнях. Во-первых, ***необходимо предотвратить дальнейшее применение силы***. Во-вторых, считает он, «***мы должны добиться прекращения сознательных попыток России дестабилизировать ситуацию в восточных областях Украины***. Очень трудно сказать, насколько амбициозными являются эти цели, но неслучайно в той части Украины, где доминируют русские, применение силы оказалось таким изощренным. Участники вооруженных конфликтов оказались хорошо вооруженными, у них было эффективное зенитное оружие и даже танки. Даже самые глубоко разочарованные граждане Украины, питающие неприязнь к ее правительству и не испытывающие привязанности к этой стране, не станут хранить такое оружие в подвалах и на чердаках своих домов. Это оружие им предоставили, чтобы они сформировали отряды, спо-

собные противостоять мощным военным формированием. ***Это является формой межгосударственной агрессии. По-другому это назвать нельзя»***. А уже третья задача заключается в том, «чтобы ***настоять, а затем обсудить с россиянами формулу окончательного компромисса,*** который предполагает запрет на открытое и масштабное применение силы и на попытки дестабилизировать ситуацию. В свою очередь, это означает следующее... ***Если Украина не будет сопротивляться***, если беспорядок внутри страны сохраниться и правительству не удастся организовать эффективную систему национальной защиты, ***тогда украинскую проблему нужно будет решать в одностороннем порядке***, **однако** это может повлечь за собой последствия, которые, вероятно, окажут дестабилизирующее воздействие на уязвимые государства и на отношения между Востоком и Западом в целом» [123].

Как нам представляется, вот это сакраментальное «однако», которое может повлечь за собой дестабилизирующее воздействие на отношения между Востоком и Западом, и содержит в себе весь драматизм создавшейся ситуации в мире, а по отношению к Украине — и весь трагизм ситуации. Обзор информационного ряда в западных СМИ свидетельствует, что передовицы ведущих газет полны описаний трагедий и актов насилия на территории Украины, а также размышлениями об отношениях между Россией и Западом. Примечательно, что никто вроде и не спорит, что и США, и их европейские союзники и партнеры все-таки должны отреагировать и на аннексию Крыма Россией, и на дестабилизацию восточной Украины, и на уничтожение гражданского авиалайнера — тем более, что все эти действия несут угрозу мировому порядку. ***Но здесь вопрос упирается в довольно неопределенную и размытую позицию Запада, как это было характерно и по отношению к гитлеровской Германии накануне Второй мировой войны.***

Вот здесь хотелось бы более детально отнестись к статье «Как избежать холодной войны» в журнале Current History за октябрь 2014 года, где оба его автора — Самуэль Чарапи и Джереми Шапиро — совсем еще недавно служили в аппарате внешнеполитического планирования Государственного департамента США во время первого президентского срока Барака Обамы. Это позволяет надеяться на счет их достаточно высокого уровня компетентности, во всяком случае, их знании о настроениях, царящих в аналитических центрах и политических кругах США. Так вот эти авторы, рассматривая ситуацию необходимости ответа Запада на вызовы России, отмечают: «необходимость ответа не означает, что любой ответ хорош. ***До сих пор Запад больше нацелен***

на наказание России и ее лидеров за моральные преступления, чем на решение проблем в отношениях, которые завели стороны в тупик. В основе же серьезной реакции должна лежать более широкая стратегия, которая учитывала бы, что ставки чрезвычайно высоки для региональной стабильности, мирового порядка и для осознания того, как все это вообще могло случиться» [124].

Не становясь в полной мере на точку зрения этих авторов, и не принимая за чистую монету доводы их оппонентов, попытаемся использовать приведенные материалы лишь для иллюстрации неопределенности Запада относительно российской агрессии против Украины. Впрочем, об отсутствии стратегического видения современных мировых трендов американской администрации всегда говорил Збигнев Бжезинский. А нынешний дискурс, вызванный украинским кризисом, лишь подтверждает это.

Итак, с одной стороны, пытаясь понять, что же пошло не так, одна часть американских аналитиков пытается все свести к личности президента Путина, что тянет за собой, конечно же, преувеличение роли личности в истории. Но эта позиция имеет и свои кажущиеся плюсы: это сразу же упрощает ситуацию, указывает, в каком направлении следует реагировать. Если все дело в личности, то от нее следует как-то избавиться: например, повысив уровень санкций, подорвать его авторитет и создать тем самым предпосылки для дворцового переворота. Однако, здесь приходят на ум некомфортные аналогии: политика в отношении Саддама Хусейна в Ираке, Муаммара Каддафи в Ливии, или же в отношении Башира Асада в Сирии не привела, в конечном итоге, к ожидаемым результатам. Прикладывая эти примеры к ситуации вокруг России, американские авторы высказывают предположение, что если бы Путин «завтра исчез, ни одна из фундаментальных проблем не было бы решена. На самом деле, эти проблемы могут только обостриться, поскольку преемники Путина, возможно, станут еще больше симпатизировать русскому национализму и антизападничеству, господствующему в русской культуре».

То есть, со своей стороны скажем и мы, логика Чарапа и Шапиро состоит в том, что мы имеем дело со случаем, когда хвост крутит собакой: ***силы русского национализма настолько сильны, а антизападничество настолько господствует в русской культуре, что любой президент России вынужден учитывать этот момент.*** И не факт, что кто-то другой вместо Путина сумеет эффективно контролировать русский национализм. Поэтому, считают американские авторы, украинский кризис на сегодняшний день и не стоит рассматривать как первоначальную сущность

проблемы, а лишь как знак текущего момента. Этот знак требует неотложного решения более широкой стратегии в отношениях России и Запада, поскольку «украинский кризис породил споры по поводу целесообразности расширения НАТО и ЕС после 1991 г. и о будущем этого процесса».

Какая-то часть американских аналитиков полагает, что все дело в непрерывной экспансии НАТО, а потому и посягательство Запада на традиционную сферу влияния России привело, в конечном итоге, к российским действиям в Украине. Тогда выход из положения один: Запад должен гарантировать Москве, что расширение НАТО прекратится. Однако другая часть аналитиков считает, что членство в НАТО является весомым фактором закрепления демократических завоеваний в посткоммунистической Европе, а потому было бы правильно предоставить членство в НАТО не только Украине и Грузии, но и другим соседним с Россией государствам, заинтересованным в присоединении к западному соседу.

При всем различии, объединяющим эти две точки зрения является то, что Россия по своей сущности враждебна Западу и его ценностям, а потому никогда не согласится на настоящее партнерство. Исходя из этих взглядов, следовательно, возможны два варианта: 1) или же агрессивного сдерживания России, или же 2) вариант конфронтации с ней в свете нынешнего кризиса в Украине. Однако, в противоположность высказанным взглядам, американские аналитики выдвигают и третью — альтернативную постановку проблемы: а если все-таки признать ***возможность «совместимости дальнейшего расширения западных институтов с сотрудничеством между Россией и Западом, нужно искать компромисс***. Необходим баланс между санкциями против России за нарушение ею норм международного права и готовностью к улучшению отношений с ней в будущем» [125].

После распада СССР головную боль международных отношений по линии Запад — Восток составляло то, что элиты Центральной и Восточной Европы очень желали стать частью НАТО и Европейского Союза, и они не пытались выторговать для себя какие-то особые условия: «Официальные лица НАТО и ЕС получили полную свободу устанавливать свои порядки в министерствах бывших стран — членов Варшавского договора, культивируя правила Брюсселя и создавая новые структуры по этому шаблону. Новичкам пришлось принимать существующие правила, чтобы присоединиться к клубу».

Иное дело Россия — даже если бы эта страна стала рыночной демократией, во что очень трудно поверить, даже если бы она

очень стремилась к членству в НАТО или ЕС, чего не было и что даже трудно предположить. Вот в этом случае, считают Чарап и Шапиро, «НАТО и ЕС не смогли бы справиться с грандиозной задачей превращения такой большой страны с множеством социально-экономических проблем и вызовов безопасности, если бы сами не пошли на радикальные перемены». Но блок НАТО, в свою очередь, тоже не был готов ни к каким радикальным переменам. То есть, ситуация складывалась тупиковая. Паллиативный выход был найден в формуле: «Партнерство России без членства в НАТО». Но оставался и повод для беспокойства: беспрекословное принятие правил игры НАТО и ЕС одними посткоммунистическими странами, за исключением самой России, — все это создавало впечатление, что бывшие союзники по Варшавскому договору стали выполнять отведенную им роль по сдерживанию российского влияния, опираясь на новые более современные средства.

В итоге начала раскручиваться спираль «действия-противодействия». В апреле 2008 г. на саммите НАТО в Бухаресте была принята итоговая декларация, в которой Альянс четко заявил о том, что Украина и Грузия «станут» членами Альянса. Тут же последовал российский ответ — в августе 2008 г. Россия вторглась в Грузию и признала два отколовшихся от нее региона независимыми государствами. Чуть позже в этом же году ЕС приняла программу «Восточного партнерства» — предложение глубокой экономической и политической интеграции Молдовы, Украины, Беларуси, Грузии, Армении и Азербайджану, но не России. Тем временем, Москва активизировала продвижение собственных проектов региональной интеграции в оборонной и экономической области в виде Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийского экономического союза. В итоге, с точки зрения международных событий, кризис в Украине начался в контексте вот этой борьбы за влияние в тех странах, которые Европа и Россия привыкли называть своими «общими соседями». Срыв подписания соглашения Украины с ЕС, Евромайдан и дальнейшее бегство Януковича с Украины, резко поменяло диспозицию.

В итоге гамбит России по отношению к Украине, включая аннексию Крыма, привел к тому, что ***парадигма партнерства России и Запада без членства в западных организациях, была выброшена на свалку истории***. В ответ на действия Москвы Запад формирует тройную стратегию по отношению к Украине: 1) углубить интеграцию с новым украинским правительством и другими уязвимыми соседями России; 2) наложить санкции на Россию и изолировать ее; 3) укрепить защиту членов НАТО в Централь-

ной и Восточной Европе. Более того, Запад удвоил усилия по расширению сферы влияния дальше на восток — Украина, Грузия и Молдова уже подписали договоры об ассоциации. В ответ Россия, вероятно, усилит свое сопротивление, и тем самым цикл действия и противодействия продолжится.

И что же нас может ожидать на этом пути? Американские аналитики считают, что «В этих обстоятельствах предложение новых гарантий безопасности НАТО или членства в Евросоюзе все более уязвимым государствам, имеющим общую границу с Россией, повышает риски прямого вооруженного конфликта. ***И Запад практически не сможет подтвердить делом гарантии безопасности, которые он предоставляет этим странам. Москва дала ясно понять, что считает своим жизненно важным интересом нераспространение евроатлантических организаций на территорию сопредельных с ней государств, тогда как Европа и США не считают безопасность соседей России своим фундаментальным интересом»*** [126].

Если это не так, то в будущем мы будем иметь возможность удостовериться, как на сегодняшний день настроено общественное мнение США к старому вопросу времен холодной войны: пожертвуют ли Соединенные Штаты Нью-Йорком чтобы защитить Берлин? Американские аналитики считают, что сегодня практически никто не верит в то, что американцы сделают это ради Киева. Да и стоит ли идти на такой риск во имя торжества принципа о том, что каждая страна имеет право делать собственный выбор во внешней политике? В 1953 году в Берлине, 1956 году в Будапеште, и в 1968 году в Праге американцы не пошли на такой риск. Не прибегли к более решительным шагам США и после аннексии Крыма. ***А Россия, тем временем, пишут Чарап и Шапиро, «доказала готовность к решительным действиям и продемонстрировала, что это больше не риторический вопрос»*** [127].

Конечно, никто не будет считать мнение ныне отставных аналитиков Госдепа США за истину в последней инстанции. Но они отражают мнение значительной части американского общества, если не большей. Более того, по сообщениям украинских СМИ, из многих столиц мира поступают тревожные сигналы на тот счет, что с Путиным «следует разговаривать, и договариваться» [128]. И столь обширную аргументацию американских аналитиков мы привели здесь лишь для того, чтобы показать, насколько трудно приходится Президенту Украины, внешнеполитическому ведомству нашей страны отставать свои позиции, не допуская компромиссов за счет коренных интересов Украины. Но, как бы там

ни было, приходится учитывать и то, что новые договоренности по урегулированию ситуации в Украине должны быть приемлемые как для Запада, так и для России. От этого никуда не уйти. ***И здесь радикально настроенным украинцам следует учитывать, что альтернативой такой позиции будет лишь дальнейшая конфронтация с Россией, которой Запад не желает, а также во имя отстаивания принципов, которые Запад в конечном итоге, не готов защищать.*** Не заглядывая в отдаленное будущее, которое может предстать перед нами в ином свете, на сегодняшний день ситуация выглядит вот так, не благосклонно к интересам Украины. И мы, вопреки всему, должны выстоять.

Помощью в этом нам, несомненно, становится и всемерная поддержка со стороны стран Европейского Союза, Соединенных Штатов, Австралии и Канады... Тот же Бжезинский, как всегда трезво и прагматично оценивающий ситуацию, считает, что Запад должен помочь Украине, в том числе и оборонительным оружием. Речь не идет о том, чтобы вооружать украинцев для нападения на Россию. Да и невозможно напасть на страну, такую как Россия, имея только оборонительное оружие. Но это оружие должно быть. И действовать оно должно как фактор, помогающий избежать кому-то искушения попробовать решить украинский кризис вооруженным путем. И в то же время следует продолжать поиски возможных вариантов компромиссного решения: сдерживание следует сопровождать попытками наладить действенный диалог для достижения компромиссного решения. Но вот вопрос — и ***какова же может быть формула возможного компромисса?***

Вот на этот счет ни у кого не вызывает сомнения, что Украина должна продолжать движение, публично поддерживаемое подавляющим большинством украинцев, по направлению к членству в Евросоюзе. Но это длительный процесс — тут понадобится и время, и терпение. Но это и выбивает козыри в России, ибо представляемая ими опасность со стороны ЕС становится весьма отдаленной, а негативные последствия в сфере внешнеэкономических отношений и вовсе не являются какими-то разрушительными. Все это, как говориться, блажь и желание половить рыбку в мутной воде. А что действительно представляется вынужденно необходимым, так это необходимость убедить Россию в том, что Украина не станет членом НАТО. Во всяком случае — на обозримую перспективу. А что будет дальше — покажет время. Но также необходим четкий мессидж от Украины к России о том, что Украина никогда не станет членом Евразийского Союза. Приблизительно так, как уже озвучено на уровне гражданского общества словами Анаста-

сии Дмитрук в популярном ныне шлягере: «Никогда мы не будем братьями/ Ни по Родине, ни по матери. / Духа нет у вас — быть свободными, / Нам не стать даже сводными». Другие дело — отдельные торговые соглашения между Украиной и Россией, которые являются взаимовыгодными и не нуждаются в повышении расходов на отстаивание своего авторитета за счет независимости другой страны.

Однако есть вопросы, которые не подлежат компромиссному решению — это та красная черта, через которую не дано заходить никому. Речь идет о территориальной целостности страны, в частности вопросе о Крыме. Здесь примером может послужить «тайванский вопрос» во внешней политике Китая. В силу сложившихся обстоятельств, могли же китайцы прийти к мысли, что этот вопрос будет решаться «не в этом столетии», но никто не отказался от этой исконно китайской территории. Есть еще ряд вопросов, которые будут давать о себе знать в течение весьма длительного времени. Среди них — отношение украинцев к России. Враждебное отношение значительной части украинцев к России — это новое явление, вызванное, прежде всего, агрессивными действиями России. И ответственность за это лежит, прежде всего, на творцах новой путинской мифологии, касающейся места и роли России в современном мире.

При всей убогости политики исторического беспамятства, хочется, все-таки, напомнить идеологам путинизма классические слова из песни Окуджавы — «Каину дай раскаяние». Может быть, и случится чудо?

Литература

1. Збигнев Бжезинский. Стенограмма выступления: В борьбе с российским шовинизмом. — Доступно: http://rusnod.ru/news/theme4870.html

2. Игорь Зевелев. Границы русского мира. Трансформация национальной идентичности и новейшая внешнеполитическая доктрина России. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/granitcy-russkogo-mira-16582

3. Там же.

4. Збигнев Бжезинский. Стенограмма выступления: В борьбе с российским шовинизмом. — Доступно: http://rusnod.ru/news/theme4870.html

5. Шахназаров Г.Х. и др. Самоопределение России. Аналитический доклад по проекту «Россия в формирующейся глобальной системе». — Доступно: http://www.uct.kiev.ua/~sofi/pf2/shakhn.html

6. Меркель усомнилась в адекватности Путина. — LB.ua. — Доступно: http://lb.ua/news/2014/03/03/257911_merkel_usomnilas_adekvatnosti.html?print

7. Бжезинский З. Характер игры меняется. Запад принимает твердую позицию по России. — Доступно: http://obozrevatel.com/politics/31597-bzhezinskij-harakter-igryi-menyaetsya-zapad-sejchas-prinimaet-tverduyu-pozitsiyu-po-rf.htm

8. СМИ сообщили о сомнениях Меркель в здравомыслии Путина. — Доступно: http://www.forbes.ru/print/node/251591

9. FT: Маневры Меркель обеспечили ужесточение санкций против Путина. — Доступно: http://nvua.net/print/world/FT-manevry-merkel-obespechili-uzhestochenie-sankciy-protiv-Putina-5770.html

10. Збигнев Бжезинский. Стенограмма выступления: В борьбе с российским шовинизмом. — Доступно: http://rusnod.ru/news/theme4870.html

11. См. Тойнби А. Постижение истории. — СПб-М., 1991. — 607 с.

12. Шевцова Л. Россия: логика упадка / Новая газета. — № 101–102. — 12–14 сентября. — 2011. — Доступно: http://www.novayagazeta.ru/data/2011/101/19.html?print=20111409180

13. Там же.

14. Там же.

15. Шахназаров Г.Х и др. Самоопределение России. Аналитический доклад по проекту «Россия в формирующейся глобальной системе». — Доступно: http://www.uct.kiev.ua/~sofi/pf2/shakhn.html)

16. Там же.

17. Там же.

18. Гудков Л. Природа «путинизма». / Левада-Центр > АРХИВ > ПРЕСС-ВЫПУСКИ. — Доступно: http://www.levada.ru/press/2009121600.html.

19. Макаренко В. Уроки Ханы Арендт: внеконтекстуальные проблемы системы организационной лжи (статья 1). // Политическая концептология. — № 1, 2015. — С. 8.

20. Гудков Л. Природа «путинизма». / Левада-Центр > АРХИВ > ПРЕСС-ВЫПУСКИ. — Доступно: http://www.levada.ru/press/2009121600.html.

21. Отпущенный из психлечебницы Панин обругал Земфиру за акцию с украинским флагом. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Ch1%20itemprop%3D%22name%22%20style%3D%22margin%3A%205px%200px%200px%3B%20color%3A%20grb(0%2...

22. Гудков Л. Природа «путинизма». / Левада-Центр > АРХИВ > ПРЕСС-ВЫПУСКИ. — Доступно: http://www.levada.ru/press/2009121600.html

23. Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. / Л.Д. Гудков. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССАЭН), 2011. — 630 с.

24. Гудков Л. Природа «путинизма». / Левада-Центр > АРХИВ > ПРЕСС-ВЫПУСКИ. — Доступно: http://www.levada.ru/press/2009121600.html

25. Там же.

26. Там же.

27. Галумов Э. А. Имидж против имиджа. — М., Известия. 2005. — С. 69–83; Моисеева В. Негативный имидж России препятствует ее развитию // Независимая газета. — 2003. — 11 апреля.

28. Быков И. А. Проблема влияния на экспертное сообщество и журналистов через специальные мероприятия (На примере международного дискуссионного клуба «Валдай». — Доступно: bykov.socionet.ru/public/Bykov_Valdai.html.

29. Юбилейный Валдай. — Доступно: Nikolas-Lambert.livejournal.com/373945.html

30. Николай Злобин: «С царем во главе, без царя в голове». Информационно-аналитический портал ПРОФИЛЬ. — Доступно: www.profile.ru/article/nikolai-zlobin-»s-tsarem-vo-glave-bez-tsarya-v-golove»-77377

31. Там же.

32. Сегодня Владимир Путин принял участие в работе международного дискуссионного клуба «Валдай». — Доступно: www.gazeta.ru/business/2013/19/5660621.shtml.

33. Николай Злобин: «С царем во главе, без царя в голове». Информационно-аналитический портал ПРОФИЛЬ. — Доступно: www.profile.ru/article/nikolai-zlobin-»s-tsarem-vo-glave-bez-tsarya-v-golove»-77377

34. Радио ЭХО Москвы:: Особое мнение, 20.09.2013 19:08 Николай Злобин. — Доступно: www.echo.msk.ru/programs/personalno/1160024-echo/

35. Там же.

36. Там же.

37. Национальная идентичность на Валдае / Вестник Кавказа. — Доступно: www.vestikavkaza.ru/articles/Nationalnaya-identichnost-na-Valdae.html

38. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» — Российская газета. — Доступно: www.rg.ru/printable/2013/09/19/stenogramma-site.html.

39. Там же.

40. Ренан Э. Что такое нация? — Доступно: www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php

41. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» — Российская газета. — Доступно: www.rg.ru/printable/2013/09/19/stenogramma-site.html

42. Там же.

43. Там же.

44. Там же.

45. Козелек Р. Часові пласти. Дослідження з теорії історії. Переклад з німецької — К,. «ДУХ І ЛІТЕРА», 2006, — с. 52.

46. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» — Российская газета. — Доступно: www.rg.ru/printable/2013/09/19/stenogramma-site.html

47. Ренан Э. Что такое нация? — Доступно: www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php

48. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» — Российская газета. — Доступно: www.rg.ru/printable/2013/09/19/stenogramma-site.html

49. Песков рассказал о зашкаливающем рейтинге Путина. — Доступно: http://lenta.ru/news/2914/03/07/rating/

50. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» — Российская газета. — Доступно: www.rg.ru/printable/2013/09/19/stenogramma-site.html

51. Особенности российской интеграционной политики. — Доступно: http://snosmi.ru/social/20110626/171253118-print.html

52. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» — Российская газета. — Доступно: www.rg.ru/printable/2013/09/19/stenogramma-site.html

53. Россияне высказались за присоединение к РФ республик бывшего СССР. — Доступно: http://ruslentanews.com/news/mir/45971-rossijane-wyskazalis-za-prisoedinenie-k-rf-respublik-byvshego-sssr.html

54. За призывы вернуть Крым Украине в России будут бросать в тюрьму на пять лет: Новости УНИАН. — Доступно: http://www.unian.net/politics/900135-za-prizyivyi-vernut-kryim-ukraine-v-rossii-budut-brosat-v-tyurmu-na-pyat-let.html

55. Лилия Шевцова ej.ru).(День № 171, вторник 24 сентября 2013, С. 4.

56. Валдай после Мюнхена: Владимир Путин призвал к обретению и укреплению национальной идентичности. — Доступно: oko-planet.su/politikrus/print: page,1,211001-valday-posle-myunhena-vladimir-putin-prizval-k-obreteniyu-i-ukrepleniyu-nacionalnoy-identichnosti.html

57. Коэн Ариэль. Новый поворот: какую национальную идею Путин предложил России на Валдае. — Доступно: www.forbes.ru/print/node/245090

58. Национальная идентичность на Валдае / Вестник Кавказа. — Доступно: www.vestikavkaza.ru/articles/Nationalnaya-identichnost-na-Valdae.html

59. Горбачев М. Необходимо вернуться к новому мышлению. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Neobkhodimo-vernutsya-k-novomu-myshleniyu-16945

60. Горбачев М. «Я против любых стен». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Ya-protiv-lyubykh-sten-17051

61. Там же.

62. Там же.

63. Примаков Е. Украина: тяжелое сегодня и сложное завтра. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Ukraine-tyazheloe-segodnya-i-slozhnoe-zavtra-16954

64. Караганов С. Причина этого конфликта — заблуждение Запада, поэтому русские не сдадутся. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/

print/pubcol/Prichina-etogo-konflikta — zabluzhdeniya-Zapada-poetomu-russkie-ne-sdadutsya-16975

65. Арбатов А. Украина и реальная политика. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/ukraina-i-realnaya-politika-16754

66. Исследование МИД Германии: При Путине РФ стала авторитарным государством. — Доступно: http://www.unian.net/world/987513-issledovanie-mid-germanii-pri-putine-rf-stala-avtoritarnyim-gosudarstvom.html

67. Российский дипломат заявил, что при Путине война с Украиной не закончится. — Доступно: http://obozrevatel.com/politics/76592-rossijskij-diplomat-zayavil-chto-pri-putine-vojna-s-ukrainoj-ne-zakonchitsya.htm

68. Если Путин не совершит ошибок, его режим может продержаться еще 20 лет — Ходорковский. — Доступно: http://www.unian.net/world/987536-esli-putin-ne-sovershit-oshibok-ego-rejim-mojet-proderjatsya-esche-20-let-hodorkovskiy.html

69. Арбатов А. Украина и реальная политика. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/ukraina-i-realnaya-politika-16754

70. Иванов С. Мир без стен. — Доступно: http://globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Mir-bez-sten-16983

71. Арбатов А. Украина и реальная политика. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/ukraina-i-realnaya-politika-16754

72. Там же.

73. Там же.

74. Там же.

75. фон Шуберт Е. Вольфганг Ишингер: мы не полностью оценили значение Мюнхенской речи Путина... — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/diplomacy/Volfgang-Ishinger-my-ne-polnostyu-otcenili-znachenie-Myunkhenskoi-rechi-Putina-16942

76. Путин: «Украина — это даже не государство!» — Доступно: http://censor.net.ua/resonance/294/putin_eto_daje_ne_gosudarstvoquot_

77. Арбатов А. Украина и реальная политика — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/ukraina-i-realnaya-politika-16754

78. Болотное дело глазами россиян и москвичей. — Доступно: http://www.levada.ru/print/07-06-2013/bolotnoe-delo-glazami-rossiyan-i-moskvichei

79. Гриценко Е. Игорь Померанцев: Россия кажется больной страной. — Доступно: http://life.pravda.com.ua/person/2014/09/16/180410/view_print

80. Джон Миршаймер: «Почему в украинском кризисе виноват Запад». — Доступно: http://ruposters.ru/archives/9027.

81. Там же.

82. Николс Т. Лидер России — не реалист и не националист. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Lider-Rossii — ne-realist-i-ne-nationalist-16962

83. Там же.
84. Там же.
85. Там же.
86. Там же.
87. Гудков Л. Имморализм постсоветского общества: его истоки, представления и последствия. — Доступно: http://www.cjgita.ru/a.n. — alekseev/kontekst/immoralizm-postsovetskogo-obschtstva-ego-istoki-proyavleniya-i-posledstviya
88. фон Шуберт Егор. Эдвард Люттвак: «У русских есть стратегический талант». Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Edvard-Lyuttvak-U-russkikh-est-strategicheskii-talant-16805
89. Тагаева Л. Лев Гудков: «Если за все отвечает один человек в стране, через какое-то время иллюзии в отношении его способностей превращаются в раздражение». — Доступно: http://slon.ru/russia/lev_gudkov_esli_za_vse_otvechaet_odin_chelovek_v_strane_cherez_kakoe_to_vremya_illuzii_v_otnoshenii_1107112.xhtml
90. Гудков Л. Имморализм постсоветского общества: его истоки, представления и последствия. — Доступно: http://www.cjgita.ru/a.n. — alekseev/kontekst/immoralizm-postsovetskogo-obschtstva-ego-istoki-proyavleniya-i-posledstviya
91. Тагаева Л. Лев Гудков: «Если за все отвечает один человек в стране, через какое-то время иллюзии в отношении его способностей превращаются в раздражение». — Доступно: http://slon.ru/russia/lev_gudkov_esli_za_vse_otvechaet_odin_chelovek_v_strane_cherez_kakoe_to_vremya_illuzii_v_otnoshenii_1107112.xhtml).
92. Марченко Н., Франчук М. Русский пир «нерукопожатных» / «День», 2014. — № 130–131. — 18–19 июля. — С. 20–21.
93. Там же.
94. Тагаева Л. Лев Гудков: «Если за все отвечает один человек в стране, через какое-то время иллюзии в отношении его способностей превращаются в раздражение». — Доступно: http://slon.ru/russia/lev_gudkov_esli_za_vse_otvechaet_odin_chelovek_v_strane_cherez_kakoe_to_vremya_illuzii_v_otnoshenii_1107112.xhtml
95. Левада-Центр. Присоединение Крыма к России. — Доступно: http://www.levada.ru/print/02–09–2014/prisoedinenie-kryma-k-rossii
96. Там же.
97. Киссинджер Г. Как сконструировать Новый мировой порядок. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Kak-skonstruirovat-Novyi-mirovoi-poryadok-16911
98. Обама: Россия — вторая угроза после вируса Эбола. — Доступно: http://grani.ru? Politics? Russia/m.233343.html
99. Киссинджер Г. Как сконструировать Новый мировой порядок. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Kak-skonstruirovat-Novyi-mirovoi-poryadok-16911
100. Гат А. Возвращение авторитарных великих держав. — Доступно: http://inosmi.ru/world/20070712/235498-print.html

101. Мид У. — Р. Возвращение геополитики. — Доступно: http://inosmi.ru/foreignaffairs_org/20140501/219969078-print.html

102. Там же.

103. Злобин Н. О моделях / Российская газета. — Доступно: http://www.rg.ru/printable/2013/08/21/modeli.html

104. Лукьянов Ф. Консерватизм сближает. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Konservatizm-sblizhaet-17019

105. Тейлер Дж. Готов ли российский президент начать третью мировую войну? — Доступно: http://inosmi.ru?russia/20140905/222815358-print.html.

106. Игорь Зевелев. Границы русского мира. Трансформация национальной идентичности и новейшая внешнеполитическая доктрина России. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/granitcy-russkogo-mira-16582.

107. Там же.

108. Там же.

109. Там же.

110. Громыко А. Цивилизация и Россия. Споры продолжаются. — Доступно: http://sr.fondedin.ru/new/admin/print.php?id=1247833506&archive=1247834106

111. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на 48-й Мюнхенской конференции по безопасности, Мюнхен, 4 февраля 2012 г. — Доступно: http://www.mid.ru/bdomp/ns-dos.nsf/44a7dafc231dc11ac32576d600

112. Песков рассказал о зашкаливающем рейтинге Путина. — Доступно: http://lenta.ru/news/2014/03/07/rating/

113. Обращение Президента Российской Федерации 18 марта 2014 года. — Доступно: http://news.kremlin.ru/news/20603/print

114. Игорь Зевелев. Границы русского мира. Трансформация национальной идентичности и новейшая внешнеполитическая доктрина России. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/granitcy-russkogo-mira-16582

115. Збигнев Бжезинский. Стенограмма выступления: В борьбе с российским шовинизмом. — Доступно: http://rusnod.ru/news/theme4870.html

116. Путин о ситуации в Украине. Выступление на совещании послов 1 июля 2014 года. — Доступно: http://www.solonin.org/doc-putin-o-situatsii-v-ukraine

117. Совет по внешней и оборонной политике представляет «Стратегию XXI». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/event/Sovet-po-vneshnei-i-oboronnoi-politike-predstavlyaet-Strategiyu-XXI-16427

118. Гудков Л. Резервация «совка» — это индустриальная Россия и Восточная Украина. — Доступно: http://glavcom.ua/articles/7509.html

119. Там же.

120. Глава МИД России обвинил Киев в охоте на жителей Донбасса. — Доступно: data: text/html: charset=utf-8,%3Ch2%20

style%3D%22margin%3A%200px%3B%20padding%3A%200px%3B%20border%3A%200px%3B%20outline%3A%...

121. Лосев И. Лицемеры «миротворчества» // «День». — 2014. — № 130–131. — 18–19 июля. — С. 21.

122. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Б.Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. — М., Праксис, 2002. — С. 138–139.

123. Бжезинский З. Стенограмма выступления: В борьбе с российским шовинизмом. — Доступно: http://rusnod.ru/news/theme4870.html

124. Чарп С., Шапиро ДЖ. Как избежать новой холодной войны. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crusis/Kak-izbezhat-novoi-kholodnoi-voiny-17041

125. Там же.

126. Там же.

127. Там же.

128. Сирук Н. «Беги, Гиллари, беги...» // День, 3192, 15 октября 2014 г.

Раздел III.
БЕСПУТНЫЕ НЯНЬКИ «РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ»

Нынешние трагические страницы украинской истории уже закономерно получили свое название «Отечественной войны 2014 года». Надеемся, противостояние со стороны Украины российской агрессии будет отмечено каким-то особым названием и в мировой истории. Во всяком случае, уже сегодня известный в научных кругах России аналитик Дмитрий Суслов (Высшая школа экономики), без тени сомнения пишет: «***Исход украинской коллизии, скорее всего, определит правила отношений великих держав на годы и десятилетия***». Его аргументация на этот счет привлекает к себе внимание: «***Российско-американская конфронтация, спровоцированная украинским кризисом***, чаще всего рассматривается как явление сугубо региональное. Однако ее корни гораздо глубже проблем Украины, ее природа — значительно сложнее геополитической схватки за эту страну, а последствия сказываются на связях США с другими центрами силы и на глобальном управлении в целом» [1].

А вот, по мнению Селест Уолландер — Главного советника президента США Барака Обамы по России в аппарате Белого дома — истоки украинского кризиса заметно смещены в другую плоскость. Так, считает она, «***нынешняя внешняя политика России, ее действия, особенно на Украине, на наш взгляд, создают угрозу*** для тех необходимых условий в сфере безопасности, которые сделали Европу регионом, где страны и народы мира могут жить в спокойствии и процветании, способствуя укреплению безопасности всего мира» [2].

Итак, аналитики с российской стороны считают конфронтацию «спровоцированной украинским кризисом», а с американской стороны — таковой, что проистекает из «нынешней внешней политики России». Если конкретизировать позицию российской стороны, то, по словам президента РФ Владимира Путина «мы осудили государственный переворот, силовой захват власти в Киеве в феврале этого [2014] года». Да к тому же ситуацию, дескать,

усугубило то, что при заключении соглашения по Ассоциации Украины с ЕС, Россию «если говорить по-простому, по-народному, просто послали подальше» [3]. Для уточнения того, кто кого куда посылал, сошлемся на председателя правительства РФ Дмитрия Медведева: «всякий раз Евросоюз устами своих высокопоставленных представителей объявлял: Россия тут не причем, это двусторонний процесс, пусть Москва в сторонке подождет. Нас не хотели слышать» [4].

Стало быть, вследствие агрессии против Украины, Россия добилась своего — ее услышали. Да вот вряд ли это пошло на пользу делу. По свидетельству упомянутой выше Селест Уолландер, ***сложности в отношениях с Россией «обусловлены нашими представлениями о том, какой выбор делал и какие действия совершал президент Путин в ходе кризиса на Украине***. И не приходится удивляться, что в итоге мы имеем дискомфортные и сложные отношения. Потому что, на наш взгляд, ***его выбор был фундаментально несовместим с нормами и ответственностью такой крупной державы, как Россия***. И мы не можем с этим не считаться» [5].

Но коль скоро речь зашла о «фундаментальных нормах и ответственности» в международных отношениях, то для понимания этих норм представляется необходимым обратиться к аналитическим исследованиям современной политологии — американской, российской, украинской.

3.1. Кто и как крутит колеса истории?

Обратимся к хрестоматийным истинам касательно анализа международных отношений. В период после Второй мировой войны, когда противостояние двух мировых социально-экономических систем достигло состояния «холодной войны», научной мыслью было предложено значительное количество аналитических подходов и теоретических моделей. Среди них было зафиксированы: теория политического реализма Г. Моргентау, теория мира и войны Р. Арона, теория факторов К. Райта, теория международного эквилибриума (равновесия) Дж. Лиски, теория мировых систем И. Галтунга. Но самой известной и влиятельной, конечно же, стала школа политического реализма (realpolitik), возникшая в США во второй половине 40-х годов XX в. Она, безусловно, стала доминирующей за воздействием на внешнеполитические структуры ведущих стран мира. Среди ее сторонников та-

кие ведущие американские ученые и политики как Дж. Кеннан, Г. Киссинджер и З. Бжезинский. В Европе к позициям политических реалистов близки Х. Бул, Р. Арон, М. Уайт. В нынешней России среди ведущих сторонников realpolitik можно назвать академиков Е. Примакова и А. Арбатова.

Пытаясь подвести теоретическую базу под политику холодной войны, отцы-основатели realpolitik провозгласили важнейшим постулатом внешней политики роль силы и силового фактора как условия обеспечения баланса сил и гарантии национальной безопасности. Пытаясь научно обосновать силы, определяющие ход мировой политики (кто крутит колеса истории?) реалисты оценивали силу как главное, а зачастую и единственное средство защиты и реализации национальных интересов. Кроме того реалисты претендовали и претендуют на то, чтобы дать ключ к пониманию поведения и действий государств и государственных деятелей на международной арене, выявить саму логику международной политики.

Государства ими рассматривались в качестве реальных действующих лиц, которые, используя все находящиеся в их распоряжении материальные, финансовые и человеческие ресурсы, отстаивают свои интересы. В том случае, если международная система не располагает наднациональными властными структурами, наделенными прерогативами применять санкции для разрешения или предотвращения неизбежных противоречий и конфликтов между государствами, то такая система неизбежно станет полем анархического взаимодействия государств-актеров. Применению силы в международных отношениях приписывался объективный характер — это считалось универсальной и необходимой частью всякого политического порядка. А любую альтернативу realpolitik ее последователи оценивали всего лишь как утопизм примитивной стадии политической науки.

Вместе с тем, исследователи отмечают, что реалисты не пришли к единому мнению относительно содержания, вкладываемого в понятие «сила». При множестве определений силы и мощи, общим для школы realpolitik является все же придание стратегическим ресурсам ключевой роли в динамике мировой политики. К таким ресурсам они относят: военные средства, производственные мощности, сырьевые ресурсы, численность населения, геостратегические преимущества, культурные особенности, моральный дух нации, искусство дипломатии и др. Зачастую сила рассматривалась реалистами в контексте способности государства устанавливать свои правила игры и определять исход переговоров в свою пользу. Силой считалась также способность государства

выбирать и формировать структуры глобальной экономики, навязывать другим странам и народам свои ценности и нормы.

Особенно большое внимание представители realpolitik уделяют отношениям между государствами с упором на проблемы конфликтов и войн между ними. А поскольку в основе международных отношений лежит противоборство интересов и устремлений государств, то оптимальным путем обеспечения мира и безопасности реалисты видят достижение и поддержание относительного межгосударственного баланса сил.

В контексте школы реалистов международная политика, как и всякая другая политика, есть борьбой за власть между государствами как реальными мировыми актерами. В международной политике реалистами учитывается и следующий момент: сила не является неизменным Абсолютом, а лишь проявлением человеческих взаимоотношений. Поэтому любое государство может реализовать свой интерес, используя не только военные, но и экономические, человеческие, морально-психологические и иные ресурсы. Но нам в Украине особенно следует учитывать тот момент, что сторонники realpolitik «решительно не приемлют политику умиротворения вроде пресловутого мюнхенского соглашения, полагая, что политику безопасности, нацеленную на порядок и мир, можно обеспечить только с помощью силы» [6].

Основными оппонентами школы реалистов всегда были сторонники либерального подхода к анализу мировой политики. Они отвергают тезис об анархичности международных отношений и принципиальной невозможности их координации на основе внесиловых факторов. Представители романтического либерализма считают, что основой международных отношений мог бы стать добровольный отказ государств от насилия как средства политики, закрепление этого принципа в системе международного права и формирование наднациональных органов международного арбитража.

В условиях жесткого противостояния времен холодной войны, позиции либералов были заметно отодвинуты на периферию научного анализа. Однако после распада СССР вновь наступает возрождение либеральной школы. Представители неолиберализма Р. Кохэйн и Дж. Най стали отстаивать то положение, что сила (hard power) в традиционном понимании представляет собой недейственный или несущественный инструмент реализации политики. Более эффективными средствами влияния стали экономические и правовые рычаги (soft power). Тем не менее, государства остаются основными актерами международных отношений, хотя отнюдь не единственными. Наряду с ними в современном мире дей-

ствуют универсальные организации (ООН), региональные (ОБСЕ), специализированные (ВТО), ТНК и целый ряд Неправительственных организаций (правозащитных, экологических и т.д.).

В отличие от сторонников realpolitik, либералы подчеркивают стремление человека к сотрудничеству, ориентацию на достижение справедливости и морали. Они считают, что совершенствование международного институтов права дает возможность равноправного участия как крупных, так и малых актеров. Кроме того, все многообразия международных процессов, считают они, нельзя сводить к состоянию войны и мира. Доминирующая тенденция — международное сотрудничество. Плюрализм актеров предполагает и плюрализм их целей, которые не сводятся только к реализации национальных интересов (например — есть еще неправительственные организации). Либералы делают ставку на универсальные ценности и идеалы демократии. Приверженцы неолиберализма указывают на то, что анархичность международных отношений сегодня все больше ограничивается развитием уплотняющейся сети комплексной взаимозависимости в результате интенсификации транснациональных производств, торговли, финансовых, технологических, миграционных потоков. Таким образом, у международного сообщества появляется расширяющийся сегмент совпадающих интересов, а потому государственное взаимодействие перестает быть только «игрой с нулевым результатом» — проигрыш одного может оказаться проигрышем для всех, и напротив, выигрыш одного — выигрышем для всех [7].

В то время как реалисты и либералы спорили и продолжают спорить о том, что в мировой политике важнее — война или сотрудничество — и можно ли, избежав новых войн, добиться «вечного мира», западные исследователи обратили внимание на Английскую школу теории международных отношений. Именно она стала акцентировать внимание на том, что не война, а мир, есть цель внешней политики. А потому центральным понятием этой школы, которое впервые после Второй мировой войны употребил профессор Лондонской школы экономики Ч. Мэнинг, выступает «международное сообщество» (international society).

Логика мышления этой школы следующая. Мир существует в условиях международной анархии, где государства соревнуются между собой, отстаивая собственные интересы исходя из имеющейся у них силы. Этот принцип, изначально сформулированный реалистами вслед за Гоббсом, признается и Английской школой. Но здесь следует учитывать весьма существенную поправку: даже в этой анархической системе за последние столетия сложились

некие правила, которые в современном мире не нарушает практически никто. Так, например, нельзя трогать послов, если даже они явились с нотой об объявлении войны. Также неимоверно, что кто-то из государственных деятелей может нанести какой-либо вред представителю другого государства во время его делового визита.

Постепенно этот комплекс норм и правил лег во главу угла формирования «международного сообщества», который в Английской школе рассматривают как следующий по отношению к международной системе уровень взаимодействия, своеобразное «общество государств». Оно определяется как группа государств, ощущающая безусловную общность интересов, ценностей и представлений об общественном устройстве. В силу этой сложившейся общности, все входящие в нее страны настолько доверяют друг другу, что готовы к добровольному и разумному самоограничению в пользу общих правил и институтов, которые обеспечивают и регулируют международное сотрудничество. Благодаря этому, собственно, состояние анархии вытесняется более сложной и эффективной формой международного взаимодействия — кооперацией.

Далеко не все страны входят сегодня в это международное сообщество. Его ядром, несомненно, остается евроатлантическое сообщество, куда входят США, Европейский союз, Япония, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Но что характерно — другие страны мира, за редким исключением, от международного сообщества вовсе не отгораживаются, а, напротив, стремятся к нему приблизиться, стать его полноправными участниками. Так, «большая семерка» (уже без России) объединяет лидеров евроатлантического сообщества. В то же время в «большую двадцатку» входят Китай, Индия, Индонезия, Россия и другие. Эти государства «второго эшелона» в отличие от старых богатых стран относительно недавно вошли в международную систему. По мере собственного экономического, политического и культурного развития они все более приближаются к полноценному участию в международном сообществе. Ведь тут нет никаких расовых или цивилизационных различий.

Соблюдение правил игры увеличивает доверие, а доверие открывает путь в международное сообщество. Нужно лишь соблюдать в международных отношениях установившиеся цивилизованные нормы поведения. Однако, как показало течение саммита G-20 в Брисбене (Австралия) 15–16 ноября 2014 года, Россия как нарушитель этих норм поведения, ныне пребывает «скорее за пределами международного сообщества, чем внутри его. Руки на протокольных мероприятиях пожимают по-прежнему, но доверие утрачено полностью». Именно на этом акцентирует внимание

заведующий кафедрой политологии Московской высшей школы социальных и экономических наук Василий Жарков, вместе с тем прогнозируя: «На восстановление политического доверия, растоптанного в считанные месяцы, уйдут годы, если не десятилетия. И переход на блатной жаргон вряд ли поможет нашей дипломатии, хотя, конечно, может иметь некоторый успех внутри страны» [8].

После такого прогноза остается лишь пожелать России рано или поздно вернуться в международное сообщество, хотя на этом пути, судя по всему, ей предстоит большое переосмысление самое себя. Хотя, собственно, и сейчас еще, в силу установившихся традиций международного сообщества, в случае приглашения ее на саммит G-20, гостю будет оказан надлежащий прием. И на коллективном фото будет его портрет, пусть и не в самом центре композиции, но будет.

3.2. Realpolitik об украинском кризисе

В решении того или иного конфликта, где каждая страна сообразно с текущим моментом применяет избранную тактику в отстаивании своего национального интереса, определяющую роль в конечном итоге играет все же стратегия. Понять стратегию своего противника, как и стратегию союзников — это непременное изначальное требование и во время ведения военных действий, и в час переговоров, и по достижении мира. Сейчас это особо актуально для Украины, где долгое время культивировался тезис о немыслимости войны «благостного и добродетельного» русского народа против «братского» украинского. Поддержка со стороны 86% россиян самого факта аннексии Крыма оказалась для нас и шоком, и отрезвляющим душем. Выход один: приходится избавляться от присущего кое-кому украинского хуторянского благодушия и более серьезно относится, например, к оценкам такого матерого аналитика как Джордж Фридман — основателя и руководителя аналитической группы Stratfor. Это учреждение абсолютно легально выполняет функции частной разведки, пользуясь при этом методологией realpolitik, и о международных делах знает не понаслышке.

С этой точки зрения анализ украинского кризиса через призму realpolitik может оказаться полезной с той точки зрения, что методология школы политического реализма формирует в определенном смысле тот общий знаменатель, который характерен для работ многих видных аналитиков послевоенного времени. Ведь в период холодной войны, как США, так и СССР (да и другие

великие державы) руководствовались, да и ныне во многом руководствуются принципами силовой политики.

Вместе с тем, отдавая должное маститому американскому аналитику, следует отметить, что и сам Фридман, и исповедуемая им методика «реальной политики» не всегда, и не во всем оказываются на высоте положения. Как говориться, и на старуху бывает проруха. Так, например, совсем недавно — в своей публикации от 31 января 2014 года — он утверждал, что геополитические реалии таковы, что ни одна страна мира не заинтересована в Украине больше, чем Россия. Равно, как ни одна страна мира не способна сыграть и большую роль в ее судьбе. А потому, стало быть, ситуация в целом пребывает под контролем России, и за все, что касается событий на Майдане, не следует особенно переживать: «невзирая на весь шум в Киеве и других городах, к серьезным геополитическим изменениям это вряд ли приведет» [9].

Дальше — больше. Еще в апреле 2014 года, публикуя прогноз на второй квартал, Фридман был откровенно скептичен на счет политической стабильности в Украине после свержения режима Януковича. Ему казалось, что новая правящая коалиция уже с первых дней стала трещать по швам от разногласий между «евроориентированными силами, националистическими партиями и ультраправыми движениями». Истоки нестабильности — угроза дефолта, поскольку кредит Международного валютного фонда сопряжен с политическими издержками при осуществлении реформ. Ведь именно здесь появлялся риск, что поднятие цен на газ для населения и введение гибкого валютного курса могут углубить разногласия между политическими силами и создать угрозу устойчивости правительства в целом. А потому, мол, ***«по мере спада революционного энтузиазма Украина погрузится в привычный паралич»***. В силу сложившейся ситуации, «в долгосрочно перспективе по мере осознания неспособности исполнения Украиной долговых обязательств Евросоюз, который борется с собственным экономическим кризисом, уменьшит помощь охваченной кризисом стране». А затем, считал тогда Фридман, ***«несмотря на бряцание оружием, Россия, скорее всего, не осуществит военного вторжения на территорию материковой Украины***. Однако Россия будет использовать свои силы на российско-украинской границе и в Крыму, Приднестровье и Беларуси для поддержания военного давления на Украину» [10].

А ведь случилось по-другому, несмотря на то, что силовые структуры Украины действительно были подорваны российской агентурой. Но все же гражданское общество Украины, которое

уже показало свою зрелость, приняло все меры для поддержки правительственного курса. Сепаратисты в зоне АТО были на грани полного поражения, если бы не ввод в августе 2014 года российских воинских частей, массированно использующих системы «Град» и других средств массового поражения.

Однако, и при таких погрешностях в прогнозах, надо отдать должное Фридману. Все-таки, ошибки отрезвляют. А потому, после всего переосмысленного вследствие военной авантюры России, американский аналитик стал не столь однозначен как в своих общих прогнозах, так и оценках текущей политики Москвы. Так, перед своей поездкой в Москву для выступления 9 декабря 2014 года в МГИМО на тему стратегического прогнозирования он отмечал: «В каждой войне есть враг и город, олицетворяющий этого врага. Я потратил слишком много времени в своей жизни, размышляя о Москве, и теперь не могу избавиться от глубоко въевшегося в меня ощущения, что это город мрака и заговоров... Конечно же, мы не стоим на пороге ядерной войны и не думаем, что советские дивизии вот-вот хлынут в Западную Германию. Но меня заинтересовало вот что. Люди, которым я рассказал о своей поездке — а они знают, что я постоянно совершаю такие поездки и обсуждаю такие вопросы — обеспокоились моей безопасностью. Кто-то спросил, не боюсь ли я ареста и не опасаюсь ли за свою жизнь. Директор Startfor по безопасности даже отнял полчаса моего времени, напоминая мне о возможных угрозах. Мы оба в таком возрасте, что эта беседа нам страшно понравилась» [11].

К каким же выводам (пусть пока и промежуточным) пришел Фридман в своем анализе политики России по отношению к Украине? Первый, чуть ли не самый главный — сравнение даже с политикой Советского Союза не пошло на пользу нынешней России: «События на Украине не являются для нас неожиданностью... Но расстояние между «тогда» и «сейчас» так же важно, как и сам конфликт. Должно быть чувство меры. Если бы меня попросили назвать главное отличие, я бы сказал так: в Советском Союзе до 1980 года была всеохватывающая идеология. Со временем люди разочаровались в ней и стали проявлять цинизм, но долгое время в нее верили, и ее боялись. О сегодняшней России можно сказать многое, но она больше не идеологическая страна. ***Она националистическая*** (другие страны в таком случае мы называем патриотическими), ***она — олигархия, она коррумпирована, она авторитарна. Но в этой стране нет глубоких убеждений, по крайней мере, нет единого убеждения.*** Советский Союз когда-то считал себя авангардом всего человечества. Это придавало ему силы, это

также обескураживало и пугало. У России нет больше таких претензий. Это просто другая страна» [12].

Вот в этом последнем тезисе Фридмана уже заложена проблема для обсуждения: «не претендует», или не в состоянии выдвинуть какую-то внятную модель развития в ответ на вызов времени? А потому-то и лихорадочно мечется, угрожая всем и вся, пускаясь в военные авантюры и вызывая тем самым реакцию санкций со стороны мирового содружества?

Второй вывод американского аналитика касается видения основной линии противостояния в современном мире. В его изложении все вроде бы просто донельзя: США заинтересованы в том, чтобы в лице России предотвратить появление нового европейского гегемона. Русские, в свою очередь, хотят сохранить за собой контроль над «буферными зонами», в число которых вносят и Украину. В создавшейся обстановке, утверждает Фридман, очень трудно представить себе, как можно соблюсти интересы обеих государств: «налицо расхождение интересов между США и Россией, углубляемое многочисленными странами с европейского полуострова. Такое расхождение было неизбежно. Когда ослабевали европейцы, по сравнению с ними усиливалась Россия. Когда Украина сменила ориентацию с России на Запад, России пришлось на это отреагировать. Когда отреагировала Россия, реагировать пришлось и США. Каждая сторона может изображать другую в качестве чудовища, но ни та, ни другая чудовищами не являются. Просто каждый ведет себя в соответствии со складывающимися обстоятельствами» [13].

Опять какая-то странная логика школы realpolitik: прямо-таки обреченность на противостояние, которой якобы никто не в состоянии противопоставить альтернативу мирного сосуществования — при обязательном учете и уважении национальных интересов друг друга. На что же тогда годятся наши политики и дипломаты?

3.3. Хорошие ребята и плохие парни.

Как любит акцентировать внимание Фридман, в отношениях между странами вообще трудно дать оценку тому, кто хорошие ребята, а кто плохие парни. И потому-то не зря в мире пока что доминирует введенная в научный оборот Адамом Смитом «невидимая рука рынка». Это что касается объективного фактора. А в качестве субъективного фактора он приводит известный тезис Николо

Макиавелли, где утверждается, что достоинство государя базируется на неумолимом исполнении того, что он должен исполнять. На этом, по мнению Фридмана, вроде бы сходятся и сторонники стратегического прогнозирования realpolitik, с одной стороны, и марксисты (бывшие и нынешние) — с другой. Все они в основу политического анализа ставят «Его Величество Необходимость». Вот это, стало быть, и создает основу для взаимопонимания между Западом и Россией, для каких-никаких переговоров относительно решения украинского кризиса.

Понимание Фридманом социальных процессов основано на его уверенности в предсказуемости поступков рациональных международных актеров. Он полагает, что политик, если он хочет быть успешным, должен быть исключительно рациональным в том пространстве, которое он занимает. Его действия, которые необходимы для того, чтобы поднять и повести за собой миллионы людей, не говоря уже о сотнях миллионов, требуют огромной самодисциплины и острого инстинкта. Восхождение такого рода, а тем более достижение вершин власти под силу весьма немногим. На этом основании Фридман делает вывод, что «у Обамы и Путина гораздо больше общего друг с другом, чем с их гражданами. Оба пришли к власти из той среды, из которой не смог выйти наверх почти никто» [14].

Вот тут и настал час, когда ситуация вокруг украинского кризиса стала тем самым тестом на зрелость, который, по нашему мнению, и должен внести ясность относительно перспектив рациональности мышления в современной политике и отличий между Путиным и Обамой. А ведь, судя по всему, здесь не все так гладко и однозначно, как кое-кому хотелось бы. Сошлемся на авторитетное мнение канцлера ФРГ Ангелы Меркель, чьи принципы и взвешенность оценок среди аналитиков считаются не подлежащие сомнению.

Итак, вспомним, как это было. Вечером 2 марта 2014 года по московскому времени состоялся продолжительный телефонный разговор Путина и Меркель по урегулированию украинского кризиса при участии миссии ОБСЕ. Сразу же после этого разговора канцлер ФРГ перезвонила президенту США и сообщила ему, что российский президент потерял «связь с реальностью». Более конкретно слова немецкого канцлера звучали таким образом: «она не уверена, сохранил ли господин Путин связь с реальностью», поскольку пребывает «в другом мире». Именно эти слова привела газета The New York Times на своем сайте со ссылкой на свои собственные источники. Трудно сказать, как складывалось дальнейшее течение телефонного разговора. Но примечательно то, что

после него США настояли на немедленном допуске наблюдателей ОБСЕ в зону конфликта, а семь ведущих стран пригрозили России отказом от участия в сочинском саммите «восьмерки», вернувшись впоследствии к формату «семерки» — уже без России [15].

России, на это отторжение Западом нерациональных поступков, пришлось как-то реагировать. Во всяком случае — ей предстояло предложить свою версию произошедшего факта ее агрессии против Украины. И вот здесь свой уровень рационального мышления в стиле realpolitik взялся продемонстрировать бывший министр иностранных дел РФ (1996–1998), а впоследствии премьер-министр РФ (1998–1999) Евгений Примаков. В компетентности академику Примакову не откажешь — все же он был и первым директором Службы внешней разведки, и директором Федеральной службы контрразведки РФ. Поэтому нет ничего удивительного в том, что кризис вокруг Украины, он охарактеризовал «событием номер один по своему влиянию на развитие межгосударственных отношений в сегодняшнем мире».

Что же касается истоков кризиса, то здесь была предложена очередная версия конспирологии в формате мирового заговора США против России «с целью внедрения однополярного мироустройства». В создавшейся ситуации, по мнению Примакова, присутствует и «стремление вытеснить Россию из мировой политики», и задача «заглушить центробежные тенденции проамериканских сил в Киеве», и «установление военного контроля США над Черным морем» с целью ущемить «жизненные интересы России», да заодно и «сделать Турцию более податливой в отношениях с Соединенными Штатами». Нового в этих утверждениях ничего не было: так себе — традиционный дебют. Но тут следует отдать должное вершине конспирологии Примакова. По его мнению, ***именно Америка якобы и стала на деле закулисным инициатором захвата Россией полуострова Крым и вторжения в другие восточные регионы Украины:*** «Судя по позиции Вашингтона, ставка делалась на втягивание российских Вооруженных сил на Юго-Восток Украины. В таком случае Европа с учетом настроений ее общественности на долгие десятилетия оставалась бы в орбите политики США» [16]. Вот ведь оказывается, где собака зарыта — Америка, мол, и оказалась инициатором захвата Россией полуострова Крым!

Но и это, оказывается, еще не все. Для вящей убедительности всех этих рассуждений Примакова, да и подобных других, российской стороне было бы удобно сослаться на какого-нибудь авторитетного автора из граждан критикуемой страны (то есть США), да и воспользоваться его мнением в качестве «вишенки на торте»,

которая бы придала эстетическую завершенность конспирологической конструкции. На этот счет в России всегда есть свои союзники среди аналитиков зарубежных стран. Но здесь еще ***текущий момент диктовал необходимость, чтобы кто-то из американцев также выразился в стиле «неадекватности восприятия мира» руководством своей же страны.*** Вот тогда бы тезис о «неадекватности» был бы снят персонально с Путина и получил бы распространение как характерная черта современного политического истеблишмента вообще. Мол, все мы под Богом ходим: не судите, да не судимы будете.

И такие нашлись. В сентябре 2014 года, когда забрезжила перспектива прекращения огня на Донбассе, политический редактор журнала The National Interest Роберт Мерфи обрисовал создавшуюся ситуацию в американо-российских отношениях следующим образом: «Президент Обама, похоже, не знает, почему события прошлой недели на Украине произвели на него столь сильное впечатление. Российский президент Владимир Путин начисто переигрывает его; тем не менее, американский президент выражает свои мысли так, как будто может сказать нечто существенное по данной теме. ***Это несоответствие между реальными событиями и рассуждениями президента показывает, что Обама потерял связь с реальностью***» [17]. Что же, путинская Россия может аплодировать — ответственность за агрессию против Украины раскладывается на всех: мол, у всех рыльце в пушку, в том числе и в Америки! Дескать, и их президент, а не только Путин, потерял связь с реальностью.

Что и говорить — предчувствие новой холодной войны диктует свои правила игры. От них трудно удержаться, но все же мы не ставим перед собой задачу анализировать особенности психологического восприятия действительности ни господином Путиным, ни госпожой Меркель, ни господином Обамой. Где-то в этой области должна быть проложена «красная черта» — ведь в нашем случае речь идет не просто о персоналиях, а о людях, которые олицетворяют собой выбор народа. Придет время, и история скажет свое слово об их деяниях. А пока они выступают полномочными официальными представителями того или другого народа, то этот факт, очевидно, требует и от нас соответствующей политической корректности.

Видимо выход из ситуации на каком-то этапе следует искать в распространенном трезвом суждении, которое гласит: если президент даже где-то и не прав — то надо просто поменять советников.

3.4. Советники: их модели и информация

Можно ли размышления в русле «реальной политики» воспринимать как устоявшуюся в политологии (да и дипломатии) истину? И да, и нет. Отдельные наблюдения действительно привлекают к себе внимание. Но это не значит, что в Украине мы должны безоговорочно принять исповедуемую Фридманом (как, впрочем, и Примаковым, Арбатовым, как и Киссинджером, Бжезинским, Ароном, и т.д.) модель realpolitik. Не в последнюю очередь потому, что она идеализирует примат рационального мышления в принятии государственно важных решений. Сравнивая с игрой шахматных гроссмейстеров, Фридман, например, акцентирует внимание на том, что они играют весьма предсказуемо: на каждый ход одного другой отвечает таким же весьма прогнозируемым ходом, а потому у игроков высокого класса шахматная партия чаще всего заканчивается ничьей. То же самое можно сказать и о политиках: те, которые действуют беспечно и наобум — всегда непредсказуемы, но и политическая жизнь их весьма недолгая. И наоборот: выживают лишь самые одаренные и дисциплинированные, а они, соответственно, предсказуемы. На этом, мол, и зиждется пафос реалистической школы.

Однако, как признают сами же сторонники realpolitik, дьявол кроется в деталях. А они состоят в констатации того, что нынешняя Россия не обладает необходимой стратегией видения ни настоящего, ни будущего. А при таком положении дел очень трудно вообще говорить о предсказуемости политических игроков. Корень зла, по мысли Фридмана, в этой ситуации заключается в том, что стратегический анализ и прогноз относится к тому классу информации, который наиболее чужд разведслужбам. Это, стало быть, касается и большинства политических деятелей, пришедших к власти вместе с Путиным. Они то, как раз и привыкли полагаться на разведслужбы, которым всегда более привлекательны текущие вопросы, непосредственно поддающиеся контролю.

Но стратегические вопросы — это совсем другое дело. Они требуют колоссальных усилий аналитиков, да к тому же в прогнозах можно и ошибиться. А это может привести к нежелательным политическим последствиям, которых любой государственный чиновник старается избежать под любым предлогом. Поэтому, обобщает Фридман, карьере разведчика не способствует широкое и долговременное мышление, даже если оно абсолютно правильное. И это можно понять: любой чиновник старается не брать на себя лишнее — он знает, что всегда может «быть не так понят» и понести за это незаслуженное наказание.

А в принципе, как показывает мировой опыт, при оптимальном раскладе информация стратегического значения должна строиться не так на агентурных источниках, как на моделях. При этом разработкой последних лучше заниматься вне рамок государственных разведслужб, ведь главный принцип стратегического анализа и прогноза состоит в том, что надо безжалостно выбрасывать в корзину ту собранную информацию, которая не является критической, чтобы верно определить центр тяжести событий. Излишняя сложность мешает видеть суть предмета, находящегося прямо перед глазами, и понимания возникающих закономерностей общего характера. Если не будет готовой модели, которая управляет отбором и потоком данных, вся система рухнет под потоком информации, часто поставляемой разведслужбами наобум.

Так-то оно так, но, возражая Фридману в его анализе, мы должны отметить, что и созданные вроде как независимыми аналитиками модели ведь тоже является плодом рук человеческих, а значит, несут в себе элемент субъективности. Да и не просто произвольный элемент, а откровенно «заточенный» (даже в силу «внутреннего цензора») на интерес и понимание того или другого первого лица. Так, возвращаясь к аналитике Дмитрия Суслова из Высшей школы экономики — а это весьма авторитетное научное учреждение — нельзя удержаться от впечатления, что сгруппированные им вопросы уже не однажды звучали в выступлениях президента Путина: «Имеет ли Россия как один из независимых полюсов многополярного мира право на собственный интеграционный проект в Евразии? Имеют ли вообще великие державы право на дружественное окружение, право самим создавать порядок и безопасность по периметру своих границ и быть его центром? Должен ли международный порядок в Европе и Евроатлантике базироваться на расширении западных институтов вплоть до российских границ, притом, что сама она из него априори вычеркнута, или же он должен строиться совместно Россией и Западом? Наконец, почему Соединенные Штаты считают возможным объявлять одни государства и режимы суверенными и легитимными, а другие нет, и свергать неугодные им режимы?» [18].

При чтении этих постановочных вопросов нельзя отделаться от мысли, что в каждом из них центральным элементом есть понимание примата силы, как системообразующего элемента формирования международных отношений. Это звучит как обоснованная претензия на произвол сильного по отношению к более слабому: на право навязывать соседям свой интеграционный проект; на право поставить заслон устоявшимся в мире демократическим

институтам и ценностям; на право объявлять одни государства суверенными и легитимными, а другие нет. И, что особенно бросается в глаза, ***при этом пытаются изобразить положение дел таким образом, что силовой фактор в условиях отхода от ялтинских принципов послевоенного мироустройства — дело не то что обычное и правомерное, а даже благое.*** И судьбу Украины в этом контексте планируется решать уже по каким-то новым, хотя еще и не признанным мировым содружеством правилам. Констатируется как должное, что «в отличие от столкновений 1999, 2004 и 2008 гг., украинский кризис 2014 г. стал не просто схваткой Москвы и Вашингтона за правила отношений между великими державами, но вывел ее на принципиально новый уровень» [19].

Так в чем же, собственно, с точки зрения российских адептов realpolitik, сущность и основные черты этого нового уровня противостояния? Ведь нынешнее обострение международных отношений — факт настолько очевидный, что не нуждается в каких-то дополнительных аргументах, а тем более оправданиях. Однако новизна момента состоит именно в культе откровенного цинизма: российские аналитики и не пытаются даже отрицать факт нарушения Россией устоев послевоенного мира. Они исходят из другого тезиса: мол, первыми начали американцы, которые постоянно применяли силу для защиты собственных национальных интересов. В итоге, по вине двух сторон — России и США — ныне произошло наиболее драматическое за последние четверть века «усугубление международного беспорядка». Так чему же, стало быть, тут и удивляться, если «присоединение Крыма и поддержка Россией восстания в Донбассе показали, что ***отныне не только США, но и другие государства могут посягать на фундаментальные нормы международного права***» [20].

Таким образом, приходится принять как факт, что в общественном мнении России восторжествовала стратегическая линия на то, что сильному государству позволено все. Вот только приведет ли она к решению конфликта вокруг Украины? Да и удастся ли России выйти из него «сохранив лицо»? Ведь свой «афганский синдром», как и «иракский синдром», поразивший американцев, могли бы навести россиян и на трезвые мысли.

3.5. Это есть наш последний и решительный?

А пока что складывается впечатление, что своими агрессивными действиями против Украины Москва практически лишила себя шансов свернуть конфронтацию с Соединенными Штатами. Хотя раньше ведь как то удавалось договариваться о правилах игры. Например, после газового кризиса 2008 года стороны негласно приняли формулу «взаимно согласиться не соглашаться по Украине», но при этом продолжать сотрудничество по другим вопросам. Все это так, да, видимо, всему приходит конец. На этот раз ситуация сложилась принципиально отличная. Аннексировав Крым и введя регулярные войска для поддержки сепаратистов Донбасса, Россия осознанно отрезала себе путь к отступлению. Она дала понять Западу, и в первую очередь США, что готова на многое ради того, чтобы удержать Украину вне западной орбиты, превратив ее если не в зону оккупации, то, во всяком случае, сведя к роли «санитарного кордона» против Запада.

Теперь российские аналитики с горечью констатируют, что агрессивные действия России создали ситуацию, когда единственным способом выхода из коллизии обе стороны — США и Россия — рассматривают, судя по всему, если не капитуляцию, то, во всяком случае, жесткое навязывание противоположной стороне своих правил игры. А поскольку фундаментальные изменения внешней политики при нынешнем руководстве России просто невозможны, то условием нового улучшения отношений отныне, судя по оценкам и американских, и российских аналитиков realpolitik, можно считать разве что смену российского политического режима. Например, в качестве аргумента российские аналитики апеллируют к оценке ситуации Бараком Обамой, назвавшим Россию одной из главных угроз международной безопасности — наряду с «Исламским государством» и вирусом Эбола.

А ведь и верно — как бы там ни было, а складывается впечатление, что и США, и Россия, видимо, пришли к выводу о том, что именно сейчас сложились наилучшие условия для «решающего боя». Кто первым из них принял такое решение — окончательно решат историки некоторое время спустя. Разве что российские аналитики продолжают твердить, что это Вашингтон избрал путь конфронтации еще до падения режима Януковича в 2014 году. Тем самым они пытаются оправдать Россию, которой, мол, не оставалось ничего иного, как аннексировать Крым ввиду неизбежной угрозы превращения Крыма в базу НАТО. Аргумент, как видим, прост и традиционен для России еще с царских времен: не возьмем Крым мы, так он достанется нашим супостатам.

Впрочем, бывший советник Путина, а ныне аналитик Центра Института Катона (Вашингтон) Андрей Илларионов придерживается другого мнения: то, что называют «украинским кризисом», на деле есть актом прямой агрессии Путина против Украины, которую, к большому сожалению, поддерживает большинство россиян. По убеждению Илларионова, эта война готовилась минимум 11 лет: «с 2003 года. Я могу сказать, что в моем присутствии обсуждались некоторые вопросы будущей войны против Украины. В то время я не думал, что это обсуждение действительно приведет к войне». Еще в 2004 году, вспоминает эксперт, во время Оранжевой революции уже проверялась подготовка дальнейшей оккупации и аннексии Крыма, а в 2008 году в «Русском журнале» была опубликована утечка информации относительно плана военного командования — по сути это был проект войны против Украины, описанный во всех деталях. С 2009 года, появились конкретные сообщения о действиях, направленных на поддержку сепаратистов в Украине.

А поскольку, считает Илларионов, эту войну готовили очень долго, то вряд ли она скоро и закончится: «Мы видим, что Путин говорит то, что он делает. Мы имеем дело с долгосрочной войной». При этом, холодная война оценивается в Москве как третья. А сейчас говорят, что мир вступил в период «четвертой мировой войны, чтобы изменить правила игры». К тому же Илларионов называет и едва ли не наиболее существенный элемент создавшейся конфронтации: «Это — информационная война или, сказать правильнее, дезинформационная война на всех языках, которая создает новое видение мирового порядка. К сожалению, мы должны признать, что они достигли определенного успеха не только в России, но и в других местах» [21].

И здесь Илларионов тоже прав. Плохо то, что представители школы «реальной политики», в том числе и Фридман, всегда подспудно признавали за Россией право на контроль над «буферной зоной». А Украина, с их точки зрения, всегда была важна для России в силу своего стратегического положения: «если кто-то заблокирует земли между Украиной и Казахстаном, Россия будет отрезана от Кавказа... Кроме того, на Украине располагаются два важных порта — Одесса и Севастополь, которые для России важнее даже Новороссийского порта. Потеря торгового и военного доступа к этим портам совершенно подорвет российское влияние на Черном море и отрежет ей доступ к Средиземному морю. Оставшиеся порты России будут заблокированы Гренландией, Исландией и Великобританией на западе, льдом на северо-востоке, Данией в Балтийском море и Японией на востоке» [22].

В силу этого, мол, надо воспринимать и логику политического курса России по отношению к Украине, интеграция которой в Европу, конечно же, «представляет собой потенциально смертельную угрозу российской национальной безопасности». В свете этой логики, пишет Фридман, по-другому будут восприниматься и угрозы со стороны Владимира Путина на тот счет, что «неправительственные организации, разжигающие беспорядки, работают на американский Госдепартамент, ЦРУ и британскую разведку», что «будет иметь катастрофические последствия для России». И стоит ли удивляться, отмечает Фридман, что президент РФ использовал экономическое давление и государственные спецслужбы для того, чтобы не дать Украине следовать этим курсом. Тем более, что и до этого был прецедент, и Украина имела возможность убедиться в серьезности российских намерений, когда ***российско-грузинская война 2008 года «была призвана продемонстрировать Киеву, что западные гарантии не имеют никакой ценности, что США не смогли помочь Грузии, и что у России есть военная мощь»*** [23].

Ну а коль скоро логика действий России находила понимание в определенных кругах реалистической школы Запада, то стоит ли удивляться, что отсутствие в первой половине 2014 года внятного ответа со стороны Запада, а прежде всего США, и создало ситуацию в мире, весьма некомфортную по многим параметрам. Действительно, ведь создалась ситуация, когда Украина, сдав третий по величине ядерный потенциал в обмен на Будапештский меморандум 1994 года, в итоге в 2014 году потеряла часть своей территории, а страны-подписанты этого документа не смогли гарантировать ее территориальную целостность. Ведь заверения — это не тот уровень, что гарантии.

Здесь было бы уместно процитировать мнение экс-посла США в Украине Джона Хербста: «Думаю, Украина имеет легитимное право заявлять, что страны, которые предлагали Украине поддержку за то, что она отдала ядерное оружие, не были такими энергичными и твердыми в защите Украины, какими должны были быть. И это включительно со США. По моему мнению, Соединенные Штаты проводили умную и даже сильную политику в области санкций. И за это я отдаю должное президенту Обаме. С другой стороны, Обама не совсем понял важность этого кризиса. Если бы он это понял, то по собственной инициативе должен был бы согласиться предоставить оружие Украине еще в мае или даже в апреле, когда гибридная война началась в Донбассе. Более того, такое непонимание я могу назвать как свидетельство

стратегического провала. Если бы президент понял природу этого кризиса, то была бы значительно более сильная политика по усиления присутствия НАТО в Балтии, возможно, даже в Польше и Румынии. Поэтому это был серьезный провал со стороны американского лидерства в этом кризисе» [24].

Прежде всего, для Вашингтона был создан опасный прецедент, который поставил под сомнение его способность предотвратить или обратить вспять грубое нарушение Россией как «региональной державой» установленных в мире правил игры. Возникал закономерный вопрос: ведь если США не в состоянии удержать претендующую на региональную гегемонию державу от посягательств на суверенитет Украины как самого крупного государства Европы и важного для них стратегического партнера, то могут ли они гарантировать безопасность своим союзникам?

Кроме того, судя по всему, сыграли свою роль и другие факторы. Истоки ее исходили еще к осени 2013 года, когда провалилась последняя попытка администрации Обамы выстроить невраждебные отношения с Москвой. Однако «отказ России, несмотря на уступку США по ПРО, приступить к новому раунду сокращения ядерного оружия, обострение ситуации вокруг Сирии и дело Эдварда Сноудена окончательно убедили Белый дом в бесперспективности попыток наладить с «путинской Россией» конструктивные отношения». Именно с этой поры, по мнению российских аналитиков, «смена режима в конечном итоге представляется Соединенным Штатам наилучшим и, главное, вполне достижимым способом реагирования на вызов «путинской России»» [25].

3.6. Передислокация

Стоит ли удивляться, что вследствие откровенно вызывающего курса России, Запад, хотя и не без колебаний, сделал ставку на сближение с Украиной как второй по величине постсоветской страны, без которой, по давней формуле Збигнева Бжезинского, Россия не сможет стать империей. Памятуя уроки Грузии, это, судя по всему, планировалось сначала делать не через НАТО, а путем ассоциации с Евросоюзом, против чего Россия никогда прежде, во всяком случае, на словах, особо не возражала. Но в 2013 году Россия стала воспринимать события уже совсем по-другому. Спохватившись, что без Украины Евразийский союз будет выглядеть совсем неубедительно, Москва решила помешать ассоциации Украины с ЕС. Так или иначе, отмечает представитель российской школы

realpolitik Алексей Арбатов, но «в украинском вопросе ставки России и Запада оказались чрезвычайно велики, хотя для первой они, безусловно, были намного выше, и это было недооценено в Вашингтоне и Брюсселе. Причем ***проблема не в таможенных тарифах на товары западного производства, которые пошли бы на российский рынок — данная угроза была весьма преувеличена***. Дело в другом — помимо геополитики, ***выбор ближайшим родственным народом путей своего развития является для России в отличие от Запада важнейшим вопросом внутренней политики, перспектив собственного социального прогресса***» [26].

Вот этот момент — выбор Украиной своего собственного пути развития — как раз и стал определяющим в оценке принципиально новой ситуации, которая сложилась вследствие агрессии России против Украины. В действенности этой оценки смог убедиться и тот же Джордж Фридман, совершив летом вояж по странам Балтии, Центральной Европы, а затем по Турции и Азербайджану. В одних странах, он стал «свидетелем ошеломляющего уровня беспокойства». И даже в Турции, которая находится подальше от границ России, его собеседники указывали на ситуацию вокруг Украины если не как на доминантную тему для обсуждения, то, во всяком случае, как на «общую тенденцию»: а что, действительно ли русские двинулись вперед?

Россия же, в свою очередь, тоже определилась в своем своеобразном видении угрозы со стороны Украины. С российской точки зрения, «Европа и США сделали то, с чем Москва никогда не сможет смириться: привели к власти в Киеве прозападное правительство. Для них западное признание популярного восстания в Украине лежит в плоскости финансируемых Западом неправительственных организаций, сыгравших главную роль в поддержке движения, свергнувшего правительство. Но это не главное. Главное то, что сейчас именно прозападное правительство контролирует Украину, а это значит, что Российская Федерация в опасности» [27]. Что ж, здесь тоже есть присущая России логика: если не с нами, значит — против нас.

И снова оправдалась старая истина: прогноз, даже если за ним стоит такая авторитетная на Западе корпорация как Startfor — дело если и не сомнительное, то весьма ненадежное. Во-первых, еще в середине июля Фридман прогнозировал, что «русские не будут вводить войска в Украину». Аргументация здесь была следующая: нельзя оккупировать 50-миллирнную страну теми 50-ю тысячами солдат, которых Россия отмобилизовала, да еще в условиях противодействия оккупированного населения. Трудно не

видеть того, что Россия позиционировала себя как ведущая сила в регионе, но, отметил Фридман, «американская угроза складам боеприпасов и возможные воздушные удары по топливным складам — это не то, что можно не принимать во внимание — также как и угроза народных волнений — вот что заставило их быть осторожными». В итоге, прогноз оказался в чем-то прав, но далеко не во всем прав. В конце августа Россия все-таки пошла на этот шаг — введение определенного воинского контингента в Луганскую и Донецкую области — но развивать наступление не решилась.

Но вернемся к логике размышлений Фридмана. Дальше она пошла по линии освещения упрочения позиций США как единственной реальной поддержки для Восточной Европы. Сам факт визита Барака Обамы в Польшу, а Джо Байдена в Румынию свидетельствовал о подчеркнутом внимании к национальной безопасности этих стран. Подробности поддержки не разглашались — видимо Обама решил, что пока Россия увязла в Украине, то у него еще есть время поразмыслить. Что ни говори, а главной проблемой региона была все-таки стабильность прибалтийских государств, где основной угрозой было хотя и не вторжение, но подрывная деятельность против них со стороны России.

Поскольку русские, как выражается Фридман, «вцепились в Севастополь», для Соединенных Штатов стало важным модернизировать военно-морские силы Румынии, что, параллельно с размещением военно-воздушных сил США в этом регионе, создало бы угрозу русскому флоту. Предполагалось, что параллельно это увеличит возможности защиты Грузии, прикрыв одновременно незаменимый путь транспортировки ресурсов из Азербайджана. Более того, если смотреть в корень, то считалось, что «сильный флот на Черном море может создать проблемы России, особенно в том случае, если правительство Украины устоит, а Крым останется изолированным». В этом же ракурсе Фридман рассматривает и визит министра обороны США Чака Хэйгела в Румынию, и непрерывные дипломатические контакты между США и Турцией, а также между лидерами Турции, Польши и Румынии. Что касается Турции, то, считает Фридман, она хотела бы стать частью любой союзной структуры, создаваемой Америкой в этом регионе.

В итоге, в середине 2014 года стало складываться впечатление, что региональные игроки стали постепенно втягиваться в процесс создания новых союзных структур. Процесс пребывал еще в зародыше, но он уже заставлял русских оценивать свое будущее. Дополнительный ресурс этого процесса, конечно же, энергетика. И вроде бы у России есть свое преимущество: некуда скрыть

того, что многие нации, страшащиеся Москвы, также зависимы от ее природного газа. Но в этом и слабость русских. Природный газ — сильный, но не особо доходный рычаг. Суть дела, по мнению Фридмана, состоит в следующем: «Бюджет России, да и по правде говоря, вся их экономика выстроена вокруг нефти. Главная опасность для Москвы заключается в том, что она не контролирует ее цену. Радикальное изменение цены «черного золота» как минимум приведет к стагнации экономики России. И Обама не зря указал на эту возможность. Он дал понять Путину, что знает об «ахиллесовой пяте» российской экономики. Но размещение военных соединений не является ключевым элементом разрабатываемой Западом стратегии. Обвал рынка нефти — вот ключевой ее элемент, но даже понимание этого делает ее реализацию невероятно трудно исполнимой» [28].

Однако и на этом направлении намечаются серьезные подвижки. Не исключено, что соглашение по ядерному оружию между Вашингтоном и Тегераном откроет вскоре мировой рынок для иранской нефти. На порядке дня восстановление добычи ливийской нефти. Да и сам Вашингтон в состоянии изменить свою политику и приступить к экспорту нефти и сжиженного природного газа.

Вместе с тем, было бы большой ошибкой утверждать, что все эти меры представляют в данный момент непосредственную угрозу России. Судя по всему, могут пройти годы, прежде чем все эти и другие источники энергии выйдут на сцену. Но само падение цены на нефть от исторического максимума в 145 дол. за баррель перед вторжением в Грузию, до 111 дол. за баррель в час оккупации Крыма, а потом еще до 65 дол. под конец 2014 года — все это зримые подвижки в этом направлении. Хотя не следует забывать и о том, что страны-экспортеры нефти тоже будут терпеть убытки. Кроме того, сделав нефть настолько легкодоступной во всем мире, будет сложно добиться потом обратного эффекта. Да и российская сторона знает обо всем этом, а поэтому на последующие 10 лет ставит задачу диверсификации экономики в достаточной степени для уменьшения ее уязвимости от колебания цен на рынке нефтепродуктов. А потому здесь решающую роль будет играть фактор времени: «Угрозой Москве может стать всплеск поставок энергоресурсов с последующим уменьшением цен на нефть до того, как Россия завершит этот процесс. Для Соединенных Штатов игра заключается не в массированном вооружении Польши, не в построении в Румынии мощного флота и не в изменении мирового нефтяного рынка. Все куда проще: Вашингтон хочет показать, что готов на это пойти. Эта демонстрация заставила русских пересмотреть

свои намерения до того, как эти угрозы стали реальностью. И не то, чтобы Вашингтон блефует — просто там хотели бы достичь своих целей, не прилагая сверхусилий и, говоря откровенно, без торпедирования цены на нефть» [29].

И это тоже можно понять, ведь нефть, в конце концов, не является единственным рычагом влияния на Россию. Например, США начали постепенно ослаблять российскую экономику в финансовой сфере, отсекая возможности России пользоваться тем, что в условиях глобализации многие привыкли считать общим — финансовые рынки инструменты, платежные системы и так далее. Использование этого рычага влияния санкций против шестой экономики мира и члена «Большой двадцатки» стало важным напоминанием всем новым центрам силы, насколько они уязвимы до тех пор, пока оператором нового экономического порядка являются Соединенные Штаты. Да и демонстрацией того, как быстро Америка может начать использовать это положение в политических целях против той или иной страны.

И не зря ведь российские аналитики, как тот же упоминаемый выше Дмитрий Суслов утверждают, что принятие применяемых Америкой экономических мер «способны заметно ухудшить ее экономическое состояние в средне- и долгосрочной перспективе», хотя и убеждают себя и других, что эти меры «не заставят Москву изменить политику в отношении Украины». Ведь и сами они не возражают против того, что «ограниченная системная конфронтация» России и США — это всерьез и надолго. По их прогнозам, продлится эта конфронтация как минимум до конца следующего президентского цикла в Америке, то есть до 2025 года (видимо, в полномочиях Путина на это время они не сомневаются). Но вот закончится она, по российским прогнозам, «существенным ослаблением одной из сторон и установлением новых правил взаимоотношений». На этом выводе лежит даже какая-то печать обреченности, о чем свидетельствует ссылка на мысль, что «даже если Россия будет прилежно работать над политическим урегулированием, уважающим суверенитет и территориальную целостность Украины, Вашингтон продолжит пытаться наказывать, сдерживать и ослаблять Россию, рассматриваемую отныне в качестве противника» [30].

Что ж, действительно, какой другой прогноз можно ожидать от сторонника realpolitik, привыкшего видеть решение всех вопросов исключительно в контексте жесткого силового противостояния? Но, с другой стороны, ведь и рассчитывать на исключительно рациональное поведение политиков тоже не приходится. А Россия — она ведь больше других ослабляет сама себя.

3.7. Посеявший ветер — пожнет бурю

В канун 2015 года в российском обществе все больше стало ощущаться настроение, сформулированное публицистом Александром Бауновым: главная проблема авторитарных режимов состоит в том, что здесь человек тоже мера всех вещей. Но суть дела в том, что в стране с авторитарным режимом все даже знают имя этого человека-автократора. И знают часто не в силу каких-то политических соображений — просто каждого гражданина рано или поздно начинает одолевать экономика. Так, например, в канун 2014 года российский обыватель должен был понять: почему это девальвация в 3% (доллар тогда подорожал с 33 до 34 рублей) поможет российским производителям? Год спустя, в канун 2015 года перед тем же обывателем снова возник аналогичный вопрос: почему это девальвация в 100% (доллар подорожал было до 80 рублей) тоже должны помочь отечественному производителю? В итоге, в неостановимом падении рубля без очевидных для обывателя причин, пишет Баунов, общество «беспокоит не столько оно само — падение, сколько то, что Владимир Путин, застывший у черты между правой и левой диктатурой, между капиталистической и не пойми какой, может махнуть на этот непонятный враждебный капитализм рукой и черту перейти. Пока-то он вроде за капитализм, но как-то ненадежно, не до конца убедительно, и это нам внутри видно, а снаружи уже и не разглядеть... Инвесторы и прочие капиталисты тоже чувствуют, что может махнуть и перейти, поэтому рубль и падает — быстрее, чем это можно было бы объяснить нефтью и даже Украиной» [31].

А в контексте Украины, отмечает «Газета.Ru», свои проблемы. Нервозная смена тактики в среде российских чиновников, отвечающих за работу в этом направлении, привели к тому, что за осенние три месяца 2014 года «летели головы не только начальников, но и рядовых сотрудников». Оказывается все дело в том, что в сентябре месяце провалилось несколько протестных акций на востоке Украины. А отстраненные сейчас чиновники как раз и занимались анализом ситуации и информационной поддержки этих акций. Их задачей, пишет упомянутое издание, как раз и было «создать, так скажем, пророссийские настроения на юго-востоке. Они не справились с задачей по укреплению доверия к России в регионе». И не справились не в последнюю очередь из-за профилактических мероприятий силовых структур и спецслужб Киева: «Противники киевской власти — коммунисты, бывшие регионалы, активисты Киева, сторонники федерализации и другие

сочувствующие ДНР и ЛНР группы — действительно организовывали демонстрации в Харькове, Одессе, Днепропетровске и других восточных регионах осенью, однако они еле набрали несколько сотен человек и серьезного влияния на обстановку в регионе не оказали. СБУ еще к концу лета постаралась взять под контроль всех пророссийских активистов для борьбы с сепаратистскими настроениями. Тысячи задержанных пророссийских активистов на территории Украины в ДНР и ЛНР считаются политзаключенными. Обычно они проходят по статьям за терроризм, экстремизм, госизмену, попытку подрыва территориальной целостности, сепаратизм и т.д.» [32].

И что бы кто ни говорил в оправдание кадровой перетряски в Москве, что это, дескать, было плановое замещение людей, которые подбирались под какие-то конкретные задания, но суть дела то в ином. Жесткое сопротивление украинских воинских соединений и добровольцев всевозможным сепаратистским группировкам, руководимым из Москвы, спутало все карты российским стратегам. Вот это неожиданное для Москвы сопротивление, по данным того же российского источника, привело к тому, что за девять месяцев 2014 года (после аннексии Крыма) генеральная линия Москвы по отношению к Украине менялась три раза. Да к тому же и усугубляющиеся санкции стран Запада стали одолевать. А это свидетельствует о том, считают российские аналитики, что успешным кураторство «украинского вопроса» в Москве не назовешь никак. Вне зависимости, кто бы его ни курировал, — то ли Сергей Глазьев, то ли Владислав Сурков: «Никакого «железного плана» нет, все ситуативно. То же самое с подбором кадров... Роль российских структур в поддержке протестного движения снизилась летом после волны зачистки пророссийских активистов украинскими спецслужбами. Теперь никому не рекомендуют протестовать открыто, а подпольной частью заведуют спецслужбы» [33].

Согласно данным той же «Газеты.Ru», применяемая в последнее время Россией тактика сводится к тому, что в организации вооруженных выступлений задействованы силовые структуры. В то же время работа чиновников Администрации президента заключается в том, что их периодически выводят на всевозможные передачи на федеральных каналах, а также тиражируют их выступления через газеты и сайты. Согласно стратегической линии, на первом этапе (до сентября 2014 г.) эти деятели провозглашали линию на поиск компромисса между ЛНР и ДНР и остальной Украиной, вплоть до проведения референдума о воссоединении. Потом кукловоды донецких сепаратистов убедились, что Россия

психологически Украину потеряла. А уж после назначения министров в украинском правительстве из числа иностранцев, на идее о всевозможных референдумах в Москве вообще было поставлено точку. Отныне тактика изменилась — в Москве стали видеть ЛНР и ДНР в статусе каких-то «независимых государств», а по отношению к Украине была поставлена задача вести информационную войну в расчёте переломить в будущем общественное настроение не в пользу украинской государственности.

Хотя и по поводу этой тактики высказываются серьезные сомнения. Так, заведующий кафедрой связей с общественностью МГИМО Валерий Соколов уверен, что никакие политтехнологии заведомо не могли принести успеха: «Нужна была регулярная армия и диверсионная деятельность в тылу. Республики существуют, и это уже безусловный успех. А будущее их похоже на будущее Приднестровья. Но с одной важной оговоркой. Расходы на их содержание будет нести Россия. Возможно, удастся заставить бежавшую в Россию украинскую элиту взять часть этих расходов на себя. Но в любом случае Донбасс превращается в «черную дыру» российской экономики, политики и геополитики. Стратегии в отношении Украины не было изначально. А аксиома стратегического управления гласит: никакие тактические успехи не могут компенсировать отсутствие стратегии: сторона, не имеющая стратегии, всегда проигрывает» [34].

Приходится констатировать, что пока стратеги от realpolitik выстраивают новые планы силового противостояния — один жестче другого — ситуация для жителей Донбасса только ухудшается. Сотни тысяч людей гуманитарными конвоями не накормишь и не обогреешь. Необходимо восстановление рабочих мест и финансового сектора. А они рушатся и в самой России, где в силу санкционных мер страдает не в последнюю очередь и гражданское общество. Хотя, по большему счету, оно тоже несет на себе часть политической вины, поскольку согласилось на силовое принуждение Украины к отказу от европейской системы ценностей, а 86% опрошенных россиян поддержали аннексию Крыма. Все это не может пройти бесследно: ложный путь «принуждения к братству» украинского народа с российским неминуемо приводит к фатальным последствиям для избравших этот путь.

А вот поиск нового пути — «ко-эволюции» разнообразных общественных институтов различных регионов мира, основанных не на примате «hard power», а на исторически сложившейся системе ценностей «soft power» — это уже предмет особого разговора.

Литература

1. Суслов Д. Всерьез и надолго. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Vserez-i-nadolgo-17102

2. Уолландер С. Дверь к более конструктивным отношениям не закрыта. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Dver-k-bolee-konstruktivnym-otnoshrniyam-ne-zakryta-17185

3. Президент России. Официальный сайт. Послание Президента Федеральному Собранию. — Доступно: http://news.kremlin.ru/transcripts/47173/print

4. Медведев Д. Россия и Украина: жизнь по новым правилам. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Rossiya-i-Ukraina-zhizn-po-novym-pravilam-17183

5. Уолландер С. Дверь к более конструктивным отношениям не закрыта. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Dver-k-bolee-konstruktivnym-otnoshrniyam-ne-zakryta-17185

6. Гаджиев К. С. Введение в политическую философию: Учебное пособие. — М.: «Логос». — 2004. — С. 209.

7. Куимова И. Неолиберализм. — Доступно: http://www.academia.edu/7110551%D0%9D%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%...

8. Жариков В. Правило набедренной повязки. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Pravilo-nabedrennoi-povyazki-17144

9. Фридман Дж. К чему приведут протесты на Украине? — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/K-chemu-privedut-protesty-na-Ukraine-16343

10. Прогноз Startfor: холодная война, национализм в Европе, провокации в Балтии и Украине. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22post-header%22%20style%3D%22margin%3A%200px%...

11. Фридман Дж. Перенося модель стратегического прогнозирования в Москву. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Perenosya-model-strategicheskogo-prognozirovaniya-v-Moskvu-17165

12. Фридман Дж. Перенося модель стратегического прогнозирования в Москву. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Perenosya-model-strategicheskogo-prognozirovaniya-v-Moskvu-17165

13. Фридман Дж. Перенося модель стратегического прогнозирования в Москву. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Perenosya-model-strategicheskogo-prognozirovaniya-v-Moskvu-17165

14. Фридман Дж. Перенося модель стратегического прогнозирования в Москву. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Perenosya-model-strategicheskogo-prognozirovaniya-v-Moskvu-17165

15. Меркель усомнилась в адекватности Путина. — LB.ua/ — Доступно: http://lb.ua/news/2014/03/03/257911_merkel_usomnilas_v_adekvatnosti.html?print

16. Примаков Е. Украина: тяжелое сегодня и сложное завтра. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Ukraine-tyazheoloe-segodnya-i-slozhnoe-zavtra-16954

17. Мерфи Р. Неадекватность Обамы в украинском вопросе замыкает круг. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Kholodnaya-voina-v-Evrope-ne-neizbezhnost-16950

18. Суслов Д. Всерьез и надолго. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Vserez-i-nadolgo-17102

19. Суслов Д. Всерьез и надолго. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Vserez-i-nadolgo-17102

20. Суслов Д. Всерьез и надолго. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Vserez-i-nadolgo-17102.

21. Экс-советник Путина: Войну с Украиной готовили долго, и она будет долговременной. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Ch1%20temprop%3D%22headline%2220style...

22. Фридман Дж. К чему приведут протесты на Украине? — Доступно: http://www.globalaffairs/ru/print/global-processes/K-chemu-privedut-protesty-na-Ukraine-16343

23. Фридман Дж. К чему приведут протесты на Украине? — Доступно: http://www.globalaffairs/ru/print/global-processes/K-chemu-privedut-protesty-na-Ukraine-16343

24. Сирук М. «Существует две большие проблемы Украины» // «День». — 2014 — № 237. — 17 декабря. — С. 3

25. Суслов Д. Всерьез и надолго. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Vserez-i-nadolgo-17102.

26. Арбатов А. Украина и реальная политика. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Ukraina-i-realnaya-politika-16754

27. Фридман Дж. Startfor: За что сражаются Россия и США в Украине. ОКО ПЛАНЕТЫ информационно-аналитический портал. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20id%3D%22news-id-245600%22%20style%3d%22color%3A%20grb...

28. Фридман Дж. Startfor: За что сражаются Россия и США в Украине. ОКО ПЛАНЕТЫ информационно-аналитический портал. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20id%3D%22news-id-245600%22%20style%3d%22color%3A%20grb...

29. Фридман Дж. Startfor: За что сражаются Россия и США в Украине. ОКО ПЛАНЕТЫ информационно-аналитический портал. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20id%3D%22news-id-245600%22%20style%3d%22color%3A%20grb...

30. Суслов Д. Всерьез и надолго. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Vserez-i-nadolgo-17102

31. Баунов А. Валютный занавес и конец путинской потребительской революции. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Valyutnyi-zanaves-i-konetc-putinskoi-potrebitelskoi-revolytcii-17188

32. Дергачев В. Не раскачали лодку. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Ne-reskachali-lodku-17163

33. Дергачев В. Не раскачали лодку. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Ne-reskachali-lodku-17163

34. Дергачев В. Не раскачали лодку. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Ne-reskachali-lodku-17163

Раздел IV.
РАСПУТИЦА: ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Отношение к геополитике в академических, да и вообще в интеллигентских кругах сложилось до недавних пор несколько пренебрежительное — как к фантому весьма недалеких людей, который уходит в прошлое и становится не столь уж и пугающим по мере нашего продвижения к евроатлантической цивилизации. Ну, кто, казалось бы, в наш просвещенный век, станет всерьез рассматривать идеи, основанные на смеси географии, биологии, мальтузианской демографии и т.д. Например, класть в основание анализа общественных отношений такой тезис: «географический рельеф государства как судьба». А ведь в писаниях ведущего российского геополитика Александра Дугина этот тезис служит базовым методом интерпретации прошлого и выступает как главный фактор человеческого бытия, организующий вокруг себя все остальные стороны существования.

Однако нас в Украине утешало то, что в серьезных научных кругах России близкие нам люди и коллеги-единомышленники относятся к Дугину как к типичному спойлеру (от англ. spoil — «портить»). Ведь, казалось бы, это так очевидно в век глобализации: политизация географического фактора относительно расселения того или иного этноса не просто абсурдна, но и крайне опасна — взять хотя бы тот же концепт «русского мира» с его двусмысленным толкованием понятия «соотечественники». Ведь гражданин Украины, оказывается, может являться, прежде всего «соотечественником» России. А потому, презрев свое гражданство, должен даже воевать против Украины. Где здесь предел цинизму?

Но, как говорится, мы здесь сталкиваемся с феноменом «очевидное — невероятное». Гибридная война в форме аннексии Россией Крыма, да и в обличье непрекращающегося наращивания военного противостояния на Донбассе вернули нас к суровой реальности. Показательными в этом отношении стали тезисы доклада Европейского совета по международным делам (ЕСМД), выпущенного в ноябре 2014 года: ***«В марте 2014 г. европейцы***

проснулись в мире Владимира Путина, где границы можно менять явочным путем, международные институты бессильны, экономическая взаимозависимость становится источником небезопасности, а предсказуемость — скорее обязанность, чем преимущество... Вторжение России в Украину заставило ЕС признать: вместо того, чтобы медленно, буквально молекулярно распространиться на весь континент, а в конечном итоге — на всю планету, его ***идея европейского порядка рухнула***. Постмодернистский европейский порядок неожиданно оказался в загоне. Так же, как распад Югославии положил конец европейскому порядку времен холодной войны, кризис в Крыму ознаменовал окончание постбиполярного европейского порядка» [1].

Стало ясно, что слухи о скоропостижной смерти геополитики оказались несколько преувеличенными. Более того — геополитика возродилась, хотя и в слегка подретушированном, но от этого не менее опасном и кровавом обличье. Идеологема «особого пути» и «особой демократии» в России стала не просто способом оправдания незыблемости ее авторитарного режима, но и источником несчастий, страданий и смертей — в первую очередь Украины. То есть, будучи идеологически развенчанной, геополитика насаждается ежеминутно российскими властями в сфере практической политики. Некоторый элемент оптимизма вносила разве что вера людей — тех русских и украинцев, которые не принимают социал-дарвинистский взгляд на мир как исключительно арену «внутривидовой» борьбы государств, где народы — враги, мир — ринг, государства — бойцы в нем, а конфликт — основа основ существования и взаимоотношений.

Но, тем не менее, сейчас приходит понимание того, что «***концепт геополитики сегодня требует... самого пристального внимания, поскольку за его стремлением к реинкарнации стоят реальные угрозы общецивилизационного характера***». Другими словами: геополитика — это суровая реальность наших дней, и порожденные нею драмы «должны изучаться и анализироваться, но как своего рода политическая криминология... ***Подход к международной политике как к «игре с нулевой суммой», в которой выигрыш одного равен проигрышу другого, идеологически полностью дискредитирован. Но это не уничтожило его практическую живучесть***» [2].

4.1. Новый мировой беспорядок

Обращаясь к опыту истории, блестящий интеллектуал и опытный дипломат Европейского союза Роберт Френсис Купер в своей книге «Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке» выделяет темные полосы общественно-политической смуты в жизни Европы. Среди худших из времен он называл Столетнюю войну XIV–XV веков, Тридцатилетнюю войну XVII века, две мировые войны первой половины XX века. Из них средневековые войны были наиболее кровопролитные и беспощадные — не зря ведь в них государственная мощь была умноженная на фанатизм верующих. А отсюда и результаты, когда, например, в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648) погибла треть населения Германии. Двадцатый век не уступил средневековью уровнем своих преступлений перед человечностью: здесь для уничтожения более 60 миллионов человек. Во время Второй мировой войны к средневековому фанатизму было присовокуплено еще и оружие массового поражения. Главными же причинами крушения порядка и воцарения хаоса было то, что государство, гражданское общество, церковь и иные системы взаимных обязательств утратили способность сдерживать агрессию. И нет никаких гарантий, что все это — в прошлом.

А значит, не исключено и то, что перспективы XXI века могут оказаться еще хуже всех перечисленных выше уроков истории. Ведь время шло, а фактор агрессии и до наших дней все еще не преодолен. Основная угроза в XXI веке по-прежнему исходит от социальной анархии и все более совершенствуемой технологии убийства. В итоге, основное предостережение Френсиса Купера сводится к следующему: «Возможно, что распространение терроризма и оружия массового поражения служит предвестником мироустройства, в котором правительства западных стран утратят контроль над событиями». ***Это может случиться вследствие «масштабного перераспределения влияния и власти от развитых промышленных (и демократических) государств к относительно небольшим, менее стабильным и, возможно, менее заинтересованным в устойчивости мирового порядка странам. Или, что еще опаснее, оно может привести к переходу рычагов влияния от государства к отдельным личностям, в рассматриваемом случае — к террористам и преступникам»*** [3].

Обозначенная проблема, на наш взгляд, одна из основных, но практически обойденных вниманием аналитиков при рассмотрении украинского кризиса. Какая бы проблема ни была поднята, политологическая тусовка неизменно топчется на небольшом пя-

тачке — «позиция Путина», «позиция Порошенко», «позиция Меркель», «позиция Обамы» и т.д. В конечном итоге все это сводится к тому, что важнейшие вопросы войны и мира как бы заведомо отдаются на откуп узкого круга лидеров ведущих стран. Но это еще полдела. Появились адепты «демократического разжижения власти» в Украине в пользу провинциальной политической шпаны (Крым, ЛНР и ДНР), либо регионального олигархата. Видимо не случайно они звучат в резонансе призывов Путина решать проблему Донбасса по лекалам Чечни. Тем временем, российские спецслужбы демонстрируют свое «умение решать вопросы», предлагая свои услуги и в наведении порядка в Украине. А ведь дело то идет практически к оформлению террористического государства.

И здесь следует отдать должное широте взгляда и гражданской позиции президента Литвы Дали Грибаускайте, назвавшую Россию «террористическим государством»: «Украина сегодня борется за мир во всей Европе, за всех нас. Если террористическое государство, которое осуществляет агрессию против своего соседа, не остановить, то агрессия может распространиться по всей Европе и дальше». Интересен и показателен отзыв в блоге «Эхо Москвы» на это высказывание, где истинно русский человек откровенно и естественно для своего понимания вопрошает: «Так, когда будем брать Вильно? А Литве её историческую столицу оставим — Каунас!» [4]. Вот они, горькие плоды геополитики — распивочно и на вынос — для широких масс трудящихся!

Все это — не просто частные примеры, а показательные фрагменты уже достаточно явно определившихся общественно-политических трендов. А если подбить краткий итог прошедшего 2014 года, то в целом подтверждается мнение, высказанное в свое время Хедли Буллом в его классическом труде «Анархическое общество». Речь идет о том, что в мире всегда происходит столкновение сил порядка и беспорядка, причем характер эпохи зависит от баланса между ними. Источником порядка являются государства, организации и лица, приверженные имеющимся международным правилам и договоренностям, а также заранее определенному процессу их изменения. Источник беспорядка — государства, организации и лица, отвергающие эти правила и договоренности в принципе, считающие себя вправе игнорировать или подрывать их. На баланс между этими силами могут влиять мировые тенденции, в какой-то степени неподконтрольные правительствам и создающие контекст для выбора актеров. ***В наши дни баланс порядка и беспорядка смещается в направлении хаоса. Причины отчасти носят структурный характер, но некоторые из них***

являются следствием неправильного выбора значимых игроков. Их ошибки следует регулярно вскрывать и предавать общественному мнению, что позволит, по крайней мере частично, их исправлять [5].

Если посмотреть на мир в целом, то сегодня средоточие беспорядков не только лишь Ближний Восток. Азия наших дней — тоже растущий потенциал дестабилизации. Некоторые современные вызовы порядку вносят и общемировые аспекты глобализации, включая трансграничные потоки террористов, вирусы (биологические в виртуальные), а также выбросы парниковых газов. Поскольку активные институциональные механизмы для их сдерживания или управления отсутствуют, они таят в себе угрозу подрыва и снижения качества системы в целом.

Все это верно но, судя по отзывам аналитиков, эти вызовы могут быть растянуты во времени и не так трагичны для краткосрочной перспективы, как мы это иногда себе представляем. И здесь более показательным может быть предупреждение заведующего отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН Дмитрия Ефременко: «***Украина лишь открывает серию конфликтов, которыми сопровождается становление полицентричной системы международных отношений.*** Необходим многосторонний механизм раннего предупреждения и урегулирования кризисов в Европе и северной Евразии» [6].

Да, конечно, сегодня много споров ведется о принципах международного порядка. Чего только стоит нарушение Будапештского меморандума 1994 года! К тому же уже длительное время существует определенный консенсус по поводу неприемлемости обретения новых территорий силой (вспомнить хотя бы Кувейт 1990 года). Однако, отмечал уже летом 2014 года президент Совета по международным отношениям Ричард Хаас, цена этих споров и торжественных заявлений о нерушимости границ подчас весьма невелика: «***в следующем поколении от этого консенсуса не осталось и следа, и России удалось избежать всеобщего осуждения за захват Крыма весной этого года.*** Остается гадать, как часть нашего мира отреагирует на попытку Китая силой овладеть спорным воздушным пространством, морской акваторией или сушей. Еще меньше единства в вопросе о суверенитете, когда речь идет о праве внешних сил вмешиваться для предотвращения репрессий или геноцида правительства против своих граждан или невыполнения им своих обязанностей. Концепция «обязанности защищать», одобренная ООН 10 лет назад, больше не пользуется единодушной поддержкой стран-членов, которые не способны до-

говориться, в каких случаях участие в делах других государств следует считать законным и оправданным» [7].

Однако, отметим мы, не все так и печально в нашем европейском доме. Прежде всего, следует акцентировать внимание на том, что статья Ричарда Хааса была опубликована еще летом 2014 года в № 6 журнала Foreign Affairs, когда США и Евросоюз только отрабатывали формулировки относительно оценок аннексии Крыма. Но впоследствии точка зрения на украинскую проблему стала обретать все более отчетливые контуры. Так, отвечая в октябре 2014 года на вопрос журналистов — «Может ли администрация Обамы описать то, что происходит в Украине, как вторжение в эту страну?» — Збигнев Бжезинский констатировал: «Я думаю, в первую очередь, мы должны отметить, что, на самом деле, это мнение разделяет большая часть международного сообщества. А как это еще назвать? Российские войска переходят границу. Российские танки пересекают границу. Россия постоянно ведет артиллерийские обстрелы через границу. Кроме того, там есть и пророссийски настроенные украинцы, которых вооружила Россия. Это военная операция, направленная против соседнего государства и, следовательно, она является серьезной угрозой для всего мира» [8].

Впоследствии, как это видно из резолюций Конгресса США, а также Европарламента и Совета Европы, отношение к России как к агрессору становилось все больше однозначным. Как украинские власти, так и США и ЕС, расценивают ныне факт присоединения Крыма и Севастополя к России не иначе, как аннексию и не признают законность этого присоединения. Например, Президент США Барак Обама заявил, что «Соединенные Штаты также будут продолжать поддерживать суверенитет и территориальную целостность Украины, так как это способствует мирному урегулированию конфликта на востоке страны и возвращению Крыма» [9].

Сейчас Европа как бы опомнилась, отошла от шока грубой аннексии Крыма. Она осмысливает события прошедшего года уже в более адекватных категориях. В частности, 15 января 2015 года Европейский парламент принял очередную резолюцию по Украине. В ней значится, что незаконная аннексия Крымского полуострова является первым в Европе со времен Второй мировой войны случаем насильственного присоединения части одной страны к другой и нарушением международного права, включая Устав ООН, Хельсинкский заключительный акт и Будапештское соглашение 1994 года. Этот документ содержит в себе не просто осуждение агрессивных действий России, но и (наконец то!) предложение к странам-членам — о предоставлении Украине летального оружия.

В резолюции значится, что Европейский парламент решительно осуждает агрессивную и экспансионистскую политику России, которая является угрозой единству и независимости Украины и создает потенциальную угрозу для самого Европейского союза. В том числе Европарламент осуждает незаконную аннексию Крыма и необъявленную гибридную войну против Украины, включающую в себя информационную войну с элементами кибервойны, использование регулярных и нерегулярных сил, пропаганду, энергетический шантаж, экономическое давление, дипломатическую и политическую дестабилизацию. В документе подчеркивается, что эти два действия являются нарушением международного права и создают серьезный вызов для ситуации безопасности в Европе. Тем более нет никаких оснований для применения военной силы в Европе по так называемым историческим мотивам и соображениям безопасности или ради защиты своих «соотечественников, проживающих за рубежом». Резолюция призывает Москву прекратить эскалацию ситуации, немедленно остановить поток оружия, наемников и войск в поддержку сепаратистских вооруженных формирований и использовать свое влияние на сепаратистов, чтобы убедить их участвовать в политическом процессе.

Осуждая акты терроризма и преступления, совершенные сепаратистами и другими нерегулярными силами в Восточной Украине, Европарламент предлагает Европейскому совету принять дальнейшие ограничительные меры и расширить сферу их применения таким образом, чтобы санкции касались ядерного сектора и ограничивали способность российских предприятий проводить международные финансовые операции. Более того, резолюция гласит, что ЕС должен быть готов поддержать государства, которые граничат с государствами-членами — им должен быть предоставлен тот же уровень безопасности, как и всем государствам-членам. Следует особо отметить то положение резолюции, что ЕС должен оказать поддержку проведению реформ в Украине, а Украина имеет все основания претендовать на полное членство в ЕС [10].

Анализируемая резолюция Совета Европы создала благоприятную атмосферу для дальнейшей проработки линии на осуждение мировой общественностью агрессивного курса России по отношению к Украине. Необходимость покончить с неопределенным статусом событий на юго-восточной части Украины, приобретших весьма расплывчатое определение как некоей «гибридной войны», объективно назревала уже давно. Однако в каждом процессе, в силу тех или иных обстоятельств, складывается своя логика, часто далекая от какого-то единого шаблона. Так и в нашем случае:

в силу необходимости блокировать пропагандистскую агрессию России стало крайне важно создать международный имидж Украины как жертвы агрессии, а России — имидж агрессора.

В создавшихся условиях 27 января 2015 года Верховная Рада приняла под № 1854 фактически два документа: постановление и дополнение к нему. Постановление утверждает текст обращения Верховной Рады к ООН, Европейскому парламенту, Парламентской ассамблее Совета Европы, Парламентской ассамблеи НАТО и другим международным структурам, а также поручает председателю Верховной Рады Владимиру Гройсману направить текст обращения вышеуказанным организациям и уточняет, что документ вступает в силу со дня принятия. Дополнение, собственно, это и есть текст обращения ВР.

Среди ключевых пунктов обращения мы бы выделили, во-первых, перечисление кровавых трагедий последнего года, где прямым текстом было заявлено: «Очевидной является причастность России к таким терактам, как сбивание гражданского пассажирского самолета рейса МН17, трагедии в Волновахе, Донецке и Мариуполе». Во-вторых, после изложения пояснительной части, постановление гласит: «Принимая во внимание нормы Устава ООН и с учетом положений Резолюции Генеральной ассамблеи ООН 3314 «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 года, Верховная Рада Украины признает Российскую Федерацию государством-агрессором» [11].

Далее Верховная Рада призывает международных партнеров к серии действий: 1) не допускать безнаказанности виновных в преступлениях против человечности; 2) ***признать Российскую Федерацию государством-агрессором, которое всесторонне поддерживает терроризм и блокирует деятельность Совета Безопасности ООН, чем ставит под угрозу международный мир и безопасность, а так называемые «ДНР» и «ЛНР» признать террористическими организациями***; 3) усилить давление на РФ, в том числе путем введения новых санкций; 4) ограничить полномочия российской делегации в Парламентской Ассамблее Совета Европы до тех пор, пока РФ не прекратит игнорирование требования международного демократического сообщества; 5) предоставить Украине необходимую военную помощь с целью усиления ее оборонных возможностей, гуманитарную помощь для пострадавшего мирного населения и внутренних беженцев, а также содействовать восстановлению критически важной инфраструктуры на Донбассе.

Можно ли считать принятое постановление рубежным документом в определении нынешнего характера украинско-российских

отношений? Вряд ли, но не исключено, что это будет одним из показательных свидетельств и осмысления создавшейся ситуации, и придания ей соответствующего политико-правового оформления. Рубежным документом, судя по всему, могло бы быть или установление прочного мира, или же введение военного положения в Украине. К первому, судя по всему, не готова Россия. По заключению Джорджа Сороса, «Путин спешит уничтожить Украину до того момента, когда обвал российской экономики приведет к социальным протестам россиян». В то же время, как Запад фактически не заметил Волноваху и Мариуполь, поспешное «добивание» Украины ведется Россией по всем фронтам: военном, гуманитарном, психологическом. По мнению многих экспертов, «главная цель нынешнего зимнего наступления «русских» — запугать украинцев бессмысленностью войны и сорвать мобилизацию» [12].

Ко второму — введению военного положения — не готова Украина. И не только из-за невозможности получать в этом случае финансовую помощь из-за границы. Самая первая причина тому, заявил в то время замглавы администрации президента Валерий Чалый, — «невозможность при таком раскладе получать из-за границы вооружение, в том числе и столь необходимые нам танки, БТРы... Сейчас же мы такую помощь получаем, можем свободно покупать и оружие у тех стран, которым не запрещена такая торговля. Вторая же причина заключается в том, что президент получил бы неограниченную власть с параллельным ограничением прав и свобод граждан. На сегодняшний день на Донбассе мы и без введения военного положения подходим к тому, что военные берут на себя практически все функции и полномочия, которые они бы получили, будь ВП объявлено» [13].

Конечно, ситуация продолжает оставаться двусмысленной. Так, с политико-правовой точки зрения говорить о каких-либо последствиях принятия постановления Верховной Рады о признании России агрессором было бы вряд ли уместно. Они были бы уместны только в случае введения военного положения. Но, тем не менее, ***по мнению экспертов, объявление России агрессором можно рассматривать как первый шаг к введению военного положения (военное положение равнозначно официальному объявлению войны России). И если запускается именно военный сценарий, тогда постановление Верховной Рады нацелено на то, чтобы предварительно создать Украине международный статус жертвы, а России — имидж агрессора, пусть даже такой активный PR и весьма нетрадиционен с точки зрения международного права*** [14].

Однако первые результаты такого подхода уже налицо — 28 января 2015 года Парламентская Ассамблея Совета Европы утвердила резолюцию, в которой однозначно признала, что Российская Федерация является виновной в агрессии против Украины. Из 155 депутатов, присутствующих в зале на момент утверждения резолюции, «за» проголосовало 140, и лишь 7 — «против». Естественно, что это были депутаты от РФ. Обвиняя Россию в эскалации конфликта, ПАСЕ обратилась к России с призывом «в дальнейшем воздерживаться от финансирования терроризма в Украине, не оказывать поддержку незаконным вооруженным группам, а также повлиять на них для выполнения минских соглашений». Что же касается так называемых «гуманитарных конвоев», то ПАСЕ констатировала, что действия РФ являются нарушениями международного права, и что на самом деле регулярно отправляемые Россией фуры не являются гуманитарными конвоями. Показательно и то, что попытки россиян удалить из текста строки о незаконной аннексии Крыма закончились ничем [15].

4.2. Европа: преодоление иллюзий

Важность документов, принятых Верховной Радой, ПАСЕ и Европарламентом несомненна. Но возникает законный вопрос: а был ли он услышан российской стороной? На наш взгляд, если и был услышан, то не воспринят — мешает своеобразный «геополитический астигматизм». Так, в Госдуме уже в который раз было обвинено Европарламент в том, что он якобы является лишь «рупором Вашингтона и проводником на европейском континенте идей американской гегемонии». Украинская власть, в свою очередь, была объявлена «наместницей внешних сил». В целом — одни пропагандистские штампы и больше ничего [16]. Так, в Госдуме заявили, что признание России страной-агрессором «находится за рамками права»: «Умные люди на бред никогда вообще не обращают внимания. К сожалению, то, что происходит в Украине, находится за рамками права, за пределами разумного. Последние решения (о признания РФ страной агрессором) — из этой категории» [17]. Да и могла ли страна-агрессор реагировать по-другому?

Материалы ведущих военно-политических аналитиков России, опубликованные уже в 2015 году, сами по себе подтверждают превалирующее в стране желание привести «к окончательному решению украинского вопроса». Тут уместно вспомнить о подобном желании Гитлера по отношению к окончательному решению

«еврейского вопроса». И здесь нет преувеличения: решение видится исключительно как силовое: «Нынешняя ситуация на Донбассе и Востоке Украины неприемлема для России не только с точки зрения военно-политических и гуманитарных обстоятельств, но и по национально-стратегическим соображениям. Резкое ухудшение гуманитарной обстановки на Донбассе дискредитирует концепцию «русского мира», не способствует пророссийским настроениям среди жителей Донбасса (которые поддерживали присоединение своих областей к относительно богатой России, а не превращение их в Сталинград), деморализует население других русскоязычных областей Украины, отнюдь не желающих себе подобной участи. Разрушение Донбасса и страдания его жителей наносят колоссальный ущерб образу России на всем постсоветском пространстве. Поэтому для русского дела жизненно важно, как можно скорее положить конец войне на Юго-Востоке Украины и обеспечить мир и покой его населению. Этого парадоксальным образом можно достичь только военными методами: решительным ударом по украинским властям и вооруженным силам...». Поскольку введение новых санкций Западом неотвратимо, считают эти российские аналитики, то это даже лучше — «развязывает нам руки». А потому только силовые методы могут «заставить Киев пойти навстречу русским требованиям, разорвать связь между Киевом и западными столицами и, в конечном счете, привести к переговорам» и «заставить считаться с мнением Москвы» [18].

Все это приводит к мысли, что ***осуществив в ряде своих резолюций глубокий анализ кризисной ситуации, сложившейся вокруг Украины, европейскому сообществу предстоит сделать еще ряд шагов в сторону осмысления логики и понятийного инструментария российского мироощущения и политического мышления***. По нашему пониманию, если европейская система ценностей и надлежащий понятийный аппарат отвергается Россией по определению в пользу силового сценария, то наивно было бы предполагать, что содержащиеся в резолюции положения сразу же возымеют положительный эффект на российское руководство. А потому, на наш взгляд, следовало бы обратиться к анализу некоторых положений таких известных европейских аналитиков как Иван Крастев и Марк Леонард. А они утверждают: «***аннексия Крыма показала, что Запад неправильно истолковал поведение России по целому ряду вопросов***».

Рассмотрим эти вопросы в тезисном изложении. Во-первых, европейцы после завершения холодной войны ошибочно приняли неспособность России блокировать создание нового европейского

порядка за согласие с ним. Зато более адекватно отразил особенность российского менталитета стратег-любитель Вадим Цимбурский в статье «Остров Россия», где геополитическая судьба России мыслилась в виде острова, которому проще выжить, отрезав себя от Европы. Причина тому — Россия слишком слабая и фрагментированная, чтобы добиться успеха в глобализированном мире. В итоге, считают Карстев и Леонард, строительство государства «с твердым панцирем», которое можно интегрировать в глобальную экономику, стало главной целью Путина: «Его никогда не интересовало присоединение к Западу. Москву не привлекала имитация западных ценностей, она хотела воспроизводить поведение на международной арене Соединенных Штатов» [19].

Во-вторых, европейцы наивно полагали, что Россия замкнется в региональных рамках консервативной внешней политики. На самом деле, российская элита больше чем европейская была склонна думать о своей выдающейся роли во всемирной истории и сочетать коррупционную меркантильность с мессианством. То есть, «путинский ревизионизм оказался более глубоким, чем полагали европейцы».

В-третьих, европейцы не смогли надлежащим образом оценить психологическое воздействие «цветных революций» на Россию: «Оранжевая революция» на Украине стала для российского руководства своего рода собственным 11 сентября. С этого момента президент России рассматривал дистанционно управляемые уличные протесты как главную угрозу своему режиму. Вновь была реанимирована идея о «России — осажденной крепости». А финансовый кризис 2009 года вообще привел к умозаключению о необходимости «иметь собственный экономический регион», где нежелательно присутствие не только НАТО, но и Европейского союза [20].

В-четвертых, Европа сделала неправильные выводы о соотношении сил. Нет сомнения, что Запад сильнее России. Однако Европой было проигнорировано замечание Дэвида Брукса о «восстании слабых». Так, в войнах с 1800 по 1849 гг. слабая сторона добивалась стратегических целей в 12% случаев. В войнах с 1950 по 1998 — слабая сторона побеждала уже в 55% случаев. Причина — слабой стороне уже нет нужды побеждать или уничтожать противника, достаточно было удержать позиции и измотать сильного противника, истощив его политические и человеческие ресурсы. Россия пользуется тем, что в локальных конфликтах определить силу и слабость очень трудно.

И наконец, считают Карстев и Леонард, европейцы не смогли понять, насколько уязвимым чувствует себя Путин в своей стране.

С одной стороны, с населением России он как бы заключил негласное соглашение об обмене роста благосостояния на неучастие граждан в политике. Но, с другой стороны, все испортила «зима недовольства» 2011/2012 в Москве. Путин решил, что российская элита уж слишком «вросла» в Европу, а потому основным приоритетом для президента стала «национализация элиты». ***Отсюда логика российской геополитики в отношении Украины стала сводиться к тому, что: «Путин должен был взять Крым, чтобы сохранить контроль над элитами. Путин должен был взять всю Украину. Многие на Западе думают, что Путин опасается либеральной и демократической России, но его главные страхи всегда были связаны с националистической Россией, которая не простит ему потери Украины»*** [21].

Именно поэтому, по мнению Крастева и Леонарда, путинская Россия постоянно пребывала в роли ревизиониста европейского порядка, поставив перед собой задачу создания нового порядка, который бы обеспечивал выживание режима русской власти даже после ухода Путина. В этом смысле аннексия Крыма — не просто начало украинского кризиса, а прежде всего финальная стадия затянувшегося российского кризиса, выхода из которого не просматривается даже самими российскими идеологами.

Взять хотя бы прогноз на 2015 год в изложении почетного председателя Совета по внешней и оборонной политике России Сергея Караганова. Ни на что позитивное, по его мнению, в новом году России не приходится рассчитывать: «***в следующем году мир будет таким же, как и сейчас — миром нарастающего хаоса***». Откуда проистекает этот хаос в понимании Караганова — ни для кого давно не секрет: все тот же злокозненный Запад, нарушающий устоявшийся порядок и вынашивающий подрывные планы против России. Так чему же удивляться, если, дескать, уже появились негативные тренды. А заключаются они в том, цинично признает Караганов, что «***к компании западных разрушителей существующего международного порядка присоединилась и Россия, жестко действуя на Украине и в Крыму***... Россия не может позволить себе вхождения в НАТО государства, с которым она имеет более 2000 км незащищенной границы» [22].

Читаешь эту «аналитику» и приходишь к заключению: все в мире течет, но в геополитическом мышлении России ничего не меняется. Чего добивается Россия — так это того, чтобы мир признал ее место в «высшей лиге» лидирующих государств мира, а также ее право на контроль над сопредельной зоной государств «ближнего зарубежья». Наличие арсенала ядерного оружия, по

мнению Караганова, уже дает ей право быть «третьим по влиянию государством», за которым следует огромный отрыв других государств — тех, которые помельче.

Следует учитывать и то, считает Караганов, что после коллапса СССР Россия в Европе не получила того места, которое она считает выгодным и законным. Но именно это и «привело к действиям в стиле геополитического ревизионизма». То есть, ***Россию якобы втянули в ситуацию традиционной геополитики, «которая уже много раз приводила к открытым конфликтам», и она вольно или невольно вынуждена была следовать этому курсу***. И тут уж, стало быть, ничего не поделаешь — «с волками жить, по-волчьи выть». Хотя политика эта и рискованная: «Можем и провалиться. Особенно при отсутствии решительных экономических и правовых реформ. Последние 8 лет их не было, и мы, поворовывая, проедая ренту, поругиваясь и побалтывая про модернизацию, уверенно катились вниз. Остается надеяться, что кризис вразумит» [23].

Можно ли Украине при подобном образе мышления надеяться на взаимное понимание со стороны России? Вряд ли. Но и назвать ситуацию, созданную агрессией России, в привычном понимании новой «холодной войной» международному сообществу пока что тоже не с руки. Ведь в прошлом суть холодной войны состояла в том, что конфронтация между Москвой и Западом зиждилась в первую очередь на решении идеологического вопроса: «За кем будущее?». Речь шла в первую очередь о том, кто может предложить более эффективную модель «нового мира». Сегодня ситуация совершенно другая: Россия даже и не ставит перед собой подобной задачи. Она не в состоянии предложить миру какую-то модель развития взамен существующей европейской модели либеральной демократии. Да и нынешний конфликт между Москвой и Евросоюзом объективно призван был разрешить вопрос вовсе не о будущем, а о том, кто «здесь и сейчас» живет в мире «реальном», а кто — в мире иллюзорном.

Все это очень печально. А ведь было время, когда Россия, казалось бы, определилась в своей ориентации на Европу. Ту самую Европу, которая с 1989 года зафиксировала разрыв с инерцией насильственной истории. И тогда появилась надежда, что закончилась не просто Вторая мировая война, и не просто холодная война. Что принципиальным отличием новейших времен стало то, что в Европе завершили свое существование политические системы, базировавшиеся в течение трех столетий на балансе сил и имперских амбициях. Появилось ощущение того, что пережив

век, в котором европейская государственная система породила войны катастрофических масштабов, европейские страны, наконец-то, стали ценить среду, в которой государства взаимодействуют в рамках права, а конфликты улаживаются мирным путем. Желание распространить такой порядок на остальной мир было естественно и похвально.

Да и жизнь показывала, что отказ от политики силы стал приносить Европе великие блага. Но, к сожалению, он же породил и многочисленные иллюзии. Ведь не секрет, что пребывая в эйфории от собственных новаций, Европа, казалось, забыла очень старую истину. А она гласит: для всякого человека, умеющего обращаться только с молотком, любая проблема выглядит как гвоздь. Вот в 2014 году этот молоток в руках Путина и напомнил о себе.

4.3. Научно-экспертный сервилизм

Короля, как это водится, играет свита. Эта же свита в России час от часу выступает в роли того самого молотка для забивания гвоздей. Российские аналитики, уделяя определенное место выискиванию разнообразных «объективных» предпосылок аннексии Крыма и прямого участия России в террористических действиях на Донбассе, не могут обойти проблему личностного фактора Путина в контексте его окружения — делового, политического, да и научно-экспертного. И мы бы не стали предъявлять нашим коллегам слишком большие претензии в раскрытии этого феномена — война есть война, а в условиях военного времени каждому человеку присуще стремление выжить и не попасть из-за своих убеждений под карающую десницу соответствующих силовых структур. Если не каждому, то многим — это личностный выбор каждого, и никто не вправе требовать какой-то едино правильной линии поведения. Хотя, как говорится, при любых условиях желательно оставаться порядочным человеком. Но это уже вопрос философский — как понимать порядочность.

Мы даже допускаем вариант, что многие работники научных учреждений и университетская профессура России искренне разделяют те или другие политические взгляды. И это их законное право, и проблема вовсе не в том, что взгляды многих из них далеки от русла либеральной демократии. Проблема значительно хуже — исповедуемые ими взгляды порой пребывают просто вне контекста рационального мировосприятия. И с этим тоже приходится считаться. Как поется в песне Розенбаума: «люди — раз-

ные, песни — разные». И нет ничего удивительного в том, что если уж российскому правящему классу свойственны экспансионизм и имперские амбиции, то куда уж тут деваться всецело зависящим от государственного финансирования работникам науки и образования. Не потому ли, согласно аналитикам Высшей школы экономики (весьма авторитетного научно-образовательного заведения) Эдуарда Панарина и Бориса Соколова, по состоянию на 2012 год ***наибольшей поддержкой «широкая» имперская трактовка национальных интересов России пользовалась «среди представителей законодательных органов (64%), медиаструктур (57,4%), а также деятелей науки и образования (61,3%)»***. А объяснением этого ура-патриотического единения науки и власти, считают эти аналитики, «может служить тот факт, что образование и культура, медиапространство и законотворческие институты являются сегодня наиболее идеологизированными сферами общественной жизни» [24].

Конечно же, не все в политическом классе и его обслуживающем научном и медийном сообществе являются приверженцами жесткой имперской политики на международной арене. Панарин и Соколов тоже подчёркивают, что, дескать, «не все одним миром мазаны». В России, например, «средний эшелон власти все больше представлен людьми, в глазах которых внутренняя политика и дела ближнего зарубежья имеют большее значение для российских национальных интересов, чем претензии на глобальное лидерство». Но, ***то ли речь идет о глобальных амбициях России, то ли претензиях на «ближнее зарубежье», но число уверенных в том, что именно военная сила является решающим фактором международных отношений, увеличивается***. Так, в 2012 году, когда Россия еще только «сосредотачивалась» в отношении Украины, но, тем не менее, уже тогда «большая часть опрошенных была согласна с тем, что ***войска можно использовать для защиты интересов русскоязычного населения в странах бывшего СССР***. Процент рассматривающих угнетение русскоязычного населения как повод для военной интервенции сопоставим с долей тех, кто полагает допустимым использовать силу по таким поводам, как защита экономических интересов страны или поддержка баланса сил с Западом: 68,9% против 70,6% и 69,9%, соответственно — хотя и здесь не наблюдается такого единогласия, как в вопросах защиты территориальной целостности и национальных интересов (> 99% в обоих случаях) » [25]. Другими словами, где-где, а уж в ближнем зарубежье нечего церемониться — тут можно и войска употребить.

Но это не значит, что Россия дистанцируется от глобальных устремлений. Враг № 1 может официально и не называться, но подспудно обществу дают понять, что это — Соединенные Штаты Америки. Так, Панарин и Соколов, ссылаясь на данные «Левада-Центра», утверждают, что число представителей элиты, полагающих Соединенные Штаты враждебным государством, значительно выросло, как и число «ястребов». «Левада-Центр» сообщает, что в мае 2014 года нелюбовь россиян к американцам достигла исторического максимума: 71% граждан России заявили, что плохо относятся к Соединенным Штатам, тогда как вначале 1990-х таких было меньше 10 процентов. Учитывая, что уровень антиамериканизма среди элит России в предшествующие два десятилетия был выше, чем в среднем по стране, «можно предположить, что людей с проамериканскими взглядами (по крайней мере, готовых заявить о своих убеждениях публично) наверху осталось немного. Наверняка увеличилось среди элиты и число сторонников экспансионистской политики, и число «ястребов», полагающих, что основным инструментом разрешения международных споров является военная сила» [26].

И вот здесь мы подходим к точке отсчета в оценке субъективного фактора в определении внешней политики России. По логике вышеупомянутых авторов, раз уж в России сложилась такая система ценностей, да и соответствующий уровень понимания экспансионистских задач внешней политики, то, дескать, ***«власть ради сохранения поддержки — как на уровне элит, так и на уровне масс — вынуждена проводить все более жесткую внешнюю политику»***. При этом авторы демонстрируют несколько своеобразное понимание геополитики: решение глобальных задач, конечно, России не по плечу, но уж в регионе «ближнего зарубежья» она своего не упустит и заставит каждого считаться с российскими интересами. И в этом пункте аналитики Высшей школы экономики выразили свою полную солидарность с экспансионистской политикой властей: «Российская элита не претендует на глобальное господство. Вместе с тем ***она рассматривает ближнее зарубежье как естественную сферу национальных интересов. Не вызывает сомнений, что нынешние российские лидеры готовы использовать вооруженную силу для защиты интересов страны, в том числе и на территории сопредельных государств***. Является ли подобная позиция угрозой для кого бы то ни было или просто отражает естественный ход мыслей любой национальной элиты — вопрос другого рода. Однако это необходимая вводная информация, которую должен учитывать любой партнер — или оппонент — Рос-

сии в начале переговоров по выходу из кризиса и выстраивании конструктивной линии межгосударственных отношений» [27].

Вот в этом навязывании как допустимого и даже непременного факта — использования вооруженной силы на территории сопредельных государств во имя достижения российских национальных интересов — виден весь абсурд и самой политики России, и оправдывающих ее геополитических концепций. Видимо не зря известный российский аналитик Виктор Макаренко предложил анализировать политику как мир реализованного абсурда. Но иными словами, если рассматривать вопрос с точки зрения философской, «абсурд — это констатация смыслового, логического, бытийного и языкового бессилия обнаружить организующее начало в окружающем мире. Тем самым абсурд как адепт конца света и вселенского хаоса вплотную связан с кризисом культуры и проблемой его интерпретации» [28].

Объяснение российскими учеными-охранителями необходимости агрессии против сопредельного государства лишь только тем аргументом, что это отвечает национальным интересам «моего» государства, является еще одним свидетельством сервилизма значительной части российской интеллигенции. Об этом феномене сервилизма в свое время писал российский исследователь Вячеслав Кемеров. Для категории «служилой» интеллигенции, писал он, геополитика — очередная интеллектуально-политическая мода, возникшая в условиях кризиса определенных социально-политических структур и методов социально-политического анализа. Кемеров описал специфику этой российской интеллектуальной моды таким образом: неприязнь к логике — общее свойство русской интеллигенции; равнодушие к методологии — общая характеристика обществоведов; превалирование словесного творчества — над анализом реальных проблем. Используемая ими геополитика является результирующим итогом деятельности всей пропагандистской машины: «Журналисты, политики и чиновники постоянно говорят об исправлении общества, наведения порядка, сохранения единства России. Однако порядок, единство общества, сила государства — это *слоганы* из предвыборного жаргона, равно используемые различными политическими движениями. Порядок, единство общества и сила государства — это *проблемы*, которые еще нужно поставить перед людьми. Но для этого российской философии необходимо разорвать дистанцию с обыденным жаргоном и журналистской попсой» [29].

Геополитический подход к общественным процессам был подвергнут критике в свое время и Николаем Косолаповым. По его

убеждению, геополитический подход: 1) отрицает саму идею общественно-исторического развития, ведь если все определяют географические факторы, то история есть броуновское движение, непрерывная смена гегемонов, у каждой цивилизации своя дорога, и никакая магистраль развития невозможна в принципе; 2) геополитика возникла как средство объяснения движущих сил внешней политики, а не истории, она и связала внешнюю политику с рядом факторов (географические положение, размер страны, климат, топография, природные ресурсы, демография, уровень технологического развития, военно-экономический потенциал); 3) идеи Махена и Макиндера не совпадают с ходом международных отношений в XX веке. А в целом геополитика была окончательно дискредитирована в нацистской Германии, когда она была использована как научное прикрытие нацистского режима. То есть, и как прикладная наука, и как политико-идеологическая дисциплина, откровенно направленная для обслуживания концепции «жизненного пространства». После прихода к власти Гитлера К. Хаусхофер стал его советником по внешнеполитическим вопросам.

Обобщая выводы, Н. Косолапов допускает, что геополитика, в лучшем случае: помогает понять внешнюю политику империалистических держав; может объяснить только межимперские отношения и соперничество эпохи; а имперская политика требует соизмеримых игроков и эффективна лишь в том случае, если проводится имперскими государствами. В нынешних условиях глобализации, считает Косолапов, «мир перерос имперские формы организации физического и социального пространства, а тем самым и геополитику; геополитическая модель неприменима более к описанию и пониманию реалий сегодняшнего и завтрашнего мира. Попытки обращения к ГП означают в духовном смысле риск очутиться среди идейной реакции, а в практическом — опасность обречь внешнюю политику своей страны в лучшем случае на неэффективность, в худшем — на тяжелейшие стратегические просчеты» [30].

После публикации Косолапова прошло десять лет, но расхожие суждения о России как стране «особого пути» не утихли. Более того — они обернулись в XXI в. для россиян печальной стороной, а для Украины в последние годы, а особенно 2014-м, приобрели и угрожающий, злокачественный смысл. В то время, как ведущие государства мира пытаются согласовать свой курс с доминирующими в мире тенденциями к глобализации, считает профессор Высшей школы экономики Александр Оболонский, «мы в политике и массовом политическом сознании скатываемся

назад, в изжившую себя архаику прошлых столетий. Одно из проявлений этого процесса — шумное возвращение на политическую авансцену геополитического поведения с соответствующими ему логикой и фразеологией» [31].

И все же, при всем при том, политическая распутица в России создала соответствующий общественный спрос на геополитику (сейчас ее предпочитают называть просто и скромно: «мировой политикой»). Эта квазинаука даже была поднята до уровня государственной идеологии и обслуживающей ее научной дисциплине соседнего с нами государства. В основе этой лженауки лежит социал-дарвинистский взгляд на мир исключительно как на арену «внутривидовой» борьбы государств. Оттого то и взгляд на Украину «через ружейный прицел» приобрел свой вид как законченная идеологема. И мало кому есть дело до того, что это возврат к идеологической схеме рубежа XIX–XX веков, которая уже собрала свою кровавую жатву, воплощаясь в своих предельных формах в государственную политику нацистской Германии и советскую практику Гулага и Голодомора. Да, видимо, недосуг российской интеллигенции вспомнить, что рано или поздно неизбежным спутником войны с соседом становится борьба «с внутренними врагами». А новейшим опричникам, вооруженным модерными автоматами, будет подсказано, что «внутренние враги» — это в первую очередь те, «кто в шляпе и в очках». И, как показывает история, это будет воспринято, потому что в этом и состоит сущность насквозь пропитанного кровью вида ложного сознания.

Казалось бы, страшные уроки минувшего столетия должны были бы чему то и научить: хотя бы признать уже общепринятую в цивилизованном мире формулу, что подход к международным отношениям как к «игре с нулевой суммой», в которой выигрыш одного равен проигрышу другого, давно уже идеологически дискредитирован. Но вся беда в том, что это не уничтожило его практическую живучесть: «мертвый хватает за ноги живого». А воплощается эта старая истина в том, что «новые времена породили и новые квазинаучные формы и слова: геоэкономику, геокультуру, информационную геополитику... Но глубинная конфронтационная суть геополитики не изменилась. В этом она недалеко ушла от нацистской идеологии, и от классического евразийства первых десятилетий XX века» [32].

Публикации Николая Косолапова и Александра Оболонского, Льва Гудкова и Виктора Макаренко (и еще немалого ряда авторов — всех не перечислишь) являются примером редкой научной

порядочности, которая дает право надеяться, что в дальнейшем — а в это нельзя не верить — есть перспектива нормального налаживания российско-украинских научных связей. А пока что следует признать, что доминируют в формировании общественного мнения России те представители политической алхимии, которые создают микроклимат для кучки «вершителей политических судеб мира». Безусловно, что и в Украине не было недостатка прикормленных экспертов и подконтрольных СМИ. Люди есть люди, и ничто человеческое им не чуждо. ***Но есть все-таки главное отличие тружеников науки Украины и России: в Украине нет необходимости выискивать какую-то особую «национальную идею» — с некоторых пор она обрела вполне реальные рамки и вектор жизненного напряжения — вхождение в объединенную Европу, которая уже обрела свои контуры и систему ценностей, воплотив их в повседневной практике.***

России же в условиях агрессии против Украины, пусть пока и прикрытой камуфляжем «гибридной войны», приходится кроить и перекраивать свои квазиидеологические одежды, чтобы, как говаривал Сидор Голохвастов — киногерой герой незабвенного Олега Борисова — «чтобы жилётка была по последней моде». И очень отрадно увидеть в ряде российских исследователей понимание непростой ситуации вокруг украинских событий и тревогу за будущее независимой Украины: «Дипломатия и ее научная прислуга живут в «шахматной» логике времен холодной войны, мировых «горячих» войн, унесших жизни минимум шестидесяти миллионов человек и искалечивших жизни целых поколений, а, может, и времен Венского конгресса. СМИ же, в буквальном смысле слова вооружившись новейшими технологиями, используют их для дезинформирования, а то — и для манкуртизации людей. ***Деятельность наших главных телеканалов по «освещению» событий в Украине — ярчайший, почти беспрецедентный образчик целенаправленного дезинформирования и оболванивания населения технологизированными приемами милитаристской пропаганды ненависти; к несчастью, довольно эффективной. Я согласен с мнением, что режиссёры и исполнители этой кампании тем самым вычеркнули себя из журналистской профессии»*** [33].

Нельзя не согласиться с российским коллегой Оболонским, что политизация фактора географического расселения украинцев и русских в том или ином регионе Украины — просто абсурдна. Но кроме того мы видим на практике применения оружия массового поражения — всевозможных «градов» и «смерчей», «тор-

надо» и «буратино» — что эта политизация приводит к опасным и бесчеловечным результатам. И мало дела тем политикам и прикормленной экспертной и пропагандистской челяди, что за их политические амбиции и мании обычным людям приходится расплачиваться своими жизнями и лишениями.

А тем временем приближенные к власти российские эксперты сокрушаются о том, что надо было бы как-то легализировать пребывание российских войск на восточных землях Украины, а то действительно — изолгались донельзя, стыдно и в приличной компании появиться (если пригласят). Вспоминаются давние деньки, когда между США и СССР не было разногласий на тот счет, «присутствуют ли советские танки в Афганистане». Утешают себя, что «по этому вопросу был консенсус — да, присутствуют, хотя выводы делались диаметрально противоположные. Сегодня мы на Украине не способны согласиться и в этом. Расходятся не оценки, а картины происходящего. Общей точки отсчета нет даже для того, чтобы сконструировать конфронтацию. Это намного опаснее, чем системное противостояние второй половины XX века» [34].

Вот тут и появилась тоска по «системному противостоянию». Опять геополитика не дает покоя.

4.4. Беспутье: фактор Путина

Итак, мы пришли к заключению, что феномен геополитики вместе с его псевдодоказательной базой полностью развенчаны на уровне идеологии, но ***как реальный политический фактор геополитика постоянно присутствует в умах и делах реально действующего политикума***. Более того, по оценке профессора Тартуского университета Вячеслава Морозова. «***в марте 2014 года Европа неожиданно для себя соскользнула в новую геополитическую реальность***. Мы оказались на пороге крупномасштабного конфликта между Россией и Западом — конфликта, который ранее рассматривался лишь в качестве крайнего пессимистического сценария. Международная напряженность достигла уровня, когда нельзя полностью исключить никаких вариантов развития событий, вплоть до катастрофических» [35].

Нет сомнения, что в России имеется достаточное количество широко мыслящих людей, чтобы осознать всю опасность произошедшего после аннексии Крыма. Они понимают, что этот шаг России чреват целой серией международных, да и внутренних конфликтов. Ведь в становлении полицентричной системы

международных отношений зачастую даже малые причины могут порождать большие последствия. А здесь речь идет о целом геополитическом разломе на постсоветском пространстве. Но, как говорится в писании, «много было званных, да мало избранных» (Матф. 22:14).

Заведующий отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН Дмитрий Ефременко, еще в июле 2014 года предпринял продуктивную, как на наш взгляд, попытку рассмотреть вовлеченность России в украинский кризис. Безусловно, мы не можем укорить его в том, что он избегает понятия типа «агрессия России против Украины» — ведь мы и сами на официальном уровне вышли на эту формулировку лишь в январе 2015 года. Да и вообще, будучи гражданином России, он волен принять платформу — «это моя Родина, и она всегда права». Это его право, но, однако, это еще и дело его научной и гражданской совести. Впрочем, по этой части мы к нему тоже не в претензии. Нас, прежде всего, интересует логика его изложения и система аргументации в оправдании весьма неприглядного в целом агрессивного курса России. А в целом, наибольший интерес представляет собой осуществленный Ефременко анализ «фактора Путина»: почему руководитель страны пошел на пересмотр мирового порядка, выйдя тем самым «за флажки».

Исходным пунктом анализа, предпринятого российским ученым, является тезис «общности исторической судьбы», в котором он усматривает прямо таки предопределенность какой-то заданной модели российско-украинских связей и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Тезис отнюдь не нов. Вспоминается даже, как в советские времена в украинском политическом лексиконе употреблялись обязательные словосочетания: «украинцы, как и все советские люди», или же — «Украина, как неотъемлемая часть Советского Союза» и т.д. и т.п. Так из нас воспитывали верноподданных «младших братьев». А уж криминальное обвинение в попытке «оторвать Украину от России» тянуло на длительный лагерный срок. И в то же время вызывало недоумение среди сознательных украинцев: «разве Украина — пуговица на российском имперском вицмундире, чтобы ее отрывать или не отрывать?». Однако, при всем при том, в советском политическом мышлении историческая роль Украины была предопределена как «неотъемлемая составная часть Советского Союза». В этом и состояла важнейшая геополитическая позиция Кремля.

Поэтому не стоит и удивляться, что исходный пункт анализа, осуществленного профессором Ефременко, состоит именно в обосновании этого прямо таки фатального «единства исторической

судьбы»: «Национал-демократическую революцию и начало вооруженного конфликта на востоке Украины трудно характеризовать иначе, как трагедию страны, независимое существование которой неразрывно связано с возникновением и распадом Советского Союза. ***Общим прошлым обусловлено и активное участие России в этом кризисе. Впрочем, не только прошлым. Будущее, в котором Украина и Россия отчуждены друг от друга, участвуют в различных интеграционных проектах и военно-политических союзах, слишком многим в Москве казалось неприемлемым. Встряска подтолкнула Кремль к действиям, которые можно рассматривать и как отчаянную попытку отстоять важнейшую геополитическую позицию, и как решимость вырваться «за флажки» мирового порядка***, где России отводится роль вечного побежденного в холодной войне» [36].

Принятие этого исходного пункта — «единства исторической судьбы» — как credo, не вызывающего никаких сомнений, дает возможность Ефременко освещать дальнейшие политические шаги Путина как закономерные и объективно предопределенные действа. Да, утверждает ученый, следует учитывать и объективные причины — и сохраняющуюся инерцию распада СССР, и политические мины, заложенные еще в советское время, и существующие ныне реалии постбиполярного мира. Но, вне всякого сомнения, ***«экстраординарное значение приобрел и личностный фактор. Роль президента России Владимира Путина в решающие моменты кризиса была ключевой»***. Тут он вспоминает, «оранжевую революцию» 2004 года, которая уже тогда рассматривалась российским лидером как геополитический вызов России. Да не просто вызов, а угрожающая модель дестабилизации политического режима, которая из Украины могла бы быть перенесена на российскую почву. А уже вся последующая цепочка событий — это и российско-украинские газовые войны, и раскол между лидерами первого Майдана, и их политическое фиаско, и сближение Киева с Москвой при Януковиче, и неприглядная балансировка Януковича между Москвой и Брюсселем, и второй Майдан — все это подтверждало, что «***Украина становится для Путина пространством одного из решающих в его политической судьбе противоборств***» [37].

А дальше со стороны Ефременко уже следует целая серия аргументов, призванная оправдать действия Путина как политика, который якобы ведет лишь «контригру», направленную на блокирование подрывной деятельности со стороны Запада: «Ни для кого из других внешних актеров Украина никогда подобного значения

не имела. Именно поэтому мало кто ожидал от российского президента столь решительного перехода от вязкой позиционной борьбы к игре на повышение ставок. При этом, однако, путинскую политику на Украине имеет смысл рассматривать именно как активную контригру, как готовность путем концентрации имеющихся в распоряжении ресурсов и неожиданных ходов переломить неблагоприятные изменения в соотношении сил» [38].

Ефременко представляет политику Путина как многослойную и достаточно нюансированную, которая стремилась сочетать в себе и жесткость в отстаивании геополитических интересов, и стремление создать почву для восстановления конструктивного диалога с Западом. В качестве аргументов здесь фигурирует и освобождение Ходорковского, и приглашение лидеров стран Запада на зимнюю олимпиаду в Сочи. Да вот, дескать, украинский Майдан спутал все карты: «и смена власти в Киеве воспринималась особенно болезненно, поскольку, с одной стороны, триумф организаторов спортивного праздника оказался явно перекрыт победой Евромайдана, а с другой — именно в этот момент у российского руководства были связаны руки. После феерической церемонии закрытия игр Кремлю как будто уже ничего не оставалось кроме признания нового порядка на Украине. Насколько можно судить, именно к этому настойчиво подталкивали российское руководство лидеры Соединенных Штатов и Евросоюза» [39].

Ну а дальше в оправдание политики Путина пошли уже напропалую искаженные и вымышленные аргументы. Мол, каково это было Путину терпеть, если новая власть в Киеве попыталась отменить языковой закон Колесниченко-Кивалова и расформировать спецназ МВД «Беркут»? А ведь затем, дескать, мог последовать и пересмотр внеблокового статуса Украины, да и харьковских соглашений. Как видим, российскому аналитику и в голову не может прийти, что и принятие языковых законов, и определение того или иного статуса Украины — это ее суверенное право, к которому России нет никакого дела. И вся эта аргументация подчинена одной задаче — убедить читателя, что «выбор Путиным курса на воссоединение Крыма и России, безусловно, спровоцирован переворотом в Киеве и ожиданиями его тяжелейших геополитических последствий» [40].

Да вдруг незадача! По логике изложения стало складываться впечатление весьма нелицеприятное: ведь такой образ Путина — реагирующего на текущие события — как-то и вовсе не к лицу главе державы, претендующей на лидирующие позиции в мире. И тогда от лица Ефременко на свет божий всплывает признание,

что решение об аннексии Крыма было далеко не спонтанное. Более того — все предыдущие годы правления Путина, а особенно между выступлением на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года и почти что исповедальной Крымской речью 18 марта 2014 года — это был период «окончательного разочарования в возможности достижения равноправного партнерства в отношениях с США и ЕС» [41].

То есть, дело даже вовсе и не в Украине, а в том, что США и ЕС не признали в России равного партнера. И вот по мере нарастания этого ощущения комплекса неполноценности, в России крепла убежденность в неотвратимости кризиса в отношениях с Западом, а Украина в этом раскладе рассматривалась лишь наиболее вероятным ареалом обострения. Но в этой стратегической линии России имело место очень примечательное обстоятельство: «основные ожидания начала открытой конфронтации фокусировались на 2015 г., когда на Украине должны были состояться очередные президентские выборы». Да вот совершенно неожиданно случился Майдан, и ***«неконтролируемое развитие событий на Украине казалось потоком, направление которого уже никому изменить не под силу. Путин на это решился, противопоставив воле Евромайдана волю поборников русского ирредентизма. Тем самым он совершил необратимый шаг в отношениях не только с Украиной и Соединенными Штатами, но и в отношениях между властью и обществом внутри России» [***42].

Говорить о взаимоотношениях между властью и народом в России — это отдельная тема, широко освещенная и глубоко аргументированная, например, в публикациях «Левада-Центра». Мы же ограничимся здесь констатацией того, что в преобладающем большинстве гражданское общество разделяет точку зрения, навязанную российскими СМИ. Более информирован об этом декан факультета коммуникаций, медиа и дизайна Высшей школы экономики Андрей Быстрицкий. Он к тому же еще и председатель совета Фонда развития и поддержки клуба «Валдай», призванного формировать общественное мнение Запада относительно политического курса России. Ссылаясь на социологическую службу «Гэллапа», Быстрицкий иронизирует по поводу того, что американцы воспринимают информацию СМИ критически. По его мнению, это является свидетельством того, что «американское общество практически не доверяет своим медиа». К примеру, 44% американцев полагают, что их СМИ «слишком либеральны».

А вот в России же, не без удовольствия отмечает декан, напротив, наблюдается своего рода консенсус. По данным того же

«Гэллапа», ***76% российского населения считают российские медиа в освещении событий в Украине довольно надежным источником***. Характерно и то, что негосударственные медиа российское население в целом не приемлет — доверяют лишь 30%, а западным и вовсе не верят — воспринимают лишь 5%. Но и это, оказывается, еще не предел. Андрей Быстрицкий хвастает тем, что ***информацию государственных СМИ чохом воспринимает и стар, и млад***: «Так вот, молодежь России ничуть не лучше и не хуже тех, кому за 60. И среди тех, кому от 15 до 44, и среди тех, кому за 60, практически нет различия в степени доверия: в первом случае — 74%, во втором — 75%. Только лишь среди тех, кто протянул более 45 лет, но еще не дотянул до 60, поддержка доверия выше — аж 80%. Конечно, эти показатели были получены во время и по поводу освещения событий на Украине. Но они никак не противоречат иным данным иных организаций... Иными словами, на внутреннем фронте никакого проигрыша нет, а есть исключительно выигрыш. И по существу, и в сравнении с иными странами» [43].

О том, откуда появилось такое единомыслие в России, объясняет Ефременко. До Майдана в российском обществе циркулировали идеи о готовности к максимальному сближению России и Украины, но эта тема была явно не среди наиболее значимых. На экспертном уровне тема Украины тоже дискутировалась, но вряд ли эти дискуссии оказывали какое-то воздействие на выработку практической политики. ***И вот здесь Ефременко опять все лавры победителя адресует Путину: «Централизация процесса принятия политических решений в случае Украины была доведена до предела; насколько можно судить, наиболее ответственные решения принимались единолично президентом России. Стоит отметить, что в оперативном отношении успех действий по воссоединению Крыма с Россией в немалой степени был обусловлен именно такой гиперцентрализацией и прямым контролем со стороны государства»*** [44].

Невольно возникает вопрос: раз решение об аннексии Крыма готовилось с 2007 года, раз «время Ч» было назначено на президентскую кампанию 2015 года, раз окончательное решение было делом рук одного Путина, — то зачем было так раздувать дело о языковом законе Колесниченко-Кивалова и прочие надуманные проблемы, якобы раздирающие Украину на части? Ответ простой: надо было впутать в эту авантюру широкую российскую общественность и разделить ответственность за содеянное со всем российским народом.

И это удалось — операция под ярлыком «Крым наш» поучила широкую общественную поддержку, подняв до небывалых высот президентский рейтинг. И Ефременко прямо таки гордится создавшейся ситуацией: «То, что до начала марта было только делом Владимира Путина, в считанные недели стало общим делом и общей ответственностью власти и общества. Подъем ирредентизма обеспечил полную перезагрузку легитимности третьего срока Путина; страница новейшей российской истории, связанная с политическими протестами на Болотной площади и проспекте Сахарова, оказалась перевернутой. Власть получила карт-бланш на переход к мобилизационной модели развития, хотя нет достаточной уверенности, что российское общество, столкнувшись с тяготами миссии «русского мира», останется столь же сплоченным, как в момент крымской эйфории» [45].

Однако, в каждой медали есть две стороны. Раскачать маятник великодержавного шовинизма — это еще полдела. Да, в обществе удалось сформировать общественный запрос на всестороннюю поддержку русскоязычных людей за пределами российских границ. Вряд ли этот запрос так уж станет детерминировать российскую внешнюю политику. Однако он уже стал фактором, который очерчивает пределы компромиссов в отношении Украины, и уйдет еще немало времени, пока плачевное состояние экономики и все увеличивающийся поток «груза-200» не побудят россиян осознать всю беспросветность авантюры в отношении Украины. А пока что идеология «русского мира» призвала к жизни фигуры, которые вряд ли украсят политический бомонд России — Стрелкова, Бородая, Беса, Моторолы и тому подобных типов. Их присутствие в нынешней «номенклатуре» уже возымело определенное воздействие на поведение экономических и политических элит России: «Им ничего не оставалось, как присоединиться к дискурсу «Крым наш», тщательно скрывая при этом растерянность и опасения за собственное будущее. После мартовских торжеств по случаю присоединения Крыма и Севастополя и по мере введения Западом новых санкций скрытое давление этих элит значительно возросло и, по всей видимости, повлияло на готовность Кремля оказать прямую поддержку ополченцам Донбасса» [46].

Но и это еще не все. В научно-экспертной среде России, да и Запада, все-таки начинает пробивать себе дорогу понимание, что путинская вертикаль власти, которую в последние годы российский лидер готовил преимущественно к противостоянию с Западом (осуществляя, как в случае с Ходорковским, «национализацию элит»), функционировала достаточно эффективно и на

крымском этапе украинского кризиса. Однако в экспертной среде уже забили тревогу по поводу того, что российский персоналистский режим отличается структурной уязвимостью, компенсируемой лишь жестким контролем со стороны лидера. Ослабление позиций лидера создает угрозу всей системе власти в целом. Все чаще стала проявляться озабоченность, что западные санкции, направленные на ближайшее окружение Путина, могут оказаться не столь уж символическими. То есть, то самое гражданское общество в России, которое пока что плохо просматривается в общественно-политической жизни, может когда-нибудь в одночасье приобрести четкие очертания.

При таком течении событий поиск силового варианта решения украинского кризиса может неожиданно изменить весьма двусмысленные нынче правила игры. Неизвестно, как поведут себя уже привыкшие к относительному буржуазному комфорту российские граждане, если за геополитические успехи придется и дальше платить реальным падением уровня жизни, а тем более кровью. Да и европейский не только бизнесмен, но и обыватель, в конце концов, осознает всю глубину российской экспансии и потребует от своих правительств решительных действий, пусть и сопряженных с экономическими потерями. Санкции возымеют действие, и тогда России придется выбирать какую-то альтернативу общественного развития. Ведь нельзя же длительное время пребывать в ситуации беспутья.

Одни говорят о необходимости экономического прорыва по образцу многих стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Однако это потребовало бы от России преодоления хозяйственной зависимости от капиталистического ядра, что ей вряд ли сейчас по силам. Реформировать общество по лекалам западного либерально-демократического общества, вероятно, можно, да только вряд ли кто в России на это пойдет. Такой сценарий потребует смены режима, а этого, судя по всему, пока не предвидится. Пока что просматривается сценарий выстраивания самодостаточной мобилизационной экономики, с опорой на собственные природные ресурсы, но это неизбежно вызовет снижение потребительских запросов и возврат к технологиям двадцати-тридцатилетней давности во всем, кроме обороны. То есть, все как бы говорит о том, что в России назревают серьезные изменения, но предсказать их временнЫе и содержательные параметры сегодня не возьмется никто. «Зато, — отмечает Вячеслав Морозов, — в чем, пожалуй, можно быть уверенным, так это в том, что очередной крестовый поход за истинно русскими ценностями не принесет обещанного

результата... Скорее всего, это означает, что по происшествии нынешнего этапа обособления Россию ждет очередной виток догоняющей модернизации, когда западный миф вновь возьмет верх над славянофильским» [47].

Но есть ли в настоящее время хотя бы предпосылки обозначенной альтернативы, связанной с либеральным будущим России? Ведь от этого во многом будет зависеть и дальнейшая судьба Украины.

4.5. Схватка за древко флага

В поисках ответов на эти вопросы есть смысл отталкиваться в анализе не от идеологических химер, а от реальных общественно-политических трендов. В частности, хотелось бы по возможности шире представить диапазон рефлексий российских авторов: ведь культура диалогична по своей сущности, а бескультурье — монологично.

Тогда следует начать с вопроса: насколько влиятельны в России исследователи, способные подняться над лжепатриотической риторикой и реально взглянуть на существующее состояние дел? Нет сомнения, что такие люди есть. И именно с ними связываются наши надежды на возрождение взаимопонимания между украинским и российским народами. Хотя, судя по всему, случится это взаимопонимание отнюдь не скоро — слишком много крови пролито на линии огня.

Кирилл Рогов — ведущий аналитик Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара в Москве — один из желаемых собеседников. По его мнению, и в период глубокого трансформационного кризиса 1990-х годов, и в 2000-е годы относительного экономического восстановления — в жизни постсоветских стран доминировал все тот же изъян — гибридная сущность сформировавшегося на руинах СССР экономического и социального уклада. С одной стороны, вроде бы есть заметные сдвиги к лучшему — тут тебе и рынок, и цены свободные. А с другой — доступ к рынку оставался все-таки несвободным, и в итоге — несправедливым оставалось и распределение рыночных доходов. Права собственности при таком укладе не могли быть зафиксированы должным образом, а основывались на силе и принуждении.

Однако, вскоре наступило время перемен. После периода первичного накопления капитала подоспело время передачи постсоветскими нуворишами неправедно нажитой собственности своим подросшим детям-наследникам. Вот это и предопределило во многом

то, что и «московские протесты 2011–2012 годов, и второй киевский Майдан продемонстрировали политические претензии европеизированной части нового поколения, его запросы и повадки» [48].

В Киеве победа Майдана при больших рисках открыла перед Украиной существенное окно возможностей. Худо-бедно, но произошла определенная смена имиджа Украины в глазах мирового общественного мнения. Ведь раньше в бизнес-кругах не только России, но и Европы к Украине было принято относиться несколько высокомерно, эдак по-барски, как к неотесанному родственнику из деревни — с глубоким вздохом. Принято было считать, что Украина — «тяжелый пассажир», от которого лишь вечная усталость. Имеется в виду сочетание плохих институтов, жуткой коррупции, относительно низких темпов экономического роста и недостаточной реформированности социального уклада («совковость») плюс низкая внутренняя управляемость. А отсюда — и ненадежность в договорных отношениях. ***«Однако теперь, — пишет Рогов, — стало очевидно, что «неуправляемость», раздражающая равно Москву, Брюссель и Вашингтон, есть одно из проявлений своеобразного гена «сложности», который имеется у Украины и который не только способен оказывать важное стабилизирующее влияние, но и может стать очень важным преимуществом в будущем»*** [49].

Как бы там ни было, но, не в последнюю очередь под влиянием киевских Майданов, молодое европеизированное поколение Москвы стало перед необходимостью решительной схватки за новую поколенческую повестку дня. Образно говоря, схватку за древко флага с главными символами эпохи. Да не случилось — российское поколение не удержало флаг перед порывом патриотической эйфории от смеси поп-патриотизма («Крым наш!») и нового антизападничества («Кирдык Америке!»). Однако считает Рогов, на этом дело не закончилось: ведь «добиться консолидации и доминирования этой повестки в России удалось не только посредством мобилизации пропагандистской медиамашины, но также с помощью настоящей войны и прямого обмана — фейкового сюжета о фашистах-бандеровцах, якобы захвативших Украину. Несмотря на ошеломительный успех этой технологии, ее вряд ли можно считать надежной и долгоиграющей. По сути, она продуцирует перманентный кризис, выпутаться из которого очень трудно» [50].

До настоящего времени России удавалось выходить из кризисной ситуации за счет резкого повышения социальных выплат. Но падение цен на нефть продемонстрировало исключительную зыбкость экономического фундамента одержанной Путиным победы.

И, в сущности, президент РФ на своей декабрьской пресс-конференции 2014 года был достаточно искренен в части своего видения перспектив выхода из экономического кризиса, когда отвечал, что максимум в течение двух последующих лет цены на нефть опять начнут расти. Видимо, другого рецепта выхода из ситуации он не видит, хотя, казалось бы, конец 2014 года нанес мощный удар по идеалам «нефтяного реваншизма». В конечном итоге, считает Кирилл Рогов, «кризис постсоветскости, первыми знаками которого стали Болотная площадь, и аннексия Крыма, продолжается и еще, видимо, далек от разрешения. Этот кризис и есть главный сюжет нынешнего десятилетия» [51].

Кризис постсоветскости — не ограничивается сферой самого постсоветского пространства. Ввод российского контингента в Крым — это еще и очередной эпизод противостояния Владимира Путина с концертом западных держав. Это и крупнейший кризис системы европейской безопасности, подрывающий принцип признания границ, существовавших на момент распада СССР, а также поправший принципы Будапештского договора 1994 года. В этом смысле аннексия является также ударом по всему режиму нераспространения ядерного оружия. Она демонстрирует, что ядерные державы больше не могут выступать коллективным гарантом для стран, сохраняющих безъядерный статус. И нельзя не солидаризироваться с позицией Рогова, высказанной еще 4 марта 2014 года о том, что «это не изменится уже даже в случае локализации конфликта в Крыму и возвращает ситуацию к временам холодной войны, подстегивая гонку вооружений во всем мире. Путин не мог не сознавать этого. Поэтому главный выбор, сделанный им, — это выбор в пользу эскалации конфликта с Западом, вывод этого конфликта на принципиально новый уровень» [52].

И в этом, с точки зрения Кремля, есть немалый резон. Во-первых, аннексия Крыма и широкомасштабный конфликт с Западом — это важный ресурс внутриполитической консолидации российского общества на фоне все углубляющегося ухудшения экономической ситуации, галопирующей коррупции, политической разбалансированности и брожения в элитах. Во-вторых, вызов Западу был призван решить стратегическую задачу укрепления политического режима внутри страны, позволить добиться консолидации антизападного, «патриотического», консервативного большинства. Наконец, оправдать в глазах общества переход к полицейским и неототалитарным практикам контроля политической и общественной жизни, резко усилить контроль над элитами.

Именно на этот путь подталкивал Путина, судя по всему, опыт войны с Грузией 2008 года. Тогда эта война в значительной мере помогла в острой фазе финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов сфокусировать общественное недовольство в России на внешних причинах, сохранив доверие населения к Путину и его политической системе. Но здесь следует учитывать принципиальный момент: любая война как политический проект в принципе не должна быть излишне накладной в цене. В случае с Грузией обошлось для Кремля как нельзя успешно — война для России стала апофеозом череды лет, характеризовавшихся резким скачком экономического благополучия. Однако в случае развязывания «гибридной войны» против Украины ситуация сложилась принципиально иная. Экономические успехи остались в прошлом, инвестиции бегут из России, а резкое снижение цен на нефть ведет к обвалу устоявшегося уровня жизни. Все это ускоряет не только кристаллизацию недовольства элит, против которых объявлены санкции, но и протестных настроений всего населения страны.

Все это говорит о том, что нельзя исключить возможность и новой очередной вспышки агрессии России против Украины. Однако, нельзя в то же время не видеть и попыток Путина приоткрыть шире дверь для переговоров с Западом. Здесь опять, судя по всему, Путин идет по испытанному «грузинскому сценарию». Стоит вспомнить, как российские войска в 2008 году, заняв территорию Южной Осетии и Абхазии, предприняли стремительный марш-бросок на Тбилиси. Совершенно не готовый к такому развитию событий Запад вынужден был срочно вступать в торг с Кремлем, чтобы предотвратить полномасштабную оккупацию. В качестве платы за отвод войск Запад не только де-факто признал российский протекторат над Южной Осетией и Абхазией, но и снял, какие бы то ни было, политические претензии к Путину по поводу вторжения. Что и было подтверждено предложенной вскоре Кремлю политикой «перезагрузки».

С Украиной вроде бы тоже все начало складываться по отработанной схеме. Сначала шок Запада от аннексии Крыма, а потом, после вторжения на Донбасс, — Женевский формат переговоров о прекращении огня, где о статусе Крыма вообще не было упомянуто. Да тут случился террористический акт против «Боинга», когда Западу стало ясно, что дальнейшая политика «умиротворения» Путина ни к чему доброму не приведет. В силу вступил курс на ужесточение санкций против России.

Но каналы взаимоотношений с Россией Запад не разрывает, а Кремль не прочь бы использовать их для дискредитации Украи-

ны, внесения раскола в ряды ее руководства. Идеологическим прикрытием торга России с Западом, как это видно из интервью главы МИД РФ Сергея Лаврова, служат, с одной стороны, постоянные обвинения в адрес руководства Украины. Дескать, оно, «начиная с государственного переворота и продолжая последующими событиями, нагнетало русофобские настроения, по сути, объявило войну всему русскому — культуре, языку, традициям, истории, в том числе русской истории на территории Украины, истории Второй мировой войны». Однако, с другой стороны, от обозначенной «риторики», Сергей Лавров отделяет Президента Украины: «мы чувствуем приверженность президента Украины Петра Порошенко минским договоренностям, его желания добиться их выполнения, что было подтверждено 22 декабря во время телефонной конференции с участием президентов России, Украины, Франции и канцлера Германии» [53]. То есть, налицо желание вычленить в среде руководства Украины какую-то «партию войны» и некую «партию мира».

Все это сопровождается непрекращающимся троллингом со стороны «ближнего круга» Путина, в частности, в виде безответственных заявлений Жириновского. Показателен в этом отношении телеэфир программы «Вечер с Владимиром Соловьевым», озвученный 25 декабря 2014 года, где Владимир Жириновский в традиционной для него манере выкрикивал: «Не братский вы народ. Вы — враги сегодня, враги номер один!». Или же: «Проблема одна: верните русские земли, и мы о вас забудем навсегда. Пропадите вы пропадом!». Однако одновременно с этими призывами, на этой же передаче было озвучено и слова Сергея Лаврова: «Украине и России невозможно развестись. Мы связаны столетиями, историей, экономикой, географией, культурой, цивилизационными ценностями. Мы связаны семейными и родственными узами» [54]. Все как в заурядном детективе — «плохой полицейский» и «хороший полицейский».

Вместе с тем, за этими словами проглядывается и ностальгия за тем самым «союзом нерушимым», который, дескать, и «сплотила великая Русь». Выход за развешанные флажки этого союза — шаг влево, шаг вправо — рассматривается как попытка бегства во вражеский лагерь. Так, недобрым словом отозвался об Украине глава российского правительства Дмитрий Медведев, заявив со своей стороны: отказ Украины от внеблокового статуса будет означать, что «она станет потенциальным военным противником Российской Федерации» [55].

На фоне вот этого, порой истеричного, «информационного шума» совсем по-другому, даже с претензией на импозантность,

представлена в российских СМИ позиция Владимира Путина. Так, например, в конце 2014 года было оглашено, что Президент РФ подписал указ, который вводит в действие новую военную доктрину, утвержденную на заседании Совета безопасности РФ 19 декабря. Показательно то, что в доктрине Украина не упоминается. Однако среди угроз Российской Федерации называется установление в сопредельных государствах недружественных режимов, в том числе «в результате свержения легитимных органов государственной власти». По отношению к таким угрозам доктрина предусматривает «комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций». Здесь, как говорится, двух трактовок быть не может: действия в Украине описаны в традиционном для России толковании, а реализуемые на практике неприглядные военные меры, таким образом, были узаконенными в доктрине [56].

Все эти заявления и действия правящих кругов России преследуют далеко идущие цели. Упомянутый выше Кирилл Рогов, например, считает, что Путин обычно играет на повышении ставок в расчёте на то, что на Западе возникнет паническое ощущение, будто он готов сбросить фигуры с доски. На самом деле, с точки зрения Путина, это управляемый конфликт: «И когда он выражает вдруг готовность вернуться за стол переговоров, у противной стороны возникает ощущение, что ей удалось кое-чего добиться. В то время как Путину это позволяет продемонстрировать собственному населению и элитам, что игра на рисках — эффективная и выигрышная стратегия. Что «мы» можем показать «им» кузькину мать» [57].

Вследствие такой авантюрной политики и завязался достаточно тугой узел проблем. С одной стороны, украинский кризис (в его широком международном понимании) обострил ситуацию и обнажил агрессивную экспансионистскую сущность идеи «русского мира». С другой стороны, в оправдание своего курса Россия стала трактовать объективный процесс формирования глобальной экономики и тотальной коммуникационной среды как целенаправленный антироссийский вызов со стороны окружающего мира. Не исключено, что эта неадекватность восприятия ситуации стала застилать понимание самой сущности проблемы: «После почти четверти века перемен Россия зависла между двумя состояниями. Она так и не стала равноправной частью мировой экономики, которая извлекала бы полноценные дивиденды из глобализации,

как, например, Китай. Но и интегрировалась в нее в недостаточной степени, чтобы испытывать на себе все потрясения на мировых рынках и внешние воздействия. Промежуточная ситуация в итоге стала тяготить всех — и сторонников более глубокой интеграции, и приверженцев более изолированного развития. Рост политических рисков, связанный с объективным ухудшением международной обстановки во втором десятилетии XXI века заставил сделать выбор в пользу второго варианта — «отсоединения» (насколько возможно) от глобальных процессов» [58].

К концу 2014 года Россия отгородилась от Запада забором из политической неприязни, военной боеготовности и троллинга идеологического отторжения. Более того, активизировалась дипломатия и внешнеэкономическая деятельность на восточном направлении. После откровенного бойкотирования Путина как лидера России на саммите «Большой двадцатки» в Австралии, стало ясно, что прежняя модель стратегического партнерства России и Запада вряд ли будет восстановима, как бы ни развивались события в Украине.

Что ж, по крайней мере, в этом вопросе как будто бы возобладала ясность. ***Но вот на сакраментальный вопрос — какую модель социально-экономического развития выбрала себе Россия — ответа пока нет. И надо будет внимательно отслеживать ситуацию на предмет того, как бы это промежуточное состояние распутицы не дало толчок каким-то межеумочным выводам. Пока что вызывает настороженность попытка обелить российскую интервенцию в Украину и представить ее как судьбоносную неизбежность. Более того — даже как своего рода фатальность именно силового разрешения отношений между Россией и Украиной***. Тот же Лукьянов, например, пытается доказать, что все, происходившее с весны 2014 года судьбоносно «диктовалось логикой, которую задали предшествующие события и выбор, сделанный на каждом из предыдущих перекрестков».

А сама эта логика его рассуждений такова: «Во-первых, российско-украинские отношения с начала XXI века в нарастающей степени отмечены антагонизмом, нежеланием достигать приемлемых компромиссов. Это усугублялось, и даже период Януковича породил скорее иллюзию сближения, чем реальное согласие. Во-вторых, российско-украинский конфликт — сердцевина большого геополитического противостояния (Россия — Запад). В-третьих, ***и это главное, он основан на острой конфронтации самоопределений. Украина пытается идентифицировать себя через разрыв с Россией — реальной и вымышленной, символической.***

Россия же очерчивает ареал «своего» мира, который простирается шире границ 1991 года, и Украина — наиболее яркий пример чего-то несправедливо утраченного. И здесь невозможно примирение, пока естественным путем не установится какой-то новый баланс. Поэтому все пути ведут в одном направлении, создавая ощущение необратимости» [59].

Одним словом — грязь, гнилоземье и беспутье, да и вообще — назад дороги нет. Кто удержит древко флага с подобными лозунгами? К тому же, на какой такой «новый баланс» рассчитывает Москва, и каким таким «естественным путем» он должен быть установлен — все это пока остается открытым.

4.6. «Битва за Европу»: реинкарнация геополитики?

При таком положении вещей нет необходимости удивляться тому, что при президенте Владимире Путине Россия демонстративно отказалась от предложенной интеграции в нынешний европейский и мировой порядок, предпочитая строить альтернативное будущее, опираясь на особые связи с ближайшими соседями (Казахстан, Беларусь). Обострившийся кризис вокруг Украины — пока что наиболее яркое, но не последнее проявление того, во что могут вылиться проекты российского, или точнее, советского возрождения. Небезынтересно и то, что ***некоторые западные аналитики тешат себя иллюзиями, что эти действия России захватывают пока что регион «периферии Европы», а потому могут быть не на первом месте повестки дня.*** Кое-кто все еще надеется, что взаимозависимость глобализированного мира сдержит Россию от дальнейших авантюр. Хотя, с учетом ее самодостаточности в области энергетики и более скромного участия в сфере внешней торговли объявленные санкции смогут повлиять на ее поведение разве что со временем. Вот это и дает возможность Путину пока что проводить реваншистский курс, хотя ресурсы России ограничены и в «жесткой», и в «мягкой» силе.

В итоге, Путин сам стал на путь наращивания не так своего экономического, как политического могущества, проведения такого курса, который все больше характеризует Россию как противника международного порядка, сложившегося после распада коммунистической системы и окончания холодной войны. Если в ближайшее время ничего не изменится и всю эту распутицу не удастся преодолеть, то рано или поздно мы придем к пониманию того, что вопрос заключается уже не в том, продолжится ли развал

существующего миропорядка, а в том, как быстро он пойдет и как далеко зайдет это беспутье.

Начнем наш анализ с того факта, что в 2014 году Россия вступила в фазу крупнейшей с 1998 года девальвации рубля — с начала года российская валюта вдвое потеряла в цене по отношению к евро. Однако эта новость далеко не всегда однозначно оценивается как хорошая для Запада, а тем более для Украины. Суть дела в том, что с ослаблением экономики Владимир Путин будет, судя по всему, лишь ужесточать государственную пропаганду, направленную на разжигание национализма и конфронтацию с Западом и пытаться убедить россиян в необходимости сплотиться вокруг президента и правительства. Но, в конце концов, это внутреннее дело самой России.

Нас в Украине больше занимают предположения некоторых западных СМИ, например журнала Vox, о том, что «Путин беспокоится по поводу Украины куда больше, чем западные страны — это действительно так, — и в определенный момент слабое украинское правительство может признать поражение и предложить Путину выгодные условия перемирия. Чем хуже ситуация в российской экономике, тем больше вероятность, что Путин пойдет на какой-нибудь рискованный гамбит, чтобы ослабить эффект от санкций» [60]. Таковой выглядит угроза для Украины, а потому наша задача и состоит в том, чтобы рассмотреть вероятность и реальность такой угрозы.

Начнем с того, что даже такое уважаемое издание как журнал Vox не может претендовать на истину в последней инстанции. Не менее авторитетные издания видят обозначенные проблемы с несколько другой перспективы. Так, например, британская газета The Guardian считает ушедший 2014 год «Битвой за Европу», которая разворачивается между двумя принципиально отличными друг от друга лидерами. И расклад таковой. С одной стороны — Владимир Путин, «*мачо, милитарист, использующий советские приемы большой лжи… который на недавней пресс-конференции сравнил Россию с медведем, готовым себя защитить*». С другой — Ангела Меркель, «*сторонница реформизма*», которая «*терпеливо управляет медленной… многонациональной европейской черепахой*» [61].

Что важно для Украины, газета считает, что канцлера Германии можно смело назвать «государственным деятелем года» за ее подход к решению украинского вопроса. Ангела Меркель не устает повторять, что три основных пункта ее стратегии — 1) поддержка Украины; 2) дипломатия с Россией и, наконец, 3) экономические

санкции — преследуют цель заставить Путина сесть за стол переговоров. Как быстро и насколько эта стратегия принесет удачу — никто не берется прогнозировать. Битва за Европу далека от своего завершения. Да и экономический кризис может не привести к смене политического курса России, а «загнанный в угол медведь все еще может наброситься». К тому же и ситуация на востоке Украины может измениться, если Запад совершит ряд просчетов. Однако, как бы там ни было, в существующем европейском (не только — украинском!) кризисе на первый план вышла приверженность миру и свободе, исповедованная как канцлером Германии Ангелой Меркель, так и президентом Украины Петром Порошенко.

Немецкое издание Die Welt рассматривает ситуацию еще более однозначно — считая, что западные санкции уложили «русского медведя» на землю. Но не одни только санкции — экономика России уже давно находится в упадке. Причиной тому являются структурные дефекты: отсутствие диверсификации, недостаток конкурентоспособных товаров, низкая производительность труда, а также падение цены на нефть. Однако, отмечает издание, «без кризиса в Украине и связанных с ним западных санкций Россия никогда бы не оказалась в столь критической ситуации. Безусловно, отмечается в издании, никто не заинтересован в ослаблении России: ***«миру нужна сильная, уверенная в себе и стабильная Россия, которая, однако, должна признать основополагающие принципы международного права и демократии»***. И именно поэтому санкции по отношению к России должны быть сохранены, поскольку они являются правильным ответом на политику Путина в Украине. Запад должен дать Путину шанс выйти из позиции слабости, в которую он сам себя загнал, с сохранением собственного достоинства. При этом главной целью должна быть «независимая Украина» и «прекращение российской политики агрессии» [62].

Но и это еще не все. Запад все-таки должен продолжать поиск новейшей модели общественного развития современного мира и стать в авангарде установления нового мирового порядка. Ведь не секрет, что в последние годы мы все чаще стали сталкиваться с проблемой нарушения норм и базовых принципов международных отношений. Речь идет отнюдь не только о захвате Крыма «зелененькими человечками» Владимира Путина и скрытое вторжение в Украину российских военных-»отпускников» на танках. Наряду с этими событиями дает о себе знать и феномен «Исламского Государства Ирака и Леванта», сочетающий приверженность обычаям Средневековья с современными навыками ведения

войны. В этом же ряду стоят периодические вспышки напряженности в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Что уж говорить о развале еще недавно дееспособного государства Сирии и неспособности всего мира остановить смерть и разрушение в этой стране? Вполне естественно, что перед лицом такого бурлящего котла проблем каждая страна неизбежно становится перед проблемой нового осмысления и определения своей идентичности в условиях глобализирующегося мира.

Начнем с очевидного — того, что провоцирует активизацию ревизионистских настроений по отношению к устоявшимся международным нормам. Так случилось, что почти все семь миллиардов обитателей современного мира оказались в рамках единого рынка, единой системы капиталистической мир-экономики с ее принципом «зависимого развития» трех структурных элементов: ***ядра*** капиталистической мир-системы, ***полупериферии и периферии*** (И. Валлерстайн). Никто нынче не станет идеализировать состояние дел в этой системе. Все имели возможность убедиться, что вследствие неэквивалентного обмена практически всегда выигрывает ядро (развитые капиталистические страны), периферия проигрывает («третий мир»), а полупериферия (прежде всего страны БРИК — Бразилия, Россия, Индия и Китай) занимают промежуточное положение. Вследствие вот этой системы взаимозависимости и взаимопроникновения пришел конец и той былой Вестфальской системе (1648 г.) с ее идеалом абсолютного суверенитета. Границы сегодня стали проницаемы не только для перемещения товаров, финансов и людей, но и для информации, оружия, преступности, экологического загрязнения и эпидемий. Количество проблем накопляется, а пути и механизмы их разрешения все еще не определены.

В этом клокочущем мире Россия, чем дальше, тем больше позиционирует себя по отношению к Соединенным Штатам, возлагая на эту страну вину за все происходящее в мире. В то же время складывается впечатление, что мир терпит лишения вовсе не так от активности американцев на международной арене, как от откровенного нежелания США активно вмешиваться в конфликтные зоны для наведения порядка. В прошлом, в годы холодной войны американцы, худо-бедно, но несли свой груз ответственности в борьбе против СССР и мирового коммунизма, поддерживая при этом международный порядок, как они его понимали. Однако после распада СССР этот имидж Америки потускнел, а его правящие круги пребывают сейчас в некоторой растерянности. Как отмечает президент Фонда Карнеги за международный мир Джессика

Мэтьюз, ***проблемой проблем остается определение того, что составляет ныне американскую цель: «максимально наращивать мощь США или распространять нашу демократическую культуру? Должны ли Соединенные Штаты выполнять функции «мирового полицейского» — даже если нам самим ничто не угрожает? Следует ли нам заниматься собой и наводить порядок в собственном доме или мы обязаны нести всему миру блага рыночного капитализма?»*** [63].

На практике это выливается в дискуссии: о целесообразности радикальной смены недемократических режимов или тщательного государственного строительства; соблюдения международного права или американской исключительности; односторонних либо коллективных действий; о приоритетности интересов или же ценностей. Но за всем этим многообразием терминологии, акцентирует внимание Джессика Мэтьюз, «кроется одно и то же — ***поиск ориентиров или критериев для принятия решений***, когда и где нам следует бросать на чашу весов наши деньги, жизни наших солдат, наш политический капитал. Без этого, как показывают социологические опросы, американский народ не лучше, чем его лидеры, понимает, когда нам надо действовать, а когда нет, и столь же склонен к радикальному изменению позиции по мере развития событий» [64].

Впрочем, отмечают аналитики, Соединенные Штаты в этом не одиноки. Фактором неопределенности может служить Китай, который не только продолжает наращивать свою экономическую мощь, но и демонстрирует далеко простирающиеся намерения, усиливает военный потенциал, а его действия в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях начинает вызывать беспокойство во всем регионе. Тем временем Япония своим отказом извиниться за ужасные зверства во время Второй мировой войны провоцирует нагнетания националистических страстей в Китае. Индии приходится иметь дело с угрозой со стороны Пакистана и Китая. На Ближнем Востоке Израиль, похоже, отказался от процесса мирного урегулирования и перешел к тупиковому конфронтационному курсу. Иран уже в начале 2015 года считался близким к историческому соглашению по ядерной программе, но оставались опасения, что он может счесть интересы исламской революции выше интересов иранской нации. Арабский мир, в свою очередь, тоже раздирают острые межконфессиональные распри.

Обнадеживало разве то, что у объединенной Европы, судя по всему, не было заметно путаницы относительно ее роли на международной арене. Привлекало внимание и то, что Европейский

Союз, с одной стороны, на удивление четко осознает свои ценности и потенциальный ресурс в глобализированном мире. Однако, с другой стороны, Европа все же в целом еще не признала, что рано или поздно ей придется играть все значительную стратегическую роль в обеспечении собственной безопасности, безопасности всего региона, да и стран, находящихся за его пределами. Пока что, видимо, Европа настолько погружена в свой гигантский объединительный проект, что на остальной мир у нее пока что не остается особого времени и сил.

Этим часто пытается воспользоваться Россия, вбивая клин между США и Европой. Однако принципиальным камнем преткновения для российской ментальности является представление о том, что санкции со стороны ЕС рассматриваются в Кремле как исключительно результат украинского конфликта и нажима со стороны Вашингтона. А между тем, все намного серьезнее: отношения между Россией и ЕС уже сейчас остаются замороженными, а перспективы их улучшения в обозримой перспективе вообще слабо просматриваются. Санкции, введенные весной 2014 года, скорее будут продлены, а то и, не исключено, еще и ужесточены. При всех перипетиях, Евросоюз демонстрирует поразительное единство в вопросах, связанных с Россией. Но, самое главное, считает директор Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин, «***Германия, ныне единственный лидер Евросоюза, принимает на себя ответственность за все европейское пространство и возрождает давно забытую геополитику даже несмотря на потери для экономики***» [65].

Безусловно, США заинтересованы в поддержке союзников по НАТО и предпринимают все необходимые для этого шаги. Но дают о себе знать и собственно европейские факторы, а среди них и позиция Германии в отношении России. На ее эволюцию, считает Тренин, повлиял ряд факторов. Так, в течение последних трех лет в Германии произошло глубокое разочарование в перспективах развития отношений с Россией. Надежды, которые Ангела Меркель связывала с Дмитрием Медведевым, оказались разрушенными. Линия на постепенную европеизацию России зашла в тупик. А возвращение Владимира Путина в Кремль и вообще потребовало иного подхода.

И он был выработан. Прежде всего, после 2012 года в Германии произошла жесткая дискредитация «апологетов» Путина в германском политическом классе и экспертном сообществе. Особенно активно она была проведена в германских СМИ в течение последних двух лет, что и создало новую идеологическую основу

политического курса по отношению к России. В итоге, из адвоката Москвы и ее проводника в западные институты, как это было во времена Герхарда Шредера и Гельмута Коля, Берлин превратился во все более открытого и принципиального критика российской внутренней и внешней политики. Что и говорить — германский бизнес, связанный с российским рынком, вначале воспротивился этому курсу, но был не в силах противостоять новому тренду Ангелы Меркель. Прагматическая «восточная политика» сближения и вовлечения, сформулированная социал-демократами еще полвека назад, сменилась политикой моральных принципов и геополитических интересов: «Действия России в Крыму и в отношении Донбасса, с точки зрения германского правительства, нарушили «европейский мирный порядок», который Берлин стремится поддерживать на континенте. Ссылки Кремля на народное волеизъявление в Крыму и воссоединение нации отвергаются как неосновательные, как и любые параллели с воссоединением Германии. Здесь также имеет значение, что Ангела Меркель и президент Германии Йоахим Гаук — выходцы из протестантской среды бывшей ГДР, где морализм традиционно занимал важное место» [66].

Лидерство в Европе ко многому обязывает. Прежде всего — к учету и представительству интересов всех младших союзников. В российском контексте речь идет, прежде всего, о непременном учете подходов Польши, балтийских стран, ряда других государств, настороженно относящихся к недружественным шагам России. При этом, отмечает Тренин, сама Германия находится под пристальным наблюдением, как этих стран, так и их друзей в США, чтобы исключить любой рецидив «синдрома Риббентропа-Молотова». И это особенно важно для Украины, поскольку Вашингтон, передав в руки ЕС и Германии ответственность за практическую реализацию коллективной политики Запада, ожидает, что Берлин оправдает такое доверие. Еще для нас важен тот факт, что лидерство от имени Европы предполагает также конкурентную борьбу с российским влиянием в зоне пересекающихся интересов: «Эта зона включает не только Украину, но и Молдавию, Грузию, другие страны Закавказья и Средней Азии. Недавнее предложение Меркель о начале диалога между ЕС и Евразийским экономическим союзом — не столько создание еще одного канала для диалога с Москвой, сколько попытка повлиять на развитие евразийского проекта через диалог с Минском и Астаной, чьи интересы и подходы не всегда совпадают с московскими» [67].

Важно держать в поле зрения и тот факт, что Берлин не оставляет без внимания и кандидатов на членство в Евразийском со-

юзе — Армению, Киргизию и Таджикистан. На эти страны, как считают в Евросоюзе, Москва оказывает недопустимое давление. Следует учитывать и то, что Германия стремится ограничить российское влияние в сфере непосредственных интересов Европейского союза на Балканах — прежде всего в Сербии, а также в Боснии и Герцеговине. Противостоит политика Берлина влиянию Москвы и непосредственно в рядах самого Евросоюза — в Венгрии, Болгарии, Чехии.

Важным успехом в поддержке демократии в нашей стране явилось совместное заседание президентов «Вышеградской четверки» и Украины 16 декабря 2014 года. В частности, страны «четверки» подтвердили непризнание аннексии Крыма Россией, подтвердили готовность помочь Украине в реализации пакета реформ, обеспечения энергетической безопасности и организации реверсных поставок газа в зимний период, а также способствовать внедрению безвизового режима Украины с ЕС. Эти же страны распределили обязательства по реализации различных секторов реформ в Украине: Словакия поможет Украине реформировать энергетику; Венгрия — экономику; Польша будет отвечать за внедрение децентрализации, а Чехия — образования и защиты общества [68].

То есть, ***вопреки всем заявлениям об «изгнании» геополитики из области международных отношений, объединенная Европа под руководством Берлина и сохраняющимся военно-политическим патронатом Вашингтона наглядно свидетельствует о том, что она уже не только экономический партнер России, но и ее идеологический оппонент, и геополитический соперник***. По оценке Дмитрия Тренина, принятие экономических санкций в отношении РФ не было продиктовано случаем с малазийским «Боингом» или результатом нажима Вашингтона: «Речь идет о сочетании сотрудничества и соперничества с важной геополитической составляющей. ***Берлин — самостоятельно и через Брюссель — будет давить на Москву экономически в целях возвращения ее политики в международно-правовое русло и одновременно поддерживать трудный диалог с Кремлем… Ясно, что нынешняя конфронтация России и США несводима к Украине и не прекратится, даже если украинский конфликт удастся урегулировать. В отношениях с Европой, однако, даже частичная стабилизация положения на Украине может сыграть положительную роль»*** [69].

Одним словом, прошло то время, когда после падения Берлинской стены Европа для многих в России стала рынком сбыта энергоносителей, сейфом для хранения капиталов и всероссийской

зоной шопинга и отдыха. Пришло время, когда Европа вправе в полный голос поставить вопрос о принципах, нормах и основах европейской безопасности в новых условиях, о мерах взаимного доверия и контроля.

Пока что на сегодня трудно определить варианты возможных фундаментальных основ нового общеевропейского урегулирования. Все детали и нюансы предопределить сегодня просто невозможно. Трудно даже предусмотреть каким будет геополитический пейзаж Европы. Но то, что он будет приобретать свою архитектуру — сомневаться не приходится. Приходится учитывать народную мудрость, которая говорит: «против лома нет приема». Против российского геополитического лома Европе ничего не остается, как противопоставить свой фактор сочетания «жесткой» и «мягкой» силы. В этом и состоит контрприем.

Принципиальное различие состоит в том, какие ценности будут положены в основу по обе стороны баррикад этого геополитического расклада. А это предопределит и границы государств, и их союзов, и соотношение сил внутри блоков и между ними. То есть, нет сомнения, что геополитическая составная нынешней мир-системы будет медленно трансформироваться и приобретать основные параметры, связанные, прежде всего, с идентичностью каждого из игроков, их весом, ролью и местом в современном мире. Но вряд ли кто-нибудь взялся бы сегодня предсказать все последствия этой системной трансформации.

Россия в этом многотрудном процессе все еще никак не может выйти из сезона распутицы и тупика цивилизационного беспутья. Весь ее нынешний курс свидетельствует об отсутствии продуктивной системы ценностей в ее нынешнем противостоянии с Западом, неспособность сформулировать набор «подлинно русских ценностей», которые бы определяли образ новой российской идентичности, приемлемый для современного глобализированного мира. И, видимо, стоит признать продуктивным следующий прогноз профессора Тартуского университета Вячеслава Морозова: «отсутствие независимой точки опоры для отстаивания политической независимости уводит Россию в дурную бесконечность антизападной риторики и политики. В ситуации, когда национальная идентичность целиком определяется через противопоставление значимому Другому, никакой прочный компромисс с этим Другим невозможен в принципе. Единственно предсказуемой моделью будущего европейского урегулирования в таком случае остается равновесие сил». Дополнительным аргументом для иллюстрации безысходности всего этого длящегося годами в России цивилиза-

ционного беспутья может послужить и тот факт, что до последнего времени в этой стране «недопущение расширения сферы западного влияния на Украину и в конечном итоге саму Россию явилось ключевым приоритетом, которому подчинены любые экономические соображения или ценностные установки» [70].

Каким образом это «равновесие сил» будет достигаться — покажет время и исход «битвы за Европу», с учетом того, что «битва за Украину — передовой фронт борьбы за Европу». Что касается России, то ее способ самоопределяться через противопоставление себя Западу в ближайшей перспективе будет неизбежно перетекать из сферы политики идентичности в геополитическую сферу. Тем самым ситуация будет переводиться к все более опасным столкновениям, которые уже сегодня имеют отчетливо выраженное силовое измерение. Как это ни печально, но, видимо, так будет продолжаться до тех пор, пока не обнаружится новое равновесие сил между «вставшей с колен» Россией и «обуржуазившейся» Евро-Атлантикой.

Литература

1. Крастев И., Леонард М. Новый европейский беспорядок. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Novyi-evropeiskii-besporyadok-17196

2. Оболонский А. Геополитика: реинкарнация или агония? // Политическая концептология. — 2014. — № 4. — с. 40.

3. Роберт Купер. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке. Пер. с англ. яз. — М.: Московская школа политических исследований, 2010. — С. 11.

4. echo.msk.ru/news/1440770-rcho.html

5. См. Семигин Ю.Г. Антология мировой экономической мысли. Булл Хэдли. — Доступно: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/49.php

6. Ефременко Д. В. За флажки. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764

7. Хаас Ричард. Разваливающийся миропорядок. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Razvalivayschiisya-miroporyadok-17194

8. Збигнев Бжезинский. Характер игры меняется. Запад принимает твердую позицию по России. — Доступно: http://obozrevatel.com/politics/31597-bzhezinskij-harakter-igryi-menaetsya-zapad-sejchas-prinimaet-tverduyu-pozitsiju-po-rf.htm

9. Обама обещает властям Украины помощь в возвращении Крыма. — Доступно: http://conflict.rbc.ua/rus/obama-obeshchaet-vlastyam-ukrainy-pomoshch-v-vozvrashchenii-kryma-27102014182100

10. Резолюция Европарламента по Украине: Комментированный перевод. — Доступно: http://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2015/01/15/7029681/view_print/

11. Полный текст постановления Верховной Рады о признании России государством-агрессором. — Доступно: data; text/html; charset=utf-,%3Cdiv%20class%22post_head%22%20style%3D%22margin%3a%200px%20–10px%2015px%3B%20padding%3A%20...

12. Бережной В. Путин не хочет останавливать войну в Украине. — Доступно: data; text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22post_head%22%20style%3D%22margin%3A%200px%20–10px%2015px%3B%20padding%3A%20...

13. Украина получает серьезное вооружение из-за границы. — Доступно: data; text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22post_head%22%20style%3D%22margin%3A%200px%20–10px%2015px%3B%20padding%3A%20...

14. Официальная позиция: Что значит объявление России агрессором. — Доступно: http://112.ua/article/print/statji/oficialnaya-poziciya-chto-znachit-obyavlenie-rossii-agressorom-181143.html

15. ПАСЕ утвердила резолюцию: РФ виновата в агрессии против Украины. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Ch1%20itemprop%3D%22name%22%22style%3D%22margin%3A%200px%3B%20padding%3A%200px%3D%20outline%3...

16. Реакция депутатов Госдумы на резолюцию Европарламента. — Доступно: data: text/html; charcet=utf-8,%3Cul%20class%3D%22main-page-header%22%20style%3D%22outline%3A%20none%3B%20margin%3A%200px%200px%...

17. В Госдуме заявили, что признание России страной-агрессором «находится за рамками права». — Доступно: http://112ua/article/print/glavnye-novosti/v-gosdume-zayavili-chto-priznanie-rossii-stranoy-agressorom-nachoditsya-za-ramkami-prava-180479.html

18. Барабанов М.С. Принуждение к миру-2: ближайшая перспектива России на Украине. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Prinuzhdenie-k-miru-2-blizhaishaya-perspektiva-Rossii-na-Ukraine-17261

19. Крастев И., Леонард М. Новый европейский беспорядок. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Novyi-evropeiskii-besporyadok-17196.

20. Крастев И., Леонард М. Новый европейский беспорядок. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Novyi-evropeiskii-besporyadok-17196

21. Крастев И., Леонард М. Новый европейский беспорядок. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Novyi-evropeiskii-besporyadok-17196

22. Караганов С. Возвращение к традиционализму. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/pubcol/Vozvraschenie-k-traditcionalizmu-17248

23. Караганов С. Возвращение к традиционализму. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/pubcol/Vozvraschenie-k-traditcionalizmu-17248

24. Панарин Э. Д., Соколов Б. О. Глобальная политика глазами российской элиты. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Globalnaya-politika-glazami-rossiiskoi-elity-17106

25. Панарин Э. Д., Соколов Б. О. Глобальная политика глазами российской элиты. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Globalnaya-politika-glazami-rossiiskoi-elity-17106

26. Панарин Э. Д., Соколов Б. О. Глобальная политика глазами российской элиты. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Globalnaya-politika-glazami-rossiiskoi-elity-17106

27. Панарин Э. Д., Соколов Б. О. Глобальная политика глазами российской элиты. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Globalnaya-politika-glazami-rossiiskoi-elity-17106

28. Макаренко В. П. Геополитический и глобалистский дискурс: старое вино в новых мехах // Интеллектуально-политические моды и проблемы концептологического анализа Кавказа. Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. — 2011. — № 2.

29. Кемеров В. Е. О философской моде в России // Вопросы философии. — 2000, № 11. — С. 9.

30. См.: Косолапов Н. А. О месте политики в эпоху глобализации // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2003, № 4. — с. 128–151.

31. Оболонский А. Геополитика: реинкарнация или агония? // Политическая концептология. — 2014. — № 4. — с. 40.

32. Оболонский А. Геополитика: реинкарнация или агония? // Политическая концептология. — 2014. — № 4. — с. 40.

33. Оболонский А. Геополитика: реинкарнация или агония? // Политическая концептология. — 2014. — № 4. — с. 40.

34. Лукьянов Ф. А. Текучий модерн: почему страны разучились договариваться. — Доступно: http://globalaffairs.ru/print/redcol/Tekuchii-modern-pochemu-strany-rasuchilis-dogovarivatsa-17264

35. Морозов В. Е. Свято место пусто не бывает. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Svyato-mesto-pusto-ne-byvaet-16766

36. Ефременко Д. В. За флажки. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764

37. Ефременко Д. В. За флажки. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764

38. Ефременко Д. В. За флажки. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764

39. Ефременко Д. В. За флажки. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764

40. Ефременко Д. В. За флажки. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764

41. Ефременко Д. В. За флажки. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764

42. Ефременко Д. В. За флажки. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764

43. Быстрицкий А. СМИ в корень. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/SMI-v-koren-17272

44. Ефременко Д. В. За флажки. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764

45. Ефременко Д. В. За флажки. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764

46. Ефременко Д. В. За флажки. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764

47. Морозов В. Е. Свято место пусто не бывает. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Svyato-mesto-pusto-ne-byvaet-16766

48. Рогов К. «Рендж Ровер» идет «На Берлин!». — Доступно: http://globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Rtndzh-Rover-idet-Na-Berlin-17237

49. Рогов К. Что грозит Майдану? — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cp20style%3D%22padding%3A%200px%3B%20margin%3A%2010px%2040px%2010px%3B%20font-style%3A%...

50. Рогов К. «Рендж Ровер» идет «На Берлин!». — Доступно: http://globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Rtndzh-Rover-idet-Na-Berlin-17237

51. Рогов К. «Рендж Ровер» идет «На Берлин!». — Доступно: http://globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Rtndzh-Rover-idet-Na-Berlin-17237

52. Рогов К. Конфликт не с Украиной, а с Западом. Доступно: data: text/html; charset+utf-8,%3Cp%20style%3D%22padding%3A%200px-%3B%20margin%3A%2010px%2040px%2010px%200px%3B%20font-style%3A%...

53. Лавров С. «Речь идет не о том, чтобы кто-то победил в этой войне». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Rech-idet-ne-o-tom-chtoby-kto-to-pobedil-v-etoi-voine-17233

54. Жириновский об Украине: Вы для нас сегодня — враги номер один! — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3CH1%20class%3D%22title%22%20style%3D%22box-sizing%3A%20border-box%3B%20font-size%3A%2018px%3B%20m...

55. Медведев признался, что Украина России — враг. — Доступно: http://Fakty.ua/print/193050

56. Новая военная доктрина России: действия в Украине описаны и узаконены. — Доступно: http://www.dialog.ua/news/33936_1419610380

57. Рогов К. Конфликт не с Украиной, а с Западом. Доступно: data: text/html; charset+utf-8,%3Cp%20style%3D%22padding%3A%200px-%3B%20margin%3A%2010px%2040px%2010px%200px%3B%20font-style%3A%...

58. Лукьянов Ф. Внутренняя империя. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Vnutrennyaya-imperiya-17226

59. Лукьянов Ф. Украинские развилки. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Ukrainskie-razvilki-17234

60. Чем хуже России, тем опаснее Путин. Vox — о том, чем грозит Западу российский валютный кризис. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22PopupHeader%20PopupHeader — feature%22%20data-reactid%3D%22.0.1.%24%3D1%24%2Ffeatu...

61. The Guardian: «Европейская черепаха» одолела «русского медведя». — Доступно: http://www.dialog.ua/news/33563_1419366205

62. Die Welt: Гордый «русский медведь» уже лежит на земле — мир отворачивается от России. — Доступно: http://www.dialog.ua/news/33369_1419270384

63. Мэтьюз Дж. 2015 год: народы и страны в смятении. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/2015-god-narody-i-strany-v-smyatenii-17235

64. Мэтьюз Дж. 2015 год: народы и страны в смятении. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/2015-god-narody-i-strany-v-smyatenii-17235

65. Тренин Д. Конец согласия: чего хочет Европа от России. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru?print/ukraine_crysis/Konets-soglasiya-chego-khochet-Evropa-ot-Rossii-17229

66. Тренин Д. Конец согласия: чего хочет Европа от России. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru?print/ukraine_crysis/Konets-soglasiya-chego-khochet-Evropa-ot-Rossii-17229

67. Тренин Д. Конец согласия: чего хочет Европа от России. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru?print/ukraine_crysis/Konets-soglasiya-chego-khochet-Evropa-ot-Rossii-17229

68. Страны «Вышеградской четверки» помогут Украине с реформами, реверсом газа и безвизовым режимом. — Доступно: http://112.ua/article/print/obshchestvo/strany-vyshegradskoy-chetverki-pomogut-ukraine-s-reformami-reversom-gaza-i-bezvizovym-rezhimom-161649.html

69. Конец согласия: чего хочет Европа от России. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru?print/ukraine_crysis/Konets-soglasiya-chego-khochet-Evropa-ot-Rossii-17229

70. Морозов В.Е. Свято место пусто не бывает. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Svyato-mesto-pusto-ne-byvaet-16766

Раздел V.
ИНФОРМАЦИОННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Каждый обманывает своего друга,
и правды не говорят: приучили язык свой
говорить ложь, лукавствуют до устали.
(Иеремия, г.9, с. 5)

Отношение в России к украинцам и к Украине как государству складывалось веками. В итоге, в царские времена победила концепция, что украинской нации «нет, не было и быть не может», а украинцы трактовались как своеобразное племя «триединого русского народа» в составе великороссов, малороссов и белорусов. О признании самой возможности появления украинского государства не могло быть и речи.

В годы украинского революционного подъема 1917–1921 гг. Украина состоялась, хотя и в подчиненном статусе в составе СССР. В советский период сплошной «интернационализации общественной жизни» для всех граждан культивировалась единая советская культура — «социалистическая по содержанию и национальная по форме». Этот вид культуры и не нуждался в глубоком диалоге между русскими и украинцами, вопреки тому, что культура по сути своей всегда диалогична. Для Кремля было достаточно демонстрировать «дружбу народов». Минимальный корпус книг по украинской истории и культуре формировался преимущественно «для домашнего пользования» Украины, а для русской аудитории было достаточно и «дней украинской культуры в Москве». Репертуар был из года в год практически однообразным донельзя: песни «про чорнії брови, карії очі», дуэты Ивана Карася и Одарки, традиционный гопак. А после концерта, как было заведено, непременное застолье с горилкой с перцем, да салом с чесноком.

В итоге сложилась ситуация, ярко и образно представленная в свое время Владимиром Маяковским:

«Знаний груз
у русского
тощ –

тем, кто рядом,
почета мало.
Знают вот
украинский борщ,
Знают вот
украинское сало.
И с культуры
поснимали пенку:
кроме
двух
прославленных Тарасов —
Бульбы
и известного Шевченка, —
ничего не выжмешь,
сколько ни старайся.
А если прижмут —
зардеется розой
и выдвинет
аргумент новый:
возьмет и расскажет
пару курьезов –
анекдотов
украинской мовы.
Говорю себе:
товарищ москаль,
На Украину
шуток не скаль.
Разучите
эту мову
на знаменах —
лексиконах алых, —
эта мова
величава и проста:
«Чуешь, сурмы заграли,
Час расплаты настав...»
Разве может быть
затрёпанней да тише
Слова
поистасканного
«Слышишь»?!
Я
немало слов придумал вам,

Взвешивая их,
одно хочу лишь, —
Чтобы стали
всех
моих
стихов слова
Полновесными,
как слово «Чуешь?».

Почему мы начали анализ этого раздела с культуры и поэзии, а не, например, с научного труда, изданного в России об Украине, ее истории, культуре, обычаях? Да потому, что в Москве в Институте славяноведения не было даже структурного подразделения, которое бы изучало украинцев и белорусов, хотя другие славянские народы исследовались достаточно тщательно. Ну и впрямь, для чего было украинцев изучать, если их будущее не вызывало у советского руководства никакого сомнения: они должны были стать демографическим донором новой исторической общности — «советского народа».

Появление независимой Украины в 1991 году вызвало резкую неоимперскую реакцию в России, пока еще сдерживаемую Борисом Ельциным. Но уже при нем пошел спрос на книги, публикуемые в Москве издательством «Имперское возрождение». Названия многих из них говорят сами за себя: прежде всего это сборник «Украинская болезнь русской нации» (М., 2005); «Русь нерусская» А. Каревина (М., 2006); «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма» А. Щеголева (М., 2006); сборник «Имперское возрождение» (М., 2007) с разделом «Преодоление украинства». Кроме того на формирование общественного мнения влияла партийная пресса компартий Украины и России, других левых сил, которые постоянно выступали за «воссоединение» двух ныне независимых стран.

Был и другой тип исследований — научно взвешенных и более деликатных с точки зрения политкорректности. Достаточно удачными оказались номера 1–2 журнала «Новое литературное обозрение» за 2007 год, посвященные широкому обсуждению украинской тематики. В политической периодике значительное внимание было уделено «оранжевой революции» и прогнозированию дальнейшей политической ситуации в Украине (журнал «Политические исследования», № 1, 2005 г.). Среди малочисленных по-настоящему научных книг выделялись разработки А. Миллера «Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) » (СПб., 2000) и «Империя Ро-

мановых и национализм» (М., 2006). Высокую оценку в украинских научных кругах получили книги Т. Яковлевой — «Мазепа» (М., 2007) и «Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства» (СПб., 2011). Ярко отличался научной добросовестностью, на фоне развернувшейся в 2014 году антиукраинской пропаганды, первый номер журнала «Политическая концептология» (Ростов-на-Дону), посвященный 200-летию Тараса Шевченко. Но в целом украинская проблематика в России занимала немногих.

Коренным образом изменила ситуацию интервенция России в Украину. Где ни появись, вдруг образовалась целая когорта политологов, которые стали освещать вопросы украинского кризиса в контексте геополитического противостояния России и Запада. Украинская тематика стала едва ли не наиболее популярной в информационном поле России, но от этого не обязательно обстоятельно представленной. Сказывалось отсутствие надлежащей академической школы, а политически ангажированные авторы нет-нет, да и съезжали в наезженную колею антиукраинской пропаганды. Преимущественно околокремлевские служивые политологи тиражировали тезис об Украине, как «задворках» широкого политического поля России.

На полную мощь раскручивается процесс троллинга — примитивной лжи насчет ситуации в Украине и вокруг нее.

5.1. Что же задумал Путин?

Первичное значение понятия «троллинг» в дословном переводе с английского значит «ловля рыбы на блесну». Со временем это слово перекочевало в сферу информационных технологий. Отсюда за человеком, который осуществляет провокационные манипуляции в СМИ, утвердилось определение «тролль». Это слово приобрело популярность не в последнюю очередь вследствие его частого употребления в мифологии.

Так, в детских сказках мифологические «тролли» выступают в личине уродливых, неприятных существ, созданных для привнесения в жизнь людей горя и зла. Таким образом, употребляя в самом общем виде слово «троллинг», мы имеем в виду припрятанную или очевидную задиристость, унижение или оскорбление других в форме агрессивного и издевательского поведения, нарушения правил этического кодекса и откровенную ложь.

«Что, черт возьми, задумал Путин?» — это выражение стало, наверное, наиболее значимым и показательным в течение

2014 года. Во всяком случае, так считал редактор популярного на Западе издания Vox Макс Фишер. Да и другие аналитики, специализирующиеся по России, как и сами россияне, провели 2014 год в спорах на счет того, «что же стоит за авантюрами Путина в Украине. И зачем он вмешивается в дела стран Прибалтики? Люди с недоумением думали, к чему это Путин выражает политическую и экономическую поддержку антиамериканским диктаторам Башару Асаду и Ким Чен Ыну, доставляя неприятности западным лидерам», — отмечает Фишер. [1].

В начале февраля 2015 года британская деловая газета Financial Times опубликовала материал, состоящий с двух аналитических материалов под общим названием «Битва за Украину», где была сделана попытка дать ответ на сакраментальный вопрос: «Что же задумал Путин?» [2]. В основу статьи были положены интервью министров, лидеров ЕС, дипломатов, чиновников и офицеров разведки более чем 10 стран мира. Аналитикам газеты удалось восстановить события тех долгих месяцев 2014 года, когда стало понятно, что дипломатия умиротворения Путина в целом провалилась. Вот такое печальное умозаключение.

Тем не менее, анализ привел и к определенным сдвигам. Зарубежные эксперты признали, что обе стороны — Запад и Россия — оказались в плену своей собственной картины видения мира, а потому и не смогли договориться друг с другом. К тому же Европа недооценила, насколько далеко Путин готов зайти в защите того, что он провозглашает «ключевыми интересами России». В результате вышла достаточно некрасивая история предательства интересов Украины: «Во время протестов, которые вспыхнули в начале 2014 года, и в итоге приведших к свержению промосковского правительства Виктора Януковича, Украина стала первой страной в Европе, где протестующие гибли с флагами ЕС в руках. Запад, уверенны многие в Киеве, предал Украину» [3].

Собственно, еще и до упомянутых публикаций аналитики обращали внимание на то, что действия Росси касались не только Украины. Так, пока западные государства оказывали давление на Иран, требуя сворачивания ядерной программы, Россия построила Тегерану реактор. Когда США и их партнеры обдумывали планы нанесения ударов по Сирии, чтобы наказать президента Асада за массовое убийство гражданского населения, Путин передал Дамаску систему ПВО и направил российских моряков прикрывать сирийские порты живым щитом. Когда Эдвард Сноуден раскрыл секреты американских спецслужб, Москва предоставила ему убежище. А во время атаки на кинокомпанию Sony Pictures, ко-

торую, вероятно, осуществили северокорейские хакеры, Кремль пригласил Ким Чен Ына на парад Победы.

Такие события, конечно же, вносят беспокойство: как понимать поведение президента ядерного государства? Профессор Нью-Йоркского университета Марк Галеотти предложил свою версию объяснения ситуации: глава государства прибегает к откровенному троллингу, и тем самым «Путин превращает Россию из бывшей мировой державы в геополитического рэкетира» [4].

Формулировка, что ни говори, жесткая. Но она возникла, пишет Галеотти, на фоне достаточно размытых надежд со стороны политиков Запада, которые для выяснения интересов Путина касательно Украины стали перед дилеммой: или «ждать программной речи Путина, в которой он начистоту, без утайки, не кривя душой, поведает всему миру о своих планах. Либо трезво оценит происходящее в зоне конфликта, не тревожась особливо о мотивах действий российского президента. Пока же мы отчаянно пытаемся заглянуть в душу человека, который плохо поддается психологическому просвечиванию». Таким образом, продолжает американский профессор, в среде политологов создалась достаточно противоречивая ситуация: «В России остались аналитики — их совсем немного, но они есть — которые тонко разбираются в украино-российских отношениях, однако они, по понятным причинам, предпочитают не противоречить открытой генеральной линии или просто не имеют высокой трибуны, с которой это можно сделать. Если в России независимых голосов осталось слишком мало, то на Западе проблема противоположная: здесь их чересчур много». А если просуммировать всю совокупность голосов, жалуется профессор, то «мы имеем какофонию, которая способна оглушить даже политически грамотного человека» [5].

Толку от такой какофонии, конечно же, очень мало. А поэтому нередко можно было услышать голоса тех, которых, например, в Германии называют «Путин ферштеер». Они твердят, что мол, надо бы войти в положение Путина и понять его. Возможно, предполагают они, и Запад не во всем прав. Не исключено, что были ущемлены великодержавные интересы России, а потому и не суждено было сбыться амбициям Путина. Потому-то он и комплексует. А значит, надо бы как-то дать ему возможность «сохранить лицо» и достойно выйти из создавшейся ситуации.

Но возникла следующая проблема: кто бы из лидеров Запада мог помочь Путину в этой ситуации? Газета Financial Times считает, что с Бараком Обамой у Путина отношения не сложились. Близкие к Белому Дому лица убеждены, что Путин не откликнулся

на попытки Обамы выстроить новые отношения — у них видимо душа не лежит друг к другу. Во время встреч, по словам Барака Обамы, Владимир Путин «немного сутулится, выглядя, как скучающий школьник на задней парте».

На первые роли объективно вышла Ангела Меркель. И не только как европейский лидер, дольше всех пребывающий на своем посту (с 2005 года), но и потому, что удивительно глубоко понимает, какие факторы влияют на мышление Путина. Оба лидера считай одногодки, оба хорошо помнят холодную войну. А владение Меркель русским языком дает возможность Путину переходить с немецкого языка на русский, когда смысл разговора «усложняется».

В отличие от лидеров США, Великобритании и Франции, которые увязли в конфликт на Ближнем Востоке, Меркель глубоко компетнтна относительно кризиса в Украине и вокруг нее. По ее словам, этот кризис является вызовом для мира, а в самой Европе «испытанием на решимость» для Запада. И когда она взялась за урегулирование кризиса, многие на Западе вздохнули с облегчением.

В США считают, что Меркель остается наилучшим собеседником Путина среди всех представителей Запада. И не только потому, что она тщательно готовится к беседам, изучает карты востока Украины со всеми дорогами и блокпостами. Она еще учитывает и психологические приемы давления на собеседника со стороны Путина, «относясь к дурным манерам кремлевского лидера как к признаку слабости» [6].

Меркель настойчива. Для нее разговоры с Путиным — не просто попытка повлиять на его поведение, но и донести до него то, как он и его действия воспринимаются на Западе. И вот, наконец, эти диалоги, отмечает Financial Times, принесли искомые плоды: «Раньше Меркель видела в Путине непростого партнера, но все же человека, с которым можно вести дела. Но украинский кризис изменил ее отношение. Она осознала, что Путин говорит неправду во время их разговоров — к примеру, отрицает, что российские войска непосредственно участвовали в захвате Крыма и впоследствии увязли в конфликте на востоке Украины. На публике госпожа Меркель не говорила, что Путин солгал, зато упоминала об этом в частных разговорах. «Он лжет — вот что она говорит о Путине лидерам других государств» [7].

Безусловно, можно было бы привести слова Талейрана, что речь для того и дана политику, чтобы скрыть настоящие мысли. Однако времена Гоббса, когда одно государство неминуемо трактовалось как враг другого, миновали. Во всяком случае, в Европе, где сложилась определенная система правил поведения, где

сформировалась группа политических деятелей, исповедующих безусловную общность интересов, ценностей и представлений об общественном устройстве. Где все страны ЕС продемонстрировали готовность к разумному самоограничению в пользу общих правил и институтов демократии.

Но Путин ведет себя совершенно по-другому. Проблема в том, отмечает упомянутый выше Макс Фишер, что «великодержавные амбиции Путина не сбылись». Поэтому срабатывает компенсаторный механизм — он меняет тактику и «ведет себя как геополитический рэкетир или вредитель». Объяснение такой модели поведения следующее: «Если Россия не может сохранить своего геополитического значения с помощью добрых дел, значит надо стать вредителем, мешать планам Запада. И делать это до тех пор, пока западные лидеры не признают, что Кремль все еще весомый игрок на международной политической арене». А ведь получается как раз наоборот: когда Путин пренебрегает международными принципами, он наносит вред интересами самой России — все это ведет к подрыву доверия и ее международной изоляции [8].

Постоянные потуги выставить Россию в роли равного Америке оппонента стали вскоре вызывать просто удивление. Наверное, поэтому и не случайной была реакция со стороны президента США. В одном из своих интервью Барак Обама едко назвал Россию «региональной державой», что в глазах аналитиков казалось не просто оскорбительным в адрес Путина, но стало и оценкой итогов его троллинга и злоупотребления силовыми факторами, при отсутствии в российской власти надлежащего экономического потенциала.

Вряд ли правы те, кто пытается самоуспокоиться, мотивируя свою позицию тем, что рано или поздно все проходит, минует и это наваждение, а там, глядь, ситуация и изменится под воздействием политической конъюнктуры или других факторов. В итоге отойдет от своей рэкетирской политики и президент РФ Путин.

Как бы ни так? Международная общественность уже устала слышать, как при каждом удобном и неудобном случае Владимир Путин, ничтоже сумняшеся, постоянно твердит, что, дескать, к войне на Донбассе Кремль никакого отношения не имеет, российских военных там нет, и вся деятельность Путина нацелена исключительно на примирение враждующих украинских сторон.

Однако факты свидетельствуют об обратном. Со стороны России поступают тяжелые вооружения и боеприпасы. А вот за стол переговоров в Минске враждующие стороны удалось усадить все-таки Президенту Украины Петру Порошенко, который вынудил Путина пойти на этот шаг. Как пишет та же газета Financial

Times, «Порошенко пригрозил президенту России, что, если не будет соглашения о прекращении огня, его сотрудники разместят в Интернете сотни жетонов, изъятых у российских солдат, захваченных или убитых в Украине. Они также свяжутся с их женами и матерями, чтобы объяснить, где находятся их мужья и сыновья. Потенциально это могло стать угрозой для восточно-западной пропагандистской войны» [9].

После этой угрозы Путин согласился несколько изменить свою позицию. Проект так называемых Минских договоренностей был подготовлен, а само соглашение (Минский протокол) подписано в белорусской столице 12 февраля 2015 года. Этот шаг позволил всем сторонам хотя бы надеяться, что кризис вокруг Украины можно решить дипломатическим путем, или же «некоторое время делать вид» что это возможно достичь.

Коррективы внесли смертельные бои последующих за Минской встречей недель. Они воочию показали, что этот документ не стал надежным оплотом для сдерживания российских амбиций в Украине. К большому сожалению, случилось так, что, по словам Financial Times, «в борьбе за страну Порошенко оказался зажат между российской агрессией и отказом стран Запада помочь Украине с контрударом [10].

Так, например, встреча Обамы и Меркель в Вашингтоне 9 февраля 2015 года показала, что, как и раньше, решения конфликта между Россией и Украиной военным путем президент США «не видит». Так же и вопрос о предоставлении Америкой летального оружия Украине остается открытым. Обама и Меркель пришли к соглашению, что ответом на российскую агрессивную политику будет пока что политическая и экономическая изоляция России. Военного противостояния Соединенные Штаты пытаются избежать с учетом того, что украинско-российская граница — длинная, а армия России после реформы, которая началась еще в 2008 году, на сегодняшний день сильнее украинской.

А тем временем в России нагнетается антиукраинская истерия. Так называемый соседский империализм с постоянным вмешательством России во внутренние дела сопредельных государств — будничная практика. Информационная политика России построена на лжи и оправдании насилия, культивировании в российском обществе психологии массового бытового цинизма. Например, российские СМИ постоянно иронизируют по поводу самостоятельности Украины, именуя ее граждан не иначе как «укры» или «укропы». За этим стоит еще и рафинированный цинизм сторонников так называемой realpolitik, которые рассма-

тривают Украину как задворки имперской России, где, мол, пора навести порядок.

Именно поэтому российское телевидение неустанно врет, народ до поры до времени празднует триумф, а российские деятели культуры и искусства заискивают перед властью и заверяют ее в своих искренне верноподданнических чувствах. Не все деятели лебезили, но на фоне массового «одобрямса» голос протестующего меньшинства часто был «тоньше комариного писка». Но он был, и спасал честь демократической России. И становился все более ощутимым уже во время декабрьской 2014 года пресс-конференции президента РФ — и в характере вопросов, которые ему ставились, и в перепаде тех жиденьких аплодисментов в зале, которыми сопровождались традиционные эскапады Путина.

Об отношении зарубежной общественности к министру иностранных дел РФ Сергею Лаврову и говорить нечего. Примером «ловли рыбы на блесну» может быть хотя бы его заявление в Мюнхене 7 февраля 2015 года на конференции по безопасности. По мнению Лаврова, в Крыму осуществилось предусмотренное Уставом ООН право наций на самоопределение. Какая такая нация самоопределялась в Крыму — уточнено не было. Как отмечали зарубежные СМИ, тут по залу прокатилась волна откровенного смеха. И Лаврову ничего не осталось делать, как искать оправдания: «Может, смешно, я не знаю... В данном случае произошло самоопределение народа, и самоопределение на основе многовековой истории. Мы можем все это обсуждать, если вы действительно хотите понять нашу позицию и чем мы руководствовались. Президент Путин об этом многократно говорил. Поэтому, можно, конечно над этим смеяться. Ну, тогда просто кто-то получит удовольствие от этого. Смех тоже, говорят, продлевает жизнь» [11].

Конечно, когда дипломатом высокого ранга искажаются принципы международного права — то это уже смех сквозь слезы. В частности, слезы крымскотатарского народа, который один лишь и является в Крыму коренным народом со своей многовековой историей. Но отнюдь никак не те мигранты, которыми был заселен Крым после преступной депортации крымских татар в 1944 году. Так же, как и не являются «народом» те российские «добровольцы», которые ныне воюют против украинского народа на Донбассе. Именно о них откровенно заявила российская телеведущая Ксения Собчак, согласившись прийти на федеральный телеканал НТВ 8 февраля 2015 года.

Назвав служивых журналистов «лизоблюдами», она откровенно заявила, что на Донбассе российские войска воюют

с украинским народом. И здесь же в студии можно было увидеть сеанс «ловли рыбы на блесну», когда подставные свидетели завопили, что на Донбасс «пришли американцы, поляки пришли, по-русски даже не разговаривали». Опровергать этих подсадных уток Ксения не стала — это было ниже ее достоинства. Однако в социальных сетях отметила: «Меня просто трясет. Такая доза массированной лжи опасна для здоровья. Бедные, бедные люди... зарекалась же не ходить на политические программы на федеральные каналы» [12]. Те же самые провокации были зафиксированы во время переговоров в Минске 11 февраля 2015 года. Увидев украинского президента, один из российских журналистов закричал: «Зачем ваши войска бомбят мирное население Донбасса?».

На это Порошенко не отреагировал, а белорусская охрана вывела крикуна, отобрав аккредитацию. Потом СМИ России стали распускать слухи о том, что украинские журналисты приехали в свитерах с «пропагандистскими» надписями «Украина». Хотя на самом деле им на глаза попался оператор телеканала «Украина» в корпоративной курточке. Одним словом, «охота на ведьм» стала распространяться со скоростью эпидемии.

Первая реакция на такую ситуацию не может быть не ироничной — ну что взять из зомбированных людей. Однако вскоре начинает нарастать тревога, связанная с искусственным изоляционизмом: то ли России от внешнего мира, то ли от внешнего мира, который пытается отгородить себя от агрессивной России.

Вряд ли это может послужить делу мира.

5.2. «Австралийский синдром»

Уже перевалило за 10 часов вечера, когда канцлер Германии Ангела Меркель сидела в конференц-зале отеля «Хилтон» в Брисбене (Австралия). Ее собеседником был непримиримый президент РФ Владимир Путин. Еще бы! За последние три месяца перед встречей «Большой двадцатки» 15–16 ноября 2014 года состоялось более 40 телефонных звонков и ряд бесконечных встреч. И вот Ангела Меркель, как об этом сообщает Financial Times, приготовилась к еще одной попытке достичь взаимопонимания.

Чуть ли не два часа она терпеливо выслушивала, как президент России излагал долгий перечень обвинений в адрес Запада. Он (Запад), мол, считает себя и победителем в холодной войне, да к тому же расширил ЕС и НАТО чуть ли не к российским границам, и при этом игнорирует международное законодательство,

прибегая к безответственной политике в Ираке, Афганистане и Ливии.

В конце концов, Меркель удалось повернуть разговор ближе к актуальной проблеме — Востоку Украины, чтобы понять, чего собственно добивается Путин, а уже вслед за тем и разработать какой-то проект соглашения. Когда же, наконец, предложение поступило, Меркель была шокирована. Путин заявил, что Киеву следует поступить с сепаратистами так же, как Россия с Чечней, когда та захотела отделиться: подкупить их автономией и денежными вливаниями.

Согласно оценке Financial Times, «возможно, для бывшего полковника КГБ эта идея звучала здраво. Но для дочки пастора из Восточной Германии, в которой глубоко укоренилось чувство справедливости, это было неприемлемо». Чтобы услышать такие откровенные суждения, Меркель перед этим попросила своих ближайших советников покинуть помещение. Она хотела лично убедиться в том, чего он действительно добивается. И в результате «он не сказал, в чем его стратегия, потому что сам этого не знает» [13]. Последнее свидетельство источника, по нашему мнению, нуждается в осмыслении причин и движущих сил такого поведения Путина.

Но сначала следовало бы отобразить всю обстановку в канун подготовки саммита «Большой двадцатки» в Брисбене 2014 года. Не секрет, что во время подготовки к саммиту поднимались вопросы о самой возможности участия России в этом авторитетном форуме. Причиной тому называлась «эскалация конфликта на Востоке Украины, учитывая роль России в этих процессах».

Так, газета Australian Financial Review писала, что госсекретарь США Джон Керри и министр обороны США Чак Хейгел в ходе консультаций на министерском уровне даже одобрили идею не приглашать российского президента, если Москва не изменит своей позиции относительно украинского конфликта. Лишь полтора месяца спустя — 12 ноября — появилось сообщение Agency France Press, что президент России Владимир Путин все-таки будет участвовать в саммите.

Возникли в России и некоторые протокольные проблемы. Главная из них — возможность официальной встречи Владимира Путина и Барака Обамы. Сначала агентство Reuters допускало возможность неформальной встречи, что и подтверждал пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков, однако было понятно, что официальная встреча двух президентов все-таки не состоится.

А тем временем в СМИ поступило сообщение, что президент Украины Петр Порошенко и вице-президент США Джо Байден

обсудили ситуацию на Донбассе и констатировали отход России от реализации Минских договоренностей. Собеседники выразили озабоченность по поводу перемещения многочисленных колонн с тяжелой воинской техникой со стороны российской границы. В итоге, Порошенко и Байден скоординировали позиции своих стран на международной арене. Таким же образом развитие ситуации на Донбассе было рассмотрено Петром Порошенко и Ангелой Меркель. Канцлер в частности отметила, что Минские договоренности должны выполняться сторонами в полном объеме. Она также заверила президента Украины, что ситуация на Востоке Украины станет одним из самых важных вопросов в ходе саммита «G-20».

Следует отдать должное украинской дипломатии — атмосфера к проведению «Большой двадцатки» была подготовлена так, что Украина как бы незримо присутствовала на этом форуме. И наоборот, еще до начала саммита ожидалось, что прием президента РФ Владимира Путина в Австралии не будет теплым. Оно так и случилось: саммит состоялся на фоне резкого обострения отношений России с западным миром. На улицах австралийских городов состоялись демонстрации с протестами против участия Путина на этой встрече.

Мировая пресса сразу же обратила внимание на то, что отношение к Владимиру Путину было весьма напряженным. Так, в аэропорту его не вышли встречать высшие должностные лица Австралии: на встречу был послан лишь заместитель министра обороны. Но в это же время генеральный прокурор Австралии Джордж Брендис, генерал-губернатор Питер Косгроув и премьер-министр штата Квинсленд Кэмпбел Ньюман пребывали совсем недалеко от самолета и через несколько минут встречали прибывших глав Германии Ангелу Меркель и Китая Си Цзиньпина. Кэмпбел Ньюман так прокомментировал ситуацию: «Я не хочу встречаться с ним с глазу-на-глаз». Возникли в российской делегации трудности и с организацией визита президента — вплоть до предоставления Путину весьма посредственной гостиницы Hilton Brisbane. По этому поводу британская газета Guardian писала, что Путина «сослали в дипломатическую Сибирь» [14]. Даже корабли ВМС России, которые пришли к берегам Австралии для демонстрации военного могущества, оказались устарелыми, а потому стали поводом для насмешек.

Особенно бросалось в глаза, что во время саммита мировые лидеры держались поодаль от президента России, избегая встречи с ним. Приветствуя Путина, премьер-министр Канады Стивен Харпер сказал: «Думаю, я должен пожать вам руку, но я могу

сказать лишь одно: убирайтесь из Украины», что позже и было подтверждено пресс-службой главы правительства Канады. А премьер-министр Австралии Тони Эббот предложил Путину извиниться за сбитый малайзийский «Боинг».

Четкий и однозначный посыл получил Путин и от лидеров США, Японии и Австралии, которые заявили о намерениях объединить усилия в борьбе против агрессивной политики Кремля. Именно об этом президент США Барак Обама, премьер-министр Японии Синдзо Абе и премьер-министр Австралии Тони Эббот договорились во время трёхсторонней встречи на саммите.

Кроме того, в совместном заявлении говорилось о намерении привлечь к ответственности виновных в катастрофе малайзийского Boeing-777 рейса MH17, сбитого 17 июля 2014 года. По мнению премьер-министра Великобритании Дэвида Кемерона, на саммите G-20 Россия получила четкий сигнал — прекратить свое вмешательство в Украину, или получить новые дополнительные санкции.

Как бы там ни случилось, но, встретив настолько холодный прием, президент РФ Владимир Путин преждевременно покинул саммит, а российская сторона в оправдание этого шага впоследствии распространила его слова, что, дескать, у него длительный перелет и ему необходимо поспать перед началом новой рабочей недели. В последующих за саммитом интервью Путин, как ни в чем не бывало, заявил, что его удивил «теплый прием» российской делегации со стороны австралийских граждан Брисбена: «Я даже удивился той теплоте, с которой принимали нашу делегацию простые граждане на улице. Я не знаю, как это объяснить. Действительно, с аплодисментами, со знаками внимания». А критику со стороны премьера Канады в адрес России Путин объяснил «политической культурой»: «А относительно воинственных заявлений моего коллеги, то это, наверно, такая политическая культура, что они там как-то напрягают обстановку. [15]. Комментарии на счет культуры, как говорится, здесь неуместны.

В то же время возникает вопрос — неужели во всей России не нашлось людей, которые бы критически отнеслись к сложившейся ситуации и рассмотрели бы ее с точки зрения национальных интересов России? Не так много, но либеральная мысль России не иссякла. Обратимся к анализу ведущего научного сотрудника Института системного анализа Андрея Пионтковского.

По его мнению, смысл поездки Путина в Брисбен состоял в надежде на большую сделку с Западом. А суть ее состояла в следующем: «Запад, мировое сообщество, со своей стороны де-факто признает то, что произошло с Крымом, а Россия со своей — поддерживает

территориальную целостность Украины, но без Крыма. Ясно, что Путин торгует воздухом. Потому что он не собирается аннексировать Лугандонию. Цель Лугандонии — быть раковой опухолью внутри самой Украины, препятствуя ее европейскому развитию и распространяя хаос и дестабилизацию... Итог Брисбена: Запад не то что саму сделку, а даже разговоры о ней отверг» [16].

И что бы кто ни говорил о резком тоне Пионтковского (а стиль его работ даже был предметом рассмотрения в суде, хотя все-таки получил оправдание), но некуда деться от того, что в Брисбене мы стали свидетелями подчеркнуто пренебрежительного отношения лидеров Запада к персоне российского президента. Апофеозом этого отношения была фигура одинокого Путина, сидевшего за столиком в саду. Никто за столик не подсаживался. Создавалось впечатление, считает Пионтковский, что Запад решил его проучить: «В общем, Запад дал понять и по существу, и по форме, что с этим человеком он больше ни о чем договариваться не будет» [17].

Прошло без малого три месяца после Австралии, и уже на конференции по безопасности в Мюнхене 6–8 февраля 2015 года мы снова стали свидетелями отношения Запада к российскому троллингу — «ловле рыбы на блесну». Предоставим слово известному российскому научному эксперту Андрею Кортунову: «Я несколько раз участвовал в работе этого форума и никогда прежде не наблюдал такой картины: во время выступления министра иностранных дел России Сергея Лаврова часть публики смеялась. Не хихикала тихонько, а громко, можно даже сказать нагло смеялась. Это было проявлением не просто неприятия того, что говорил Лавров, но и неуважения к нему. И я не помню ни одной Мюнхенской конференции, все обсуждения которой крутились бы вокруг единственной проблемы. А в этот раз в повестке практически ничего не было ни про ИГ, ни про территориальные споры в Восточной Азии, ни про изменение климата — все говорили только про украинский кризис. Если точнее, вопрос был один — надо ли поставлять оружие Киеву» [18].

Какую же реакцию можно было ожидать России на отторжение ее провокационной политики Западом? Дальнейшую логику Путина Пионтковский изложил еще после Брисбена: следующая концентрация войск в районах Донбасса завершена, значит, следует выиграть время и посмотреть, какой будет реакция населения России: «Похороны российских солдат скрывать вечно нельзя. Речь же идет о сотнях, возможно, тысячах».

Конечно, утверждает Пионтковский, новая операция увеличит численность жертв десятикратно. Но и из этой ситуации Пу-

тину хотелось бы каким то образом выйти, не потеряв лица, да и Запад следовало бы проучить, и Украину поставить на место: «Отстать от Украины, слезть с нее — это для него будет потеря лица после такой полугодовой шовинистической кампании во всех СМИ. Поэтому он находится в тяжелом положении. И мне кажется, что он все-таки выберет вариант какой-то военной акции. Опять же — не до конца сжигая мосты. Опять не будет признано, что это российские войска, а какой-то ответ армий ДНР/ЛНР на провокации украинской военщины. Думаю, в самое ближайшее время что-то подобное произойдет» [19].

Собственно, так и случилось. Причем случилось после 16-часовых переговоров «Минска-2», после уложения договоренностей в присутствии Меркель и Оланда, чтобы перед всем миром продемонстрировать, как он их не уважает и ни во что ни ставит. «Австралийский синдром» дает о себе знать в полную силу — компенсационный механизм самоутверждения и образ мачо, о котором так много говорено-переговорено в СМИ, постоянно напоминает о себе.

Закономерно возникает вопрос: а насколько российское общество подготовлено, чтобы воспринимать вот такую с позволения сказать логику поступков Путина? Ведь слышатся же в обществе и трезвые суждения на счет того, что дальнейшее усиление санкций рано или поздно обрушит российскую экономику, что война неминуемо вызовет отторжение в российском обществе. Но власть не дремлет. Ни для кого не секрет в Москве, что ФСБ составила список из более 3 тысяч людей по Москве и Петербургу, которые должны быть немедленно интернированы для недопущения угрозы манифестаций. Любая попытка протестовать будет сразу же оценена как разжигание уличных беспорядков, и репрессивные меры будут введены в действие.

В силу этих мероприятий, считает тот же Пионтковский, хорошей новостью для Украины может быть лишь то, что большой войной «он не пойдет, но гадить Украине не перестанет — это плохая новость. Любыми средствами будет перекрывать европейский вектор развития Украины. Вот он 20 раз повторял, что он за территориальную целостность Украины, но это типичное гебистское жульничество. После того, как провалилась идея «Большой Новороссии», он ни на секунду не рассматривал возможность аннексии Лугандии, она ему на хрен не нужна в России. Она нужна Кремлю как раковая опухоль внутри Украины» [20].

Судя по всему, по большому счету Андрей Пионтковский прав. Никуда Путин из восточных районов Украины не собирается уходить. Границу под контроль Украины тоже отдавать не

хочет, и разных там Моторыл не уберет. Он захватил эти территории, и будет использовать их в качестве очага нагноения. Потому что новая линия Путина — удушить Украину не прямой войной, а преимущественно экономическими, политическими и идеологическими средствами. В частности, вот этой игрой в кошки-мышки, в так называемую «территориальную целостность Украины» с Лугандонией в ее составе.

5.3. После «Минска-2»

Ситуация на Донбассе в первые же дни после «Минска-2» (12 февраля 2015 г.) засвидетельствовала, что оптимистические оценки на счет перемирия стали расходиться с реальностью. Так, договоренности, среди прочего, предполагали прекращение огня, отвод тяжелых вооружений и проведение в Украине конституционной реформы и т.д. Однако со стороны сепаратистов огонь не был приостановлен. Поэтому представитель по связям с общественностью от украинских силовиков Андрей Лысенко уже в понедельник 16 февраля признал, что военное командование не видит предпосылок для выполнения второго пункта Минских договоренностей относительно отвода тяжелых вооружений. Аналогичное заявление сделало и командование самопровозглашенной ДНР. А создавшаяся ситуация вокруг Дебальцево вообще поставила под сомнение результаты договоренностей «Минск-2» и стала снова угрожать делу мира в глобальном контексте.

Впрочем, Москва устами своего идеолога — председателя президиума Совета по внешней и оборонной политике Федора Лукьянова — еще перед «Минском-2» успокаивала или, скорее, убаюкивала общественность, отвлекая ее от самого важного. За академическим лоском его мышления неприкрыто просматривалось банальное великороссийское хамство: «Война на Украине не изменила мир. ***Глобальные процессы будут идти своим чередом. Все больше приобретая азиатский вкус, приправленный ближневосточными специями. Вареники там ни к чему…*** Старому Свету — всему, включая тех, кто входит в ЕС, и тех, кто не входит и никогда не войдет, как Россия, — остается бесконечно выяснять отношения внутри себя. Как и 200 лет назад, впрочем. С той разницей, что ***на полях под Лейпцигом и Ватерлоо чертили геополитическую архитектуру Европы (что тогда было равноценно миру), а что сейчас рисуют в районе Мариуполя и Дебальцево, понять невозможно***» [21].

Таким образом, высокоранговый служивый из Москвы считает, что Украине и России суждено, собственно как и остальным в Европе, бесконечно выяснять отношения друг с другом. С украинской стороны, наоборот, мы считаем, что дело это весьма непрестижное. Ибо, как сказал наш поэт, «нам своє робить». Пусть бы сами россияне разобрались у своих заморочках. Что и начинает делать молодое поколение российских исследователей, которое достаточно критично оценивает «наработки», так сказать, политологов старшего поколения вроде цитированного Федора Лукьянова.

Возьмем хотя бы для примера точку зрения научного сотрудника Центра глобальных проблем МГИМО Алексея Токарева: «Россия смотрит на Украину через экран телевизора и окно браузера. ***Как на любой войне, в том числе информационный мир делится на своих и чужих и для всех становится черно-белым.*** Федеральное телевидение подогрело стереотипы российского большинства: украинская армия — наемники, украинская элита — хунта, украинские медиа — потребители печенек Госдепа, украинская языковая политика — ущемление русского, украинское национальное строительство — бандеровщина. Тот, кто воюет на Донбассе за Вооружённые Силы Украины (ВСУ) — каратель и укроп» [22].

В принципе то, о чем ныне пишет Алексей Токарев, для украинцев далеко не новость. В нынешней «просвещенной» России в ход идут старые замшелые стереотипы, что вроде бы Украины никогда до этого в истории не существовало, а создал ее Ленин, памятники которому неблагодарные украинцы, впрочем, массово разрушают. Более того, в империях — и российской, и советской — Украина, мол, воспринималась как Малороссия для обозначения такой себе этнической общности. А для именования территории всегда употреблялось слово «окраина», которое приобрело форму «Украина», но обозначало, в принципе, географическое понятие как, например, такие же географические понятия как Урал или Кавказ. И именно поэтому россияне и говорят «на Украину», но не «в Украину». Все эти умствования, которые порицает ныне Токарев, для определенной категории «консерваторов-державников» являются святыми скрижалями, что можно расценить по отношению к державникам лишь как клинический случай, а помочь им в их беде может разве что врач.

Однако все же нельзя не радоваться тому, что, наконец, и среди россиян появились молодые аналитики, которые видят абсурдность этих пропагандистских клише. К тому же следует учитывать, что после каждой войны рано или поздно приходит мир,

и с кем-то придется неминуемо общаться. И именно поэтому некоторые оценки Токарева опять-таки хочется процитировать, чтобы украинский читатель убедился, что и в России происходят сдвиги к лучшему.

Молодое поколение отвергает низкий уровень «служивой» политологии старшего поколения, которое толчет одну и ту же воду в старой ступке и неумолкаемо твердит: «Собственно «Украину» как политический проект придумали австрийцы при помощи поляков чтобы, подогрев национальное антирусское движение, ослабить в самом начале Первой мировой войны Российскую Империю. Проще говоря, «украинец — это русский, укушенный поляком». Теперь польско-австрийские лавры перешли к американцам. Технологии те же: рост национального самосознания и «проплаченный Майдан», «Правый сектор», необандеровцы как основные институции по разделению братских славянских народов» [23].

И так далее, и тому подобное. Тухлая, замызганная аргументация столетней давности, однако она все еще в ходу в России. И, как это ни удивительно, но этот секонд-хенд имеет и сейчас неплохой спрос. И здесь тяжело судить, что является причиной, а что — следствием. Одни считают, что это Путин тонко ощутил общественный спрос россиян и пошел навстречу их неизбывному тяготению к «перетапливанию» украинцев и белорусов в котле «триединого русского народа». Другие наоборот, считают, что инициатива идет от президента: мол, «каков поп, таков и приход».

Впрочем, о будущем России задумывается и кое-кто из старшего поколения российских политологов. Одним из них является Андрей Кортунов — генеральный директор и член президиума Российского совета по международным делам. Он резонно обращает внимание на то, что обострение кризиса требует от политиков сосредоточения на ближайших целях, что резко сужает горизонты перспективного видения: «Но все кризисы, так или иначе, завершаются, а жизнь продолжается. И, по всей видимости, пора задуматься о том, как Россия будет строить отношения с внешним миром «после Украины». Конечно, многое тут зависит от того, чем и как именно завершится кризис — компромиссом или долгосрочным хроническим конфликтом России с Западом, укреплением украинской государственности или ее окончательным крушением.

Но какой бы ни была финальная сцена украинской трагедии, уже сегодня видны те принципиальные вопросы, которые неизбежно встанут перед Москвой, когда занавес, наконец, опуститься. От решения этих вопросов зависит не только бу-

***дущее российской внешней политики, но и будущее России как таковой*» [24].**

Еще недавно в России считалось, что как бы судьба ни сложилась, но Путин достиг главного — вокруг идеи «русского мира» он сплотил русскую нацию, придав ей антиукраинской идентичности. Однако вскоре выяснилось, что достигая одного, Россия потеряла намного больше в другом. Прибегнув к аннексии Крыма и тем самым нарушив систему международных отношений, которая сложилась после Ялтинской конференции 1945 года, Россия тем самим продемонстрировала перед всем миром, что она отказывается придерживаться тех норм и представлений, которые сложились в Европе и на Западе в целом в течение 70 послевоенных лет. Нелепыми выглядели и объяснения этого агрессивного шага какими-то выдумками о возможных репрессиях против русскоговорящих граждан Крыма.

На сегодняшний день, откровенно пишет упомянутый ранее Федор Лукьянов, обертка «русского мира», в которую было упаковано агрессию против Украины, никого в мире не убедила, но уже принесла немало неприятностей и огорчений. Во-первых, считает он, линия «русского мира» выглядит на глобальном уровне слишком мелкой и «заведомо периферийной». Во-вторых, она создает впечатление, будто бы «Россия больше не способна предложить нечто такое, что понравится кому-либо, кроме этнических русских». А, в-третьих, жесткая эксплуатация идеи «русского мира» насторожила соседей — от стран Балтии до, казалось бы, уже союзных Беларуси и Казахстана. А в самой России тем временем затеплилась психология набега на соседние территории «за зипунами», как это принято, например, в «лихих донских казаков», о чем могли уже убедиться жители Крыма и Донбасса [25].

Вот так на практике и стало видно сущность «русского мира», которую долгое время российские идеологи представляли как таковую, которая только и способна защитить русского человека от разнузданного внешнего мира. А общим домом в этом спаянном Россией доме должен быть какой-то проектированный Евразийский союз, который состоял бы из России, Беларуси и Казахстана, с прицелом на членство в нем Украины. Майдан, констатирует Лукьянов, перечеркнул все эти планы, «и вместо стройной картины получилась кровопролитная междоусобная война и «Минский процесс» с непонятной конечной целью на фоне усугубляющейся внешней обстановки».

В итоге, троллинг под названием «русский мир», в целом обанкротился. Он не смог припрятать то, что Россия намерена

любой ценой не допустить членства Украины, Молдовы и Грузии в НАТО. Однако, хотя это и прискорбно, некоторые западные исследователи все еще пытаются разгадать «улыбку Сфинкса» — «что же, черт забери, замыслил Путин?».

В часы Средневековья на стволах пушек отливалась надпись: Ultima ratio regum — последний довод королей. Считают ли в России, что именно залпы «градов» и «смерчей» проложат в Украине дорогу к миру? Судя по всему, этот путь поставлен под большой знак вопроса.

Среди приближенных к Кремлю политологов все чаще можно услышать вопрос: «Почему, например, российская «мягкая сила» не сработала должным образом накануне и во время кризиса на Украине — даже в отношении значительной части русскоязычного населения?».

Тот же Андрей Кортунов с высоты своего авторитета в научном мире может позволить себе такие суждения: «Сегодня у нас принято считать патриотический подъем одним из главных позитивных итогов украинского кризиса. Однако не нужно быть социологом, чтобы отметить, что ***этот подъем связан в большей степени с антиамериканскими, антизападными, антиукраинскими настроениями, чем с утверждением собственных, пока довольно расплывчатых ценностей***. Насколько антизападные настроения отражают реальную картину современного мира — предмет отдельного разговора. Но в любом случае ***фундамент российского патриотизма пока остается более чем шатким, и нельзя исключить нарастания социальной апатии и цинизма в самом ближайшем будущем — особенно на стремительно ухудшающемся экономическом фоне***» [26].

В экспертной среде России все чаще можно услышать вопросы: к чему, в конце концов, приведет противостояние России и Запада при разрешении украинского кризиса? Оправданы ли российские опасения, что в Украине появится американское оружие? А ответ академика РАН Алексея Арбатова по этому вопросу однозначный: «Вполне, хотя эффект от этого будет скорее политический, чем военный: с оружием прибудут инструктора, советники и т.д., а это уже прямое участие НАТО и США в конфликте, даже при отсутствии войскового контингента НАТО. Таким образом, конфликт будет выведен на новую ступень эскалации, потому как станет уже опосредствованной войной между Россией и США» [27].

Такой ситуации в Кремле пытаются избежать. А потому «служивые» аналитики и советуют, что России следовало бы найти взаимопонимание с Западом, да и заверить его, что Россия, мол,

не претендует на ревизию глобальных правил игры. Ситуацию же вокруг Украины предлагается рассматривать просто как «бои местного значения», поскольку, мол, «битва за Украину, изменившая всю нашу жизнь за прошлый год, в мировом контексте представляет собой локальный эпизод, за которым большинство человечества наблюдает как за чем-то глубоко постороннем».

Вот это свое внезапное миролюбие по отношению к Западу приближенный к Кремлю Федор Лукьянов обосновывает таким образом: после Второй мировой войны СССР гарантировал свою безопасность созданием буферной зоны в Восточной Европе, что и привело к разделу Европы. А сегодня, мол, всего только и мороки — «что-то вроде раздела Украины — в мягкой форме, но тоже с прицелом на буфер с восточной стороны... К глобальным правилам игры это не имеет отношения. Минск не является ни моделью, ни прецедентом. Наиболее близкая параллель — Дейтонское соглашение о Боснии, о котором не раз вспоминали. ***Войну оно прекратило, эффективной государственности не создало»*** [28].

Кто, с точки зрения России, должен был бы увековечить этот задуманный раздел Украины? Вот тут на авансцену выступает академик РАН Алексей Арбатов, который вроде бы как от имени обеспокоенной общественности формулирует своеобразный месседж к Америке. Дело, мол, в том, что многого ожидать от «Минска-2» не приходится, поскольку, собственно говоря, дело не в количестве встреч, а в качестве их представительства.

Вместо этого выдвигается некий оригинальный план: «без прямого контакта Путин-Обама процесс далеко не пойдет и в нужную минуту откатится назад. Президентам США и России пора перестать обижаться друг на друга и нужно срочно начать диалог. Без подключения Вашингтона Киев не очень идет на уступки, а Брюссель, Берлин и Париж чувствуют себя крайне неуверенно. Американцам пора перестать играть роль enfant terrible».

Но вот это выражение — enfant terrible (ужасный ребенок. — *Авт.*) — Арбатов выбрал неспроста. В мировом общественном мнении уже давно сложилось суждение, что Путин сам себя загнал в тупик. И вот, чтобы сохранить лицо своему президенту и придать ему необходимый международный лоск, академик РАН предлагает выход и конструирует вот такую ситуацию: «Ничто не мешает Обаме совершить вояж в Минск, а потом вместе с Путиным и европейскими лидерами съездить еще куда-нибудь — хоть в Киев, хоть в Москву. Главное — подняться над сиюминутными политическими мотивами, как когда-то сделал Хрущев в разгар Карибского кризиса в отношениях с «мальчишкой Кеннеди»...» [29].

Вопрос за малым: согласится ли высокомерно и снисходительно названный Арбатовым enfant terrible Обама с той ролью, которую ему уготовили россияне, сравнив с «мальчишкой Кеннеди»?

5.4. «Бешеные псы войны»

Военные наемники, они же — дикие гуси, псы войны, собаки войны, солдаты удачи, солдаты фортуны. В международном праве эти лица — как иностранцы, так и апатриды (люди без родины) — являются персонами, которые добровольно вступили в вооруженную борьбу из корыстных целей на стороне одного из участников вооруженного конфликта. В резолюции № 2465 (XXIII) Генеральная Ассамблея ООН установила, что практики использования наемников являются уголовно наказуемыми действиями, а сами наемники объявляются преступниками, которые пребывают вне закона. Так стоит вопрос в правовом поле.

В информационно-пропагандистском поле России этот вопрос, конечно же, обходят и трактуют совсем по-другому. Официальный представитель МИД России Александр Лукашевич, не мигнув глазом, заявляет: «Российских военнослужащих в Украине не было и нет, российская армия там не воюет. Есть добровольцы, которые не могут остаться в стороне от тех страданий, от тех событий, которые происходят в Луганской и Донецкой областях» [30].

Присутствие армии РФ на территории Украины опровергают лишь в самой России. Украина и Запад считают присутствие российских войск на Донбассе фактом неоспоримым, поскольку тому существует ряд неопровержимых доказательств.

Так, профессиональный журналист, автор серии громких фильмов «Наши» о советских и российских солдатах — участниках вооруженных конфликтов в Вильнюсе, Приднестровье и Нагорном Карабахе — Александр Невзоров изложил в интервью 31 января 2015 года свою точку зрения на события в Украине: «Воевать с террористами всегда очень сложно. Притом, что среди этих ребят очень много моих старых друзей, очень много людей, с которыми меня основательно повязали карабахские, югославские, абхазские, литовские, чеченские события. И притом... то, что они делают — это типичная террористическая тактика. Когда они воюют, только прикрываясь мирным населением, бидонами с молоком и испуганными тетками-торговками семечками» [31].

Откровенность журналиста просто поражает, а его жесткие формулировки — прямо-таки убийственны. Взять, к примеру,

хотя бы его известное выражение, что «цинизм — это умение называть вещи своими именами». Или еще одно, заветное и мировоззренческое: «Я политикой вообще бесплатно не занимаюсь». И именно поэтому невольно возникает вопрос: за какие такие коврижки он сдает своих старых друзей, подводя их под статью наемников и террористов («те псы войны — мои старые приятели, как правило, люди, не зараженные никакой идеологией и они там воюют за деньги, и за приличные»). То есть — как наемникам им уже светит расстрельная статья.

С одной стороны, имеет место быть версия, что Невзоров как профессионал горячих точек выработал у себя шестое чувство острой опасности, и на него внезапно снизошло просветление на счет неминуемости расплаты за преступления против украинского народа: «Конечно, я понимаю украинцев, у которых вдруг по мановению волшебной палочки образовались какие-то боеспособные единицы, что странно, потому что этого по идее не должно было быть».

Очевидно, речь идет о том, что после «мирной оккупации» силовых структур Украины агентами российских спецслужб способность украинцев к защите Отчизны в глазах России должна была быть приглушена навсегда. Но тут сталось немыслимое: «Такая война всегда предельно долгая и предельно нудная, она и кровавая, и страшная, потому что я за последний месяц получил известия о гибели семи или восьми своих старых приятелей. Притом это такие псы войны, что им вообще умирать не полагается, которые знают наизусть все... Но, тем не менее помирают, их бьют вот эти украинские дети, смешные срочники, которых туда отправляет Порошенко. Я подозреваю, что вся эта катавасия достаточно надолго. Но у нас нет понимания того, что там на самом деле происходит и, вероятно, не будет, поскольку очень неверные вектора понимания заданы» [32].

То есть определенный момент растерянности от провала российской операции «блицкриг» в Украине имеет место. Невзоров откровенно отвечает своему интервьюеру, что даже со своим немаленьким опытом операций «тайной войны» он не взялся бы делать прогноз на счет какой-либо тенденции в Украине на будущее: «Ни я не вижу, ни вы не видите, никто не видит. Потому что мы ничего не понимаем, что происходит. И СМИ только запутывают и только искажают картину. Судя по тому, какие там гибнут люди со стороны террористов — в основном это хорошие мои старые друзья, но это не избавляет их от титула террористов. Есть какие-то человеческие отношения, которые, вероятно, обязали их, если бы мы встретились на этой войне, застрелив меня, утереть слезу.

Точно так же, должен был бы поступить и я, так принято между старыми друзьями: застрелив, утереть слезу...» [33].

Более того — Невзоров с определенной симпатией рассказывает о стремлении представителей Вооруженных Сил Украины, в отличие от террористов, не стрелять по жилым кварталам, хотя «надо понимать реальность войны, когда не всегда возможно действовать аккуратненько скальпелем и ходить на цыпочках». И здесь сравнения действий российской армии в Чечне подается Невзоровым не на пользу России: «Очень трудно предсказать, очень жестокие, очень подлые методы ведения войны. А украинцы все-таки не способны на то, на что мы были способны в Грозном, где мы просто сносили квартал за кварталом тупо, без рассуждений, есть кто-нибудь в этом квартале или нет. Нас просто это не интересовало. Мы оставили после проигранной нами чеченской войны дымящиеся руины и ничего больше. Предсказания здесь — дело неблагодарное» [34].

Так неужели перед нами случай духовного просветления и раскаяния? Впрочем, не пропадает ощущение подозрительности — зачем такому бывалому рупору силовиков вот так сдавать российских псов войны? Ответ может быть лишь один — Невзоров ни словом не обмолвился о наличии на Донбассе регулярных войск России. Фокус внимания специально был сосредоточен на террористах, на которых российские спецслужбы и хотят повесить всех собак.

И здесь российского журналиста можно понять: какое у него может быть отношение к местному донецкому криминалу? По словам Невзорова, если кого-то интересуют руководство так называемых ЛНР/ДНР, то «ключевых фигур там нет в принципе. Они все друг друга ненавидят. Это абсолютные пауки в банке».

А вот российские наемники — это, мол, совершенно другое дело. Например, еще 21 ноября 2014 года в информационное пространство России был вброшен материал — интервью под названием «Кто ты, Стрелок?». Беседу вели два весьма известных в СМИ тролля — главный редактор газеты «Завтра» Александр Проханов и никак не меньше чем бывший министр обороны так называемой ДНР Игорь Стрелков (Гиркин).

Здесь следует учитывать, что и сам Стрелков, и его интервьюер Проханов — люди из системы российской власти, а потому их бы не стали опубликовывать просто так. Да и, судя по всему, публикация была рассчитана на сенсационное прочтение и обильное цитирование — ее буквально «разгоняли» в ведущих интернет-изданиях и поисковиках.

Чем же сподобились кремлевской власти в текущем моменте эти две одиозные фигуры? А тем, что главнокомандующий ДНР, за плечами которого две чеченские войны, да еще и Приднестровье и Босния, прибег внезапно к сенсационному заявлению: «***Спусковой крючок войны все-таки нажал я***. Если бы наш отряд не перешел границу, в итоге все бы кончилось, как в Харькове, как в Одессе. Было бы несколько десятков убитых, обожженных, арестованных. И на этом бы кончилось. ***А практически маховик войны, которая до сих пор идет, запустил наш отряд***» [35]. Вот в этой фразе и был заложен основной смысл интервью, устроенного Прохановым, и вся задумка, ради чего все это и было затеяно.

Кроме того, в интервью Гиркина-Стрелкова было вмонтировано еще две-три идеи, которые привлекли к себе внимание. Первая: на Востоке Украины были задействованы российские военнослужащие, которые вроде бы приехали на Донбасс, пребывая в отпуску. Вторая: в основном на Мариуполь наступали вот эти «отпускники» — «когда они ушли, зыбкая осталась и линия фронта, и возможности». И третья: сепаратистам и «отпускникам», вроде бы запретили захватить Мариуполь откуда-то «сверху» из России: «был приказ не занимать. Не просто приказ остановиться, а приказ ни в коем случае не занимать».

Тяжело себе представить даже в страшном сне, что третьеразрядная фигура российских спецслужб — и внезапно развязала войну против сопредельного государства, где к тому же живет столь угодный сердцу Путина и Медведева «братский украинский народ». И здесь трижды прав Виталий Портников, который объясняет, что никакой Стрелков «самостоятельно» войну в Донбассе не начинал. А его появление его диверсионного отряда в регионе было связано с тактикой «литья бензина», которая была одобрена в Кремле сразу же после бегства Виктора Януковича с Украины. Сам город Славянск, который, кстати, пребывает в самом центре залежей сланцевого газа, был с самого начала обустроенный как база для дальнейшего наступления на большие города восточного региона Украины, в том числе на Харьков.

Остается одно: заявление Игоря Стрелкова о том, что именно он начал войну на Донбассе, — это еще одно свидетельство натужного поиска того, как «сберечь лицо» президента Путина. И начались эти поиски сразу же после его позорного возвращения из Австралии. Не удивительно, что именно Стрелков получил задание «обелить» Путина — ведь в беседе с Прохановым Стрелков-Гиркин называет себя «спецслужбистом». А главный смысл его интервью — поддержать версию Путина о том, что президент России

будто бы не имеет никакого отношения к войне на Донбассе. Что войска, которые там пребывают — не его войска, и танки — не его танки, и диверсанты — не его диверсанты. И сбивали малайзийский «Боинг» совсем не ракетами из российских «буков». И так далее, и тому подобное.

Вот только незадача — никто в эти басни не верит. А когда канадский премьер Стив Харпер в Брисбене прямо-таки открытым текстом посоветовал Путину, чем скорее, убираться из Украины — наступил момент истины. И вот здесь Путин окончательно понял: диверсанты должны дать свидетельства о том, что это, мол, они сами, без ведома Кремля, развязали войну в Украине. И вот уже 20 ноября 2014 года — через неделю после Брисбена — соответствующее интервью со Стрелковым было опубликовано.

Что и говорить — после Австралии Путин действительно оказался в непростой ситуации, выход из которой, исходя из факта появления интервью с Невзоровым, не так просто найти. Ход событий неуклонно демонстрировал, что планы донецкого криминала и их российских начальников были разрушены в первую очередь героическим сопротивлением украинских военных, национальных гвардейцев и добровольческих батальонов, которые оказали надлежащий отпор захватчикам.

Кроме того, Путин получил возможность убедиться, что своей агрессией он не испугал, а лишь насторожил Запад. А дальнейшие военные действия на Донбассе и вовсе не дают надежд на какие-либо дивиденды. Сама же «Новороссия» уже повисла тяжелой гирей на шее ослабевшей российской экономики. После того, как украинское правительство приостановило социальные выплаты в оккупированный регион, стало понятно, что каждый новый, захваченный боевиками город — это новые миллионы рублей на его содержание. А таких свободных миллионов у Путина, как оказалось, больше не появляется.

Но и намерения России отказаться от шантажа, как Украины, так и Запада, тоже не видно. Да и трезвого понимания того, как выпутаться из ситуации, которая сложилась, тоже не проглядывается. Именно поэтому подручные кремлевских стратегов уже в который раз прибегают к испытанному приему — троллингу. Другими словами — «ловле рыбы на блесну».

Один тролль — Александр Невзоров разделяет ту мысль, что «ложь — это свойство развитого интеллекта и определенное искусство ювелирно подменять одну реальность другой». И при этом не испытывает никаких угрызений совести в своем циничном отношении к российской аудитории: «Это очень дурная при-

вычка употреблять слово «народ» в положительном смысле. Ведь если мы персонифицируем, то кого мы с вами увидим — тех, кто обеспечивает зашкаливающие рейтинги «Дома-2» и «Битве экстрасенсов», увидим 30 миллионов алкоголиков, чудовищное количество безграмотных идиотов из деревни, которые не прочли никогда ни единой книжки и не подозревают о существовании этих предметов. Слово «народ» надо употреблять с великой осторожностью. Поэтому, когда люди ссылаются на какие-то безумные рейтинги, я говорю: «Ребята, вы подумайте, вас не смущает, что у вас идентичные представления о мире со всей этой ордой?». Да, безусловно, эта орда достойна всякого сожаления и участия, но если она в чем-то уверена, то это самый лучший признак того, что в этом уверенным быть нельзя» [36].

Что же, не станем спорить с профессиональным журналистом — знатоком и инженером людских душ путинской России. Ему видней, что за народ такой воюет против независимой Украины, и какие идейные убеждения разделяет эта аудитория — «рецепт рейтинговости в абсолютной примитивности, тупости и однозначности. Чем тупее, чем примитивней, чем однозначнее и лживее, тем выше рейтинг». Но с такими вот установками эти тролли подходят к зомбированию не только российской, но и украинской аудитории. И мы, народ Украины, должны это хорошо осознавать в своем духовном сопротивлении.

И не забывать о том, что когда другой тролль — Игорь Стрелков — засвидетельствовал о своем личном развязывании войны против Украины, а третий тролль — пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков — выступил с предложением обменять замирение в Украине на гарантии невступления нашей страны в НАТО, то это неспроста. Тактика здесь нехитрая — закинем приманку, а там, смотри, «на блесну» что-то и поймается.

5.5. «Черные лебеди» 2015 года

Не так давно наш лексикон пополнился новым политическим образом-понятием: «черные лебеди». До 1697 года считалось, что лебеди могут быть только белыми. Однако голландская экспедиция в Австралию, которую возглавлял Виль де Вламинк, обнаружила популяцию черных лебедей. В наши дни «черный лебедь» — это метафора, обозначающая единичные и тяжело прогнозируемые события, которые несут в себе многозначительные последствия.

«Черные лебеди» — это не только отрицательные события, но и непрогнозируемые удачи. С точки зрения автора этого термина Нассима Талеба, все значительные научные открытия, исторические и политические события, достижения науки и искусства — все это черные лебеди. Таким образом, в качестве примеров, «черные лебеди» — это и открытие Интернета, и Первая мировая война, и распад Советского Союза, и атака 11 сентября 2001 года. То есть, речь идет о событиях трудно прогнозируемых, но, однако же, целиком вероятных.

Так что же уготовил нам 2015 год? Какие «черные лебеди» появятся из-за горизонта, и какая рыба «на блесну» будет поймана?

И что же по поводу троллинга пишет уже не раз цитированная нами Financial Times? Прогноз не очень оптимистичный: «Владимир Путин — специалист по дестабилизации. Имея черный пояс по дзюдо, он прекрасно знает, как сбивать противника с ног. Он чередует дружелюбные жесты с угрожающими взглядами. Путин сумел выбить почву из-под ног западных лидеров. Они знают, что он хочет восстановить влияние России и сохранить Украину в ее орбите, но не могут понять, каким образом он желает достичь своей цели» [37].

Ангела Меркель, которая едва ли не единственная из западных политиков глубоко понимает, к чему ведет Путин, после встречи с ним в Австралии пришла к выводу, что «этот кризис невозможно преодолеть быстро». Еще ее обеспокоило и встревожило то, что «амбиции Путина по восстановлению влияния России не ограничивались Украиной. На следующий день в Сиднее она отбросила свою привычную осторожность. «Кто бы мог подумать, что через 25 лет после падения Берлинской стены... подобное случится посреди Европы?» — заявила она в своей речи. Авантюра Путина в Украине поставила «под сомнение всю систему поддержания мира в Европе». Она предупредила также о том, что Россия может угрожать не только Украине, но и Грузии или Балканам».

Именно перспективу большой войны напомнил 19 февраля 2015 года европейской общественности один из ведущих околокремлевских идеологов Сергей Караганов. Европа, по его мнению, «выиграв в холодной войне, проигрывает мир после нее. И вступает в следующую фазу международных отношений разъединенной, опять ***стоящей на грани конфронтации, а то и большой войны***» [38]. Таким образом, слова о «большой войне» были произнесены — пробный камень был заброшен.

Чтобы мысль о «большой войне» не затерялась, буквально на следующий день — 20 февраля 2015 года — ***с вопросом о «возможности дойти до очень большой войны»*** российский жур-

налист обратился к известному российскому специалисту по истории Украины Алексею Миллеру. Ответ, как это присуще научному работнику, последовал не однозначно-плоским, а скорее объемно-многозначительным. Миллер выдвинул предположение, что дело, вряд ли, дойдет до того, чтобы с обеих сторон летели ракеты, поскольку выиграть войну в таком режиме практически невозможно. Однако это не исключает наличия уже сейчас многих компонентов «большой войны» — это и информационная, и кибернетическая война. Более того — в ответ на предложение отключить Россию от банковской системы SWIFFT премьер Дмитрий Медведев вообще пригрозил Западу «неограниченной реакцией».

То есть, по мнению Миллера, «в некоторых смыслах война уже идет. Правда, ***Россия не может быть в этой ситуации в качестве ведущего игрока; на сегодня она в экономической войне с Западом обречена на поражение. Но, погибая, она может нанести противной стороне весьма существенный ущерб***... Дестабилизация в стране с таким количеством оружия, в том числе ядерного, — это «игра в покер» на очень большие ставки» [39].

И выхода из сложившейся ситуации Алексей Миллер не видит, потому что для решения проблем войны и мира нет главной предпосылки — взаимного доверия, которое только и является главным социальным капиталом во взаимоотношениях не только людей, но и государств. Причем глубокое взаимное недоверие, вызванное не в последнюю очередь наглым троллингом, привело уже до неверия экзистенциального: «Правящая в России элита искренне убеждена, что если бы Запад мог ее уничтожить, он бы это сделал. А западные элиты, наверное, думают, что было бы хорошо избавиться от этих оппонентов. И кто здесь прав, а кто виноват, это вторично, важно то, что ***никто никому не доверяет. И как из этого выходить, этого пока никто не знает***» [40].

Что и говорить, вывод конечно не утешительный, но, во всяком случае, как для научного исследователя, он искренний. А тем временем пропагандисты делали свое дело — ***пытались закрепить тему «большой войны» в массовом сознании.*** Методика его осуществления нашла довольно оригинальное воплощение. ***Для вящего усвоения и навязывания стереотипа «большой войны» публику необходимо было надлежащим образом «разогреть»***. Что и было сделано.

Так, в продолжение десяти дней в марте 2015 года российские СМИ чуть ли не истерично обсуждали разнообразные слухи о загадочном исчезновении президента РФ Владимира Путина. Одни авторитетные источники начали объяснять, что «Путин любит

держать паузу» перед принятием кардинальных решений. Другие источники отрабатывали версии о дворцовом перевороте партии «большой крови», которая, дескать, непременно втянет Россию в широкую интервенцию против Украины. Третьи успокаивали, что все слухи о кадровых изменениях в верхах специально запущены для того, чтобы проверить реакцию общественности и исполнительных структур.

Руководитель пресс-службы президента РФ Песков, наверное, в чем-то был прав, когда отметил, что у всех случилось «весеннее обострение». И это тоже можно было понять. Все нервируют из-за кризиса, а поэтому готовы верить всяческой несусветной информации, перед тем как «подключить мозги». Одним словом — случился массовый невроз элиты, напуганной количеством «черных лебедей», пролетающих над Кремлем.

И вот, наконец, — пришло облегчение. После появления на телеэкранах Путина до аудитории донесли главную мысль о том, что, в случае отхода от власти Путина, в Кремль могут войти такие крутые парни, да как пустят кровищи, то времена Путина тогда покажутся райскими кущами.

А околокремлевские политтехнологи потом откровенно цинично разведут руками: ну что, мол, тут сделаешь, если уж «наша политическая система полностью сосредоточена на лидере. У нас нет надежной системы преемственности, так можно ли обвинять людей в том, что они испугались, когда Путин внезапно исчез с радаров» (Н. Сванидзе). Еще более откровенно высказался уже упоминаемый нами Караганов: «Он всех троллит. Он босс, он может это сделать. Его люди — изворотливые манипуляторы, и, посмотрите, они заставили всех говорить о Путине» [41].

С чем российских любителей сенсаций и поздравляем. Но для чего все это делается? В контексте изложенных событий Караганов без тени сомнения беспрестанно заявляет, что Россия может установить мировой порядок, объединить Европу от Лиссабона до Владивостока и тем самым обеспечить прочный мир, в том числе и в Украине. Прежде всего, советует он, обеим сторонам — России и Западу — следует сделать интеллектуальный анализ ошибок, которые, мол, и привели к нынешнему кризису. Идея анализа ошибок, скажем мы, в принципе имеет право на существование. Однако ж, как говорится, дьявол кроется в деталях. А детали эти для Украины как раз и являются определяющими. Главная линия противостояния России и Запада, объясняют эксперты Кремля, состоят в том, что «***ЕС стремился расширить зону своего мягкого контроля, которую Россия считала зоной своих инте-***

ресов» [42]. Украина среди «зон российских интересов» занимает главенствующее положение. Вот за эти постсоветские страны и разыгрывается игра, которая принесла в Украину смерть.

Ничего нового здесь Караганов не сказал, а просто повторил один из тезисов Владимира Путина. Россия, мол, еще могла смириться с отходом бывших стран Варшавского договора к Западу, однако о постсоветских республиках уже и речи быть не может, поскольку это все — зона интересов России. Но если это так, спросим мы, то почему о «зонах влияния» должны договариваться не Запад и Россия, а Киев с какими-то ЛНР/ДНР? Логично всплывает и второй вопрос: о чем, собственно, Киеву договариваться с этими подставными лицами Кремля?

Все это, конечно же, опять-таки троллинг — «ловля рыбы на блесну» по-российски. А настоящий шантаж состоит в месседже, который Караганову поручили довести до сведения общественности Запада (поскольку не всегда же Путину прибегать к неприкрытому шантажу). А шантаж этот, как пробный камень, из уст Караганова звучит на грани ультиматума: «Ожидать, пока еще сильный Запад попытается дожать Россию, Кремль вряд ли будет. Так что, если не удастся остановиться и договориться, впереди еще более жаркий кризис. Украину задушат, а в случае предоставления ей военной помощи, скорее всего, разгромят. А дальше будут смотреть: не вразумятся ли западные лидеры и народы, увидевшие, что нынешние и прошлые руководители привели Европу и мир к войне. Если политика не изменится, возможна дальнейшая эскалация. Она, впрочем, может произойти из-за очередного «черного лебедя» — непредвиденной катастрофы или провокации» [43].

Вот этот человек, который отрицает право украинского народа самому определять свою судьбу, а также прибегает к неприкрытому шантажу и угрозе «большой войной», предлагает России и Западу найти общий язык на основе принципа: «***признания легитимности различных ценностных установок при общности базовой культуры***» [44].

О какой общности культуры может идти речь при «признании легитимности различных базовых установок?». Большего абсурда поискать трудно! И неспроста: абсолютно признавая принцип равенства народов, вряд ли можно требовать уважения к таким «культурным ценностям» как обычай «охоты за головами» в Новой Гвинее, гладиаторские бои в Древнем Риме, костры инквизиции в средние века, концентрационные лагеря в нацистской Германии и сталинском СССР. Одни «ценности» никак не могут быть равноценными другим.

Как далеко может зайти мир, принимая ценностные установки современной России, применяемые ей на Донбассе: все эти «грады» и «ураганы», «смерчи» и «буратино»? Тут стоило бы и остановиться, перейти к мирному урегулированию проблемы, пойти путем Минских договоренностей. Но «ястребы» в России, как тот же Стрелков-Гиркин, предостерегают президента РФ не отходить от ее имперских ценностей: в противном случае «придется нам соседями стать... по камере в Гааге. Если нас туда живьем довезут, конечно».

При более детальном рассмотрении проблема с ценностями выглядит, пишет Федор Лукьянов, с определенным перекосом. Всем понятно, что определенный набор ценностей и идеологических представлений тесно связывает коллективный Запад вокруг США. А вот Россия, в отличие от Запада, ныне не способна предложить свой проект будущего, и, следовательно, не способна и объединить вокруг себя страны на основе определенной системы ценностей. Даже страны БРИКС. Да, собственно, ни Бразилия, ни Индия и не нуждаются в подобной «гуманитарной помощи» со стороны России. Что же касается навязчивой дружбы России с Беларусью и Казахстаном в рамках Евразийского союза, то тут все минувшие попытки «изобрести» ценностные основы порождали разве что какие-то искусственные конструкции: «***Общие ценности либо формируются естественно и исторически, либо не возникают вовсе***» [45].

Кстати, даже общее историческое прошлое, как вот Украины и России, вовсе не предполагает наличия у них непереходных общих ценностей — никогда не знала Россия, например, Магдебургского права. А потому и поется в песне на слова молодой украинской поэтессы Анастасии Дмитрук: «У вас Царь, а у нас — Демократия, никогда мы не будем братьями».

Хоть какой, в конце концов, была бы мысль о «ценностях» — то ли «ястреба» Гиркина, то ли «голубя» Караганова — а решать проблемы национальной безопасности и территориальной целостности Украины придется, в конечном итоге, самим украинцам. И тут их настроенность, убежденность и готовность защищать Отчизну — определяющие. В декабре 2014 года, согласно данным Киевского международного института социологии (КМИС), более чем половина (54,3%) жителей страны была с самого начала не готова потерять Донбасс. А если к этой цифры приплюсовать еще и «скорее не согласных», а таких 27,1%, то получается, что превалирующее большинство граждан выступает за Донбасс в составе Украины.

Иное дело — решение экономических проблем — как Донбасса, так и Украины в целом. Судя по всему, этот путь не близкий. Вносит элемент оптимизма разве что трудовой и патриотический настрой граждан Украины, да все углубляющееся понимание наших проблем со стороны мирового сообщества. Как пишет Financial Times, «аннексия Россией Крыма и поддержка повстанцев-сепаратистов в восточных промышленных районах страны разрушили экономику и государственные финансы Украины» [46].

Вследствие этого, пишет издание, стране угрожает дефолт, если международные организации не предоставят дополнительных средств. Но со стороны украинского правительства есть уверенность в том, что дефолта избежать удастся. Собственно, мартовский транш 2015 года поставил здесь точку.

Конечно, на счет перспективы дефолта в различных аналитиков могут быть свои суждения. Как говориться, «семь баб — семь рад». Поэтому хотелось бы сослаться на авторитетную мысль такого представителя финансового бизнеса, как Джордж Сорос [47]. Так, считает он, Европе следовало бы, прежде всего, обратить внимание на оценку положения в Украине, поскольку кризис, что происходит там, — это смертельный риск для еврозоны. Однако, к сожалению, часто «европейские лидеры относятся к Украине просто как к очередной стране, которой нужна финансовая помощь, не осознавая, что кризис на восточной границе ЕС опаснее для европейской экономики и даже для выживания Евросоюза, чем выборы в Греции».

По мнению Сороса, опасность кроется, хотя как это парадоксально, в возможностях дефолта в самой России. Во-первых, такой «дефолт нанесет большой удар по европейским банкам, связанным с Россией». Во вторых, возможный «финансовый кризис в России представляет как стратегическую, так и экономическую угрозу для Европы, при том что политика Москвы, вероятно, станет еще более агрессивно националистической, поскольку экономическая ситуация ухудшается».

Но это не значит, что необходимо ослабить санкции против России, которые будут оставаться «необходимым злом», для того, чтобы заставит российские войска покинуть Украину. Суть дела в другом и более важном. По мысли Сороса, США и Европа сделали большую ошибку, не сумев подкрепить свои санкции масштабной программой поддержки Украины, которая, по его оценкам, потребует до 50 миллиардов долларов уже в 2015 году.

Именно поэтому, американский финансист заявил, что Европе необходимо проснуться и признать, что Россия атакует ЕС.

А потому «оказание помощи Украине следует рассматривать как меры по обороне, которые принимают европейские страны... США и европейцы твердо намерены избежать войны, но до тех пор пока они не найдут баланс между санкциями и поддержкой Украины, это вполне может произойти».

Главная угроза Западу со стороны России, по словам Сороса, состоит в том, что ***«Россия предлагает альтернативный взгляд на мир — силу вместо верховенства закона»***. И именно в этом, особо подчеркиваем мы, раскрывается полная несостоятельность концепции Караганова ***«признания легитимности различных ценностных установок при общности базовой культуры»***.

И не надо далеко ходить в поисках дополнительной аргументации этой несостоятельности. Тут достаточно вспомнить мудрость древних: «Не в силе правда, а в правде сила». В России такой силы правды нет. Да и сами российские аналитики видят, что здесь им ничего не светит. Как вынужден признать Федор Лукьянов, «для привлечения союзников нужна идея развития. У России с этим беда».

На западном направлении ситуация складывается принципиально иной: Европа на практике довела эффективность своей модели развития, и поэтому Украина идет ей навстречу, разделяя европейские ценности.

5.6. О благой вести русской национальной идеи

Национальная идентичность сегодня — признак хорошего тона. Только ленивый не говорит о необходимости холить и лелеять национальные ценности перед угрозой глобализма. Вот и братья Михалковы — Никита и Андрон — взялись «национализировать» российский фаст-фуд. И то, правда — сколько же можно терпеть засилье пепси-колы во вред родному вятскому квасу. Им в подпаски уже настроился бывший мер Москвы Юрий Лужков — не иначе как на родной национальной почве запахло большими деньгами. Иначе этот фаст-фуд он обходил бы дальней дорогой.

У Путина задача покруче — он взялся (не более и не менее) «национализировать» российскую элиту — тех, кто владеет собственностью, и влияет на развитие политики и экономики. Дабы они преисполнились русской национальной идеей, пишет декан факультета мировой политики и экономики Высшей школы экономики Сергей Караганов, «в качестве первой меры нужно отказаться от собственности и счетов за границей» [48]. Прямо дух захватывает от поставленной задачи: положить конец свободному

перемещению товаров, капитала и людей. Испытание неимоверное, и осуществить его под силу разве что Владимиру Путину.

Ибо кто же посмеет сказать «нет»? Когда же в октябре 2014 года на форуме дискуссионного клуба «Валдай» главный помощник президента РФ заявил, что «нет Путина — нет России», политолог Станислав Белковский отметил: «Поиски национальной идеи России, которые начались после крушения Советского Союза, наконец-то завершены. Теперь очевидно, что национальная идея России — это лично Владимир Владимирович Путин как физическое лицо» [49]. Вот такое оно тихое обаяние авторитаризма, вопреки предостережениям Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина: «Не нужно путать любовь к Отечеству с любовью к начальству».

А тем временем в среде российской элиты незримо витает дух лозунга: «Учиться, жить и работать — по Путину». Например, по свидетельству американских аналитиков Клиффорда Гедди и Фионы Хилл (Институт Брукингса), в последнее время высокопоставленные российские персоны в беседах с американскими визави несмолкаемо повторяют одну интересную сентенцию, которую приписывают Путину. Он вроде бы сказал: «У вас, американцев, возникает проблема при общении с нами, потому что вам кажется, что вы нас понимаете, хотя на самом деле это не так. Вы смотрите на китайцев и думаете: «Они от нас отличаются». Потом вы смотрите на нас, русских, и думаете: «Они похожи на нас». Но вы заблуждаетесь: мы не похожи на вас» [50].

Здесь с типичной путинской прямотой и политической некорректностью президент РФ изложил одно из правил разведчиков: следует остерегаться зеркального отражения, поскольку ваш противник никогда не будет мыслить и поступать так, как вы. И Путин придерживается этого правила. Так, во время вторжения американских войск в Ирак в 2003 году президент РФ и руководители его разведки хорошо знали, что Саддам Хусейн блефует, говоря о владении им химическим и другими видами оружия массового поражения. После вторжения в Ирак, где американцы не нашли никакого подобного оружия, Путин, как поговаривали в европейских дипломатических кругах, сказал, приблизительно, следующее: «Жаль, что так случилось с ОМУ [оружие массового уничтожения]. Я бы что-то обязательно нашел».

И можно не сомневаться — он бы таки нашел! Другими словами, с точки зрения Путина, разведслужбы и правительство США засвидетельствовали свою крайнюю некомпетентность: если необходим был повод для агрессии, намекает Путин, то домашнее

задание должно быть исполнено с надлежащей тщательностью. Владел Саддам Хусейн химическим оружием, или не владел — кому какое дело, но в силу поставленных задач такое оружие должно быть найдено. Именно так решаются вопросы в России.

Что уже говорить о «мировом сговоре» против России на путях разнообразных «цветных революций»! Тут и Путин и его пропагандисты как заведенные твердят, что революции в наше время не бывают спонтанными, что их целенаправленно организовывают США среди разных народов мира.

И вот, акцентировал Путин в своем «крымском» докладе в марте 2014 года, главный грех Запада, свершенный против всего мира, состоит, дескать, в том, что США пытаются навязать другим народам свои «стандарты, которые ни в коей мере не соответствуют образу жизни, традициям или культуре этих народов». А в итоге, мол, вместо демократии и свободы наступил хаос, появились очаги насилия и цепь революций. Вывод один: и кому она нужна сегодня та ваша демократия?!

Здесь читатель может и засомневаться — неужели и действительно так плохо обстоят дела с демократией в России? Поскольку в то, о чем говориться, трудно даже поверить! А потому нам придется познакомиться с одним из самых важных начал в российском понимании демократии. Процитируем снова того же Сергея Караганова, ведь не зря же он в России еще и почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике. Особо важным в его понимании моментом является то, что ***«демократия — это очень приятный тип общественного устройства, в таких условиях исключительно комфортно жить. Но сама по себе она не обеспечивает развития. Наоборот, демократия его тормозит»*** [51].

Ни много, ни мало — демократия как тормоз истории? Это уже тянет на Шнобелевскую премию.

Откуда же появилась вот эта уверенность, что демократия — это путь к регрессу? Оказывается, она проистекает из собственного российского национального опыта. Так случилось, что когда в России утверждали демократию, заявляет Караганов, то «сразу бросились брать пример с лидирующих в мире стран, а они, как правило, имеют демократическое устройство. Вот и мы, «как большие», учредили у себя демократию, которая с вполне оправданной неизбежностью обрушилась. Не обрушив, по счастью, вместе с собой и страну. СМИ, однако, и по сей день с завидной настойчивостью продолжают вдалбливать в сознание мысль, что только таким образом можно обеспечивать развитие и общественное благополучие. Хотя ***все мы зримо наблюдаем естественный***

откат в сторону авторитарного правления. Но и ***его потенциал***, в силу внутреннего раздвоения, опять-таки не можем грамотно использовать. А он ***в первую очередь должен быть направлен на развитие людей»*** [52].

Еще одна заявка на Шнобелевскую премию: «Авторитарное правление как курс на развитие людей!».

Ну не пошла на авторитарную российскую душу западная демократия. Прямо таки аллергия. Но зато сработало свое национальное естество: «что немцу здорово, то русскому — смерть». Лучше уж без демократии, а для развития людей в нужном направлении мы учредим, как это было испокон веков, «авторитарное правление». А еще лучше — самодержавное.

Насколько же действительно естественным является этот предлагаемый Карагановым «откат в сторону авторитарного правления»?

И здесь начинается уже ставший для нас привычным обыкновенный троллинг — ловля рыбы на блесну. Не мигнув глазом, Караганов подводит итоги последнего десятилетия и пророчит нам чуть ли не окончательную и бесповоротную дискредитацию демократического пути развития. Прежде всего, гнев праведный падает на голову США, у которых, мол, головокружение от успехов довело дело до бездарно проигранных войн в Ираке и Афганистане, к ослаблению политической системы. А уже после кризиса 2008–2009 годов западная экономическая модель, мол, и вовсе потеряла свою привлекательность.

Как говорится, свежо предание, но верится с трудом. Пока что факты говорят об обратном: американской администрации удалось создать миллионы рабочих мест, обеспечить десятки миллионов медицинским страхованием, а инвестиции в технологии добычи сланцевых нефти и газа позволили США стать лидером энергетического рынка. Америка, по словам Обамы, сохранила лидирующие позиции и на международной арене: «Мы являемся лидером коалиции, цель которой ослабить и в результате уничтожить ИГИЛ [исламское государство Ирака и Леванта]. Коалиции, в которую входят арабские государства. Мы — лидеры в коалиции, цель которой — остановить агрессию России в Украине. Мы — лидеры в борьбе с эпидемией Эбола» [53].

Таким образом, ныне именно Америка предстает в мире реальной силой вместе со своими союзниками, а Россия остается изолированной со своей разорванной экономикой. Именно так: Америка лидирует — без хвастливости, но с уверенностью и непоколебимой решимостью.

В упоении баталии против США, Караганов тут же решил заодно «опустить» и Европу: «Одновременно начал трещать по швам европейский проект. Оказалось, что большинство стран (кроме немцев и скандинавов) больше не хотят работать так, чтобы эффективно конкурировать в новом мире. Плюс длительный демографический спад, «утечка мозгов», отставание в инновациях и стагнация стран, поспешно принятых в ЕС. Привлекательность европейского проекта также стала падать. Причем не только вовне, но и внутри — растут ряды скептиков, поднимается волна сепаратизма» [54].

Мы же не станем опровергать российского автора по всем пунктам — в жизни Европы есть и хорошее, и плохое. Люди разные, страны разные. Главное же для нас — что превалирует в общественной жизни: позитив или негатив. И упаси нас Господь, если мы вдруг взялись бы объединяться с кем-либо на негативе. А ведь к этому призывает нас другой российский декан — тоже экономического факультета, но уже МГУ — Александр Аузан. Итак, он считает, что Украина обладает разительными отличиями от большинства стран ЕС, но притом есть черты, которые роднят ее с православными странами: Болгарией, Румынией, Грецией и, самое главное, с Россией.

И что же это за сокровенное такое, что роднит нас? Для вящей убедительности цитируем достаточно полно: «во всех этих странах люди не любят платить налоги, и считают приличным скрывать свои средства от государства. Причем, они могут уже соглашаться с тем, что это их родное правительство, демократически избранное, но, все же, не вкладываться в «общее дело». Так сказываются на сегодняшнем дне длинные культурные волны, уходящие вглубь истории. Есть Европа латинского происхождения, есть Европа византийского происхождения, попытки стереть отличия между ними обречены на провал, а единая Европа вообще возможна только в случае их союза и кооперации» [55].

И куда же должны занести Украину и Россию эти благословенные «длинные волны, уходящие вглубь истории?». На всякий случай Карагановым зондируется шанс России войти в ансамбль европейских держав, но на ценностях, которые противоречат римскому праву, поскольку, мол, нежелание платить налоги есть чувство врожденное и неистребимое. Если же и этот вариант не удастся протащить, то реальным остается еще один вариант: Россия должна возглавить мировой антизападный фронт. И именно в этом реализуется ее историческое призвание.

Для достоверности снова прибегнем к широкому цитированию, поскольку человеку в здравом уме эти откровения Караганова по-

кажутся неимоверными. Итак, заявляет он, «в тени этих метаморфоз как-то незаметно для всех вдруг поднялся третий мир с весьма соблазнительной для многих стран и народов ***альтернативной моделью — полуавторитарного или полудемократического капитализма***. Символом стали страны БРИКС, и в первую очередь Китай. Представляя большинство человечества и его будущее — на сегодняшнем, во всяком случае, этапе, они стали занимать все более независимые, а то и просто антизападные позиции» [56].

Дело осталось за малым: кто возглавит этот всемирный антизападный полуавторитарный блок? И здесь, по мысли российских авторов, случилось настоящее знамение: «военный конфликт на Украине и санкционная попытка изоляции нашей страны буквально вытолкнула на эту роль Россию». То есть, Россия самой судьбой избрана возглавить антизападный мир! И в этом ее историческое предопределение, ее обреченность, ее фатум.

Готова ли страна к такой роли? По мысли Караганова миру явилось чудо (прямо таки хоть включай музыку Мусоргского «Рассвет на Москва-реке»): «Разочаровавшись в надеждах стать частью Запада, Россия нашла в себе силы возродиться почти из пепла. Да еще и неуязвимой в военном отношении, обладающей мастерской дипломатией и сильным лидером, безусловно признаваемым нынешним миром. Подавляющее большинство — как внутри страны, так и за ее границами — восприняли это почти как чудо. Что, кстати, весьма способствовало возвращению утраченной было Россией харизмы» [57].

Таким образом, мол, никаких сомнений в готовности России к роли мирового лидера быть не может. Харизму, что ни говори, не пропьёшь.

Однако, не будем излишне озабочиваться появлением нового мессии. Экономика России, как известно, переживает ныне серьезную рецессию. Ситуация ухудшается введением санкций, которые являются залогом того, что экономика страны еще ряд лет не выберется из состояния кризиса. Кроме того, очевидно, никакого Евразийского союза уже не будет — разве что склеится нечто подобное Евразийскому экономическому союзу. Что же до военной сферы, то, по словам Збигнева Бжезинского, «мы достаточно хорошо знаем российскую армию, чтобы понимать, что она не готова вести даже значительную локальную войну с Западом, не говоря уже о большой войне» [58].

И сразу же возникает вопрос: на какую же силу собираются опереться новейшие харизматики России, чтобы осчастливить мир?

Как известно, Хлестаков, хвастаясь перед чиновниками, стал в свое время описывать, как он управлял департаментом: «После видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров».

Какую же благую весть принесут нынешние российские курьеры? Так, журналист известного издания «Банки и деловой мир» Виталий Коваленко не так давно поставил проблему-вопрос: «Когда-то меня поразил такой факт: в стране было выпущено 15 тысяч самолетов Ту-134, и ни один не повторял предыдущий. Наверное, нам просто скучно делать серийную продукцию. Так, может, вынести серийные производства в Китай? У них это здорово получается, а выигрывают обе стороны». Декан факультета мировой политики и экономики Сергей Караганов с ученым видом знатока отвечает: «Совершенно верно. Нужно только на берегу уже четко определить: в чем наш интерес, а в чем их, и как будем выстраивать долгосрочное соразвитие... В союзе с Китаем и в целом с выходом на рынки Азии нам гарантировано долгосрочное устойчивое ускорение» [59].

Вроде бы и деловой разговор затеян, а на самом деле осуществляется обычный троллинг — ловля рыбы на блесну. Обе стороны интервью — Коваленко и Караганов — просто не уважают людей, вешая им на уши лапшу о выпуске 15 тысяч самолетов, где все — оригинальной конструкции. Такого не бывает при нынешнем серийном производстве. И к тому же за все время от 1967 по 1984 год было выпущено всего 852 самолета модели Ту-134, а уж вовсе не 15 тысяч. Потом выпуск этой серии прекратился.

Однако это все — детали, хотя и значимые: главное в процессе троллинга — не терять инициативу и нахраписто гнуть свою линию. А сводится эта линия к тому, что это не Россия агрессор, а наоборот: «Запад еще достаточно силен. Но он ведет арьергардные бои — чтобы сохранить остатки былых позиций. Один из них, на Украине, нацелен против нас».

И все знают, разве что кроме самих россиян, что все это — дешевая пропаганда. А правда жизни состоит в том, что, например, для срыва в апреле 2015 года 71-й годовщины освобождения Одессы от фашистских захватчиков было направлено 39 диверсантов для осуществления ряду политических убийств на территории Одесской области с целью создания сепаратистской так называемой народной республики. Группировка состояла в основном из «казаков» и «афганцев», часть из которых уже успели принять участие в вооруженных действиях на Востоке Украины. Они нала-

дили снабжение из Донбасса оружия, боеприпасов, гранат, взрывчатки, оптических прицелов, военной амуниции, георгиевских ленточек и российских флагов, а также флагов «Новороссии». Все диверсанты, в конце концов, были арестованы СБУ.

В контексте обозначенного, совсем закономерным выглядит решение Верховной Рады Украины о запрете пропаганды коммунистического и нацистского режимов. Нет ничего удивительного, что ни один из депутатов не проголосовал против этого законопроекта, который запрещает флаги, символы, изображения, гимны и городские топонимы, связанные с Советским Союзом и нацистской Германией. Ситуация войны к этому обязывает. Да и как можно быть солидарным с символикой коммунистического режима, который оставил за собой больше смертей, нежели нацисты — жертв Холокоста?

А Россия тем временем, конечно, будет спекулировать 9 мая на флаге Победы, прикрывая им свои грязные сделки и агрессивные войсковые операции против суверенной Украины. Да разве ж в этом состоит благая весть русской национальной идеи?

5.7. Перипетии конспирологии

В научных кругах, да и вообще среди интеллигенции принято морщить нос при упоминании слова «конспирология». Ну, дескать, опять вы за старое: «всемирный заговор», «мировое правительство», а там и до «протоколов сионских мудрецов» можно дойти... Безусловно, при желании можно дойти куда угодно. Прежде всего, любую самую креативную идею можно упростить до крайних, примитивных форм, и, в конце концов, свести к абсурду, к карикатуре на действительность. Что и было сделано некоторым образом с понятием «конспирология». И это кому-то выгодно.

А между тем жизнь берет свое. Ныне куда ни суйся — везде коммерческая тайна. Любая приличная фирма имеет свою службу безопасности, а крупные коммерческие гиганты — свою разведку и контрразведку. Что уж говорить о соответствующих государственных службах! И это притом, что законспирированы целые секторы общественной жизни, что издается масса документов под грифом «секретно» и «чрезвычайно секретно».

Более того — нарабатывается стратегия достижения тех или других целей, разрабатывается тактика блокирования аналогичных действий конкурентных фирм, корпораций или тех или иных государств. И все это мы признаем. Но, тем не менее, беспрестанно

утверждаем, что такого исследовательского направления, как конспирология, быть не может. Потому что не может быть вообще, и точка!

Законно возникает вопрос — где логика?

Давайте исходить из того, что в мире — множество заговоров, но организаторы одного заговора блокируют деятельность других заговорщиков, а потому в итоге выходит что-то третье, на которое никто и не надеялся. И вот в мире начинает доминировать какой-то определяющий тренд.

Например, в рамках двополярного мира времен холодной войны усилилась тенденция к глобализации. ***Транснациональные корпорации начали все интенсивней культивировать идею глобального управления путем создания соответствующих наднациональных институций. В политическом дискурсе все чаще стала подниматься тема «мирового правительства»***. И все это, если подходить без упреждения, не является результатом произвола, а следствием объективных общественных сдвигов. Однако, как это делается в информационном поле России, процесс глобализации можно изобразить и как курс США на подчинение себе всего мира.

Конечно, можно сослаться и на то, что практическая разработка интеграционной стратегии в масштабах всего мира все же была возложена на специально организованные для этого мозговые центры. Как и то, что формально эти центры существуют как негосударственные научно-исследовательские организации, сосредотачивая усилия в области гуманитарных наук — политики, экономики, социологии. Что исследовательские программы мозговых центров предусматривают осуществление влияния на политиков и лиц, которые формируют общественное мнение по широкому кругу экономических, социальных, политических, экологических вопросов и проблем безопасности. В конце концов, что именно в последнем пункте деятельность «мозговых центров» соприкасается со стратегической разведкой, а научно-информационный продукт центров передается высшему политическому и военному руководству государства или соответствующей международной институции.

Все это, как и засекреченная и неприглядная глубинная работа — до последнего времени осуществляются за пеленой секретности и подальше от света рампы. И, конечно же, все это добавляет азарта и работе конспирологов: они рыскают, проникают за кулисы политической кухни, выносят актуальные проблемы на суд общественности.

С одной стороны, таким образом, они вносят посильный вклад в поиск истины. Но с другой стороны — очень часто их журналистские расследования возмущают общественное мнение и мистифицируют его до такой степени, что сводят информацию к сенсационности сомнительного толка. А в конечном итоге — таким путем осуществляется дискредитация конспирологии как исследовательского направления в целом.

Например, исчезновение президента РФ Владимира Путина с экранов телевидения в марте 2015 года произвело эффект настоящего взрыва конспирологии. В Интернете появилось пять наиболее распространенных версий этого события. 1) Путин заболел — эта версия получила огласку стараниями влиятельного международного агентства Reuters. 2) Путин умер — эта версия появилась после общей антипутинской истерии в заметках и блогах всего Рунета. 3) Путин стал жертвой дворцового переворота — эту версию активно выдвигали российские обозреватели и эксперты, ссылаясь на возможные происки партии «большой войны». 4) Путин спланировал свое исчезновение, поскольку готовится к полномасштабной войне — эта мысль культивировалась на фоне постоянных месседжей мировых СМИ о необходимости отказаться от позиции примирения с агрессивным курсом российской власти. 5) Путин жив и здоров, а все сообщения о его нелегкой судьбе, по утверждению официальных СМИ, — всего лишь инсинуации, подогретые антипутинской риторикой.

Разобраться в этом массиве домыслов простому человеку, безусловно, было чрезвычайно тяжело. А тут еще случился и экстремальный фон для восприятия всех этих слухов: в Москве, на звоннице Новодевичьего монастыря в воскресенье 15 марта вечером случился пожар. В Интернете сразу же появилась информация, что монастырь часто играл значимую роль в разнообразных дворовых переворотах и смутах. Был он и местом заключения для высокопоставленных лиц. Вспомнили и то, что перед вступлением в должность президента РФ Путин посетил Новодевичий монастырь, где отслужили молебен, что преподносилось в СМИ как богослужение перед «венчанием на царство». А потому, мол, нынешний пожар — это недобрый знак.

В этой нездоровой обстановке ожидания заговора, очевидно, как добрый знак можно было бы считать озвучивание какой-то компетентной научной мысли относительно острых вопросов современности. В том числе и по поводу перспектив (или отсутствия таковых) российско-украинских отношений. Впрочем, как сказать? Ведь и научный сотрудник — тоже живой человек, и ничто

человеческое ему не чуждо. В частности, ведь и он хочет быть обласкан в этой жизни, а не только после ухода в мир, где нет стенаний. А потому и предлагает свои услуги в общем процессе троллинга.

Итого, в течение 2014 года официальные телеканалы РФ прожужжали все уши об антигосударственном перевороте в Украине и захвате власти хунтой. А это, мол, подсознательно, прямо таки «на уровне рефлексов» обязало Россию «навести порядок» в зоне своих интересов.

Однако же 20 февраля 2015 года, как раз в годовщину Евромайдана, в интервью журналу Spiegel уполномоченный по правам человека в России Владимир Лукин дал оценку феномену Майдана, которая в некоторых моментах принципиально расходилась с официальными оценками Кремля: «***На Украине возникла классическая революционная ситуация, которая объясняется общей обстановкой в стране***. Народ перестал верить правительству. Люди были недовольны своей жизнью и громадной коррупцией» [60].

Вот такая оценка вызвала даже удивление со стороны немецкого журналиста, настолько она отличалась от несуразных штампов о «длинной руке Америки», которая вроде бы и осуществила государственный переворот в Киеве. В Лукина взгляд на вещи оказался более глубоким: «Я не верю в дешевые теории заговоров. Но, с другой стороны, вне всяких сомнений наиболее важной причиной Майдана, который и привел к падению Януковича, была тайная деятельность западной, восточной, северной и южной частей страны, стремившихся к расширению полномочий. ***Конечно, имели место и попытки из-за границы воспользоваться ситуацией в своих целях***» [61].

Что и говорить — идея децентрализации власти уже давно витала (тайно или явно) в регионах, которые стонали от «вертикали Януковича». Но что касается тезиса относительно «намерений Запада», то Лукин, при всем нашем уважении к его научному авторитету, все-таки не смог стать выше обстоятельств. А потому и повторил шаблонную фразу относительно попыток Запада «лишить Россию ее исторической сферы влияния на Украине, а в идеале и Белоруссии... ***Экспансия НАТО на восток была большой ошибкой Запада. Мы защищались на уровне рефлексов***. Наша инстинктивная защитная реакция привела к огромному всплеску шовинизма и национализма». Вот такой оказалась позиция Лукина (Бог ему судья) — Украина является лишь исторической сферой влияния России», и больше ничего. И защищать эту сферу — это в россиян уже «на уровне рефлекса».

Однако вскоре появилась информация, которая, с одной стороны, стала начисто опровергать тезис о какой-то «самозащите России». 24 февраля 2015 года «Новая газета» в Москве опубликовала план отторжения Россией ряду территорий Украины. Этот план был составлен ориентировочно между 4 и 12 февраля 2014 года — то есть, еще во время правления Януковича [62].

Согласно экспертному анализу, в подготовке этой записки принимал участие «православный бизнесмен» Константин Малофеев. Человек этот, пишет газета, известен «своей активной поддержкой сепаратистов Крыма и Востока Украины — идеями, деньгами и кадрами (в частности, Гиркин-Стрелков и Бородай — люди, работавшие в его структурах)».

Однако, с другой стороны, это информация снова же отводила острие критики от самого Кремля. Вместо этого она сфокусировала внимание на «православном бизнесмене», который, дескать, «оказал Кремлю большую услугу: его пиарщики и «реконструкторы» раскрутили конфликт в Крыму и на Донбассе, передав эстафету добровольцам и «отпускникам» и избавив Россию, хотя бы формально, от статуса «стороны конфликта». То есть, вроде бы и оппозиционная (во всяком случае — независимая) «Новая газета», а по существу сработала на оправдание официальной Москвы за аннексию Крыма и вторжение на Донбасс. Ну что тут поделать — на то она «матушка-Россия», а «умом Россию не понять» — писал Тютчев.

Впрочем, в обнародованной докладной записке имеют место и некоторые интересные наблюдения относительно стратегии и тактики осуществления интервенции в Украину. Окончательная цель обозначенной стратегии должна была состоять в «присоединении ее восточных областей к России. Доминантными регионами для приложения усилий должны стать Крым и Харьковская область». И, обратим на это особое внимание, все это планировалось еще во время правления Януковича.

Вся эта операция должна была проводиться под тремя главными лозунгами: 1) федерализация (а то и конфедерализация); 2) независимое от Киева вступление юго-восточных областей в Таможенный союз; 3) прямая суверенизация с последующим присоединением к России. Но при этом следовало бы максимально осуществить надлежащую пропагандистскую кампанию с тем, чтобы мировая общественность имела как можно меньше поводов поставить под сомнение легитимность и честность различных референдумов: «Необходимо аранжировать эти события PR-кампанией в российской и украинской прессе».

Есть ли еще какая-либо необходимость ставить под сомнение факт планирования подрывной деятельности со стороны России против Украины? Или снова будем иронизировать по поводу конспирологии и несостоятельности «теории заговоров». В своем комментарии к документу редакция «Новой газеты» пишет: «В целом можно заметить, что рекомендации авторов записки по поэтапному вмешательству России в украинские дела с конечной целью захвата ряда территорий Украины в основном были реализованы в практических действиях Москвы» [63].

Действительно, поэтапное вмешательство все-таки осуществилось, но были ли достигнуты поставленные цели — это еще вопрос. Так, годовщину украинской Революции достоинства российские телеканалы отметили крикливыми ток-шоу, а в самой Москве прошел многотысячный антимайдан. Оно и понятно, писал 24 февраля 2015 года один из деятелей российского «Правого дела» Георгий Бовт: «Этот праздник уже с нами надолго» [64].

Обидно лишь то, что уже 28 февраля 2015 года СМИ принесли нам горькое известие: Бориса Немцова расстреляли под стенами Кремля. А за несколько часов до его гибели канал НТВ России анонсировал свою очередную пропагандистскую программу, посвященную вроде бы «подрывной» роли Немцова в «подготовке российского Майдана».

Но случилось, писала «Новая газета», еще хуже: «Вместо «Майдана» в Москву пришел Донбасс. С 27 февраля 2015 года шесть выстрелов — четыре пули в спину — таков последний аргумент в Российской Федерации». И дальше: «Убийство Немцова поэтому — это точка невозврата, радикальной дестабилизации внутриполитической обстановки в России, последствия которой пока невозможно предсказать. Возможно, мы увидим показательный траур в исполнении высших лиц государства, а затем охоту на ведьм со стороны спецслужб и принятие новых чрезвычайных законов по ограничению гражданских свобод». [65].

И кто после этого тайного убийства снова станет игнорировать фактор конспирологии? Отныне, отмечают соратники, убийство Немцова обречено стать символом той страны, которую построили за последние пятнадцать лет.

Но символом чего уже стал для России в окончательном итоге украинский Майдан? Наметились ли какие-то сдвиги в российском общественном мнении и в переосмыслении россиянами своего отношения к Украине? Как нам кажется, некоторые сдвиги все же есть, во всяком случае, в среде образованных людей.

Во-первых, подчеркивает Георгий Бовт, приходит понимание того, что, получив пока Крым, россияне надолго потеряли Украину. С одной стороны, украинские граждане стали более консолидированными в своем отношении к лозунгам Майдана. А с другой стороны — украинское общество неминуемо стало более негативно (а то и враждебно) настроенно по отношению к России: «В том есть вина и тех, кто творил украинскую политику из Москвы».

Во-вторых, если до Майдана лишь немного больше трети украинцев верили в способность новой власти наладить жизнь в стране, то после российской агрессии идеи движения в Европу стали пользоваться поддержкой большинства чуть ли не во всех регионах Украины.

В-третьих, бывшие навязчивые заморочки со статусом русского языка отошли на периферию общественного мнения, и уже «можно представить, что строительство обновленного украинского государства (когда и если до этого дойдет) пойдет уже на моно-культурной в политическом смысле основе».

В-четвертых, состоялась эволюция настроений в Украине по отношению к НАТО: «С каждым месяцем сторонников становится больше, достигнув в среднем по стране 53% уже к концу 2014 года (за военный союз с Россией — меньше 10%) ».

В-пятых, идею федерализации Украины разделяет лишь треть граждан при тенденции к понижению.

В-шестых, Украина стоит перед необходимостью введения жестких мер в сфере экономики, хотя это и грозит ростом социальной напряженности. Радикальная модернизация назревает: когда кончаются деньги, то начинаются реформы [66].

Таким образом, подведем итоги и мы, — не взирая на троллинг, «ловля рыбы на блесну» по-российски не получила тотального успеха. Не только Украина по-новому посмотрела на Россию, но и сама Россия постепенно прозревает. Ее восприятие событий в Украине, пусть и на уровне отдельных экспертов, становится более рассудительным. Мы тоже не в восхищении от сложной ситуации в экономике и общественно-политической жизни в целом. Но, как говорится, процесс пошел. И это — главное. И наше будущее в первую очередь зависит от нас.

И тут уже места для конспирологии быть не должно.

5.8. В «промежуточном состоянии»

Постичь логику российской внешней политики дано не каждому. Директору Французского института международных отношений (IFRI) Тома Гомару наверное повезло. Он пришел к мысли, что «украинский конфликт побуждает переосмыслить место России в европейской и международной системе безопасности. В целом ***амбиции западных лидеров не простираются далее сохранения привычного для них миропорядка***, подорванного вследствие их собственных ошибок или внешних вызовов; ***Россия же стремится переустроить мировое пространство***» [67].

А далее в статье французского автора следует вердикт на грани не то пророчества, не то обреченности: «Таковы новые условия диалога, который нужно начинать, чтобы остановить углубляющийся раскол». То есть, следует признать и ограниченные амбиции Запада, и активную роль России как ревизиониста глобальной политики, да и сесть уже за стол переговоров для разрешения украинского кризиса. И здесь, мол, никуда не денешься — такая уже страна эта Россия, и такой народ ее населяет...

Вот такую невеселую перспективу напророчил нам в сфере национальной безопасности директор Французского института международных отношений.

Нисколько не удивительно, что эта статья французского исследователя за февраль 2015 года была оперативно переведена на русский язык и опубликована в журнале «Россия в глобальной политике» сначала 24 марта, а затем снова перепечатана в номере от 7 июля 2015 года. И это притом, что в статье есть ряд достаточно критических замечаний относительно великодержавных амбиций России. Чего стоит вот такая характеристика: «Москва мечтает о совместном с Пекином и Вашингтоном управлении миром. Эту мечту осуществить пока не удается: слишком уж велик разрыв между амбициями России, и ее реальными возможностями. Едва ли стратегия Кремля сможет остаться прежней после падения цен на нефть и обрушения рубля. Если Олимпиада в Сочи стала символом возрождающейся мощи России, то ***теперь Москве предстоит испытать на себе последствия выбранного ею внешнеполитического курса, который гонит ее вперед, игнорируя возможные последствия***» [68].

Но разве ж это критика или осуждение агрессивной политики России? Да побойтесь Бога! Это же чуть ли не пиетет на уровне Николая Гоголя с его одой птице-тройке: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа... И, косясь, посторониваются и дают ей

дорогу другие народы и государства». Ну не мог просто устоять Тома Гомар перед традиционно устоявшимся во французском обществе клише о широкой российской натуре: «знать у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем развернулась на полсвета».

А если уж развернулась, да еще на полсвета, то другие должны были бы и потесниться. Да и куда они денутся, если Россия практически поставила перед Западом вопрос ребром: кто из европейцев или американцев готов воевать за Украину? Вот то-то... А если не готовы, то Тома Гомар предлагает академическое обоснование особой миссии России: «Кризис на Украине напоминает о сложности взаимоотношений между Россией и Америкой. ***Он демонстрирует асимметрию целей двух стран, затрагивая непосредственные интересы России и косвенные — Соединенных Штатов***» [69].

Что ж тут, мол, можно поделать, если для России владение Украиной является вопросом самой экзистенции, а для Америки — так себе, просто один из сюжетов мировой периферии.

А уж о способности Европы постигнуть глубинные истоки российского поведения и говорить не приходится: «Европе эпохи модерна тяжело понять логику, которая лежит в основании российской системы». Вот Тома Гомар и объясняет бестолковым европейцам, что в основание российской системы власти положено два основополагающих элемента — православие и государственность. А особенностью стиля Владимира Путина и является как раз использование им византийского наследия в российской дипломатии. Да и православная церковь вносит непосредственный вклад «в повышение внешнеполитического влияния России, особенно в странах ближнего зарубежья». С точки зрения Гомара, в общем итоге — торжествует высокий внешнеполитический византийский стиль.

А если уж речь зашла об идеи российской государственности, то российской элите и вообще на роду написано рассматривать историю своей страны исключительно через призму геополитики. Так, акцентирует внимание Гомар, истоки геополитики следует искать в древнерусских летописях, начиная с «Повести временных лет», написанной в XII веке. Дескать, текст этого основополагающего произведения привносит в российскую историографию «геополитическую составляющую», подробно описывая «путь из варяг в греки». А потому, мол, и в наши дни «геополитический подход красной нитью проходит через всю российскую историю; в наши дни он обнаруживается в путинском проекте Евразийского

экономического союза (Россия, Белоруссия и Казахстан), вступивший в силу 1 января 2015 года. Евразия и евразийство остаются концепцией, лишенной конкретного содержания и выражающей не столько сближение с Азией, сколько своеобразную форму протеста против действий Запада, который, по мнению России, на протяжении всей истории отношений стремится всячески ее унизить» [70].

Под этим углом зрения становится понятным, для чего Тома Гомар так настойчиво апеллирует к древней истории. Он трактует realpolitik Путина как данность, от которой некуда деться, поскольку, мол, «на самом деле истоки того, что происходит, следует искать в давних расхождениях между Европой и Византией». Очень удобная позиция — не правда ли? Ведь общий вывод этих рассуждений напрашивается таков: здесь уже ничего не поделать, если этим людям геополитический подход прямо таки на роду написан.

А в итоге получается, что к политике экспансионизма Путина обрекла сама история: «Через девять месяцев после «исторического воссоединения» Крыма с Россией, Владимир Путин решил вернуться к эпохальному событию. В своем обращении к Федеральному собранию он объявил о «стратегической важности» Крымского полуострова, который является «духовным истоком» формирования русской нации. Президент вспомнил о крещении князя Владимира в Херсонесе и подчеркнул в этой связи символическое значение Крыма для России, сопоставимое со «значение Храмовой горы в Иерусалиме для приверженцев ислама и иудаизма» [71].

Ну как после такой идеологической артподготовки не воспеть победы Кремля по оккупации чужих территорий? Вот потому-то Тома Гомар и пишет: «именно России удалось укрепить свою стратегию доступа, присутствие в средиземноморском регионе и влияние на Ближнем Востоке. С точки зрения геополитики, Крым на Черном море и Калининград на Балтийском представляют собой два форпоста России, которым стоит уделять особое внимание, ***коль скоро им суждено стать местами размещения ядерного оружия***. Эти два плацдарма автоматически усиливают военное давление России на Восточную Европу» [72].

В общем итоге Тома Гомар занял такую суперакадемическую позицию равной удаленности от всех субъектов, втянутых в украинский кризис. Это должно было произвести впечатление, что со стороны французского автора восторжествовала чистая наука — без гнева и пристрастий. Соответственно и аннексия Крыма трактуется просто как свершившийся факт. Гражданской позиции автора статьи как бы и вовсе нет: его не интересуют нормы между-

народного права и тем более моральные императивы исследователя, как это принято в XXI веке.

Наверное, это и подкупает Федора Лукьянова — главного редактора журнала «Россия в глобальной политике» — дважды опубликовавшего перевод этой статьи. Сам Лукьянов считает, что история пишется победителями, а победителей не судят. А нынешние дискуссии по вопросам истории, считает он, лишь «отражают отсутствие общепринятой картины мира, и, стало быть, устойчивого порядка. Главное обвинение сегодня в пересмотре правил игры. Но каких? В последний раз мироустройство возникло в 1945 году по итогам мировой войны. В истории иначе не бывало. ***Большое столкновение выявляет тех, кто по праву победителя формулирует нормы поведения. До следующего конфликта»*** [73].

Сегодня, считает Лукьянов, право победителя на стороне России. Вот она и призвана формулировать новые нормы поведения, включающие в себя «не только военно-политический баланс, но и моральные оценки». А поэтому ему импонирует манера Тома Гомара, которая дистанцируется от современных европейских ценностей.

Или, возможно, этих ценностей уже нет?

А тем временем Россия использует факт определенной растерянности Европы и, более того, собирается именно на этом сыграть свою партию. Торжествует циничный подход: дескать, что там чикаться с этой Европой, если раскол между Россией и Западом стал свершившимся фактом. Ярким свидетельством такого раскола стал уже второй подряд без участия России саммит «Большой семерки» в июне 2015 года. А ведь еще недавно — до аннексии Крыма — Россия обязательно присутствовала за одним столом с Западом в числе «восьмерки». Теперь же Россия, как агрессор, пожинает горькие плоды и пребывает в состоянии депрессии. Дело идет к тому, что обостряющийся кризис потребует срочного вмешательства психоаналитика.

Вот именно этой проблемой и занимается ныне председатель Президиума совета по внешней и оборонной политике России Федор Лукьянов. Диагноз его весьма тревожный: «***Сейчас промежуточное состояние России несомненно. Страна отказывается от намерения стать частью Запада, как предлагалось на рубеже 1990-х… Но и новым Востоком мы не становимся, поскольку способность диктовать повестку дня очевидно ограничена. К тому же современный Восток культурно намного четче прошлого — он концентрируется вокруг Китая, что для России неорганично***» [74].

Промежуточное состояние — это тревожный сигнал. Однако возникает вопрос: на что же тогда способна Россия, на какой ресурсный потенциал она может рассчитывать в своей политике великодержавной экспансии? Если взять экономический потенциал России, то он не выдерживает никакого сравнения с экономикой Европы и Китая. И поэтому, даже переориентировавшись с европейского курса на азиатский, «в партнерстве с Китаем Россия неизбежно будет младшим». Но и в этой ситуации, обнадеживает читателей Лукьянов, Москва попытается сыграть свою партию, владея тайным оружием: ***«прежде всего в силу российской более бесшабашной психологи и способности вести дипломатическую игру»*** [75].

В чем же тогда соль этой самой нью-византийской дипломатии? А оказывается — в отказе от системы европейских ценностей. Оно и раньше от этих ценностей воротило посконную да сермяжную русскую душу. Проявлялось все это в том, отмечает Лукьянов, что «Москва все стремится доказать что-то Европе и Америке, ***переходя на совсем уж просторечие, которое становится фирменным стилем российского МИДа***. Остальной мир ожидает, когда Россия предложит что-то, не направленное на самоутверждение и не обращенное к Западу. В процессе мучительного созидания нового мироустройства ценятся свежие идеи...» [76].

И вот, наконец, час пробил. Пришло время явить миру новую идею, поскольку Россию, наконец, исключили из состава «восьмерки» и она демонстративно вздохнула с облегчением. Ситуация, мол, изменилась принципиально, поскольку в прежнем составе восьми членов «Россия стояла особняком и политически, и экономически. Отсюда и постоянные призывы (неофициальные, но громкие) исключить Москву за разные грехи — от Чечни до Грузии, от ЮКОСА до Pussy Riot. Ожидания, что Россия станет «одной из нас», то есть будет трансформироваться в направлении западной модели, не оправдались. Страна осознанно двигалась в другую сторону. Крым дал повод избавиться от диссонанса» [77].

Одним словом — в Россию пришло облегчение.

Избавившись от оков европейских ценностей, Россия взяла курс на то, чтобы возглавить страны БРИКС (Бразилия, Россия, Китай, Индия и ЮАР). А преимущество нового объединения, в понимании российских идеологов, как раз и состоит в отсутствии между этими странами постылой европейской системы ценностей — здесь, мол, каждый живет, как хочет и действует на мировой арене как кому заблагорассудится. Тот же Лукьянов пишет: «Считается, что препятствием для консолидации БРИКС яв-

ляется отсутствие общих ценностей, которые есть в «семерке». Но ценностные альянсы — особенность только западного сообщества, остальным стоит упирать как раз на противоположное — в многополярном мире важнее способность не скреплять всех одними представлениями, а работать совместно поверх культурно-политических различий» [78].

То есть, пестроту БРИКСА следует перевести из плоскости недочетов в преимущество. Вот в этом, как понимает Лукьянов, и состоит основная идея, да и историческая миссия России. Помните основную мысль романа Достоевского «Братья Карамазовы»: «Если Бога нет, все позволено!». Вытолкнули Россию из «восьмерки» — и ладно: зато пренебрегая европейскими ценностями, можно будет жить «по понятиям». Мир, мол, все равно изменяется, универсализация по западным правилам не состоялась, а потому на место старого порядка приходит новое расслоение. И Россия претендует на авангардное место в этом процессе всемирного раскола.

В этой ситуации российские стратеги пытаются любой ценой переломить ситуацию в свою пользу. Самоизоляция России в мире, на которую она себя обрекла, объективно подталкивает к переоценке ценностей. И вот уже все реже ведутся разговоры о сакральной роли Крыма в истории России как нового Иерусалима. Все больше пошло разговоров о новой линии размежевания Европы, которая прошла уже между населенными пунктами Донбасса: «Новый «Запад», сильно продвинувшийся на восток, и новый «Восток», отступивший к Среднерусской возвышенности» [79].

Как с горечью отмечает Лукьянов, беда России в том, что, сделав ставку на криминалитет Донбасса, страна в этой войне за «Новороссию» потеряла имидж большого глобального игрока. А отсюда и последствия: «при всем трагизме событий на Украине и отчаянной безысходности, в которую погружаются из-за них люди, невозможно избавиться от ощущения местечковости происходящего. Периферийного наваждения, которое отвлекает от куда более масштабных и важных процессов. Оно от этого не становится менее опасным, но последствия мирового значения возможны только из-за полной безответственности участников, если безалаберный подход приведет к цепи необратимых случайностей, эффекту домино» [80].

Сегодня, по мысли Лукьянова, главный козырь России — союз с Китаем, поскольку «сегодняшний Восток — это Азия во главе с Китаем». Козырь, конечно же, скорее потенциальный, нежели реальный, поскольку «русские и китайцы знают друг друга мало, понимают недостаточно, опыта каждодневного пересечения не

накопили. Нарастание трений легко предсказуемо. Но это единственный путь, иначе долговременные отношения не построить».

И вот, надеются околокремлевские идеологи, если серьезно воспринять то, что «в XX веке Россия сама превратилась в Восток», то союз с Китаем, дескать, не станет камнем преткновения великодержавным проектам России, поскольку «***тут у России с ее давней традицией великодержавной экспансии фора перед пока еще осторожными и даже боязливыми во внешнеполитическом плане китайцами***» [81].

Вот тогда, мечтают они, когда Китай станет «великой сестрой» политически ангажированной России, а Россия развяжет себе руки в тени экономического могущества Китая, тогда «украинский вопрос» можно будет довести до запланированного раньше результата: «Если способности контролировать процесс хватит, Украина останется тем, что по-английски называют *sideshow* — нечто побочное, второстепенное по сравнению с по-настоящему важным».

Вот такой есть сегодняшняя «византийская дипломатия» России — решать свои темные дела под прикрытием могучего азиатского соседа, ибо Европа уже знает настоящую цену российских «ценностей». При чем тот же Лукьянов цинично рассчитывает, что Китай, собственно, никаких дивидендов с этой затеи не получит, зато Россия получит все: «Китай готов к крупным капиталовложениям в нужную ему инфраструктуру, но при этом он совершенно не заинтересован ни в каких политических обострениях и шарахается от любых конфликтных зон в Евразии, наподобие Украины, чтобы не дай бог не оказаться туда втянутым. Когда китайцы говорят о гармонии — они не лукавят, а надеются обогнуть все точки чьих-либо противоречий... Китай еще не созрел, не был готов браться всерьез за свой «бросок на запад». Россия в любом случае становится опорной частью самой стратегии, хотя бы по географическим причинам. И дальше все зависит исключительно от нас самих — останется ли Россия транзитной зоной для других растущих экономик или сумеет обернуть их рост себе на пользу» [82].

Дело, как видим, осталось совсем за малым: а согласиться ли сам Китай на отведенную ему роль «болвана в старом польском преферансе», как то говаривал легендарный Штирлиц?

5.9. Россия: отступление… в будущее?

То, что агрессия России в отношении Украины является преступлением — это не вызывает сомнения у каждого здравомыслящего человека. Однако российский политолог Дмитрий Орешкин считает, что «то, что сделал Путин, хуже, чем преступление. Это — ошибка».

И не будем слишком придирчивыми относительно изначального авторства этого изречения, приписываемого и министру полиции Франции Фуше, и министру иностранных дел Талейрану, и юристу Антуану Буле де ля Метру.

Главное в другом: в трактовке Орешкина Путин просто «попался на разводку» со стороны российского пропагандиста Александра Дугина, который придумал такую себе территорию как «Новороссия» в составе восьми регионов Украины. После аннексии Крыма Путин рассчитывал, что юго-восток Украины «как зрелое яблоко, упадет к нему в руки, и тогда все будет замечательно. То есть, будет сухопутный мост в Крым, сухопутный мост к Приднестровью и пафосное победное шествие… Думаю, сейчас он проклинает эти свои решения. Кстати, сейчас Дугина запихнули в самый дальний карман, из которого он не вылезает», — отмечает Орешкин [83].

Вышесказанное вовсе не означает, что злоумышленник наказан, а доверчивый президент РФ искренне сожалеет и глубоко переживает моральную травму по поводу совершённого и, как истинный миротворец, ищет путей к исправлению ситуации. Все намного сложней.

Факт остается фактом: Россия является агрессором, а Украина — жертвой агрессии. А президент РФ Владимир Путин — инициатор этой войны. Комплексный анализ причин этого шага Путина требует отдельного и всестороннего рассмотрения. Пока что мы ограничимся некоторыми определениями, одно из которых дал бывший собственник компании «ЮКОС» Михаил Ходорковский. «В чем причина войны? Путин понял, что созданный им государственный капитализм больше не способен обеспечивать рост. Государства подобного типа создавались только для войн. Чтобы оправдать существование нынешней системы власти, он был вынужден эту войну начать» [84].

Были ли другие причины? Цитированный уже нами в предыдущих материалах директор Французского института международных отношений Тома Гомар в качестве основных причин считает внешнеполитические. По его мысли, больше всего Россия

опасается глобального конфликта между исламским миром и Западом, в который будет втянута Россия с катастрофическими для себя последствиями.

Кроме того, считает Гомар, не следует пренебрегать и идеологическим аспектом конфликта: «Для президента Путина важнее всего история российского величия. Уверенный в неизбежности скорого упадка Запада, Путин решил сделаться символом антизападных настроений всего мира, это заставило его отдалиться от Европы и изобрести особую геополитическую концепцию» [85].

Вот все это вместе и привело к тому, что основой российской системы власти была и остается военная машина, создание боеспособных вооруженных сил, где источником финансовых поступлений стала национализация энергетического сектора. В основу же военной доктрины России положено тактическое и стратегическое ядерное оружие, которое остается альфой и омегой российской политики безопасности. Ставка на оружие объясняется противостоянием России и НАТО с ее системой противоракетной обороны на западном фланге; вызовом исламского экстремизма суннитского толка, способным дестабилизировать ситуацию на Кавказе и в Средней Азии — на южном.

Тогда возникает вопрос: а каким же боком тут причастна Украина? А никаким, утверждает Тома Гомар, просто России остро необходимо было аннексировать Крым для размещения там ядерного оружия: «Крым увеличивает оборонительный и наступательный потенциал Кремля. Территория полуострова способна служить хорошим естественным аэродромом в Черном море, что расширяет возможности ограничивать другим странам доступ к черноморскому региону и позволяет приблизиться к Ближнему Востоку. До 2020 г. в Крыму может быть размещено от 7 до 10 воинских частей. С чисто военной точки зрения бескровный захват полуострова можно считать, безусловно, успешной операцией» [86].

Тогда стоит ли удивляться тому, что за нарушения норм международного права, территориальной целостности и нерушимости границ Украины по отношению к России, как к агрессору, были применены международные санкции. Вместе с тем, Россия была лишена членства «большой восьмерки». Более того — для дальнейшего сдерживания России со стороны Минобороны США было оглашено планы перебрасывания в регион Восточной Европы боевых танков, БМП и других видов тяжелого вооружения в дополнение к тем 5 тысячам расквартированных в странах Балтии американских военнослужащих. Комментируя эту новость, газета The New York Times обращала внимание на то, что размещение

американских тяжелых вооружений в Восточной Европе станет самым масштабным шагом из тех, к которым США и НАТО прибегали в последнее время. Кроме того, в Белом Доме надеются, что это решение может быть сигналом президенту РФ Владимиру Путину о приближении военного блока к границам России. Шаг, что ни говори, простой и доходчивый для восприятия.

Был ли этот шаг адекватно воспринятый? Вряд ли. Осознав, что идея «Новороссии» оказалась абортированной, а сама Россия оказалась в ситуации международной изоляции, Путин в интервью итальянским журналистам снова прибег к традиционной для себя тактике сваливания проблем с больной головы на здоровую. Страны Восточной Европы, заявил он, искусственно раздувают «русскую угрозу», поскольку «некоторые хотят играть роль таких прифронтовых стран, которым за это нужно чем-то дополнительно помогать: или в военном плане, или в экономическом, финансовом, каком угодно другом». А другие, например США, дескать, просто выискивают внешние угрозы для сохранения своего лидерства: «Им нужна внешняя угроза, нужен обязательно внешний враг для того, чтобы обеспечить лидерство. Ирана явно недостаточно — не та угроза, не очень страшно. Кем пугать? ***Откуда ни возьмись — кризис на Украине. Россия вынуждена реагировать. Может быть, это специально сделано, я не знаю***» [87].

Все эти заявления, которые больше похожи на словесные выверты, воочию доказывают, что попытки Запада в течение длительного времени дать Путину шанс «сохранить лицо» и выйти из ситуации по пути неуклонного выполнения Минских договоренностей — так и не нашли взаимопонимания со стороны России. А жаль, ведь Путин мог повлиять на лугандонские «народные республики» относительно прекращения ими военных действий, выступить в роли миротворца и защитника «русского мира», а в конечном итоге «спустить проблему на тормозах». Таким случаем, как видно, он не способен воспользоваться. Так стоит ли удивляться, что «мягкая сила» Запада изменяется на «жесткую силу». И это Россия не может не учитывать.

Вместе с тем, с целью поиска каналов достижения взаимопонимания с Западом российские власти прибегают к услугам разнообразных созданных для этого общественных организаций. Одну из них в 2011 году было организованно распоряжением президента РФ. Речь идет о Российском совете по международным делам, который возглавил Андрей Кортунов.

Как человек сподручный для исполнения деликатных поручений, Кортунов 14 апреля 2015 года дал интервью порталу

BaltNews.lv, где и поделился мыслями на счет урегулирования ситуации в Украине, а заодно взялся представить к сведению публики тот путь, по которому ***«Россия предпочитает отступать в свое будущее»***.

Само название интервью уже интригует: **«Россия не может уйти от ответственности»**. Впечатляет и неожиданный зачин выступления: ***«Вряд ли можно ожидать, что руководство России признает какую-то вину со своей стороны»***. Мы на это тоже мало надеемся, ибо, как любит говаривать Путин, — «перетопчетесь», «устанете пыль глотать». Себя же Кортунов идентифицирует в роли представителя некоммерческой гражданской организации. В частности, он заявил, что не представляет МИД России, ни российское правительство, а потому «мы в чем-то, наверное, можем позволить себе больше, чем они. Мы не связаны какими-то жесткими инструкциями. Мы имеем свои взгляды по различным международным проблемам, и в этом состоит специфика нашей работы».

Признав, что Россия виновата в украинском кризисе, Картунов в то же время перекладывает ответственность за создавшуюся ситуацию на всю мировую общественность. Мол, так вот случилось, что это общая мировая проблема, а что касается России, то «можно говорить о просчетах, и об ошибках российской позиции, можно говорить о недооценке ситуации, которая сложилась на Украине. Я думаю, что как великая держава, которая граничит с Украиной, Россия не может уйти от ответственности» [88].

Однако суть объяснений становится понятной, когда Кортунов уходит от признания факта агрессии со стороны России. Разве что допускает мысль такого плана: «Я думаю, что Россия, наверное, могла бы на ранних стадиях кризиса сыграть какую-то более конструктивную роль. Сейчас можно говорить о многих упущениях, которые были совершены, но, наверное, более важно думать о будущем, о том, как выходить из кризиса» [89].

Какая же «дорожная карта» предлагается Кортуновым для разрешения украинской проблемы? ***Сразу же несколько подкупает первое положение*** — все стороны, в том числе и Россия, должны приложить максимум усилий для выполнения Минских договоренностей. К тому же Россия должна использовать свое влияние на ополченцев, для того, чтобы со стороны Востока (не ЛНР и ДНР, и не «Новороссии», а таки со стороны Востока!) не было нарушений Минских соглашений. Однако, что следует отметить, ни слова не было сказано об отводе российских воинских частей из оккупированных территорий. Поэтому даже такой внешне конструктивный дебют настораживает.

Дальше — хуже. ***Вторая позиция еще более размыта:*** речь идет о комплексном решении проблемы, что включало бы в себя «не только приостановление огня, но и начало политических реформ в Украине». Здесь Кортунов в упор не видит, что политические реформы в Украине реализуются постоянно. Но когда речь идет о преобразованиях на ныне оккупированных землях, то они должны быть сначала освобождены, границы Украины восстановлены, а уже потом придет время для осуществления демократических преобразований и в этом регионе.

Третья позиция тоже более похожа на подводные камни, нежели на чистое русло переговорного процесса. Кортунов предлагает расширить норманнский формат договоренностей, поскольку, мол, очень важно, чтобы за столом переговоров присутствовал Европейский Союз. Однако, как показывает практика, согласование позиций 28 членов ЕС не ускоряет, а тормозит процесс принятия решений. И если уж соответствующие полномочия были переданы со стороны ЕС на рассмотрение Германии и Франции, то, наверное, в этом был определенный смысл.

Четвертая позиция тоже вызывает ряд вопросов. Речь идет о смене норманнского формата переговорного процесса за счет подключения к нему Соединенных Штатов и даже Китая.

На наш взгляд, не исключено, что формат может изменяться, как и все в этой жизни. Однако здесь складывается впечатление, что кое-кому в России хотелось бы повторить своеобразную Ялту и Потсдам, где роль поверженного государства должна бы уже играть Украина, разделенная на зоны оккупации, над которыми России хотелось бы установить протекторат со стороны того или другого государства — участника переговорного процесса. Вот таким нехитрым путем Россия могла бы на равных (а не как агрессор) сесть за стол переговоров с США и Китаем, преодолеть тем самым свою международную изоляцию, а вдобавок получить еще и свою зону ответственности на территории Украины.

Именно к такой мысли и подводит предложение Кортунова создать на многосторонней основе постоянно действующую «контактную группу», которая бы функционировала в Киеве и на самом высоком уровне «была бы уполномочена принимать решения и нести ответственность за их последующее выполнение».

Пятая позиция касается проблемы русскоязычного населения, которое всегда почему-то трактовалось Россией как «соотечественники». В странах Балтии эта тема всегда воспринималась настороженно. А потому Кортунов в интервью балтийскому порталу представил тему в неожиданном для России либеральном

ключе: дескать, эта категория населения уже сильно интегрирована в политические и экономические отношения стран проживания. Вот почему России следует подходить к ним с крайней ответственностью, «не пытаясь ставить перед российскими диаспорами вопрос о выборе их лояльности между страной проживания и Россией» [90].

Мы не беремся давать окончательную оценку инициативам Кортунова. Для этого есть соответствующие государственные структуры. Однако критический анализ этих инициатив, по нашей мысли, должен быть донесен до общественного мнения Украины.

Хочется разве что отметить, что сам Андрей Кортунов, выполнив доверенное ему поручение на счет Украины, в других своих материалах высказывается достаточно пессимистически относительно перспектив достижения взаимопонимания между Россией и Западом: «И было бы наивным полагать, что существует какое-то магическое лекарство, способное радикальным образом переломить течение болезни. Ни возможные компромиссы по украинским вопросам, ни предстоящая смена команды в Белом Доме, ни потенциальные острые кризисы в различных точках планеты не приведут к быстрому и окончательному исцелению... Эти процессы неизбежно растянутся на долгие годы, если не на десятилетия» [91].

Впрочем, кто может предусмотреть все перипетии судьбы, в частности и будущего Крыма? Упомянутый нами выше Дмитрий Орешкин считает, что «Путин уже проиграл Приднестровье и Украину, а также проглотил бесплатный сыр, который называется Крым, и попал в мышеловку. Мышеловка состоит в том, что РФ оказалась в международной изоляции и под санкциями».

Возвращение полуострова Крым — это, безусловно, императив для патриотической части Украины, хотя никто и не утверждает, что это может быть осуществлено в ближайшее время. Что же касается оппозиционной России (официальная точка зрения известна), то Михаил Ходорковский, например, высказал предположение, что границы в этой части Европы будут пересматриваться в случае всеобщего пересмотра постсоветских границ, поскольку Путин воочию ведет Россию к ее территориальному распаду. Хотя в большинстве своем об этом мало кто задумывается.

Время покажет. А впрочем, пошел слух, что булгаковская героиня Аннушка уже разлила постное масло возле турникета.

5.10. Российский выбор: стратегия с двойным дном

В общественном мнении все более утверждается мысль, что, аннексировав Крым, Россия потеряла Украину. Возможно навсегда, во всяком случае, на несколько поколений. И запоздалое осознание последствий этой авантюры, если и не стало шоком, то вызвало настоящий ступор среди определенной части российских политологов. Так, ведущий эксперт Фонда прогрессивной политики (Россия) Антон Гришанов констатирует: «Среди долгосрочных эффектов, спровоцированных украинскими событиями, ***не последнее место занимает общая примитивизация дискуссии о задачах внешней политики РФ.*** Стремительность присоединения Крыма и нелинейное развитие донбасского конфликта породили запрос на эмоционально окрашенное трактование изменившейся российской стратегии. Попытки ее объективного анализа все чаще теряются в череде штампов, клише и лозунгов не только профессиональных демагогов местного разлива, но и отдельных лидеров европейского масштаба» [92].

Антону Гришанову вроде бы и не к лицу скорбеть о плодах российского просвещения на Западе. Ведь давно известно — что посеешь, то и пожнешь. А засевает Россия густо: что ни говори, а те 400 миллионов долларов, выделенных на 2015 год такой внешнеполитической пропагандистской структуре как Russia Today, говорят сами за себя. На этом фоне мизерные 5 миллионов долларов, которые предусмотрены для украинского иновещания — капля в море.

Однако мы надеемся, что главный наш капитал — правда. Именно на этом акцентирует внимание председатель Национального совета Украины по вопросам телевидения и радиовещания Юрий Артеменко: «Есть простые правила построения информации — это правда, объективность, несколько мыслей подряд, возможность отделять мысли от информации, или позиции автора, личные суждения от фактов. Это стандарты любой журналистики. В конце концов, правда восторжествует, потому, что когда людям показывают одно, а вокруг себя они видят другое, они начинают избавляться от навязанных им взглядов» [93].

В России, судя по всему, другие принципы — нагромождай все антиукраинское, а там — что-то будет опровергнуто, но что-то и останется. Но тогда возникает вопрос: зачем Гришанову сокрушаться по поводу штампов и клише отдельных лидеров европейского масштаба, если сами же российские СМИ и выискивают этих деятелей, переводят их статьи или организовывают выступления — лишь бы там прозвучали антиукраинские заявления.

Возьмем, к примеру, такую уважаемую политическую фигуру как экс-президент Франции Валерии Жискар д'Эстен. Вне всякого сомнения, он человек выдающийся: в прошлом самый молодой член правительства генерала де Голля, а в 1974–1981 гг. — президент Франции. Но все же следует учитывать и то, что человеку пошел уже девяностый год и его память несет в себе отпечаток всех клише и стереотипов прошлого времени. К тому же эти стереотипы и интерпретированы соответственно преклонного возраста этого человека. И вот, в окончательном результате, мы получаем в российском издании его интервью от 7 марта 2015 года такие суждения: «Не забывайте, что Украина долго оставалась русской, Киев был столицей Руси. Когда по просьбе генерала де Голля, будучи министром финансов, я отправился в Советский Союз, то был принят Хрущевым в Киеве...» [94].

Что можно вынести из такого суждения? Ну, разве что вспомнить Льва Толстого: «Все смешалось в доме Облонских». И здесь трудно чем-то помочь, потому что одно дело Русь, а совершенно другое — Россия. А то, что Хрущев принимал в Киеве, то вовсе не означало, что Киев — российская столица. Очевидно, в экс-президента остались теплые воспоминания о высоком уровне приемов Хрущева (со всеми отдыхами и охотничьими домиками), а поэтому-то на фигуре Никиты Сергеевича у него и сошелся клином белый свет.

Или взять бы еще одно экзотическое суждение Валерии Жискар д'Эстена об «исторической справедливости» нынешнего «возвращения» Крыма в состав России: «Крым был завоеван при Екатерине II, главным образом усилиями князя Потемкина, когда Россия расширялась на юг в сторону Турции с намерением отвоевать Константинополь. Покорение Крыма было достаточно жестким. Оно произошло не в ущерб Украине, которой не существовало, а в ущерб местному суверену, который зависел от турок. С тех пор там проживали только русские. Когда Никита Хрущев захотел придать СССР больший вес в рамках только что появившейся Организации Объединенных Наций, он «изобрел» Украину и Белоруссию, чтобы добавить СССР еще два голоса, и наделил Украину новой властью над Крымом, что было беспрецедентно. Уже тогда я думал, что эта искусственная зависимость будет непрочной. Последние события были ожидаемы. Впрочем, возвращение Крыма России оказалось широко поддержано населением. И только когда проблемы перекинулись на восток Украины, об этом стали беспокоится...» [95].

Здесь что ни фраза, то откровение. Исторический факт ликвидации Россией Крымского ханства экс-президента д'Эстена вовсе

не интересует. Дескать, что там с этими татарами возиться. Главное в том, что в Крыму вроде бы проживали исключительно русские (а кого же выселяли в мае 1944 года?). Экс-президент забыл (ну что поделаешь — возраст), что Украина и Белоруссия вошли в ООН задолго до руководства советской страной Никитой Хрущевым. А восприятие поддержки референдума в Крыму под дулами российских автоматов за проявление демократии уже и совсем озадачивает — что это случилось с французами?

Тогда возникает закономерный вопрос — зачем же популяризировать сомнительные мысли далеко уже немолодого человека, бросая тем самым тень на установившийся образ известного французского деятеля. Здесь так и напрашивается российская поговорка: «Ради красного словца не пожалею и отца».

Так ради какого такого «словца» была затеяна эта печальной участи публикация? Главное состояло в том, что кто-то от имени Франции должен был сказать слова, которые расходились бы с официальной позицией этой страны относительно российской агрессии против Украины. И эти слова прозвучали из уст Валерии Жискар д'Эстена таким образом: «Украина в том виде, в каком она существует на данный момент, не способна функционировать демократическим образом. Поэтому необходимо, чтобы она реорганизовалась. Я хочу, чтобы французская дипломатия возглавила усилия европейцев, направленные на поиск политического решения на Украине. ***Складывается впечатление, что для Украины таким решением может стать многонациональная конфедерация по образцу швейцарских кантонов, объединяющая русскоязычную часть, польскую часть и центральную часть. Система, являющаяся одновременно федеративной и конфедеративной, финансируемая европейцами и поддерживаемая Организацией Объединенных Наций***» [96].

Чем эта позиция отличается от бреда Жириновского в его обращении к польскому правительству относительно раздела Украины между Россией и Польшей? Однако, что взять с Владимира Вольфовича? Так неужели на такую роль согласился и Валерии Жискар д'Эстен? К лицу ли это деятелю европейского масштаба?

Впрочем, как показали дальнейшие события, все эти рассуждения об Украине не были столь уж безобидными и бескорыстными. Прошли какие-то два месяца, и уже в мае 2015 года экс-президент Валерии Жискар д'Эстен посетил Москву, дабы представить публике свою новую книгу о Наполеоне — «Победа великой армии» — вышедшую на русском языке. Так что, стало быть, его мартовское интервью сыграло роль промоушен (стимулирование

сбыта) к изданию своей книги. А раз так, то заигрывание с Россией пришлось продолжить, что и было сделано, когда в мае «бывший глава государства выступил в роли дипломата, встретившись с президентом России Владимиром Путиным на фоне «квази-холодной войны», вызванной конфликтом на Украине». Именно об этом писала французская газета Le Figaro [97].

Получается, как говорится в Одессе, прямо-таки «картина маслом»: представление французской книги на фоне «квази-холодной войны», вызванной конфликтом на Украине». Высказав пожелание «урегулировать конфликт до конца года», экс-президент проявил истинно французский шарм по отношению к зачинщику агрессии Путину, а потому то «по вопросу санкций Жискар д'Эстен с сожалением отметил, что европейцы позволили США увлечь их за собой». Более того, «он выразил сомнения относительно «пацифистских намерений» США в украинском конфликте».

Но уж Путин тут не упустил своего (http://russian.rt.com/tag/2): он «вновь подтвердил свою приверженность мирному процессу на Украине и затронул вопрос о децентрализации на территории Донбасса по образцу Каталонии в Испании». А потом «российский президент вновь упрекнул Киев в недостаточном участии в работе переговорных групп, созданных под эгидой ОБСЕ, и нежелании садиться за один стол переговоров с лидерами ЛНР и ДНР».

Вот тут самое время рассмотреть вопрос о роли так называемых «лидеров ЛНР и ДНР» в стратегии «двойного дна», осуществляемой Россией.

Упомянутый выше Антон Гришанов решил выслужиться перед «смотрящим за Украиной» Владиславом Сурковым и предложил проведение определенной инвентаризации стратегии и тактики российской пропаганды. Она сводится к следующему: прежде всего, следует осудить попытки демонизировать дипломатию Москвы и опровергнуть слухи об иррациональном начале этой дипломатии. Вместо этого Гришанов берется на страницах журнала «Россия в глобальной политике» — печатном издании Совета по внешней и оборонной политике — осветить содержательную сторону российской дипломатии, раскрыть «истинные мотивы и прагматичные устремления Кремля на украинском направлении» [98].

Ну что же, дебютная заявка хороша. Каким же будет финал? Поскольку до последнего времени настоящие мотивы, и прагматичные устремления Кремля были прерогативой исключительно президента РФ Владимира Путина и главы МИД Сергея Лаврова. Обоих мы уже наслышались, особенно на предмет того, что Рос-

сия, мол, неуклонно выполняет Минские договоренности, а вот Украина — уклоняется. Люди научились сопоставлять слова и дела, а в результате, рассуждает Гришанов, случилось неожиданное, неимоверное, а для России и недопустимое: «По прошествии четырех месяцев с момента заключения Минских соглашений, рассуждения об их неизбежном крахе стали общим местом, и ***в основе этого взгляда лежит как раз неверие в способность Владимира Путина отказаться от конфронтационной модели поведения и предложить комплексное решение проблемы Донбасса***» [99].

Как можно было допустить в России такое положение — уму непостижимо. Чтобы жить в России да при этом не верить в способность Владимира Путина к комплексному решению любых проблем — это уже на грани предательства Родины. И здесь, понятное дело, сразу же отыскиваются следы подрывной работы. Против Путина, мол, и его идеолога — Владислава Суркова — будто бы фактически объединились представители «партии войны» в Украине и России. И вот в этот решительный для России час, неадекватно раскрученный в России образ Путина как «мачо» на внешнеполитической арене приводит ныне мир в состояние артикулированного страха перед «русской угрозой». Вывод, что ни говори, претендует на сенсационность: получается, что образ Путина как «крутого мачо» уже не устраивает. Более того — появилась острая необходимость в создании образа Путина как истинного миротворца.

Беда только в том, что тень на светлый образ Путина кидают сепаратисты абортированной «Новороссии»: «Для вчерашних лидеров Новороссии, в свою очередь, практическая реализация Минских договоренностей равносильна отказу от мечты о собственной вожделенной демаргинализации. В основе их идеологии — стремление разменять российское влияние на всю Украину на существование обособленного оазиса донбасского сепаратизма, лишенного очерченных перспектив и возможностей для эффективного развития. Из Донбасса подобного рода деятели пытаются сделать стартовую площадку для построения собственных политических карьер или запуска теневых бизнес-схем, ради чего они вполне готовы пожертвовать будущим российско-украинских отношений» [100].

Возникает закономерный вопрос: а то вы раньше не видели, на какой криминалитет делаете ставку? Оказывается что видели, холили и лелеяли, а Царева даже провозгласили в России «человеком года». Какая честь для страны Пушкина и Толстого,

Ахматовой и Пастернака! И куда ж этот взлелеянный криминалитет теперь девать?

И вот здесь проявляется сущность «стратегии двойного дна»: весь этот сброд формируется с умыслом: «***Встраивание в политическую конструкцию меняющейся Украины нынешних ДНЗ и ЛНР, с прошлого марта существовавших в особом идеологическом измерении, способно стать точкой отсчета для деформации всего ландшафта, созданного Майданом»*** [101].

В этом контексте способность Путина отказаться от конфронтационной модели поведения и предложить комплексное решение проблемы Донбасса состоит, по мысли Гришанова, в следующем: ***«Заставить Киев — вопреки его желанию — проглотить инородное тело, которое он не сможет переварить, и спровоцировать тем самым необратимые изменения во всем организме. Реализация такого сценария, как минимум, приведет к обретению Украиной собственного Ольстера, без нахождения компромиссов с которым даже гипотетические надежды на построение безоблачного будущего окажутся неоправданными. Как максимум — вновь превратить Донецк в центр притяжения для всего пророссийского спектра украинского политикума.*** Десять лет назад Донбасс уже выступал в этом качестве, став платформой для избрания Януковича на президентский пост. Ныне — имеет все шансы помочь российской дипломатии перейти от навязанной ей оборонительной модели к хотя бы частичному возвращению утраченных позиций на принципиально важном направлении» [102].

И на какие же силы рассчитывают в России, которые были бы призванными придать гламурную оболочку криминалитету Донбасса? Какие персоналии должны бы вырасти на грунте, освоенном в свое время Януковичем и зараженном бациллами сепаратизма? Оказывается, что октябрьские выборы 2014 года в Верховную Раду Украины посеяли надежды России на явлении новых спасителей Украины, поскольку они «продемонстрировали электоральный потенциал конструктивно [к кому?] настроенных сил юго-востока страны, в первую очередь, «Оппозиционного блока», созданного бывшими «регионалами». Уровень их влияния может значительно увеличиться с проведением обещанной Порошенко децентрализации и конституционной реформы» [103].

Не будем спешить с выводами. Агрессия России кое-чему научила и жителей Донбасса, и представляющие их политические силы. Да и в Киеве было время более глубоко вникнуть в суть проблем, вызвавших вооруженное противостояние на Донбассе. Не

исключено, что какая-то часть украинского политикума действительно ожидает на приход своего часа, чтобы перехватить эстафету из рук различных «моторолл» и «бесов». Но нельзя сбрасывать со счетов и настроения избирателей — ведь это их голоса и определят, в конечном счете, итог будущих выборов. Но с важной поправкой — выборы в областные, городские и местные советы должны проводиться не под дулами автоматов сепаратистов, а на свободной от военных действий территории.

Главная задача текущего момента — не допустить никакой федерализации, а тем более конфедерализации страны. Как заверил президент Украины Петр Порошенко во время своего вступления в Верховной Раде Украины 4 июня 2015 года, децентрализация ничего общего не имеет с федерализацией. Украина была и будет унитарным государством. Еще год назад враг планировал, что Украина исчезнет с карты Европы. В Кремле рассчитывали, что посеянные российскими спецслужбами бациллы сепаратизма расколют нас как народ. Не вышло. Даже во временно оккупированных районах Луганской и Донецкой областей сепаратисты держатся за власть лишь благодаря российским штыкам. Твердое решение украинцев свернуть с исторических околиц на современный европейский автобан — неизменно. Не последнюю роль в этом сыграло то, что наши друзья в Европе и Америке с нашей подачи твердо держат единую консолидированную позицию, в которой Россия так и не смогла сделать пролома. А новая Стратегия национальной безопасности Украины, вопреки всем лжепророчествам и домыслам, ставит своей целью членство в НАТО. Пусть даже и в несколько отдаленном будущем — время покажет. И наоборот — что касается прожекта «Новороссии», то его авторы и промоутеры на переломе весны-лета 2015 года собственноручно поставили над ним большую могильную плиту.

На повестке дня — активизировать процесс деолигархизации, дерегуляции и децентрализации. И да поможет нам Бог.

Литература

1. Президент Путин, обидевшись на Запад, занялся геополитическим рэкетом и вредительством — эксперт. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cspan%20class%3D%22meta%22%20style%3D%22color%3A%20rgb(153%2C%20153%2C%20153)%3B%20vargin%3...

2. Битва за Украину. Расследование Financial Times. Эпизод I–II. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22post-header%22%20style%3D%22margin%3A%200px%2020px%3B%20padding%3A%200...

3. Там же.

4. Завгородний А. Путин — современный рэкетир. — Доступно: http://vesti.lv/news/putin-sovremennyi-reketir/print

5. Американский профессор: Если в России независимых голосов слишком мало, то на Западе их чересчур много. — Доступно: http://www.facenews/ua/news/2014/252279/view_print/

6. Битва за Украину. Расследование Financial Times. Эпизод I–II. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22post-header%22%20style%3D%22margin%3A%200px%2020px%3B%20padding%3A%200...

7. Там же.

8. Президент Путин, обидевшись на Запад, занялся геополитическим рэкетом и вредительством — эксперт. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cspan%20class%3D%22meta%22%20style%3D%22color%3A%20rgb(153%2C%20153%2C%20153)%3B%20vargin%3...

9. Битва за Украину. Расследование Financial Times. Эпизод I–II. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22post-header%22%20style%3D%22margin%3A%200px%2020px%3B%20padding%3A%200...

10. Там же.

11. На Мюнхенской конференции Лаврова подняли на смех. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Ch1%20style%3D%22margin%3A%20163x%200px%3D%20padding%3A%205px%200px%2010px%3B%20border%3A%20...

12. Как слова Ксении Собчак о российских военных на Донбассе вызвали массовую истерию на НТВ. — Доступно: data.text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%2class%3D%22post_date%22%20style%3D%22margin%3A%200px%3B%20padding%3A%200px%3B%20border%...

13. Битва за Украину. Расследование Financial Times. Эпизод I–II. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22post-header%22%20style%3D%22margin%3A%200px%2020px%3B%20padding%3A%200...

14. Guardian: Путин сослан «в дипломатическую Сибирь». — Доступно: http://glavnoe.ua/news/n202049/print

15. Путин увидел в Австралии лишь «теплый прием». — Доступно: http://world.lb.ua/news/2014/11/18/286467_putin_uvidel_avstralii_lish_tepliy.html?print

16. Брисбен стал шоком для Путина. Его холодное бешенство может получить выход в военной акции в Украине — российский политолог. — Доступно: http://nv.ua/print/publications/brisben-stal-shokom-dlya-putina-ego-holodnoe-beshenstvo-mozhet-poluchit-vyhod-v-voennoy-akcii-v-ukraine-rossiyskiy-politolo...

17. Там же.

18. Кобзев А. Кортунов А. Сейчас мы для Китая «старшая сестра». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Seichas-my-dlya-Kitaya-starshaya-ststra-17326

19. Брисбен стал шоком для Путина. Его холодное бешенство может получить выход в военной акции в Украине — российский политолог. — Доступно: http://nv.ua/print/publications/brisben-stal-shokom-dlya-putina-ego-holodnoe-beshenstvo-mozhet-poluchit-vyhod-v-voennoy-akcii-v-ukraine-rossiyskiy-politolo...

20. Задушить в братских объятьях. — Доступно: http://ru.tsn.ua/article/print/analitika/zadushit-v-bratskih-obyatyah-402012html

21. Лукьянов Ф. Ялта местного разлива. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Yalta-mestnogo-razliva-17294

22. Токарев А. Украина изнутри. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Ukraina-iznutri-17296

23. Там же.

24. Кортунов А. Семь шагов за горизонт кризиса. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Ыуь-ырфпщм-яф-пщкшящ-те-лкшяшыф-17300

25. Лукьянов Ф. Внутренняя империя. — Доступно: http://cjmasscrewing.ru/interesno/vse-novosti/mir/rossia/print: page,1,334456-vnutrennyaya-imperiya.html

26. Кортунов А. Семь шагов за горизонт кризиса. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Ыуь-ырфпщм-яф-пщкшящ-те-лкшяшыф-17300

27. Арбатов А. «Ставки растут по мере развития событий». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Stavki-rastut-po-mere-rasvitiya-sobytii-17295

28. Лукьянов Ф. Ялта местного разлива. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Yalta-mestnogo-razliva-17294

29. Арбатов А. «Ставки растут по мере развития событий». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Stavki-rastut-po-mere-rasvitiya-sobytii-17295

30. МИД РФ «Российских военнослужащих на Украине не было и нет. — Доступно: http://www.ru/print/article/1087758/

31. Невзоров А. Правда имеет единственное преимущество перед ложью — она проще в исполнении. — Доступно: data: text/html; charcet+utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22post_header_single%22%20style%3D%22border-bottom-width%3A%201px%3B%20border-bottom...

32. Там же.

33. Там же.

34. Там же.

35. Проханов А. Стрелков И. «Кто ты, «Стрелок»? — Доступно: http://zavtra.ru/content/view/kto-tyi-strelok/

36. Невзоров А. Правда имеет единственное преимущество перед ложью — она проще в исполнении. — Доступно: data: text/html; charcet+utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22post_header_single%22%20style%3D%22border-bottom-width%3A%201px%3B%20border-bottom...

37. Битва за Украину. Расследование Financial Times. Эпизод I–II. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22post-header%22%20style%3D%22margin%3A%200px%2020px%3B%20padding%3A%200...

38. Караганов С. Европа: можно ли избежать поражения? — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/pubcol/Evropa-Mozhno-li-izbezhat-porazheniya-17321

39. Миллер А. Главная проблема — никто друг другу не верит. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Aleksei-Miller-Glavnaya-problema—-nikto-drug-drugu-ne-verit-17328

40. Там же.

41. Обзор зарубежных СМИ: Путин всех троллил — The Christian Science Monitor. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cp%20stule%3D%22margin%3A%200px%3B%20padding%3A%208px%3B%20border%3A%200px%3B%20outline...

42. Караганов С. Европа: поражение из рук победы? — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/pubcol/Evropa-porazhenie-iz-ruk-pobedy-17290

43. Там же.

44. Там же.

45. Лукьянов Ф. Одинокий гигант: почему мир потерял интерес к России. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Odinokii-gigant-pochemu-mir-poterial-interes-k-Rossii-17325

46. The Financial Times предрекла Украине дефолт. — Доступно: Госэкономика: Финансы: Lenta.ru

47. Сорос: Спасите Украину, чтобы противостоять России — Financial Times. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Ch1%20itemprop%3D%22headline%22%20style%3D%22font-style%3A%20normal%3B%20font-variant%3A%20normal%3...

48. Караганов С., Коваленко В. Готовы ли элиты к новой парадигме? — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Sergei-Karaganov-Gotovy-li-elity-k-novoi-paradigme-17404

49. Эхо Москвы: Интервью: Станислав Белковский. Время выхода в эфир: 23 октября 2014, 14:40.

50. Хилл Ф., Гэдди К. Что Владимир Путин знает об Америке. — ИноСМИ — Вск, что достойно перевода. — Доступно: http://inosmi.ru/russia/20150328/227111474-print.html

51. Караганов С., Коваленко В. Готовы ли элиты к новой парадигме? — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Sergei-Karaganov-Gotovy-li-elity-k-novoi-paradigme-17404

52. Там же.

53. «Разорванная в клочья» экономика РФ и мощь США: основные тезисы речи Обамы / Актуальные вопросы / Вопрос-ответ / Аргументы и факты. — Доступно: http://www.aif.ru/dontknows/aktual/glavnie_tezisy_Obamy_v_poslanii_kongressu_USA

54. Караганов С., Коваленко В. Готовы ли элиты к новой парадигме? — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Sergei-Karaganov-Gotovy-li-elity-k-novoi-paradigme-17404

55. Аузан А., Филина О. «Две Европы должны договориться», — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Dve-Tvropy-dolzhny-dogovoritsya-17402

56. Караганов С., Коваленко В. Готовы ли элиты к новой парадигме? — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Sergei-Karaganov-Gotovy-li-elity-k-novoi-paradigme-17404

57. Там же.

58. Бжезинский З. Стратегическая дилемма Америки: ревизионистская Россия в сложном мире. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Strategicheskaya-dilemma-Fmeriki-revisionistskaya-Rossiya-v-slozhnom-mire-17395

59. Караганов С., Коваленко В. Готовы ли элиты к новой парадигме? — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Sergei-Karaganov-Gotovy-li-elity-k-novoi-paradigme-17404

60. Лукин В. «Во дворце Януковича была паника». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/diplomacy/Vlddimir-Lukin-Vo-dvortce-Yanukovicha-byla-panika-17324

61. Там же.

62. «Представляется правильным инициировать присоединение восточных областей Украины к России». — Доступно: http://www.novayagazeta.ru/politics/67389.html?print=1

63. «Представляется правильным инициировать присоединение восточных областей Украины к России». — Доступно: http://www.novayagazeta.ru/politics/67389.html?print=1

64. Бовт Г. Праздник, который с нами надолго. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Prasdnik-kotoryi-s-nami-nadolgo-17331 (Страница 404, на которой был размещен этот материал, была вскоре удалена, но потом снова возвращена).

65. Вместо Майдана в Москву пришел Донбасс. Бориса Немцова расстреляли под стенами Кремля. — Доступно: http://www.novayagazeta.ru/columns/67449.html?print=1

66. Бовт Г. Праздник, который с нами надолго. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Prasdnik-kotoryi-s-nami-nadolgo-17331

67. Гомар Т. Последствия раскола между Россией и Западом. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Posledstviya-raskola-mezhdu-Rossiei-i-Zapadom-17496

68. Там же.

69. Там же.
70. Там же.
71. Там же.
72. Там же.
73. Лукьянов Ф. Весь этот мировой джаз. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Ves-etot-mirovoi-dzhaz-17458
74. Лукьянов Ф. Рефлекс выбора. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Refltks-vybora-17506
75. Там же.
76. Лукьянов Ф. Семерка навсегда. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Semerka-navsegda-17507)
77. Там же.
78. Там же.
79. Лукьянов Ф. Рефлекс выбора. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Refltks-vybora-17506
80. Там же.
81. Там же.
82. Там же.
83. Дехтяренко А. Российский политолог Орешкин о беде Путина, будущем Донбасса и ошибке с Новороссией. Какое будущее ждет ДНР, ЛНР и оккупированный Крым. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cheader%20class%3D%22article_header%22%20style%3D%22margin%3A%200px%200px%2020px%3B%20padding%3...
84. Эксперт: Россию ждут три войны и развал. — Доступно: http://fakty.ua/print/198410
85. Гомар Т. Последствия раскола между Россией и Западом. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Posledstviya-raskola-mezhdu-Rossiei-i-Zapadom-17496
86. Там же.
87. Путин: только нездоровый человек может себе представить, что Россия нападет на НАТО. Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Ch1%20itemprop%3D%22headline%22%20style%3D%22font-style%3A%20normal%3B%20font-variant%3A%20normal%3...
88. Кортунов А. «Россия не может уйти от ответственности». — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Ch1%20class%3D%22b_article-title%22%20style%3D%margin%3A%200px%200px%2020px%3B%20padding%3A%20...
89. Там же.
90. Там же.
91. Кортунов А. Пошли на поправку? — Доступно: http://www/globalaffairs.ru/print/global-processes/Poshli-na-popravku-17473
92. Гришанов А. Стратегия с двойным дном. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Strategiya-s-dvoinym-dnom-17507
93. Украина создаст государственный канал иностранного вещания, — глава Нацсовета. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cheader%20style%3D%22margin%200px%200px%2010px%3B%20padding%3A%200px%3BB%20border%3A%200px%...

94. Экс-президент Франции: Давайте будем реалистами. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Exs-prezident-Frantcii-Davaite-budem-realistami-17346

95. Там же.

96. Там же.

97. Экс-президент Франции Валерии Жискар д'Эстен не верит в мирные намерения США на Украине. — Доступно: ИноТВ (http://russian.rt.com/inotv/2015-05-30/Eks-president-Francii-ne-verit-v

98. Гришанов А. Стратегия с двойным дном. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Strategiya-s-dvoinym-dnom-17507

99. Там же.

100. Там же.

101. Там же.

102. Там же.

103. Там же.

Раздел VI.
БЕСПУТЬЕ «ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ»

Выступая на XXII ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 22 ноября 2014 года, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров остановился, кроме прочего, на двух, очевидно особо важных для России вопросах. Прежде всего, он упомянул «о естественном желании все большего числа государств обеспечить свои жизненно важные интересы и сделать это так, как представляется правильным этому конкретному государству, а не как подскажут «из-за бугра»». Второй тезис в выступлении министра звучал так: «Стало модным рассуждать, что в Крыму и на Украине Россия вела и ведет некую «гибридную войну»... Интересно порассуждать и на тему понятия гибридной войны, кто ее ведет, и только ли из «зеленых человечков» состоит весь гибрид» [1].

Мы тоже не прочь обратиться к этим вопросам — суверенитета Украины и антиукраинской «гибридной войны» России — поскольку считаем их вульгарную трактовку серьезным камнем преткновения в нормализации украинско-российских отношений. В своем понимании проблемы ***мы исходим из гегелевского определения: «качественная бесконечность» — это бесконечное разума, а «дурная бесконечность» — это бесконечное обывательского рассудка***. Именно обывательский политический рассудок, по нашему пониманию, лежит в основе имперского мышления 85% россиян, поддержавших тезис «крымнаш».

6.1. Мемориалы: стоят ли они того?

13 ноября 2014 года пятый президент Украины Петр Порошенко подписал указ о праздновании ежегодно 21 ноября Дня Достоинства и Свободы [2]. Представляя документ, глава государства отметил, что Украина — это территория достоинства и свободы. Такими нас сделала не одна, а две революции — наш Майдан 2004 года, который был праздником Свободы, и Революция 2013–2014 годов, Революция достоинства. Это был чрезвычайно тяже-

лый экзамен для Украины, когда украинцы продемонстрировали свою европейскость, достоинство, и свое стремление к свободе.

Но так уж случилось в этом году, что последняя суббота 21 ноября 2014 года совпала с еще одним памятным мероприятием в становлении идентичности украинского народа — Днем памяти жертв Голодомора. Поневоле возникает вопрос: не слишком ли много пришлось на один день мероприятий, связанных с павшими жертвами? Ведь кое-кто уже воспользовался случаем, чтобы надругаться над светлой памятью невинно убиенных и погибших. Речь идет о лишь слегка завуалированной угрозе, опубликованной в Российской газете (Федеральный выпуск) № 6538 от 21 ноября 2014 г. «видимо, только Богу сегодня известно, как будет именоваться в украинском календаре день 21 ноября всего через год». Смягчающим обстоятельством в этом случае может послужить разве что фамилия автора неподобающей статьи — Петр Лихоманов (на украинском языке «лихоманка» означает не что иное, как болезненную горячку).

Как свидетельствует европейская традиция, умные и достойные люди никогда не позволят себе глумиться над мертвыми. В свое время великий французский социолог Эрнест Ренан уделял особое внимание тому факту, что нация, как, впрочем, и индивидуумы, это результат положительных усилий, жертв и самоотречения. Культ предков, считал он, самый законный из всех, ибо именно предки сделали нас такими, какими мы являемся в настоящее время. Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная) — вот главный капитал, на котором основывается национальная идея: «Иметь общую славу в прошлом, общее желание в будущем, совершать вместе великие поступки, желать их в будущем — вот главные условия для того, чтобы быть народом. Любят пропорционально жертвам, на которые согласились, пропорционально бедам, которые пришлось перенести. Любят тот дом, который строили, и теперь переносят... Разделять в прошлом общую славу и общие сожаления, осуществлять в будущем ту же программу, вместе страдать, наслаждаться, надеяться, вот что лучше общих таможен и границ, соответствующих стратегическим соображениям; вот что понимается, несмотря на различия расы и языка. Я сказал только что: «вместе страдать». Да, общие страдания соединяют больше, чем общие радости. В деле национальных воспоминаний траур имеет большее значение, чем триумф: траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия» [3].

Украинцы не злопамятны, и никогда не ставили задачи обвинить в геноциде украинского народа какой-то другой народ или

социальную страту. Признание Голодомора 1932/33 годов ставило перед собой задачу самоочищение украинского народа от скверны большевизма — ведь политическая ответственность за установление того или другого властного режима лежит прежде всего на самих гражданах государства. Мы должны осознать, что все мы — нынешние граждане Украины — виноваты в том, что позволили большевизму утвердиться на нашей земле. Также как все немцы несут политическую ответственность за приход к власти Гитлера. Именно так смотрят на эту проблему в современной Европе. Преподавание трагических страниц в курсах истории преследует цель избегнуть повторения Голодомора, Холокоста, и других преступлений против человечности, этнических чисток и массового нарушения прав человека для лечения ран прошлого и для развития европейских фундаментальных ценностей. Вот это мы и считали решающим условиям признания Голодомора геноцидом украинского народа (как демоса, а не этноса!), важным фактором примирения, признания, понимания и взаимного доверия между людьми.

Нам нечего стыдиться своих отцов и дедов — они жили и отстаивали свое достоинство, как умели, и нет стыда в том, что в какое-то время им довелось быть побежденными в борьбе за свободу и независимость. Ведь в конечном итоге наследники получили полное моральное право снова поднять флаг борьбы и победить. В публикуемых ныне материалах архива Службы безопасности Украины мы имеем возможность увидеть истинное лицо украинского повстанческого движения накануне Голодомора. Они напоминают нам, что геноциду Украине предшествовало около 5 тысяч восстаний. Восстания охватили в первую очередь зерновые районы — Днепропетровщину, Запорожье, Донбасс, Луганщину, другие регионы центральной и восточной Украины. Эксплуатация, репрессии советской власти в сталинские времена вызвали массовый протест людей — в 1930-м количество протестующих историки оценивают в 1,2 миллиона. В первом полугодии 1932 года 56% протестных выступлений в СССР приходились на Украину. Жертвами Голодомора в УССР, по оценке Национальной Академии наук Украины, стали 4,5 миллионов человек. Кроме трагедии на землях Украины, голод свирепствовал на Северном Кавказе, Кубани и Поволжье, где этнические украинцы также составляли весомую часть населения. Нынешние граждане Украины никогда не утверждали, что Голодомор касался только их предков. Но каждая держава из бывших республик СССР самостоятельно решает: называть ли или не называть эту трагедию геноцидом и преступлением против человечности на своей территории [4].

И когда в 2014 году 21 ноября одновременно поминали жертв Майдана и Голодомора 1932/33 годов, мы не можем не сравнивать положение с сегодняшним Донбассом. Именно там сепаратисты повторяют социальный эксперимент, который восемьдесят лет до этого провели их предшественники-большевики. Чтобы заставить людей трудиться в колхозах, их нужно было запугать. И не просто смертью — во время гражданской войны и смерть «на миру» была красна. Но большевикам необходимо было низвести крестьянина до биологического состояния, унизить в нем все человеческое. И им это удалось — человек терял социальную оболочку. Большевики попрали моральные устои: искусственно создавалась ситуация, когда, поделившись куском хлеба с умирающим, погибнешь сам. Однако делились. Хотя были и случаи, когда обезумевшие от голода люди опускались до уровня каннибализма.

И, в конечном итоге, большевистский эксперимент удался. Отважные хозяева — колонисты Дикого поля — были низведены до уровня безвольных исполнителей. От их хозяйственности и трудолюбия не осталось и следа. После Голодомора в селах распространилось пьянство и воровство. Но главное — панический страх перед голодом. И страх перед властью, которая готова в любой момент отнять последний кусок хлеба. Произошла перезагрузка жизненных потребностей: колхозное крепостничество, бесправие и нищета — все отныне воспринималось как меньшее, по сравнению с голодом зло.

То же самое происходит сейчас в Донбассе. Боевики утюжат залпами «градов» и минометным огням жилые массивы не просто так. Ведь еще весной 2014 года у тамошнего населения были большие амбиции. Хотели зарплату как у России, стабильности как у Беларуси. Но сейчас ошалелые от ужаса люди психологически уже сломлены. Пережившие бомбежки стали похожи на наших стариков, переживших Голодомор. И те, и другие согласны на все, лишь бы избавиться от ужасов бомбежек. И они действительно не восстают, как не восставали сломленные Голодомором наши бабушки и дедушки. И им долго придется восстанавливать человеческое достоинство и свою растоптанную жизнь. Да еще научиться ходить по улицам без страха [5].

А потому, есть смысл подвести итоги социального феномена, известного ранее как Евромайдан 2013/2014 годов, а отныне ставшего нашим национальным праздником как День Свободы и Независимости. По всем меркам Гамбургского счета украинцы должны дать ответ на конкретный вопрос: стоило ли того все пережитое? Ответ этот, конечно же, каждый должен найти для себя

индивидуально. Но, может быть, результаты социологических исследований облегчать поиск альтернатив.

Итак, к годовщине Евромайдана две авторитетные социологические фирмы — Демократические инициативы имени Илька Кучерива (Деминициативы) и Киевский международный институт социологии (КМИС) — провели с 8 по 18 октября 2014 года совместное исследование [6]. Согласно им в акциях протеста против власти в период с 30.11.2013 по 21.02.2014 всего участвовало 20% населения Украины. В целом это очень большой показатель, хотя формы участия в Евромайдане значительно отличались: 5% участвовали в акциях протеста в Киеве (а это свыше 2 млн человек!); 6% — в других городах и селах; а еще 9% помогали митингующим (продуктами, вещами, деньгами). Не участвовали в событиях в целом по Украине — 81,6%. По регионам этот показатель неучастия весьма неоднороден: Запад — 46,9%; Центр — 80,9%; Юг — 96,6%; Восток — 95,1%; Донбасс — 97,1%.

Участие в протестных акциях Евромайдана существенно коррелирует с уровнем образования: 25% граждан на Майдане были с высшим образованием; 15% — со средним специальным образованием; 14% — законченным средним; 7% — с неполным средним. То есть, наиболее активно принимало участие в протестных акциях как раз наиболее образованное население, а средний образовательный уровень на главном Киевском Майдане был заметно выше не только среднего по стране, но и среднего по Киеву. На примере Киева различия по полу среди участников распределялись таким образом: мужчины — 7% от опрошенных, а женщины — 3,5%.

В понимании того, чем же, в конце концов, был Евромайдан, в целом по Украине преобладает мнение (38%), что это была осознанная борьба граждан, объединившихся для защиты своих прав, а еще 17% считают, что это был стихийный протест населения. В то же время, 31% населения считает, что это был государственный переворот, причем 16% предполагают, что этот переворот был подготовлен политической оппозицией, а 15% уверены, что он был осуществлен при поддержке Запада.

Разительно отличается понимание того, чем же был Евромайдан, в региональном отношении. И именно в этом вопросе, на наш взгляд, определилось главная линия гражданского противостояния, которая повлияла и на дальнейшее течение событий на Донбассе. Так, с положением, что это была «сознательная борьба граждан, объединившихся для защиты своих прав» согласились: 70,5% опрошенных на Западе; 47,9% — в Центре; 20,1% — на

Юге; 22,3% — на Востоке; 3,2% — на Донбассе. И с противоположным утверждением, что Евромайдан был «переворотом, проведенным с помощью Запада», согласилось: 2,4% респондентов Запада; 5,4% — Центра; 14,2% — Юга; 15,4% — Востока; 50,7% — Донбасса.

Опираясь на данные исследования, социологи склонны видеть, что чем значительней была доля населения региона, реально участвовавшего в борьбе на майданах (в разных городах и селах), тем менее склонны его жители считать это событие переворотом, и тем более видеть в этом руку Запада. И наоборот, эту оценку активно поддерживают люди, чьи знакомые на Майдане не бывали, и мнение свое они составили, прежде всего, по российским источникам — известных в этом пункте не просто своей необъективностью, но и злостными фальсификациями.

Интересные данные предоставила еще одна социологическая служба — Центр исследования общества. Они обратили внимание на то, что «насилие со стороны протестующих было ответом на насилие власти, а не наоборот». Только 12% протестов на площадях были насильственными, в то время как репрессиям властей подвергся каждый третий протест. Социологи отмечают проявившуюся специфику действий властей: кроме милиции четверть репрессивных функций осуществляли неизвестные так называемые «титушки». Активную позицию занимали также суды — 13% репрессий.

Всего за период с 21 ноября 2013 по 23 февраля 2014 в Украине было зафиксировано, по меньшей мере, 3950 протестных событий: 3235 из них были напрямую связаны с Евромайданом и происходили в его поддержку, а 365 можно отнести к Антимайдану. Среди участников Майдана чаще всего сообщалось о таких партиях как «Свобода» (18% акций); «Батькивщина» — 13%; УДАР — 10%; «Демократический альянс» — 3%; Радикальная партия — 1% протестных акций Майдана. Всего участие крайне правых сил (ВО «Свобода, Правого сектора и других украинских ультранационалистических партий, организаций и инициатив) было зафиксировано в 25% протестов Майдана. Это, по мнению социологов, «противоречит пропагандистским картинкам российского телевидения, поскольку большинство протестов Майдана, судя по сообщениям, прошла без их участия, а роль Правого сектора была в разы преувеличена» [7].

Тезис об антиконституционном перевороте, навязываемый российской пропагандой среди населения Украины, несет на себе огромную идеологическую нагрузку в стиле «холодной войны».

Аргументы России в пользу вмешательства во внутренние дела Украины можно сгруппировать в нескольких тезисах: 1) смена власти в Украине привела к свержению главы государства, пришедшего к власти путем выборов, незаконна; 2) русскоязычное население на востоке Украины и в Крыму нуждается в защите от атак фанатиков и нарушения ими «прав человека»; 3) смена власти в Украине — прямая угроза военному присутствию России в Крыму и Черном море; 4) беспорядки в Украине могут обернуться для России масштабной проблемой беженцев; 5) народ в Крыму и на востоке Украины сам позвал на помощь Россию; 6) в Крыму был проведен демократический референдум.

По каждому из этих пунктов есть обоснованные возражения. Во-первых, Янукович бежал в Россию и, таким образом, самоустранился от исполнения конституционных полномочий. Во-вторых, не было никакой ситуации в Крыму, которая бы угрожала безопасности русскоязычного населения. В-третьих, новое правительство в Украине заявило о намерении придерживаться международных соглашений и не угрожало российскому военному присутствию. В-четвертых, проблема беженцев возникла только после вторжения российских войск и наемников в район Донбасса, а не до вторжения. В-пятых, решение о вмешательстве иностранных вооруженных сил может быть принято лишь Верховной Радой Украины. В-шестых, так называемый референдум в Крыму состоялся в присутствии российских танков и в условиях ограниченной свободы, а потому ничтожный с самого начала.

А всем тем, кто в России обвиняет руководство Украины, что оно пришло к власти «вооруженным антиконституционным путем», и лишь «после переворота были проведены выборы», следовало бы напомнить устоявшееся в общественной мысли Европы положение известного мыслителя Карла Ясперса о законности свержения власти «преступного государства». Правда состоит в том, что свергнуть «преступное государство» конституционным путем невозможно по определению. Ведь главной характеристикой такого государства является то, что оно «в принципе не создает и не признает правопорядок. То, что называется правом и что это государство рождает в потоке законов, представляет для него средство для усмирения и покорения народа, а не нечто такое, что оно само уважает и соблюдает» [8].

Так что же, в конце концов, произошло в Украине осенью-зимой 2013–2014 годов? Прежде всего — осознание преступности режима Януковича широкими массами населения. Это осуществилось тогда, когда миллионные протестные акции засвиде-

тельствовали, что украинский народ поднялся до понимания необходимости нравственно-политической революции. Вот это озарение необходимости и желания «жить по-новому» и стало для нас предпосылкой перспектив на будущее. Украинцы решили начать все сначала и радикально разрушить мосты, связывающие нас с бывшим преступным государством и ориентироваться на принятие европейских ценностей.

И, наоборот, в России, по оценке авторитетного российского исследователя Игоря Зевелёва, под влиянием массированной пропаганды «абстрактно понимаемый «Запад» стал восприниматься как сила, стремящаяся распространить свои ценности и образы на русский мир, покушаясь тем самым на то, чтобы изменить уникальную — и все более консервативную — российскую национальную идентичность». Революционные события в Украине, которые были интерпретированы в Москве как государственный переворот, инспирированный Западом на территории «русского мира», подвигнул Кремль «секюритизировать эти вопросы, то есть перевести их в разряд важнейших для выживания нации и государства», что на практике вылилось в «захват большим государством части территории более слабого соседа» [9].

Вот так и образовалось принципиальное различие между народами украинским и российским. И состоит оно ныне в степени осознания ими необходимости внутреннего очищения, духовного возрождения и повышения политической ответственности за судьбы мира. Президентские выборы в Украине продемонстрировали, что в первом же туре голосования осуществился качественный скачок в осознании гражданами Украины необходимости переплавиться, возродиться и отбросить все пагубное. То же показали и выборы в Верховную Раду Украины — по общенациональному округу в нее не прошли ни коммунисты, ни «Свобода», ни «Правый сектор». Так что обвинения Украины в экстремизме оказались «дутыми». А вместо этого на повестку дня были поставлены задачи, достойные и народа в целом, и каждого в отдельности.

6.2. «Гибридная война» — во всей своей наготе

В итоге, мы подошли к основному вопросу — что же собой представляет эта самая «гибридная война», упомянутая Сергеем Лавровым? Обратимся к российским источникам, знающим о проблеме не только в теории, но и на практике агрессивных действий против Украины. Впрочем, сама по себе Украина для массы

российских экспертов как бы и не представляет особой заботы. Здесь ставки повыше: в мире, мол, происходит эпохальная борьба России против США, которые пытаются «удержать экономическое и политическое доминирование, поставленное под вопрос экономическими и геополитическими переменами на международной арене». А Украина — это так, фрагмент этого большого противостояния США и России. И потому российский эксперт в области международной безопасности некий полковник в отставке А. О. Гилёв и начинает свой анализ именно с этого пункта: «***Украинский кризис продемонстрировал, что мир вступил в новую реальность, определяющей характеристикой которой является конфронтация. Запад ввязался в борьбу с Россией***, и это часть его противостояния со всем независимым, незападным сообществом... Россия — единственная глобальная сила, способная и готовая к противодействию в военном и идеологическом плане» [10].

А раз это Запад ввязался в войну с Россией, а вовсе, как оказывается, не Россия осуществила агрессию по отношению к Украине, то по логике российских аналитиков и сама «гибридная война» (она же «многомерная») является антироссийским изобретением американцев. Россия же, дескать, вынуждена лишь приспосабливаться и адекватно реагировать на происки американцев, поскольку «с волками жить — по-волчьи выть».

В чем же заключается это «витье»? Согласно российским источникам, стратегия этой войны нацелена не на разгром противника, а на его «удушение». Проблема заключается в том, что в условиях глобально интегрированной экономики и наличия у многих стран оружия массового уничтожения полномасштабная (даже локальная) война бесперспективна и чревата неприемлемым уроном. К вероятным затратам на нее не готовы ни экономика, ни граждане подавляющего числа государств. Но, утверждают российские аналитики, только не Америка. Ее доминирование на мировых финансовых рынках, в сфере передовых технологий, контроль над глобальными информационными потоками позволяет Штатам оказывать разностороннее давление, не менее разрушительное, чем вооруженный конфликт.

Вот в этом, дескать, Россия и видит для себя главную опасность. А потому и исходит сейчас из того, что *современная война многомерна. Эта война сочетает информационное, военное, финансовое, экономическое и дипломатическое воздействие на противника в реальном времени.* Предполагается, что массированное и координированное использование всех невоенных методов мо-

жет оказаться достаточным, чтобы запугать и ослабить оппонента, сведя применение Вооруженных сил к минимуму. Для успеха необходимо, *во-первых, обеспечить как можно более полную международную изоляцию объекта воздействия, а во-вторых, заручиться возможностью оказывать на него давление изнутри*. Здесь большое влияние оказывает наличие безграничного информационного пространства. Расширение общения *через социальные сети позволили выработать эффективные методы взаимодействия с группами населения внутри других стран, способствующие тому, чтобы виртуально направлять идеологическую, этническую или религиозную оппозицию.* Особенно это стало заметным в последние два десятилетия, когда военные, разведывательные и информационные органы отладили технологию «опосредованного вмешательства», часто используя приграничные страны и регионы в качестве базы.

Отмеченные выше теоретические установки для российских аналитиков — всего лишь присказка. А сказка — вот она. Оказывается, Россия, хотя она и обладает потенциалом ядерного сдерживания, может не прибегнуть к прямому ответу этими средствами. И тут то, пишет Гилёв, при отсутствии угрозы встречного удара, развязываются руки американцев «для применения практически всех остальных методов, способных нанести удар Москве — от санкций и технологического саботажа до информационных провокаций». А потому, дескать, американцам и представился случай выставить Россию в роли агрессора, дабы подорвать ее международные позиции: «На Украине ловушка сработала. В скором времени к «украинскому фронту» могут добавиться кавказский и центральноазиатский. В этих регионах мы можем столкнуться с организованными бандами исламистов и наемников под явным или неявным иностранным руководством (по модели нынешних событий в Ираке) ». То есть, исходя из позиции Гилёва, ***Россия выступает здесь в роли такой себе невинной жертвы, попавшей в ловушку из-за происков ее противников, когда «многомерную войну как таковую мы еще не распознали и поэтому не готовы ее вести»*** [11]. А все, мол, потому, что Россия может и не прибегнуть к ядерному оружию.

Здесь остается только воскликнуть: полноте, зачем же прикидываться «казанской сиротой»? Не лучше ли вспомнить научный доклад начальника Генерального штаба ВС России генерала армии Валерия Герасимова на собрании Академии военных наук в феврале 2013 года. Фактически еще за год до операции в Крыму и последующих событий главный российский военачальник почти

один к одному представил то, что через год случилось в Украине: «Войны уже не объявляются, а начавшись — идут не по привычному шаблону... Вполне благополучное государство за считанные месяцы и даже дни может превратиться в арену ожесточенной вооруженной борьбы, стать жертвой иностранной интервенции, погрузиться в пучину хаоса, гуманитарной катастрофы и гражданской войны». По существу весь пафос выступления генерала Герасимова сводился к тем особенностям вооруженного конфликта, которые напрямую перекликаются с дальнейшими событиями в Крыму и на юго-востоке Украины. Задача ставилась генералом таким образом: «Акцент используемых методов противоборств смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций. ***К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного реагирования переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте***» [12].

Дальше генерал Герасимов откровенно определил, какие формы борьбы, и способы их применения Россия собирается использовать в дальнейшем. Не вдаваясь в военный аспект проблемы (это не предмет нашего исследования), хотели бы лишь акцентировать на том, что никакой большой тайны этот аспект не составлял. Текст выступления был опубликован на сайте Еженедельник «Военно-промышленный курьер» (http://www.vpk-news.ru) еще в феврале 2013 года, а потому ссылки некоторых украинских авторов на то, что для Украины агрессия со стороны России оказалась неожиданностью, звучат не то что неубедительно, а прямо таки безответственно. А ведь в выступлении Герасимова речь шла о том, что фронтальное столкновение крупных группировок войск (сил) на стратегическом и оперативном уровне постепенно уходят в прошлое. Дистанционное бесконтактное воздействие на противника становится главным способом достижения целей боя и операции. Поражение его объектов осуществляется на всю глубину территории. Стираются различия между стратегическим, оперативным и тактическим уровнем, наступательными и оборонительными действиями. Применение высокоточного оружия приобретает массовый характер. В военное дело активно внедряются вооружения на новых физических принципах и роботизиро-

ванные системы. Одной из форм применения формирований Вооруженных Сил за границей является миротворческая операция.

Что особо хотелось бы выделить в этом ряду форм противоборства, так это то, что «широкое распространение получили асимметричные действия, позволяющие нивелировать превосходство противника в вооруженной борьбе. ***К ним относится использование сил специальных операций и внутренней оппозиции для создания постоянно действующего фронта на всей территории противостоящего государства, а также информационное воздействие, формы и способы которого постоянно совершенствуются***» [13]. Поэтому, считаем мы, все разговоры о романтиках-ополченцах Донбасса, ставших на защиту своих сел и городов под флагами ЛНР и ДНР — все это от лукавого. Все они являют собой составную часть подразделений агрессора. А потому по отношению к ним только и остается один формат поведения — освобождать от них оккупированные территории.

Стоит ли отталкиваться в определении новых форм агрессивной политики России от выступления Герасимова в феврале 2013 года? Конечно же, нет — это выступление было скорее уже напутствием на практические свершения после осуществленной военной реформы, которая началась в России еще в 2008 году после «пятидневной войны» с Грузией. Не будучи военными экспертами, сошлемся при анализе реформы на мнение главного редактора российского журнала «Moscow Defense Brief» Михаила Барабанова (независимый аналитический центр). Согласно свидетельству с его стороны, замысел военной реформы 2008 года состоял в решении отказаться от традиционной мобилизационной армии и оставить только силы постоянной готовности. Этот курс подкреплялся сменой доктринальных установок относительно национальной безопасности России. Судя по всему, крупномасштабная конвенциональная война между ведущими странами мира была признана Москвой практически невероятной. Поэтому ***вооруженные силы России должны были переориентироваться с участия в масштабной войне с несколькими противниками, на возможное участие в локальных конфликтах на границах России, на территории стран СНГ и ближнего зарубежья.*** Соответственно было решено отказаться и от мобилизационной системы, которая в существовавшем виде являлась анахронизмом. ***Защита от других великих держав (в первую очередь от США и НАТО) теперь возлагалась почти исключительно на стратегические ядерные силы. В то же время воздушно-десантные войска (ВДВ) были усилены.*** В 2012 году

было создано Командование сил специального назначения (ССН) и киберкомандование.

Первой значительной проверкой реформирования российских вооруженных сил «нового облика» стал украинский кризис. Дальше предоставим слово самому Михаилу Барабанову: «Осуществлённая в конце февраля — начале марта 2014 г. скрытная российская военная интервенция в Крым ошеломила многих, заставив даже ряд наблюдателей на Западе и на Украине говорить о некоей новой «гибридной войне». Действия, направленные на силовое прикрытие крымского пророссийского движения и обеспечение невмешательства в события на полуострове украинских силовых структур, были действительно спланированы и осуществлены весьма остроумно и эффектно. В роли «вежливых людей», как теперь известно, выступали подразделения российских ВДВ и бригад спецназа, а также подразделения ССН, что стало фактически их дебютом». Отвлекающая массированная переброска войск в северные регионы России позволила «замаскировать переброску нескольких тысяч военнослужащих спецназа и ВДВ в Крым. Одновременно начали выдвижения частей к российско-украинской границе, призванное оказать давление на Украину с целью недопущения использования ею военной силы в Крыму» [14].

Что и говорить, ситуация для Украины складывалась крайне неблагоприятно. Быстрое сосредоточение в Крыму российских войск и блокирование ими находящихся там гарнизонов Вооруженных Сил Украины вкупе с развертыванием российских войск на границе практически исключили для Киева шансы на эффективное вооруженное сопротивление. В результате 17 марта Крым был присоединен к России — менее чем через месяц после начала операции. Казалось бы, Россия должна была торжествовать. Но «ирония истории» уже в который раз сыграла свою злую шутку. Проблема Крыма существовала в России всегда как составная часть имперского мышления. Но во времена Ельцина победила точка зрения, что захват Крыма отвергнет Украину от России. При президенте Путине возобладало другое мнение, хотя, по мнению Барабанова, присоединение Крыма «скорее ухудшало стратегическое положение России, поскольку вело к полной антагонизации Украины. Устранить эту угрозу можно было, либо радикально изменив политический курс Киева, либо резко ослабив Украину тем или иным способом — лучше всего путем ее расчленения и присоединения к России русскоязычных областей юга и востока страны, составляющих так называемую Новороссию. В этих условиях «второй тур» на Украине стал неизбежным, тем более что русскоязычное население юга и восто-

ка было вдохновлено присоединением к России Крыма. С начала апреля по Украине прокатилась волна протестов и захватов административных знаний, а в Донбассе возникли вооруженные группы, провозгласившие создание Луганской и Донецкой народных республик (ЛНД и ДНР). Кульминацией событий стало прибытие 13 апреля в Славянск группы Игоря Стрелкова из Крыма» [15].

Эйфория сепаратистов, однако, длилась не долго. Украинские власти объявили на Донбассе антитеррористическую операцию (АТО), начав сосредоточение сил для подавления сепаратистов. В свете резко негативной реакции Запада, Москва тоже стала лавировать, занимая двусмысленную позицию относительно признания ЛНР и ДНР. Украина, в свою очередь, под влиянием угрожающих заявлений Москвы, но не получая надежных гарантий со стороны Запада, тоже старалась занять осторожную позицию, пытаясь ограничиться чисто полицейскими акциями в Донбассе. К тому же значительная часть украинских войск была нацелена на противодействие прямой российской интервенции. Тем не менее, к концу апреля наращивание украинских сил в разворачивающейся АТО начало переводить борьбу в Донбассе в стадию вооруженного противостояния. Для России, по свидетельству того же Барабанова, это оказалось полной неожиданностью: «Судя по всему, российское руководство оказалось не готово к решительным действиям на Украине, к тому же в условиях усиливающегося санкционного нажима Запада. Видимо, в Кремле переоценили масштабы пророссийского «активизма» на юге и востоке Украины, слабость новой украинской власти, и недооценили силу украинского национализма и заинтересованность элит в сохранении «самостийности» и своего места в ней. На заседании Совета безопасности России 24 апреля было принято решение отказаться от ввода войск на Украину в поддержку восстания в Новороссии. В мае начался отвод значительной части российской группировки от границ, а 1 июня Совет Федерации по запросу Кремля отозвал формальное разрешение на применение вооруженных сил на Украине» [16].

Начиная с июля, проводилось повторное усиление российской группировки на границе с Украиной — как можно судить, главным образом для сковывания украинских сил в их действиях против сепаратистов. Российская сторона сосредоточилась на поставках вооружения и техники, а затем и прямым ограниченным участием в боевых действиях — разведкой, действиями артиллерии и отдельных общевойсковых и специальных подразделений, о чем свидетельствует поражение истощенных украинских войск под Иловайском в конце августа. Однако, считает российский

аналитик, с точки зрения проводимой в России реформы, «полноценная война России с Украиной так и не состоялась, что не дало возможности провести масштабную проверку армии «нового облика». Что касается проблем украинской армии — оставим этот сюжет для проработки украинскими военными аналитиками.

Тем не менее, обратимся к выводам, к которым пришли российские аналитики, и которые, судя по всему, могут представлять интерес и для украинской стороны. На вопрос: ***как же выглядит сегодня «многомерная» или «гибридная» война,*** они обращают внимание на следующее. ***Во-первых***, это война всеобъемлющая, с использованием всех средств одновременно, когда и военные и невоенные формы воздействия дополняют друг друга. Разнообразие задействованных средств создает у объекта атаки ощущение потери контроля над ситуацией, когда необходимо одновременное планирование и координация в реальном времени акций, в которых в один и тот же момент задействованы спецслужбы, финансовые органы, дипломатия, глобальные информационные источники, неправительственные организации, а также регулярные и наемные вооруженные формирования.

Во-вторых, это перманентная война, рассчитанная на достижение цели измором, подрыв изнутри с использованием слабых мест противника. Она может идти фазами — через обострения и «перемирья», чем и отличается нынешняя ситуация в украинско-российских отношениях. Мы должны твердо себе уяснить, что тысячи мелких ударов преследуют цель измотать, задушить, обескровить, одновременно ведя переговоры и предлагая альтернативы, склоняя на свою сторону, завоевывая симпатии недовольных и фрондеров внутри страны.

И, наконец, ***в-третьих***, что особенно важно в нашем случае, ***«гибридная война» — это война идеологическая. Она ведется, пишут российские аналитики, прежде всего, за людей, за их взгляды и убеждения, а лишь потом за территорию:*** «для ее ведения требуется мобилизация во многих областях — от морпехов до хакеров, от банкиров до журналистов. А это немыслимо без идеологической обработки собственного населения... Необходимым условием является формирование картины мира, разделенного на «хороших» и «плохих». Поскольку любая операция призвана воздействовать на людей, пропагандистская составляющая едва ли не самая главная. Особое значение приобретает привлечение на свою сторону СМИ — как их руководства, так и рядовых репортеров — для превращения органов информации в информационно-психологическое оружие» [17].

6.3. Альтернативы преодоления кризиса

Но после каждой войны наступает мир. Каким он будет для одурманенного информационно-психологическим оружием населения по обеим сторонам этого «фронта без тыла»? Окончательный ответ здесь можно будет дать только после преодоления кризиса в украинско-российских отношениях. Только тогда воочию будет видно, что сильнее: информационно-психологическое оружие политтехнологов России, или морально-психологическое единство народа Украины? Ведь любое государство крепко настолько, насколько крепок его невидимый социальный капитал — солидарность и доверие друг к другу его граждан.

Но все же — как видит ныне возможное преодоление этого кризиса российская сторона? При анализе многих витиеватых «загогулин» тех или других политиков, суть их зачастую очевидна: Россия хочет даже не федерализации Украины, а ее конфедерализации с целью гарантированного блокирования любого продвижения Украины в европейское сообщество. И таким блокиратором, своеобразным аварийным «стоп-краном», должен выступать Донбасс. А вот Крым — это трактуется как уже совершенно другая история. Крым считается чем-то таким, что вообще не подлежит пересмотру. Хотя оба эти вопроса — Донбасса и Крыма — тесно увязаны между собой.

Каким образом? Об этом многие из высшего эшелона власти говорят достаточно откровенно: то ли на жаргонном языке того же Владимира Жириновского (вспомним его официальное обращение к Польше на счет раздела Украины), то ли желчно-иезуитскими устами Константина Затулина. Так, например, Затулин заявляет, что «российско-украинские отношения, плохие или хорошие, обречены остаться. Как их выстраивать, если потеряв Крым, Украина получила от России взамен «крымский синдром» — фантомную боль, которая может быть посильнее настоящей? ***На этот вопрос у России, теоретически, могут быть только два варианта ответа. Или Украина развалится на несколько Украин — и тогда никто не сможет сказать, какой из них следует вернуть Крым и Новороссию», или же «Украина сохранится на карте — без Крыма, но с Новороссией, занявшей его место в российско-украинских отношениях*** [18]. То есть, Новороссия рассматривается как проект, который специально готовился «под слив» при окончательном решении вопроса об аннексии Крыма.

Да тут вышла заминка. Кто же в России в пылу эйфории мог предполагать, что замышлялось одно, а потом выплывет на свет

Божий, стара как мир, иррациональная проблема, когда хвост начинает крутить собакой. И в этой ситуации даже такой патентованный украинофоб как Глеб Павловский, озвучивая мнение определенных кругов России, обращает к президенту РФ Путину слова Хлудова из булгаковского «Бега»: «Ты хорошо начал, солдат, но плохо кончил». А дальше идет интерпретация этого образа: «Путин хорошо начал. А сегодня у меня такое ощущение, что он испугался... Испугался самого себя. Куда идти дальше. Дальше-то что?.. Очень заметен разрыв между Крымом и последующими действиями. Видно, что дальше все шло как импровизация или реакция на чужие действия. Люди, боящиеся будущего, запрещают себе обдумывать выбор пути. Когда у тебя не поставлены достижимые цели, начинаешь колебаться между двух полюсов — то ничего не делаешь, то ввязываешься в колоссальный конфликт. Если посмотреть на прошедшее лето [2014 г.], мы все время балансировали между растерянностью и войной. При этом войны не хотели, но не знали, что делать, если не воевать? В таких случаях, как говориться, только Бог помилует от беды» [19].

А ведь замышлялось вроде бы все по науке. ***Исходили из того, что в Украине существует русская ирредента*** — та же диаспора, но компактно проживающая на сопредельной территории к России. Вот тут, мол, и появляется шанс разжечь сепаратистские настроения, посулив рай земной на присоединенной к России территории, и тем самым внести дестабилизацию в общественно-политическую жизнь Украины. Было завезено оружие, проплачены активисты, пролилась кровь, в социум был внесен раскол. Об этом образно пишет известный российский журналист Андрей Бабицкий. При отсутствии какой-то значимой элиты, на Донбассе из полукриминальной и криминальной среды, с психологической установкой на то, что «винтовка рождает власть», стала взращиваться «новая общность — людей, спаянных войной, получивших силу от ощущения причастности к истории. Они уверены, что им дано перевернуть реальность с помощью автоматов и систем залпового огня. Это, конечно, так, но войны заканчиваются, и жизнь требует возвращения в повседневный формат. Я видел, какой трагедией оборачивается для людей необходимость расстаться с оружием и чувством исторической значимости своего поступка. Здесь будет так же» [20].

Дать в руки оружие легко, но отобрать его уже трудно. Донбасс вошел в процесс со всеми старыми болячками: криминалом, вороватостью, отсутствием привычки уважать закон и т.д. В среднем и мелком бизнесе начался масштабный передел под названием «взять под внешнее управление». Собственник уехал, закрыл свое

дело, ДНР приходит и открывает его без ведома хозяина. Объясняют это тем, что городу необходимы работающие предприятия, а людям зарплаты. Но ведь смена форм собственности — это вечный спутник гражданской войны. Остается надеяться на помощь Москвы. Но на Донбассе, пишет Бабицкий, уже кое-кто начинает понимать, что в России свои проблемы: «огромная страна под санкциями, рубль валится, уровень жизни падает. Кремль вынужден вести сложную игру: где-то нажать, где-то отступить. И если в какой-то момент ему понадобится пожертвовать интересами Донбасса, он это сделает не задумываясь». А на Донбассе свои болячки: «уголь у нас дороже, чем в России, потому что его там добывают открытым методом, а мы в шахтах. Нужен какой-то перелом. А какой перелом, если война продолжается и мы в изоляции» [21].

Кроме того, следует учитывать международный резонанс вокруг проблемы Донбасса. ***Никто в мире не хочет какого-то нового «косовского прецедента». Каждая страна имеет ирредент у в соседней стране*** — то ли большую, то ли меньшую. И если каждая из меньшинств станет на путь сепаратизма, то это взорвет устоявшийся порядок в мире. Одно дело, когда какое-то меньшинство начинает бунтовать против правительства того государства, гражданами которого они являются. Это может быть воспринято международной общественностью как нечто легитимное, как борьба за права человека. Но когда, пишет старший советник Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон) Эдвард Люттвак, ***в эти действия местного населения вовлекается иностранное государство***, поощряет или участвует в них, поддерживая всеми доступными средствами — тогда ***то, что делает местное население, не играет уже никакой роли. Это автоматически квалифицируется как столкновение противоборствующих государств.*** Просто потому, что вовлечено другое государство. Тем паче вовлечено с применением армии или флота. Пусть и с поддержкой из числа из местного населения. У любого крупного внешнего игрока на поле малого всегда есть поддержка среди местного населения. Таким образом, «украинский прецедент не имеет пока ничего общего с делом объединения наций. Это не вопрос того, что одни русские хотят объединиться с другими русскими. Здесь **речь идет о геополитических интересах российского государства**: с его деньгами, тайными и явными операциями, при помощи которых оно хотело спровоцировать выгодные этому государству изменения на территории Украины» [22].

Российские политики пытаются уйти от этого ясного вопроса, несколько замутив проблему тем, что, мол, Украина в отношении

к России вроде бы и не государство, а так себе — вечный исторический сателлит и этнографический донор. Так, бывший глава Администрации президента России Александр Волошин рисует эту «картину маслом» следующим образом: «Украина для нас... при всем уважении к украинской незалежности, это что-то совсем близкое. Если сравнивать наши отношения, допустим, в параметрах Великобритании, я бы сравнил это с отношениями между Англией и Уэльсом. Это совсем близко, даже не между Англией и Шотландией. Это реально довольно близкие отношения». И далее: «Из этого не должно вытекать, что мы будем готовы обсуждать статус Крыма» [23]. Мол, взяли свое, и никто нам не указ.

Вот в этом и состоит главная ошибка. Мир то ведь изменился, он глобализировался и стал взаимозависимым. Мир принял вызов времени, и на этот вызов он настроен отвечать. Ведь судьба ведет умного за руку, а дурака тащит за ворот. Сейчас аналитики приходят к пониманию того, что целостной и ориентированной на будущее модели развития в России не сложилось. Так, Федор Лукьянов, редактор журнала «Россия в глобальной политике», с тревогой констатирует, что двигаясь по сложной и хаотической траектории, ***Россия застряла между двумя состояниями. Страна так и не стала равноправной частью мировой экономики, которая извлекала бы полноценные дивиденды из глобализации. Но и интегрировалась в нее в достаточной степени, чтобы испытывать на себе все потрясения на мировых рынках***. В какой-то момент промежуточная ситуация стала тяготить всех — и сторонников дальнейшей интеграции, и приверженцев более изолированного развития. Но движения, ни в ту, ни в другую сторону не происходило по целому ряду причин как внутреннего, так и внешнего свойства. Но вот вдруг на наших глазах возник «момент истины»: «***Украинская коллизия сломала тренд, создав совсем другую ситуацию, которая может дальше развиваться в разных направлениях***. Теперь все больше, чем прежде зависит от нас самих — внешние источники роста либо закончились, либо отсечены из-за политической ситуации. России необходима концепция экономического прорыва с опорой на внутреннюю инициативу и человеческий капитал, внешних стимулов ожидать больше не приходится» [24].

И вот в это самое время, когда цели для России по-прежнему не поставлены, когда общество не знает, куда двигаться дальше, машина власти тем временем в сегодняшнем стратегическом поле не работает. Более того, она делает ошибки, а люди, спасаясь, начинают каждый решать свои проблемы отдельно. И в этой ситуации,

замечает Глеб Павловский, было бы ужасно, если бы Путин забыл, что он же управляет не Новороссией, а Россией, и что не его заботой должно быть обдумывание ситуации как организовать власть в Луганске и Донецке: «Сейчас настало время поворота к будущему времени для страны. Когда ты повернешься к реальным делам, тебя перестанут мучить кошмары санкций и мысли о том, подал ли руку какой-то премьер. В принципе ведь задача санкций не столько в том, чтобы сделать тебе больно, а чтобы ты каждый день думал о них, пока эти переживания не съедят твой мозг». Конечно, каждое государство может поставить себе какую-то цель — то ли реальную, то ли фантастическую. Этим можно заниматься на досуге, «но только в том случае, если мы останемся Россией, а не превратимся сами в Новороссию у себя дома... Когда гаснет понимание стратегической цели — долгосрочной, среднесрочной, промежуточной, — остаются одни эмоции, распаляемые из «Останкино» по вашему же указанию. Такое кончается плохо. Но не обязательно так плохо, как мы думаем, — это может кончиться еще хуже» [25].

Конечно, можно сказать, что не только Россия, но и государства побольше и помощнее тоже пребывают в поисках стратегического проекта будущего. Сейчас ведутся споры, каков проект будущего выдвинут США, а каков будет от Китая. Однако, при всех раскладах, складывается впечатление, что Россия в выигрыше не будет ни при каких обстоятельствах. Прислушаемся к авторитетному мнению программного директора Российского института по международным делам Ивана Тимофеева: «Украинский кризис хорошо иллюстрирует сложившуюся ситуацию. Россия заняла жесткую позицию, действует на опережение, заявляет о себе как о державе, с мнением которой нужно считаться. Сейчас видно, что наша страна вряд ли отступит от взятого курса. Однако оппоненты будут отвечать России не только и не столько политическими методами. Они будут пытаться не допускать Россию к глобальным источникам роста и развития. Причем давление будет мощным и консолидированным. А Россия будет в этой игре без надежных союзников» [26].

В создавшейся ситуации, по мнению российского исследователя Тимофеева, Россия оказалась в ситуации шахматного цугцванга, — какой бы ход она не предприняла, она будет в проигрыше. ***В случае жесткой конфронтации с Западом*** повысится рост консолидированного давления на Россию, как в сфере безопасности, так и в сфере экономики. Произойдет ее дальнейшая маргинализация, выталкивание на мировую периферию, отсечение от финансовых, технологических и иных источников роста. В данном сценарии России выстоять будет крайне сложно.

Второй сценарий — ***значительные уступки Западу***. В создавшихся ныне условиях, как показало заседание «большой двадцатки» в Брисбене (Австралия, ноябрь 2014 г.), этот сценарий окажется тоже негативным, поскольку возвращение в глобализированный мир в этом случае будет несравненно более дорогим. Кроме того, уступки вовсе не гарантируют того, что Россия не будет зажата в угол в будущем и сможет преодолеть существующие проблемы развития.

Поскольку оба сценария для России оказываются неприемлемыми, то ***страна объективно становится заинтересованной в смене существующего миропорядка***. Она заинтересована в многополярности мира, что гарантировало бы ей наличие нескольких источников роста и развития. Но Россия вряд ли может выстроить такой миропорядок самостоятельно. В отличие от Советского Союза, у нее нет даже проекта, который можно было бы предложить остальным странам. А между тем будущее международных отношений, скорее всего, будет связано с конкуренцией проектов мироустройства.

Такие проекты нам хорошо знакомы. ***Один из них — либеральный западный*** подход, предполагающий сохранение и развитие имеющейся модели глобализации. ***Другой подход будет апеллировать к издержкам западной модели, к проблеме неравенства и распределения ресурсов***. Кто возьмет на себя роль лидера глобального левого проекта? Ответ очевиден. ***Это будет Китай***. Если конфронтация России и Запада зайдет слишком далеко, то России будет более выгоден второй вариант. В этом случае она может попробовать встроиться в китайскую модель. Но рассчитывать на то, пишет Тимофеев, что Россия в ней будет равноправным партнером, не приходится.

Наконец, ***последняя альтернатива для России — попытаться сохранить за собой самостоятельную роль, играть сразу на нескольких досках***: не обострять до предела конфронтацию с Западом и одновременно избегать зависимости в отношениях с Китаем. То есть, маневрировать, попутно решая проблемы собственного развития — технической отсталости, качества жизни, эффективности государственного управления и т. п. Но тогда, в силу ограниченности ресурсов России и множества проблем, стоящих перед ней, именно дипломатия, а не военная сила, должны стать ключевым инструментом ее внешней политики. ***И тогда, добавим мы, «гибридная война», в том виде, какой она приобрела сегодня, изживет себя***.

Но это проблемы России, источников ее возможной модернизации. А пока что Украину беспокоит то, что в отчаянной ситуации

Россия может пойти на риск обострения отношений с Украиной. ***Беда вся в том, что для России Украина — это скорее внутренний вопрос. Указанный тезис демонстрирует полное отсутствие у российских политических элит восприятия Украины как независимого государства, агрессия против которого способна дорого обойтись российской экономике и общим позициям в мире.*** А потому в треугольнике Россия-Украина-Запад Россия демонстрирует безальтернативность своих интересов ***в то время как Запад***, и прежде всего США, для которых Украина никогда не входила в сферу жизненных интересов, ***предельно осторожны и сдержаны в своих попытках воздействия на Россию*** [27].

Украине приходится лишь надеяться, что дальнейшее развитие событий, возможно, изменит баланс сил в сторону усиленной поддержки Западом Украины. И для этого есть все основания. Взять хотя бы первое интервью посла США в России Джона Тефта после вручения им верительных грамот президенту РФ Владимиру Путину. Посол четко и однозначно подтвердил известную позицию США о том, что: 1) «мы по-прежнему твердо придерживаемся принципа: страны имеют суверенное право выбирать, в какие политические, экономические и военные союзы им входить. И другие страны не могут наложить вето на это право»; и 2) «вы не можете просто аннексировать территорию другого государства, какими бы историческими мотивами вы не руководствовались. А в Крыму именно это и произошло. Надеюсь, что этого не произойдет на востоке Украины». Продолжая сотрудничество между США и Россией, заявил посол, «это не значит, что мы просто возьмем и забудем об Украине. Это проблема, и ее надо решать» [28].

А пока нельзя исключать возможности обострения ситуации в Харькове или Одессе. Никуда не делся вариант прокладывания сухопутного коридора через Мариуполь. Во всяком случае, Россия будет изыскивать варианты для подпитки нестабильности в регионе. То, что Запад продемонстрировал нежелание торговаться по вопросу Крыма, становится важнейшей внутрироссийской проблемой, так как сдача оккупированной территории будет восприниматься националистическими силами России как акт предательства со стороны президента. Поэтому ему на данный момент отступать абсолютно некуда. Как следствие, он, судя по всему, будет поддерживать определенный градус напряженности и, таким образом, отслеживать, как будет развиваться ситуация и действовать по обстановке.

Что будет в дальнейшем — трудно представить. Но, как показывает монитор СМИ, в самой России среди аналитиков возникает

ощущение, что страна готовиться отметить 100-летний юбилей Великого Октября чем-то нестандартным. Во что это выльется, одному Богу известно.

А итог пока что неутешителен: «писатели пописывают, а читатели почитывают». К своей чести, одна группа российской интеллигенции заявила об осуждении аннексии Россией Крыма: «Мы, представители российской интеллигенции, обязаны предостеречь власть от совершающейся исторической ошибки — стремления взять под контроль с помощью российских вооруженных сил часть другой, еще недавно братской страны — Украины». Да только ведь появилось обращение и другой группы интеллигенции, инициированное министром культуры Владимиром Мединским — направленное, напротив, на поддержку действий российских властей [29]. Такое вот, с позволения сказать, «братство».

И чего уж тут удивляться, если в Украине 23-летняя Анастасия Дмитрук, выросшая при независимой Украине, написала текст песни, в короткое время взорвавшей Интернет более чем 4 миллионами посещений, где финальные слова звучат таким образом: «У вас Царь, у нас — Демократия. Никогда мы не будем братьями». Осознаем ли мы до конца всю гнусность пути, на который нас вывела агрессия под сурдинку некоей «гибридной войны»?

6.4. В уповании на «новый мировой порядок»

Аналитики, присутствовавшие 6–8 февраля 2015 года на Мюнхенской конференции по безопасности и сотрудничеству, отметили какой-то элемент безысходности в постановке дискуссионных проблем: «Мир-2015: разваливающийся порядок, бессильные хранители», или же — «Конец Ближнего Востока?». И вряд ли в тот час это было неожиданностью: «Фон у высокого собрания аховый. На Востоке Украины не просто продолжительные бои, но, по сути, прекратились какие-либо попытки остановить насилие. А «Исламское государство» проявляет все более дикую жесткость, запугивая своих противников изощренными казнями, выставляемые на всеобщее обозрение» [30].

Неужели события в мире пошли «по Хантингтону», в результате чего мы получили «столкновение цивилизаций»? Судя по всему, вряд ли. Наверное, все-таки под цивилизационным покровом происходит столкновение исторических эпох, тектонических плит отдельных общественно-экономических формаций. А циви-

лизационный фактор вносит в этот процесс определенное культурно-историческое наполнение.

Взять хотя бы принцип суверенитета и нерушимости границ. В европейском идеале границы не упраздняются, а плавно растворяются в сообществе, становятся условными под воздействием «soft power». В итоге — европейцы пересекают свои границы в комфортных автомобилях. Но в противоположность Европе, в евразийской традиции России торжествует «hard power». А потому россияне за границу, как уж водится, ездят на танках. Тут следует вспомнить и ГДР 1953 г., и Венгрию 1956 г., и Чехословакию 1968 г., и Грузию 2008 г. Так, что аннексия Россией Крыма и вторжение ее «добровольцев» в восточные области Украины в 2014 г. — всего лишь продолжение имперской традиции «сплочения» соседних народов в «Союз нерушимый». Кстати, и в канун 70-летия окончания Второй мировой войны министр обороны России Шойгу беспардонно пошутил, что байкерам «Ночные волки» «мотопробег через Польшу надо делать на танках».

А тем временем мир поминал жертв войны и был преисполнен неизбывной тоской по «Новому Мировому Порядку».

При словосочетании «новый мировой порядок» невозможно не упомянуть одного из его архитекторов — Генри Киссинджера. С высоты своего авторитета и жизненного опыта он может позволить себе высказать сомнение на счет наличия порядка и справедливости в этом мире: «Концепция порядка, лежавшая в основе современной эпохи, не выдерживает новых реалий» [31].

Придерживаясь принципов «реальной политики», этот исследователь обращает внимание на то, что долгое время поиск мирового порядка осуществлялся почти исключительно на основе понятий, господствующих в западных обществах. Опираясь на мощную экономику и военную силу, Соединенные Штаты в послевоенные годы стали мировым лидером. Соответственно Америка определила и параметры послевоенного мирового порядка. Речь идет, прежде всего, о распространении свободы и демократии, которым приписывалась способность содействовать справедливому и прочному миру.

В этом понимании мирового порядка признавалось как данность суждение, что народы и государства конкурируют друг с другом в силу своей природы — так уж устроен мир. Поэтому для сдерживания их сталкивающихся амбиций необходимо опираться на баланс сил и согласие между просвещенными государственными деятелями. Согласно этой идеальной точке зрения люди склонны поступать логично, осмысленно и разумно, опираясь на

здравый смысл и находя компромиссы мирным путем. Следовательно, распространение демократии является, как глобальной целью, так и миссией мирового порядка. А свободные рынки, со своей стороны, должны избавить людей от бедности, обогатить общества и заменить традиционное соперничество между странами экономической взаимозависимостью.

И что бы мы ни говорили об идеализме этой концепции, но определенный порядок в международные отношения она все же внесла. Да и результаты налицо — большая часть территории земного шара представлена сейчас независимыми государствами. Распространение принципов демократии и представительного управления если и не стало общемировой реальностью, то, во всяком случае, стало преобладающим устремлением. Этому способствуют и глобальные коммуникации, и финансовые сети, которые работают в режиме реального времени. Так что сплав американского идеализма, а также традиционных европейских концепций государственной власти и баланса сил принес некоторые свои плоды. Беда только в том, что на обочине этого процесса оказались огромные регионы мира, в первую очередь Россия, которые, по существу, никогда и не разделяли западную концепцию порядка, а лишь вынужденно соглашались с ней в силу обстоятельств. В итоге, отмечает Киссинджер, «сегодня это стало особенно очевидно на примере украинского кризиса... Порядок, провозглашенный и установленный Западом, подошел к поворотному моменту» [32].

Вчитываясь в концепцию Киссинджера, невольно ловишь себя на мысли: а возможно ли в принципе достичь порядка в Украине при отсутствии такового в мире в целом? Начать хотя бы с такого базового общественного института как государство. Ведь сама природа государства ныне подверглась многочисленным попыткам ревизии. Так, Европа решила, что она уже переросла старое понятие государства с его независимостью и суверенитетом, а потому взялась строить внешнюю политику преимущественно на принципах «мягкой силы». И к чему пришли? Сама Европа в целом так и не обрела многих атрибутов государственности (как долго идет согласование ряда неотложных вопросов!), но тем временем создала вакуум власти внутри самого Евросоюза и разбалансировала силовой фактор вдоль своих границ. В итоге Украине приходится на собственном опыте убеждаться, что ссылки на законность и легитимность действующей власти Киева едва ли смогут поддерживать порядок в регионе и мире в целом в отрыве от наличия силового потенциала и надлежащей согласованной стратегии. В мусульманских странах свои особенности — там

распад государств провоцируют религиозно-этнические факторы. А в азиатском регионе, в противоположность европейскому опыту, вообще преобладает принцип баланса сил независимо от легитимности тех или иных действий властей.

Новые проблемы возникли также в плоскости взаимоотношений сферы экономики и политики. Экономика становится все более глобальной, а сфера политики преимущественно остается приоритетом национального государства. Таким образом, международный порядок сталкивается с парадоксом: процветание мира зависит от успеха глобализации в сфере экономики, но в сфере политики этот процесс приводит подчас к результатам, противоречащим главным устремлениям глобализации.

Еще одна слабость современного мироустройства — отсутствие эффективного механизма взаимодействия, международных консультаций и возможного сотрудничества. С одной стороны — в мире проводится несметное число форумов и конференций, решающих в лучшем случае тактические вопросы, а в худшем — осуществляющихся преимущественно на уровне информационных мероприятий «социальных медиа». Достаточно вспомнить, сколько было проведено различных слушаний по Украине и сколько было принято резолюций с выражением «озабоченности», а то даже и «глубокой озабоченности». Но как мало было на протяжении довольно длительного периода конкретной международной помощи в разрешении проблемы аннексии Крыма и недопущения вторжения России на территорию Донбасса! А ведь поиски оптимального порядка и в регионе Восточной Европы, и в мире в целом неотложно требовали четкой и осмысленной стратегии — и в понимании самого порядка, и в понимании механизмов его достижения и поддержания.

Постепенно мы приходим к пониманию того, что сначала надо достичь необходимого общественного консенсуса и международного взаимопонимания по ряду актуальных вопросов. А Киссинджер уже ставит эти вопросы перед Соединенными Штатами как гарантом мирового порядка XXI века. Но эти же вопросы мы можем поставить и перед украинским обществом. Например, чего нельзя допустить любыми средствами, если даже придется действовать в одиночку? Чего мы стремимся достичь любым путем, даже если другие страны не будут нам в этом помогать? Чего мы стремимся достичь или не допустить только в союзе с другими странами? Чем нам не следует заниматься, даже если нас к этому будет подталкивать какой-то альянс или многосторонняя организация? Какова суть тех ценностей, которые мы стремимся отстаивать?

И в какой мере претворение этих ценностей в жизнь зависит от обстоятельств, а в какой — от наличия политической воли?

Для ответа на эти вопросы необходимо сочетание воли и стратегического мышления, мобилизации государством наличного гуманитарного интеллектуального потенциала, который подчас перебивается «самопасом», на уровне волонтерского движения. Если уж мы выбрали курс на евроинтеграцию, то должны помнить, что история не дает передышки странам, которые забывают о своем историческом предначертании. Даже ради достижения каких-то сиюминутных реальных результатов. При этом следует принять как данность, что никакие возвышенные патриотические убеждения не в состоянии заменить необходимого для обороны силового потенциала и надлежащей геополитической стратегии. Демократия тоже чего-нибудь стоит лишь тогда, если умеет себя защитить.

А вызов времени между тем нарастает, и не факт, что страны демократии в состоянии дать на него адекватный ответ, хотя вопросы ставились на повестку дня еще в прошлом десятилетии. Именно об этом напоминает нам статья Азара Гата, помещенная в свое время в журнале Foreign Affairs за 2007 год. В ней утверждалось: «Не исключено, что авторитарный капиталистический строй, представленный сегодня Китаем и Россией, может стать реальным альтернативным инструментом модернизации, а это в свою очередь позволит предположить, что конечную победу, или преобладание в мире, либеральной демократии нельзя считать неизбежной» [33]. Во время обсуждения статьи были высказаны опасения, что «авторитарный капитализм» может послужить реальной угрозой демократическому Западу. Однако вскоре разговоры о необходимости более активного продвижения демократии утихли. Причина тому — разразившийся кризис 2008 года, который подтолкнул Запад к привлечению финансовых возможностей Китая. Понятное дело, что на этом фоне разговоры о дефиците демократии в Китае стали выглядеть как-то неуместно.

Что ж, 2014 год внес корректировку в приоритет ценностей, ибо «российская весна» стала зримо представлять собой угрозу существующему миропорядку. Именно об этом шла речь в майском номере того же Foreign Affairs, где была помещена статья Уолтера Рассела Мида «Возвращение геополитики». В частности в ней отмечается, что американцы и европейцы в принципе предпочли бы оставить геополитические вопросы, связанные с территориями и военной мощью, в прошлом, а вместо этого сфокусироваться на проблемах мирного порядка и глобального управления. Да не тутто было: «Российские войска захватили Крым. Китай агрессивно

претендует на акватории. Япония в ответ также ведет себя все жестче. Иран пытается использовать свой союз с Сирией и «Хезболлой», чтобы добиться господства на Ближнем Востоке». Тут уж и незрячему видно, что на первый план выходит традиционное геополитическое соперничество «вроде того, которое можно увидеть сейчас на Украине».

А это, по мнению Мида, в корне меняет характер международной политики и, «по мере того, как атмосфера мрачнеет, укреплять и поддерживать миропорядок становится все сложнее». Причины тому налицо: «***Китай, Иран и Россия никогда не признавали геополитический расклад, сложившийся после холодной войны, и сейчас старательно пытаются его изменить. Этот процесс не будет мирным***». А свидетельства тому мы уже сегодня видим воочию: «***российская оккупация украинских земель — лишь очередной этап превращения Восточной Европы в зону острого геополитического конфликта, делающего стабильное и эффективное демократическое управление невозможным за пределами Прибалтики и Польши***» [34].

В конечном итоге, по мнению Уолтера Мида, в новой сложившейся ситуации «Путин, несмотря на то, что карты ему выпали слабые, вполне успешно срывает западные проекты на бывшей советской территории. Он сумел застопорить расширение НАТО. Он расчленил Грузию, втянул в российскую орбиту Армению, упрочил свой контроль над Крымом, и преподнес Западу крайне неприятный и унизительный сюрприз своей украинской авантюрой. С западной точки зрения, Путин приговаривает свою страну к мрачному будущему, нищете и маргинализации. Однако Путин не считает, что история закончилась. На его взгляд, он лишь укрепил свою власть внутри страны и напомнил иностранным державам, что когти у русского медведя по-прежнему острые» [35].

Отмеченные тренды на международной арене приводят к выводу, что нынешний мир отнюдь не отменяет не только экономическую и политическую конкуренцию между странами, но и обостряет военное противостояние. Да и этим мода на «камуфляж» не ограничивается. Существует одна неизменная еще со времен холодной войны сфера конкурентного противостояния, которая в условиях глобализации не только не отменяется, но и становится превалирующей. Речь идет о конкуренции в поле идеологической борьбы по вопросу эффективности внутриполитических моделей — социально-политических, финансовых, технологических и т.д. То есть конкуренции методов и технологий решения национальных и глобальных задач. Вопрос, как говорится, поставлен

во всей своей наготе: в состоянии ли та или другая страна предложить миру свою альтернативную модель эффективного развития.

От того, как создаваемые страной модели общественного развития воспринимаются другими, зависит роль и место этой страны в системе современных международных отношений, ее влияние на другие страны мира. А здесь выбор для Украины, судя по всему, не так велик. Приходится констатировать, что даже Китай и Европейский Союз не ставят перед собой задачу производства глобальных моделей — их усилия направлены преимущественно на максимальный тюнинг американских моделей «под себя». В итоге, Америка пока остается единственной страной, которая производит глобальные модели внутреннего развития, которые активно применяются в других странах. А о России в условиях откровенной агрессии с ее стороны против Украины, и говорить не приходится. Как пишет Николай Злобин в «Российской газете», «Россия... создала не просто непривлекательную, а отталкивающую модель внутреннего развития и продолжает двигаться в этом направлении... Не может не тревожить то, что политическое развитие России сегодня вызывает немалое отторжение в мире, даже у тех, кто потенциально мог быть ее союзником. Принимая законы, которые направлены на решение своих сугубо внутренних проблем, власти страны должны понимать, как это влияет на ее репутацию. Занимаясь укреплением «традиционных ценностей», что само по себе полезно, важно не переборщить и снова не заболеть хронической российской болезнью — отставанием от исторического времени, в котором живет быстро убегающий вперед мир» [36].

В этой обстановке вакуума альтернативных демократических идей, вряд ли стоит сбрасывать со счетов формирование такого себе «авторитарного Интернационала» в составе Китая, России и Ирана. Как писал в октябре 2014 года председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике России Федор Лукьянов, сейчас идея о том, что Россия и Китай несут Америке совместную угрозу, возродилась вновь, но совсем на другой основе: «сейчас объективные обстоятельства, необходимость выживания толкают нелиберальные системы друг к другу. В последнее время много говорят о военной силе, вернулась тема классического противостояния. Наращивание военной мощи Россией и Китаем, дискуссии в Соединенных Штатах о возможном ответе это подтверждают. Однако на деле куда более важной оказывается другая мобилизация — сплочение общества для идейно-информационного отпора. Не случайно, по слухам, российский и китайский лидеры во время встреч уделяют куда больше внимания обмену

опытом по сохранению внутренней стабильности, чем дискуссиям об энергетике или американской гегемонии». Так, в свое время Китай проявлял большой интерес к российской концепции «суверенной демократии». Сейчас же фактически происходит российско-китайское сближение именно на идейной почве: российская власть с интересом изучает китайские разработки по контролю над Интернетом, а руководство КПК изучает российские начинания по национализации элит, а также по нелиберальной работе с неправительственными организациями. Общий вывод Лукьянова: «консерватизм сближает» [37].

И куда же ведет это сближение на консервативной, а то даже и архаичной основе? Об этом напомнил Джеффри Тейлер в журнале Foreign Policy 5 сентября 2014 года, приводя слова Путина при встрече с молодежью на озере Селигер: «Россия является одной из наиболее мощных ядерных держав. Это не слова, это реалии». И здесь Путину трудно что-нибудь возразить. И он это знает, а потому и не устает повторять, как, например, 14 августа этого же года, во время своего выступления в Ялте перед собравшимися там представителями думских фракций, что скоро он планирует «обрадовать Запад нашими новыми разработками в области наступательных вооружений, о которых мы пока не говорим». И все это звучит в тот момент, когда не утихают обвинения по поводу участившихся нарушений российскими стратегическими ядерными бомбардировщиками и истребителями воздушного пространства США и западноевропейских стран, а в глубинах мировых океанов российские и американские атомные подводные лодки ведут противоборство, напоминающее худшие дни холодной войны. В час, когда лидеры НАТО в сентябре 2014 года собрались на свой саммит в Уэльсе, Россия объявила о проведении беспрецедентных по размаху учений своих стратегических ядерных сил. В этом же ряду стоит и заявление Кремля, что он внесет поправки в военную доктрину с учетом роста напряженности в отношениях между Россией и НАТО. Пока еще до конца непонятно, что это значит, но ввиду усиливающейся напряженности с западным альянсом в этом нет ничего хорошего [38].

Здесь было бы уместно прислушаться к озабоченности и самой российской общественности. По мнению заведующего отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН Дмитрия Ефременко: «***Украина лишь открывает серию конфликтов, которыми сопровождается становление полицентричной системы международных отношений***. Необходим многосторонний механизм раннего предупреждения и урегулирования кризисов в Европе и северной Евразии» [39].

Конечно, лучше бы серии возможных конфликтов избежать. Многое будет зависеть от выполнения договоренностей «Минск-2». Но это уже будет следующая страница в истории, как Украины, так и Европейского Союза. И какой она будет — во многом будет зависеть от того, насколько Украина выйдет из поля российского регионального доминирования. А пока что ведущие российские аналитики не сулят нам покоя. Не утверждая однозначно, что «Минск-2» обречен, они без тени сомнения предрекают: «однако украинская драма точно не закончится, а круги от нее продолжат расходиться по европейской политике, провоцируя новые кризисы» [40].

На чем покоятся их рассуждения? Как мы уже отмечали выше, есть много стран и народов в мире, которых не удовлетворяет существующий порядок. Многие из них приобрели уже достаточный экономический и военно-политический вес. В России считают, что «накопившаяся у значительной части человечества усталость от безальтернативности Запада открывает возможности. Пусть даже никакой идеологии Москва сейчас предложить не может, но разумно поданный антигегемонистский пафос найдет отклик». А пока что, советуют они, России следует найти взаимопонимание с Западом на тот счет, что Россия и не претендует на ревизию глобальных правил игры, а ситуацию вокруг Украины предлагает рассматривать просто как некие «бои местного значения». Вот эту ситуацию Европе и следует передать России для регионального урегулирования, поскольку, дескать, «битва за Украину, изменившая всю нашу жизнь за прошлый год, в мировом контексте представляет собой локальный эпизод, за которым большинство человечества наблюдает как за чем-то глубоко посторонним». Тем более, считает Федор Лукьянов, что «итоги Минска укладываются в общую линию России». В чем состоит эта линия, следует из слов самого российского аналитика: «Россия добивалась трансформации Украины, превращение ее в государство, само устройство которого ограничивало бы принятие определенных решений, прежде всего о членстве в НАТО. В минских договоренностях это намечено — конституционная реформа с приданием территориям (как минимум ДНР и ЛНР) полномочий, которые превращают их во встроенный предохранитель. Все остальное, в общем, технические детали (хотя и крайне существенные), которые должны облегчить и сгладить движение к этой цели» [41].

Свое внезапное «миролюбие» по отношению к Западу путинская Россия демонстрирует таким образом: после Второй мировой войны СССР обезопасил себя созданием буферной зоны в Восточной Европе, что привело к разделу Европы. А сейчас, мол, всего

и мороки то: «что-то вроде раздела Украины — в мягкой форме, но тоже с прицелом на буфер с восточной стороны... К глобальным правилам игры это не имеет отношения. Минск не является ни моделью, ни прецедентом. Наиболее близкая параллель — Дейтонское соглашение о Боснии, о котором не раз вспоминали. Войну оно прекратило, эффективной государственности не создало» [42].

Что можно сказать в этом отношении? Своей жизненной практикой мы доказали, что «Украина не Россия». Но на это ушло свыше 300 лет. На то, чтобы доказать, что «Украина — не Босния», думаем, уйдет времени на порядок меньше. Можно привести пример Хорватии — для решения вопросов территориальной целостности ей понадобилось 7 лет. При этом не стоит забывать, что в независимой Украине выросло лишь только первое поколение. На порядке дня — формирование второго, а затем и третьего поколения! Они то и решат окончательную судьбу Украины.

6.5. Уроки истории

В свое время член Британской академии Эрик Хопсбаум ввел в научный оборот понятие «короткий XX век», который, по его мнению, длился с 1914 по 1991 год. Исследователь считал, что начало столетью положила Первая мировая война, в результате которой была ликвидирована Немецкая, Российская, Австро-Венгерская и Османская империи, а концом столетья он предлагал считать распад Советского Союза. До недавнего времени эта периодизация не вызывала сомнений, а тем более — возражений (сам автор периодизации умер в октябре 2012 года).

И вот, нынешний кризис вокруг Украины заставляет нас задуматься над тем, действительно ли распад СССР завершился в 1991 году? А не был ли это лишь «полураспад» в длительном процессе ряда последовательных этапов «цепной реакции», который и доселе продолжается с довольно неопределенными прогнозами на будущее? А отсюда и еще один вопрос — а не длиться ли и сегодня не такое уж и «короткий», как оказалось, а, скорее, «длинный» и трагично «кровавый XX век»? Во всяком случае: будет ли ему положен конец в 2014 году? И когда же наступит то время, когда мы узнаем каким образом достигнут мир не только в Украине, но и в противостоянии России и Запада? И тогда, может быть, в науку будет введено новое понятие: «сдвинутый XX век» («сдвинутое XX столетье»), которое простирается от 1914 до, условно говоря, 2014 или какого-то последующего года. В зависимости от

того, когда и с какими итогами закончится война. Ведь известно же, что, в конце концов, историю пишут победители.

После воистину «кровавого XX века» очень сложно описывать происходящее вокруг украинского кризиса «без гнева и пристрастия». Трудно даже смириться с тем, что люди уже в определенной мере стали воспринимать войну как обычное социальное явление. Еще бы: за последние 5,5 тысяч лет человечество пережило свыше 14,5 тысяч великих и малых войн, утешая себя лишь 292 годами мирной жизни. Тем более трудно без осуждения воспринимать тот факт, что за период с 1801 по 1913 год в войнах было загублено 5,6 миллионов людей, а в результате двух последних мировых войн погибло, умерло с голода и эпидемий еще свыше 85 миллионов, а 48 миллионов людей остались инвалидами. Ненамного улучшилось положение и во второй половине XX века, когда в мире было развязано 150 локальный войн и больших военных конфликтов с жертвами свыше 25 миллионов людей [43].

Именно Первая мировая война открыла крупный счет «кровавому XX веку», введя в практику ужасный механизм геноцида (армяне Турции). Она же положила начало применению оружия массового уничтожения (химического). Что уж тут говорить о практике массовых переселений, что привело к потере многими людьми древних территорий своих предков, а некоторые нации были вообще низведены до уровня разделенных народов. Первая мировая война в социально-экономической сфере вызвала Великую депрессию, а в политико-идеологической сфере породила две тоталитарные идеологии — нацистскую и коммунистическую. Война проложила новые, но часто несовершенные границы, которые стали миной замедленного действия. В окончательном счете, и это самое главное, эта война обусловила свое логическое продолжение — Вторую мировую войну, этот немыслимо жестокий разрушительный конфликт в истории человечеств, в ходе которого было применено и наиболее смертоносное оружие — ядерное.

После 1945 года наступил сорокалетний период «холодной войны». К счастью, холодная война не перешла в фазу обострения, но она и не закончилась полноценным миром после развала Берлинской стены. Возникла атмосфера недосказанности — будто бы в мире все понимали, кто победил в войне, но это нигде не было зафиксировано, что объективно благоприятствовало появлению атмосферы реванша со стороны побежденной стороны. А в конечном счете новый мировой порядок после окончания холодной войны так и не было оформлен ни полноценным миром, ни новейшим порядком.

Конечно, в годы холодной войны в мире была установлена биполярная система международных отношений. И она сыграла определенную стабилизирующую роль. В тех редких случаях, когда ведущие государства мира осознавали общий интерес, тогда достаточно эффективно действовало и международное право, и соответствующие институты. Но и в этих случаях игра с нулевой суммой превращала эти нормы и международные организации в средства достижения своих эгоистических интересов и проведения разнообразных пропагандистских баталий. Таким образом, в целом холодная война не принесла с собой ни настоящего мира, ни справедливости.

И вот, 23 года спустя после распада СССР, в обстановке вроде бы и отсутствия мировой войны, но в условиях системного мирового кризиса, наступает год 2014 — который бумерангом возвращает в день сегодняшний все застарелые международные проблемы. На наших глазах Ирак трещит по швам, а Украина теряет территориальную целостность. Подобно XIX веку над горизонтом черной тучей нависает «русский вопрос» — о пересмотре Россией своего места в Европе и мире (по иронии истории этот вопрос уже решался однажды во время Крымской войны 1853–1856 годов). В это же время, как и в XIX веке, с повестки дня не сходит «немецкий вопрос» относительно фактического лидерства ФРГ в Европе. Турбулентное течение событий на Ближнем Востоке ныне тоже напоминает эпоху заката Османской империи, отмеченную националистическим подъемом времен деколонизации. А тем временем Соединенные Штаты, взошедшие в годы Первой мировой войны на пьедестал мирового лидера, так и остаются гегемоном в современном мире (Китай от этой роли пока что открещивается). И, тем не менее, никто не в состоянии аргументированно доказать: то ли новый беспорядок в мире случился вследствие гегемонии США, то ли, наоборот — разлад случился именно вследствие уклонения США от возложенной на них ответственности за поддержания мирового порядка?

И в этом международном пасьянсе и калейдоскопе событий переломным все-таки стал факт агрессии в Крыму в 2014 году, когда Европа неожиданно для себя соскользнула в новую геополитическую реальность, оказавшись на пороге масштабного конфликта между Россией и Западом. Иллюстрацией к этому может послужить свидетельство Владимира Путина в документальном фильме «Крым. Путь на Родину», где он утверждает, что «рассматривал возможность применения ядерного оружия при аннексии Крыма в случае вооруженного противостояния со стороны западных стран». Владимир Путин также признал, что в операции по

аннексии Крыма участвовали подразделения ГРУ и морской пехоты, перед которыми стояла задача по нейтрализации украинских воинских частей, расквартированных на полуострове. Кроме того, в Крым были переброшены береговые комплексы «Бастион» — мощные оборонительные установки, предназначенные для защиты береговой линии от возможного нападения с моря. Судя по словам Путина, «он верит в то, что США были готовы вступить в войну за Крым» [44]. Во всяком случае, делает вид, что верит в это — добавим мы.

Скорее всего, следует полагать, аннексия Крыма все-таки стала неожиданностью для Запада. Здесь фишка состоит в том, что неспособность Москвы в «лихие 1990-е» противостоять установлению нового европейского порядка после холодной войны, было воспринято на Западе за молчаливое согласие России на такой порядок. А саму ж новую европейскую модель международного поведения, которая возникла в 1989–1991 годах, было трактовано в Европе как окончание политической традиции трех столетий, которая базировалось на балансе сил и имперских амбициях. А, следовательно, перестройка Европы мыслилась теперь уже в форме распространения западных демократических институтов на все посткоммунистическое пространство.

Моделью для объединенной Европы стало объединение Германии. Географические карты вышли из моды — их вытеснили экономические диаграммы, которые иллюстрировали финансовую и коммерческую взаимозависимость стран и рост благосостояния европейских граждан. То есть, в отличие от Первой и Второй мировых войн, когда перекраивались границы и переселялись миллионы людей, окончание холодной войны имело в виду изменение самой природы границ для того, чтобы открыть их для капитала, людей, товаров и идей. Вместо того, чтобы перекраивать границы и тешить свое национальное величие, западноевропейцы стали частью «общества потребления», сосредоточившись на экономическом благосостоянии и справедливом социальном перераспределении благ. Дальнейшая экономическая и политическая интеграция европейских держав привела к тому, что старомодная политика силы, особенно в ее наиболее жестких проявлениях, была вытеснена из общественной жизни объединенной Европы.

Избавившись от необходимости соперничать в военной сфере и чувствуя себя достаточно защищенными системой коллективной безопасности под эгидой Вашингтона, европейцы выстроили систему достаточно уникальную в истории человечества. Сохранив значительную часть своего суверенитета, эти государства стали

выстраивать свои взаимоотношения, выходя далеко за рамки традиционного международного сотрудничества. Эти принципы со временем распространились и на посткоммунистические страны, которые вошли в Европейский Союз. Постепенно страх европейцев один перед другим, дотоле глубоко укорененный в сознании, поступился местом настолько же глубокому взаимному доверию.

Однако аннексия Крыма Россией поставила европейцев перед фактом необходимости осознать, что политическая модель Евросоюза, с одной стороны, хотя и вызывает восторг, но, с другой — весьма проблематична при распространении на пространстве, которое Москва считает зоной своих национальных интересов. Москва идет ва-банк, всячески демонстрируя, что Украина для нее проблема экзистенциальная: «быть или не быть». И бросает Европе и Америке вызов: кто из вас готов воевать за Украину? Пока что желающих не появилось. Тем самым универсализм Европы был поставлен под сомнение, а европейским политикам пришлось задуматься над тем, как противостоять возможной дальнейшей агрессии.

Обманчивым оказалось и представление европейцев о том, что российские элиты и преобладающая часть населения России уже настолько европеизированы, что не в состоянии выйти за пределы европеоцентрического мировоззрения. И, тем е менее, вопреки всепроникающей коррупции и наличному цинизму, значительная часть российской верхушки все еще продолжает исповедовать идею триумфального возврата России в мировую политику в качестве одного из центров силы. Да и большинство граждан России все еще ностальгируют по статусу бывшего СССР как сверхдержавы. И, наконец, европейцы не осознавали надлежащим образом, что «цветные революции» воспринимаются в России исключительно как результат мирового антироссийского заговора Запада с целью «изменить культурный код» этой «благочестивой православной нации». Известные события «зимы неудовлетворения» в Москве 2011/2012 стали тому иллюстрацией. Контракт Путина — благосостояние в обмен на неучастие в политике — было подорвано.

В этой ситуации национальная идентичность России стала определяться исключительно через противопоставление Западу. Логика этой самоидентификации неуклонно вела к тому, что для сохранения контроля над политической элитой и для «национализации» бизнеса необходимо было создать ситуацию «осажденной крепости». А достичь этого можно было, прежде всего, захватив Крым и угрожая оккупацией всей Украины (достаточно вспомнить слова Путина: «если бы я захотел, я мог бы взять

Киев в течение двух недель»). Дальнейшее развитие событий в обозначенном Путиным ключе засвидетельствовало, что в конце 2014 года международная напряженность достигла такого уровня, когда нельзя было исключать самых разнообразных вариантов развития событий, вплоть до катастрофических.

Таким образом, «кровавый XX век» не отпускает нас, напоминая, насколько неправым оказался Френсис Фукуяма, оповестивший в 1989 году «конец истории» и всеобщий марш в мир либеральных ценностей. Общий вывод напрашивается сам: по многим показателям мы снова вернулись к развилке (точке бифуркации), когда распад советского блока, а потом и СССР, только лишь положили начало целому пучку альтернативных трендов в мире. Складывается впечатление, что продленный в нашем восприятии «сдвинутый XX век» не отпустит нас до тех пор, пока эти вопросы не будут сняты с повестки дня, а в особенности — пока не будет, наконец, окончательно решен «украинский вопрос». Отодвинутый с повестки дня при урегулировании послевоенных проблем после двух мировых войн, которые уже произошли, «украинский вопрос», к большому сожалению, может стать запалом к взрыву Третьей мировой войны.

Во всяком случае, уже сегодня напрашиваются аналогии с вхождением мира в ситуацию холодной войны. Так, в 1945 году яблоком раздора стал раздел послевоенной Европы на «Восточную» и «Западную» — между Советским Союзом и Соединенными Штатами. А в 2014 году на наших глазах также происходит борьба за влияние на постсоветском пространстве — на этот раз уже Украина раскалывается на «Восточную» и «Западную».

И потому нам трудно воспринять тезис, что, дескать, никакой холодной войны сегодня нет. А именно в этом нас постоянно пытается убедить американский президент Барак Обама, который, с тех или иных соображений, не готов к острому противостоянию с Россией. Собственно, как не готовы и лидеры государств Евросоюза. Возможно, что мировой политической элите каким-то образом и удастся на какое-то время избежать дальнейшего обострения отношений с Россией путем ее умиротворения. Но это будет лишь временная передышка. Поэтому, что бы там ни случилось, для нас в Украине факт остается фактом: мир вступил в этап становления многополярных отношений с множеством «центров силы», а это уже плохой признак. В этих условиях следует наращивать ресурсы национальной безопасности.

Именно такая ситуация складывалась перед Первой мировой войной. И подобная расстановка сил несет в себе множество

угроз, недопущение которых требует больших усилий и тщательно взвешенных шагов. Как свидетельствует опыт, в условиях нарастания нестабильности многополярная система всегда пытается любой ценой достичь баланса путем поиска новой биполярности. А между тем, даже с учетом агрессивных действий России против Украины, и реакции Запада по отношению к этим агрессивным действиям, складывается впечатление, что обе стороны — и Запад, и Россия — пока что не готовы к биполярности. А это чревато угрозой того, что многополярный мир XXI века станет миром насилия и войн — и как таковой не будет стабильным.

Именно об этом свидетельствует продолжающееся нагнетание обстановки. И не только под воздействием субъективных факторов — на уровне глав государств и правительств. Фактор бессмертного «homo soveticus» в своей массе тоже дает о себе знать. Например, что бы мы ни думали о политиках в Кремле, но следует учитывать и тот факт, что 85% российского населения поддерживает правительственный курс. Кроме того, легионы активистов в политическом классе России посредством СМИ открыто призывают возродить великодержавно-православную Россию сталинского образца — присоединив Абхазию и Южную Осетию, а после Крыма населенные «соотечественниками» Юг и Юго-Восток Украины (некую Новороссию), Приднестровье, а при случае — Северный Казахстан и часть Балтии. Ведущий идеолог такой философии Александр Проханов даже изобрел соответствующий термин этому образованию — «империя обрубков».

А поскольку речь идет о великодержавно-православной России, то вполне закономерно в эту кампанию включились и церковники, когда, за словами протодьякона РПЦ Андрея Кураева «джихад объявлен», «идет война священная». Речь идет о провозглашенной патриархом Кириллом (Гундяевым) новейшей фазе противоборства — православия и униатства. Дескать: «униаты и раскольники, получив в руки оружие, под видом антитеррористической операции стали осуществлять прямую агрессию по отношению к духовенству канонической Украинской православной церкви на востоке страны» [45].

В итоге, ситуация относительно урегулирования усложняется. И вряд ли разрешение украинского кризиса можно будет достичь на переговорах Киева с самозванцами Юго-Востока, к чему призывает Россия. Судя по всему, судьбоносные вопросы нашего будущего не могут быть решены без коллективного участия Москвы, Брюсселя и Вашингтона. И сведутся они, в конце концов, к весьма прозаичной альтернативе: 1) или Россия и Запад договорятся

о каком-то взаимоприемлемом статусе Украины, а также о характере ее отношений с ЕС и Россией при условии сохранения территориальной целостности; или же 2) Украина будет разорвана на части с тяжелыми социальными и политическими последствиями для Европы и всего мира. И тогда вряд ли ситуация ограничится «холодным миром», поскольку логика распада украинского государства неминуемо приведет к новому витку «холодной войны» со всеми вытекающими последствиями. Вплоть до угрозы взрыва всеохватывающей мировой войны.

Именно об этом идет речь в книге известных историков Юрия Фельштинского (США) и Михаила Станчева (Украина) в их книге «Третья мировая война: Битва за Украину». В ней авторы приходят к выводу: «История очень редко преподносит нам уроки, на примере которых мы можем чему-нибудь научиться. Сегодня мы имеем дело с классическим повторением предвоенной европейской ситуации 1938–1939 годов. Просто изумляешься, насколько всё похоже. Ошибаются все. Путин тоже делает и сделает еще много ошибок. Задача Путина — реализовать себя, втянув мир в Третью мировую войну. Мы знаем, чем закончились две предыдущие мировые войны для Европы: полным разорением и разрушением. Даже Великобритания пострадала не только в плане гибели людей. После первой мировой войны распались континентальные империи. После Второй — на Восток и Запад разделены были Германия и Европа. Обсуждая опасности, связанные с началом Третьей мировой войны, нельзя не указать на вероятность того, что она станет атомной» [46].

Нельзя не согласиться и с тем, что в распоряжении современной России атомное оружие есть. И это единственный союзник России в покерном блефе, затеянном Владимиром Путиным. И самое неправильное, на что можно в этом случае надеяться, это расчет на умиротворение противника. Здесь не следует упускать из вида, что агрессора может остановить только другая сила. История свидетельствует, что нет иных примеров и других приемов. Разве только что сила тоже может быть разной: военной, дипломатической, экономической. Да еще духовная сила, сила убеждений — это тоже сила. Как говорили древние: «Не в силе правда, а в правде сила». И правда будет за нами.

Литература

1. Лавров С. В. XXII ассамблея Совета по внешней и оборонной политике / Россия в глобальной политике. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_cresis/XXII-assambleya-Soveta-po-vneshnei-i-oboronnoi-politike-17138

2. Указ Президента Украины № 872/2014. О дне достоинства и Свободы. — Доступно: http://www.president.gov.ua/ru/documents/18441.html? PrintVersion

3. Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11-го марта 1882 года. — Доступно: http://hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php.

4. СБУ открыла доступ к документам по восстаниям крестьян в 1930–1932 годах. — Доступно: http://data: text/html; charset=utf-8,% 3Ch1% 20 class% D% 22b-article_title%

5. Вихров М. Чтобы понять, чем был для украинцев Голодомор, нужно посмотреть сегодняшний Донбасс. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,% 3Cheader% 20stule% 3d% 22margian% 3A% 200px% 3B% ...

6. Годовщина протестов: как оценивает Майдан население Украины. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,% 3Cdt% 20 class% 3D% 22entry-title% 20entry-linkbar% 22% 20style...

7. Годовщина Евромайдана: кто на самом деле участвовал в протестах. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,% 3Ch1% 20ckass% 3D% 22b-article-title% 22% 20style...

8. 40 лет знаменитого интервью Карла Ясперса. Массовые убийства не могут быть оправданы за давностью. Беседа К. Ясперса с Р. Аугштейном (журнал «Шпигель», 1965 г.. — Доступно: http://npar.ru/journal/2005/1/jaspers.htm

9. Зевелев И. Границы русского мира. Трансформация национальной идентичности и новейшая внешнеполитическая доктрина России. — Доступно: http»//www.globalaffairs.ru/print/number/granitcy-russkogo-mira-16582

10. Гилёв О. А. Многомерная война и новая оборонная стратегия. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Mnogomernaya-voina-i-novaya-oboronnaya-strategiya-17101

11. Гилёв А. О. Многомерная война и новая оборонная стратегия. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Mnogomernaya-voina-i-novaya-oboronnaya-strategiya-17101.

12. Герасимов В. Ценность науки в предвидении. — Доступно: http://www.vpk-news.ru/print/articles/14632

13. Герасимов В. Ценность науки в предвидении. — Доступно: http://www.vpk-news.ru/print/articles/14632

14. Барабанов М. Испытание «нового облика». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Ispytanie-novogo-oblika-17097

15. Барабанов М. Испытание «нового облика». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Ispytanie-novogo-oblika-17097

16. Барабанов М. Испытание «нового облика». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Ispytanie-novogo-oblika-17097

17. Гилёв А. О. Многомерная война и новая оборонная стратегия. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Mnogomernaya-voina-i-novaya-oboronnaya-strategiya-17101

18. Затулин К. Хотят ли русские войны? — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Khotyat-li-russkie-voiny-17083

19. Павловский Г. «Президенту надо выйти из круга старых друзей». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Prezidentu-nado-vyiti-iz-kruga-starykh-druzei-17132

20. Бабицкий А. Легкость войны. Выносимая и не очень. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/Ukraine_crysis/Lgkost-voiny-Vynosimaya-i-ne-ochen-17085

21. Бабицкий А. Легкость войны. Выносимая и не очень. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/Ukraine_crysis/Lgkost-voiny-Vynosimaya-i-ne-ochen-17085

22. Люттвак Э. Какая еще Ирредента? Конфликт государств! — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Kakaya-tsche-Irredenta-Konflict-gosudarstv-17014

23. Российским интересам соответствует единая Украина. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-prossesses/Rossiiskim-interesam-sootvetstvuet-edinaya-Ukraina-16941

24. Чувство глубокого неудовлетворения. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Chuvstvo-glubokogo-neudovletvoreniya-17134

25. Павловский Г. «Президенту надо выйти из круга старых друзей». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Prezidentu-nado-vyiti-iz-kruga-starykh-druzei-17132

26. Тимофеев И. Волки и зайцы. Что ждет Россию в меняющемся миропорядке? — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Volki-i-zaitcy-chto-zhdet-Rossiyu-v-menyayuschemsya-miroporyadke-17121

27. Синовец П. Кто кого: Украинский кризис, санкции Запада и попытки сдерживания России. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Ktj-kogo-Ukrainskii-krizis-sanktcii-Zapada-i-popytki-sderzhivaniya-Rossii-17073

28. Теффт Дж. «Наши двери все еще открыты для россиян. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Nashi-dveri-vse-esche-otkryty-dlya-rossian-17140

29. Конгресс интеллигенции вновь пытается остановить российскую агрессию. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cheader%20style%3D%22box-sizing

30. Лукьянов Ф. Торжество Средневековья. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Torzhestvo-Srednevekovya-17282

31. Киссинджер Г. Как сконструировать Новый мировой порядок / Россия в глобальной политике. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Kak-skonstruirovat-Novyi-mirovoi-poryadok-16911

32. Киссинджер Г. Как сконструировать Новый мировой порядок / Россия в глобальной политике. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Kak-skonstruirovat-Novyi-mirovoi-poryadok-16911

33. Гат А. Возвращение авторитарных великих держав. — Доступно: http://inosmi.ru/world/20070712/235498-print.html

34. Мид У. — Р. Возвращение геополитики. — Доступно: http://inosmi.ru/foreignaffairs_org/20140501/219969078-print.html

35. Мид У. — Р. Возвращение геополитики. — Доступно: http://inosmi.ru/foreignaffairs_org/20140501/219969078-print.html

36. Злобин Н. О моделях / Российская газета. — Доступно: http://www.rg.ru/printable/2013/08/21/modeli.html

37. Лукьянов Ф. Консерватизм сближает / Россия в глобальной политике. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Konservatizm-sblizhaet-17019)

38. Тейлер Дж. Готов ли российский президент начать третью мировую войну? — Доступно: http://inosmi.ru?russia/20140905/222815358-print.html

39. Ефременко Д.В. За флажки. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764

40. Лукьянов Ф. Ялта местного разлива. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Yalta-mestnogo-razliva-17294

41. Лукьянов Ф. Ялта местного разлива. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Yalta-mestnogo-razliva-17294

42. Лукьянов Ф. Ялта местного разлива. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Yalta-mestnogo-razliva-17294

43. Война. Словари и энциклопедии на Академке. — Доступно: http://human_ecology.academic.ru/1372/%D0%92%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0

44. Путин мог начать ядерную войну из-за Крыма. — Доступно: data: text/html; charcet=utf-8.%3Ch1%20style%3D%22outline%3A%200px%3B%20margin%3A%200px%200px%2011px%3B%20padding%3A%20px%200...

45. Русская православная церковь. Святейший патриарх Кирилл призвал Предстоятелей поместных церквей возвысить голос в защиту православных христиан востока Украины. — Доступно: https://mospat.ru/ru/2014/08/14/news106782/print/

46. Фельштинский Ю., Станчев М. Третья Мировая: Битва за Украину. — К., 2015. — С. 317–318.

ЗОНА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ (вместо заключения)

Чи буде суд! Чи буде кара!
Царям, царятам на землі?
Чи буде правда меж людьми?
Повинна буть, бо сонце стане
І оскверненну землю спалить.
(Тарас Шевченко)

14 июля 2015 года Австралия, Бельгия, Малайзия, Нидерланды и Украина официально обратились в Совет Безопасности ООН с просьбой создать международный трибунал для привлечения к ответственности виновных в крушении самолета «Малайзийских авиалиний» на Донбассе. В свою очередь, Верховная Рада Украины обратилась к Организации Объединенных Наций и мировому сообществу с просьбой поддержать создание Международного трибунала для судебного преследования виновных в крушении Боинга, сбитого пророссийскими террористами в Донецкой области 17 июля 2014 года. Трибунал должен состояться — таково требование людей доброй воли, политических представительств ряда стран, а также непосредственно семей, ставших жертвами террористов.

Со своей стороны президент Украины Петр Порошенко по случаю годовщины катастрофы принципиально и однозначно заявил: «К сожалению, этот гражданский самолет и 298 человек на борту стали целью безжалостной террористический атаки с территории, оккупированной поддерживаемыми Россией боевиками на востоке Украины. Высокотехнологическое оружие, из которого был сбит самолет, могло попасть в руки террористов только из России. Это не могло пройти без участия, без прямого приказа от высшего политического и военного руководства соседнего государства [1].

Итак, все точки над «і» расставлены: уже год назад камуфляж безобразной гибридной войны был сброшен. В результате перед миром было явлено идентичность личины агрессора — Российской Федерации (в прошлом якобы стратегического союзника

и «старшего брата» Украины). Вот таким образом, путем «проб и ошибок» приходит прозрение украинского народа на счет того, «кто есть кто» в этом мире.

Нет ничего удивительного и в том, что МИД России выступил против идеи создания международного трибунала, называя ее «несвоевременной и контрпродуктивной». Страх перед международным трибуналом дает о себе знать. Поэтому-то глава МИДа Сергей Лавров, с присущим ему лицемерием и категоричностью, заявляет, что он против того, чтобы квалифицировать крушение малайзийского Боинга на востоке Украины как угрозу международному миру и безопасности. В частности он ссылается на то, что «никогда в ситуациях крушения гражданских авиалайнеров никаких трибуналов Совет Безопасности не создавал» [2].

Сергей Лавров в упор старается не видеть того, что инициаторы резолюции исходят из толкования раздела VII Устава ООН, где в отношении угрозы миру сказано следующее: «Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации и решает, какие меры следует принять для поддержания или восстановления международного мира и безопасности». Факт крушения Боинга стал одной из целенаправленных операций в контексте агрессии России против Украины. Той агрессии, которая и представляет собой угрозу миру.

Как известно, 29 июля 2015 года Россия наложила вето на резолюцию Совета Безопасности ООН о создании международного трибунала, который позволил бы привлечь к ответственности виновных в крушении малайзийского Боинга. За документ проголосовали представители 11 делегаций, а три страны — Китай, Ангола и Венесуэла — воздержались. Значит ли это, что решение этого вопроса окончательно заблокировано?

Отнюдь нет. Так, по словам премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона, «Если мы не сможем создать трибунал в рамках ООН, то мы воспользуемся другими способами». Однако, среди прочих, у инициаторов все еще остается возможность вынесения вопроса о создании международного трибунала в Генеральную Ассамблею ООН. Для принятия такого решения Генеральной Ассамблее потребуется 2/3 голосов (130 государств). Это будет непросто, поскольку до сих пор все международные уголовные трибуналы учреждались либо резолюцией Совета Безопасности ООН (так было с международными трибуналами по бывшей Югославии и Руанде), либо международным договором (Международный уголовный суд, учрежденный Римским статутом, но Россия в нем не участвует).

Нет сомнения — российская сторона будет настаивать на том, что согласно главе VII Устава ООН Генеральная Ассамблея ООН формально не имеет никаких полномочий в области принятия принудительных мер. Однако не следует забывать и тот факт, что когда в 1950 году Советский Союз покинул заседание Совета Безопасности (в связи с войной в Корее), возник так называемый паралич вето. И тогда Генассамблея сочла возможным принять резолюцию «Единство во имя мира», посчитав себя вправе определить наличие угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии и рекомендовать государствам-членам применение силы, «если Совет Безопасности из-за отсутствия единогласия не в состоянии осуществлять свою ответственность за поддержание мира и безопасности». Так что, как говорится, еще не вечер. По словам министра иностранных дел Павла Климкина, «Вето России — это явка с повинной. Мы все равно победим».

Однако день сегодняшний свидетельствует, что оказавшись безуспешной для России в форме гибридной войны, агрессия против Украины все больше приобретает форму подрывных действий и дестабилизации внутренней ситуации в стране. Оттого-то по многим регионам Украины последовали взрывы мин и растяжек, оттого-то, не в последнюю очередь из-за войны, обострились социальные проблемы на Закарпатье, в Житомирской области, на Черниговщине и в ряде други регионов. По этому поводу украинский президент заявил: «Формат гибридной войны за последнее время меняется. И после того, как совместными усилиями мы значительно укрепили обороноспособность государства, мощь и эффективность ВСУ, вместо того, чтобы идти в лобовую атаку, Россия будет подрывать стабильность Украины изнутри» [3].

Причин избрания Россией новой тактики несколько. Наиболее существенными из них, считает бывший посол США в Украине, а ныне директор программы в Брукингском институте по контролю над вооружениями Стивен Пайфер, являются три. Во-первых, в случае открытого вторжения в Украину российских вооруженных сил кремлевская легенда о сепаратистах уже не будет срабатывать. Скорее всего, это подтолкнет Запад к вводу дополнительных санкций, которых Кремль старается избежать. Во-вторых, это закономерный рост количества жертв среди российских военных в случае боев на украинской территории, что неминуемо приведет к изменениям в настроениях российского населения относительно политики России в отношении Украины. В-третьих, Россия вынуждена учитывать и то, что в бюджете США на 2016 год предусмотрено 300 млн долла-

ров на военную поддержку Украины, в том числе в виде поставок оружия [4].

С подобными аргументами согласен и уже упоминаемый нами Джордж Фридман — руководитель разведывательной фирмы Stratfor. Он полагает, что Россия будет ждать внутреннего кризиса в Украине, чтобы попытаться усилить там свое влияние, не прибегая к военной силе. Тем более что возможности России ограничены, а в российской армии образовались проблемы. Поэтому, считает Фридман, «сейчас будущее Украины находится в руках украинского руководства. Если оно сохранит свою целостность, если сможет получить контроль над страной, россияне вынуждены будут отступить. Но если в стране будет разлад, у россиян появятся варианты» [5].

В ситуации провала российского «блицкрига» против Украины, в Кремле резко повысился спрос на политтехнологов, специализирующихся на ведении идеологических диверсий, где главная ставка делается на троллинг — систему лжи и клеветы, облыжных наговоров и изощренных провокаций. Так, например, пытаясь опорочить европейский выбор Украины, Сергей Караганов затягивает невод поглубже, пытаясь доказать, что дело, собственно не только в Украине, а в том, что Европейский континент вообще стоит перед угрозой стратегической деградации: «либо карикатурный повтор военно-политического раскола на противостоящие блоки, либо период беспокойной неопределенности». О каких блоках идет речь? В первую очередь о Евросоюзе, который, по мысли Караганова, переживает «системный кризис», и о России, якобы вступившей лишь в фазу «замедленного развития». В итоге, «они пребывают в поиске новой духовной и геополитической идентичности» [6].

Впрочем, вопросам геополитической идентичности, как и геополитики в целом в России уделяется чрезмерно большое внимание. Академик РАН Алексей Арбатов считает даже, что это «новая мода для полуобразованных людей. Раньше говорили: «внешняя политика», «международные отношения», а теперь все время твердят о «геополитике» — кажется, что звучит более красиво и многозначительно. Между тем вкратце суть доктрины геополитики в том, что национальные интересы и политика государств определяется их географическим положением» [7].

И в этом суждении академика, на наш взгляд, заложен значительный рациональный смысл. Потому то и мы в названии заключительного раздела книги взяли понятие «цивилизационного», поскольку в условиях глобализации и информационной революции, новых технологий и свободного перемещения товаров

и финансов, людей и идей, географический фактор теряет свою прежнюю роль и значимость, оставаясь таковым разве что в контексте локальных военных операций. В контексте же предполагаемой широкомасштабной войны, а тем более ядерной, которой грозится Россия, географический фактор будет, наверное, играть совсем уж незначительную роль.

А поэтому, считает академик Арбатов, «Борьба за Украину — это политическая и идеологическая борьба России и Запада, в том числе — внутриполитическая. Даже Крым, при всей символической важности этого вопроса с географической точки зрения не играет большой роли». Объяснение этого феномена состоит в том, что Черное море — запертое море, проливы в которое находятся в руках Турции, крупнейшего члена НАТО. А политические сдвиги вследствие аннексии Крыма уже случились весьма негативные для агрессора: развязав войну, Россия практически лишила себя сколь значимых союзников. «Некоторое укрепление военных позиций России, — пишет Арбатов, — имеет место наряду с явным осложнением ее внешнеполитического положения, и это не может не беспокоить. Тем более что похожие перемены происходят и на Балтийском море, где даже традиционно нейтральные страны — Швеция, Финляндия — стали тяготеть к НАТО» [8].

В общем итоге, после Минских договоренностей вокруг украинского кризиса развернулась настоящая «геоидеологическая» война, которую, с точки зрения долговременных интересов, Россия уже начала проигрывать. С одной стороны, поставив задачу предотвратить сближение Киева с Западом, Москва предприняла жесткие действия, переросшие в «гибридную войну» против Украины. Но, с другой стороны, уже в который раз сработал фактор «иронии истории». «И вот теперь, — пишет Арбатов, — Украина, Грузия, Молдавия, Балтия, Восточная Европа, в целом НАТО — наши противники, а остальные постсоветские республики и союзники не спешат нас поддержать, нередко ведут с Западом свои игры. Мы опасались враждебного окружения, но приходится с большим беспокойством констатировать, что к настоящему моменту мы его и получили, во всяком случае — на западных и юго-западных рубежах». И что самое удручающее для российского агрессора — в создавшейся ситуации, акцентирует внимание Арбатов, США «берут курс на долгосрочное противостояние с Россией в Европе и на Дальнем Востоке. Не на горячую войну, не на глобальную конфронтацию и не на беспредельную гонку вооружений, какая была в годы холодной войны, но на долгосрочное противостояние в ряде регионов» [9].

Украина как раз и принадлежит к одному из этих регионов. И неспроста: уроки украинской «Революции Достоинства» объективно воздействуют на общественное мнение России денно и нощно. Конечно, разные слои российского населения делают различные выводы из создавшейся ситуации. Но если абстрагироваться от «психологии совка», которая сегодня доминирует в стране, то на академическом уровне россиянам приходится учитывать, что общественные настроения могут неожиданно и радикально измениться. Поэтому, считает академик Арбатов, «власть должна сделать все, чтобы не допустить социального взрыва, причем действовать посредством реформ, которые улучшат положение людей, дадут им чувство собственного достоинства, возможность влиять на политику через демократические институты и нормы. Не дай нам Бог дожить до нашего Майдана!» [10].

Что ж — мысль достойная внимания. Однако отметим мы, подобное «просветление умов» затрагивает пока что весьма незначительный сегмент российского общества. Большинство же идеологов зацыклено на раздувании опасений на счет «цветных революций», видя в них объективно возникшие или инспирированные общественные возмущения, на которое потом накладывается внешнее вмешательство для свержения неугодных режимов. При этом вероятность «цветных революций» в России непомерно преувеличивается, доходя до синдрома самозапугивания. Дескать, демократия в постсоветских условиях — это путь к анархии, дезорганизации общественной жизни и, в конечном итоге, к войне. А Украину в этом контексте пытаются выставить в роли своеобразного «наглядного пособия».

Так, в ситуации отсутствия международного порядка и упадка Европы, убеждает нас Караганов, Украина зримо стала камнем преткновения между двумя цивилизационными блоками: «Когда дело дошло до втягивания Украины в западную зону влияния и контроля, случилось то, о чем два десятилетия предупреждали многие... — ***вспыхнул вооруженный конфликт. Имевший, естественно, и внутренние украинские корни, но по сути общеевропейский***». За создавшуюся обстановку Караганов готов взять часть вины и на Россию: она, дескать, проявила слабость и доверчиво повелась на европейские ценности, вместо того, чтобы показать характер и по отношению к НАТО, и касательно распада Югославии. И вот, в результате, дело дошло до Украины: теперь «дискуссия о том, как строить новую систему безопасности, вертится пока вокруг вопроса об урегулировании украинского кризиса» [11].

В этой грязной идеологической кампании Караганов пока что решил не светить российские козыри, если таковые вообще имеются: «Россия пока не предлагает своего сценария системного выхода из кризиса». Но, на всякий случай, Караганов решил прибегнуть к блефу: «Все еще возможно и эскалация военно-политического конфликта вокруг Украины», тем более что «сейчас (июнь 2015 г.) Запад, увидев опасности и то, что Россия не уступает, стал потихоньку отыгрывать назад». А это, по мнению Караганова, свидетельствует о том, что могут появиться варианты для сговора между Россией и Западом на счет Украины. Речь идет о том, что «***теоретически есть возможность еще более далеко идущего варианта, который на протяжении многих лет предлагала Москва: создание общеевропейского человеческого и экономического пространства — Союза Европы, в котором Украина стала бы территорией совместного развития***» [12].

При этом следует оговорка, что Россия не против такого варианта, но при условии обретения в таком Союзе Европы права вето на расширение «военно-политических союзов», то есть на процесс вхождения новых стран в НАТО.

Вот, оказывается, на какой шаг готова Россия за обретение своей зоны ответственности на «территории совместного развития», которая, дескать, должна возникнуть на карте Европы вместо Украины после передела мира. Да и как не получить эту зону, мудрствует Караганов, если «Россия с ее глобально мыслящей элитой, опытом, высококлассной дипломатией, географическим положением может с выгодой для себя, и для партнеров активно содействовать строительству такого мира» [13].

По законам театрального жанра всегда следует учитывать принцип «единства места, времени и действия». Анализируя трагедию, в которую была втянута Украина агрессией России, необходимо учитывать вышеназванный принцип и в том виртуальном фарсе, который Караганов пытается навеять доверчивому читателю. Обратим внимание, что статья Караганова была опубликована 19 июня 2015 года. Это был своеобразный пробный камень (и мы не исключаем, что таких камней было заброшено несколько). И все ради одного, но главного: послужить промоушеном для события незаурядного для Кремля. А именно, как следует из СМИ, 25 июня ночью, президент России Владимир Путин сам позвонил американскому президенту Бараку Обаме. Этот факт, конечно же, не был импровизацией — к нему, как это принято, тщательно готовились.

В анализе этого факта доверимся Виталию Портникову — журналисту опытному со знанием порядков в коридорах и кабинетах

власти. Важно отметь то, считает Портников, что Путин позвонил первый, и позвонил человеку, который демонстративно не проявляет никакой заинтересованности в общении с российским президентом примерно со времени крымского кризиса. И звонил Путин на фоне ужесточения западной позиции по отношению к Москве, ибо, вопреки утверждению Караганова, никто на Западе не собирался «отыгрывать назад». Санкции, как мы видим, продлеваются, собственность арестовывается, ПАСЕ признает Россию агрессором, НАТО заявляет о поддержке Украины и укреплении обороноспособности на Востоке, а сами Соединенные Штаты усиливают свои контингенты в соседних с Россией странах.

И вот, в такой ситуации Путин вдруг решается на звонок президенту США, который не сегодня-завтра и президентом то не будет, поскольку скоро истекают два положенных срока пребывания его в должности. Судя по отчетам, Путин предлагал договориться по актуальным для США вопросам. В их числе — «Исламское государство» и атомная проблема Ирана. Но по вопросам Украины, считает Виталий Портников, у Путина с Обамой разговора не получилось: «Для того, чтобы американский и российский президенты могли разговаривать всерьез, Путину придётся пойти на уступки в украинском вопросе. Обама четко очертил суть этих уступок — уход из Донбасса. Что Обаме ответил Путин, мы не знаем. Но это и не важно — слова Путина нередко перечеркиваются его делами. И судить о подлинных мотивах, побуждавших российского президента позвонить американскому, мы сможем только по этим делам» [14].

Впоследствии, комментируя событие, пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков прибег к такой хитромудрой формулировке: разговор президентов, дескать, был «весьма продолжительным и достаточно конструктивным при всем сохранении потенциала расхождений во мнениях по некоторым событиям». При дальнейшем разъяснении выяснилось, что «Обама обратился к Путину с тактичной просьбой убрать с восточной территории Украины российские войска и военную технику». На это «российский президент в очередной раз заявил, что нахождение российских войск на территории Украины является заблуждением». А Песков объяснил потом журналистам, что состоялся конструктивный разговор «в плане безальтернативности диалога, обсуждения проблем, чтобы попытаться как-то выйти на правильный исход» [15].

Ну, до чего же мудрено Песковым закручено! Настоящий византийский стиль! И это притом, что по данным Штаба АТО состоянием на 26 июня 2015 года на территории Донецкой и Луганской

областей, а также возле границы с Украиной находилось 54 тысячи российских военных, из которых непосредственно на территории Украины — 9 тысяч военнослужащих [16].

В общем, идеологическая война разворачивается по своим внутренним законам жанра. Однако появляются и некоторые интересные нюансы. Так, через неделю после телефонного звонка Путина, в журнале «Россия в глобальной политике» публикуется статья академика Алексея Арбатова — главы Центра международной безопасности ИМЭМО РАН. В статье академик Арбатов выражает обеспокоенность активным обсуждением на Западе проблемы «российской ядерной угрозы». К чести автора, он пытается показать, что для обеспокоенности Запада Россия дала достаточно поводов. Так, на Западе приводятся высказывания президента Путина о повышении ядерного потенциала и уровня его боеготовности, обсуждается информация о пусках стратегических ракет и полетах тяжелых бомбардировщиков, о масштабных учениях войск общего назначения с имитацией применения тактического ядерного оружия. Более того, появилась информация о заседаниях российских и западных отставных военачальников (с них меньше спроса, а пробные камни они могут забрасывать). Вот эти отставные представители Москвы, якобы имея санкцию высшего руководства, ***«прямым текстом предупреждали о готовности России применить ядерное оружие при вооруженном конфликте с НАТО на Украине и в некоторых других случаях»*** [17].

Более того, не следует забывать, что вокруг украинского кризиса военно-политическая напряженность была взвинчена до немыслимого уровня и на официальном уровне России. Так, еще в августе 2014 года в одном из интервью президент Путин заявил: «Наши партнеры независимо от ситуации в их странах или их внешней политики должны иметь в виду, что с Россией лучше не связываться. Я напомню, что Россия является одной из крупнейших ядерных держав. Это не просто слова, это реальность, и более того, мы укрепляем наш потенциал ядерного сдерживания». Еще больший ажиотаж вызвал документальный фильм «Крым. Путь на Родину», где была заложена мысль о повышении боеготовности ядерных сил России в ходе аннексии Крыма. По поводу возможности применения этих сил Путин сказал: «Мы думали об этом», что было расценено на Западе как однозначное подтверждение намерений употребить ядерное оружие [18].

Дальше академик Арбатов выражает свою озабоченность тем, что эту деликатную тему с энтузиазмом подхватили некоторые российские должностные лица, парламентарии и независимые специ-

алисты, призывая пресекать региональную угрозу применением ядерного оружия. Сам же Арбатов считает, что «любое применение ядерного оружия, кроме как в самых крайних ситуациях и в качестве последней меры, — это авантюризм, преступный по отношению к своей стране» и «катастрофа для всего остального мира» [19].

Что стало причиной подобной активизации ядерной риторики в России — можно лишь догадываться, ибо мотивов принимающих решения никто точно не знает. Однако многие специалисты сходятся в том, что главной причиной является озабоченность российского руководства превосходством НАТО по силам общего назначения. Особенно в части новейших ударных и информационно-управляющих систем. Так, известный военный специалист Михаил Ходарёнок в 10-м выпуске журнала «Военно-промышленный курьер» за 2015 год писал, что «сейчас на юго-востоке Украины по сути воюют две советские армии разной степени модернизованности, но без использования новых вооружений или новых приемов ведения войны. Но если чисто гипотетически предположить, что на стороне украинской армии начали бы сражаться «добровольцы и отпускники из США и Западной Европы... на своем штатном вооружении», то итоги такого противостояния, по мнению автора, предсказать было бы нетрудно — вооруженные формирования юго-востока продержались бы несколько часов» [20].

Как бы кто ни относился к такой оценке ситуации, но среди специалистов она находит своих сторонников. Тогда и ядерная риторика правящих кругов России получает вполне приемлемое объяснение: «***Она является политическим сигналом США и НАТО ни в коем случае не вмешиваться своими вооруженными силами в ситуацию в Крыму и на юго-востоке Украины. Видимо, ставится не военная, а политическая задача: довести до сведения других держав исключительную важность событий в указанном регионе для российской национальной безопасности и готовность Москвы далеко пойти в отстаивании своих интересов независимо от того, считают ли эти интересы на Западе легитимными или нет***» [21].

Не ясно, насколько заявления руководителей США и НАТО о своем неучастии в прямом военном вмешательстве в событиях вокруг Украины, зависели от деклараций Москвы. Но, тем не менее, позиция вырисовалась однозначная: все говорит о том, что Запад не намерен идти на риск прямого вооруженного конфликта с Россией из-за Украины. Вот это, в итоге, и определяет рамочные условия поиска мира, да и является свидетельством того, насколько он хрупок даже в отношениях между великими державами.

В этом контексте трудно не разделить мнение Лилии Шевцовой о том, что в создавшейся ситуации столь сильное стремление украинцев в Европу стало неожиданностью для самой Европы. Текущий ход событий показывает, что вопреки всем прозвучавшим от лица Европы декларациям и заявлениям, долгое время складывалось впечатление, что европейцы фактически не знали, что с Украиной делать. Их прагматизм на протяжении двух десятилетий независимости Украины долго воплощался в поиски какой-то формулы политической сделки, чтобы, с одной стороны, дать надежду Украине на некую аморфную интеграцию, а с другой — не раздражать Владимира Путина и, следовательно, оставить Украину в сфере влияния Москвы. Кстати, на протяжении ряда лет об этой угрозе писали и мы, употребляя формулу: «Украина как двойная периферия Европы и России» [22].

Однако, отчаянное сопротивление украинской армии, добровольцев и волонтеров по защите своего государства ускорили процесс формирования украинской национальной идентичности, которая основана на стремлении вырваться из-под влияния России и присоединиться к Европе. Своим отчаянным сопротивлением на юго-востоке украинцы поставили сделку между Россией и Европой под вопрос. А поворотным фактором стала гибель малайзийского Боинга. Это в корне изменило позицию европейских лидеров, которые начали искать пути сдерживания России. Процесс еще далек от принятия окончательного решения, однако есть все усиливающееся осознание того, что Украина в «серой зоне» — это воспроизводство нестабильности в мире.

Но именно на воспроизводство этой нестабильности и нацелена ныне политика России, пытающаяся встроить в новую украинскую государственность пророссийский элемент в виде ДНР/ЛНР, заставить Киев содержать его в то время, как он будет удерживать Украину в рамках компромиссной формулы «и Россия, и Европа». К сожалению, эта формула стала отражением российского ультиматума Киеву о федерализации, который был в какой-то мере легитимизирован германо-французским тандемом. Впрочем, на какое-то время это принесло и некоторые позитивные плоды — было достигнуто временное затишье, что само по себе полезно. Однако при отсутствии консенсуса враждующих сторон относительно окончательного политического решения этот компромисс показал свою нежизнеспособность.

Пока что Киев вышел из этой минской ловушки, устроенной Москвой, продемонстрировав свою готовность предоставить сепаратистам «особый статус» и самоуправление, но — только после

выборов по украинским законам и под присмотром ОБСЕ и других мониторщиков, а также после выведения с территории Донбасса всех воинских формирований. То есть, Киев не согласился «быть на поводке», хотя ситуация по-прежнему остается не до конца определенной.

Так, давая оценку обсуждения вопроса об «особом статусе Донбасса» в Верховной Раде Украины, президент Украины Петр Порошенко подчеркнул значимость безальтернативного варианта: «возвращения оккупированных районов Донбасса под украинский суверенитет — исключительно дипломатическим путем». Камнем преткновения во время обсуждения вопроса в Верховной Раде Украины, по его словам, стала норма, содержащаяся в переходных статьях Конституции. А именно — предложение, в котором упоминается закон об отдельном статусе отдельных районов Донецкой и Луганской областей. Порошенко подчеркнул: «Вступить в силу такой закон может только после выполнения целого ряда предварительных условий. Эти условия включают и разоружение боевиков, и вывод российский войск, и восстановление нашего контроля над всей линией российско-украинской границы, и проведение честных, свободных и демократических местных выборов». В свою очередь, «и на Донбассе, и во всех регионах Украины, местные общины получат значительно больше полномочий и возможностей» [23].

Что касается российских независимых аналитиков, то общая оценка сложившейся ситуации вокруг Украины видится Лилией Шевцовой таким образом: «Да, Запад в данном случае не оправдал надежд украинцев. Во-первых, Запад не готов дать им четкую перспективу интеграции в ЕС и НАТО. Во-вторых, Запад пока не может оказать на Путина более жесткое давление и из опасения потерять свое единство, и из нежелания дальнейшего обострения напряженности, и страшась путинского падения и последующей непредсказуемости. В-третьих, Украина все еще рассчитывает на помощь Запада с оборонительным нелетальным оружием. Но ясно, что Германия, которая контролирует процесс разрешения конфликта, никогда на это не согласится. Наконец, еще немало западных политиков типа Киссинджера верит в невозможное: что Украина может быть мостом между Россией и Западом, что никогда не было возможным» [24].

Одним словом, складывается впечатление, что Украине, как и после Первой, да и Второй мировых войн не повезло с самоопределением: Европа как тогда, так и сегодня оказалась не готовой до конца ни понять, ни воспринять стремление Украины к независимости от России — прямой или косвенной. К тому же в наши дни

Европе сложно выйти из своеобразного периода постмодернизма «конца идеологии», когда достигнутый уровень благосостояния затьмил у сытых и довольных людей проблему европейских ценностей. В свою очередь Америка никак не может самоопределиться и решить, нужен ли ей остальной мир или нет. А в общем итоге, отмечает Лилия Шевцова, «либеральное сообщество оказалось не готово ни предвидеть события, ни реагировать на новую реальность, которую создал Путин. Кремль своим «приобретением» Крыма сбросил со стола шахматную доску, разрушив систему взаимных обязательств и гарантий, начиная с Хельсинского процесса и Парижской хартии» [25].

Второй неблагоприятный для Украины фактор — зависимость Европы от российского газа, да и боязнь потери российского рынка. В-третьих, Россия — член Совета Безопасности и единственная держава, способная уничтожить США в ядерной войне. Четвёртый фактор состоит в том, что Европа привыкла к постмодернизму и пацифизму, к компромиссному решению деликатных вопросов. Между тем, Кремль возвратил Европу к стереотипам и методам XX, а в чем-то и XIX века, застигнув тем самым ее врасплох и растерявшейся. Но, тем не менее, не все так плохо: «несмотря на все колебания и нежелание испытывать Кремль на прочность, Запад в целом и Европа в частности продолжают сохранять единство по вопросу санкций. В Европе единство удерживает Меркель. Все попытки Кремля внести раскол в европейские ряды и через задабривание, и через угрозы ни к чему пока не привели» [26].

Идеологические потуги «всей королевской рати» России убедить мировое общественное мнение в том, что Россию «обидели», «унизили» и «пытались поставить на колени» не имеет под собой никаких объективных предпосылок. Российская элита перевела на Запад миллиарды долларов, закупила престижные районы Лондона, отправила туда учиться детей, и в то же время пытается убедить свой собственный российский народ в том, что этот народ был якобы «унижен» Западом. А потому мол, народ должен сплотиться вокруг Путина в «осажденной крепости». Получается какой-то странный, даже расистский подход к собственному народу: «Он исходит из того, что россиян должны унижать не их уровень и качество жизни (привыкли), а то, что они не могут придушить окрестные народы в рамках «сфер интересов». А, следовательно, россияне не могут и не должны жить в рамках нормального государства, построенного на основе права, а могут существовать только как нация, которая, видно, генетически не может отказаться от клише XIX века» [27].

То есть, речь даже не может идти о каком-то возврате к советской системе. Коммунистический эксперимент был все же ориентирован на будущее — пусть и иллюзорное. Нынешний же путинский проект апеллирует к откровенно архаической повестке дня, что ведет к откровенной деморализации общества, к его разложению, усилению в нем фобий, страхов и ненависти. Проект «Крым наш» был призван консолидировать общество имитацией бескровной победы. Но и этого оказалось мало — в ход пошла старая тактика мобилизации общества через «осажденную крепость» внешним врагом. Таким врагом объявлена Украина, где на фронте борьбы с ней решается целый ряд задач. Во-первых, ставится задача уничтожить саму идею Майдана как вирус, который может распространиться в российские пределы. Во-вторых, следуют попытки доказать губительность революции для государства как такового. В-третьих, российские стратеги прощупывают и ищут так называемую «красную линию», через которую Россия не должна переступать без угрозы вызвать силовое сдерживание Запада.

А ведь после года войны американцы, судя по всему, поняли, что Украина — это поле по сдерживанию Кремлем Запада, да и вызов не только Европе, но и Америке. Да и европейцев украинский кризис заставил думать о том, что еще два года назад им и в голову не приходило — о европейской армии и даже о возможности вооружать Украину. Вопрос только в том, сможет ли и захочет ли Запад, а в первую очередь Америка, переориентироваться на более жесткое сдерживание России? Пока что этот вопрос остается открытым.

В осмыслении создавшейся ситуации можно обратиться к мысли российского политолога Дмитрия Орешкина, согласно которой Запад, судя по всему, занимает сейчас оптимальную для себя позицию. Она состоит в том, что единственная сфера, где у Путина есть нечто похожее на паритет или баланс сил, — военная. Во всех остальных сферах — будь то экономика, социальные программы, образование, медицина и даже информационное воздействие — Путин безнадежно проигрывает. Вот потому Запад и не пытается тягаться с Кремлем в сфере военного конфликта: «тут все наоборот. Запад ведет свою политику к замораживанию конфликта, к мирному сосуществованию. Им понятно, что будет дальше. Они видят такое не в первый раз. Им понятно, что Донбасс — черная дыра. И, в принципе, удобно, если эта гиря будет на шее Владимира Владимировича Путина... Зачем ему [Западу] обострять отношения с Россией, если в мирном, экономическом, ценностном, социальном пространстве и соревновании он 25 лет назад легко победил Советский Союз» [28].

Что ни говори, а в этих размышлениях есть резон. Ведь в свое время еще Арнольд Тойнби сделал вывод, что государство, которое делает ставку на милитаризацию и поиск врага, рано или поздно самоистощится и сойдет на нет. Да и СССР своей историей наглядно показал, что ни общество, ни государство не может выдержать милитаристское бремя, особенно в соревновании со столь богатой цивилизацией — Западом. Тем более нынешняя Россия — с ее ограниченными ресурсами (в первую очередь интеллектуально-технологическими) и утекающим бюджетом не в состоянии выиграть эту гонку. Поэтому милитаризация, скорее всего, сделает то, что делала всегда в истории, — ускорит падение системы, которая уже умирает, пусть и медленно.

То есть, российское государство-цивилизация, о котором так много вещал Путин, демонстрирует ныне все признаки упадка и угасания. Вопрос лишь о времени и способе окончательного падения. Пытаясь продлить жизнь системе российской власти, однако, не имея возможности ответить на вызов времени (неработающая экономика, коррупция и деградирующее образование), Кремль переводит внимание общества на угрозы извне за счет подмены вызовов и отвлечения внимания. Отсюда следуют старые затертые клише: гегемония США, угроза НАТО и «украинская хунта». И здесь нельзя не согласиться с Лилией Шевцовой: «Нам нужно только осознать, что речь идет об обманке, очередной мистификации. Но сам факт, что Кремль сбросил Россию в военное время, уже говорит о том, что самодержавие находится на стадии исчерпания ресурсов. Собственно, Кремль активно занялся государственным суицидом, активизировав социальные силы архаики и ускорив процесс деградации» [29].

Нет ничего более отдаленного от истины, чем рассматривать Революцию Достоинства в Украине как результат раздачи на Майдане «печенья от Госдепа США». Эта революция является скорее одним из фрагментов глобального политического пробуждения, давшего о себе знать в последние годы: речь идет не только о «дуге нестабильности» от Северной Кореи до Мали, но и от Бразилии до Болгарии, и от Греции до Occupy Wall Street в США. Видимо речь идет о глобальном явлении общественного недовольства, которое касается разных систем, в том числе и относительно демократических. А если так, то, очевидно, следует держать в поле зрения новое поколение, которое раньше или позже сформулирует свою повестку дня и выдвинет новую когорту лидеров, в том числе и харизматичных.

И если украинский Майдан приведет к нормальному функционированию государства и общества, он может стать примером для наследования.

Литература

1. Порошенко рассказал, кто отдал приказ сбить Боинг. — Доступно: data: text/html; charset=uft-8,%CH1%20style%3D%22margin%3A%2016px%200px%3B%20padding%3A%205px%200px%2010px%3B%20border%3A%20...

2. Лавров не считает сбитый над Донбассом Boeing угрозой миру и безопасности. — Доступно: http://www/rus.newsru.ua/world/16jul2015/lavrov_ne_bachyt_zagrozy_print.html

3. Порошенко раскрыл новый план России по подрыву Украины. — Доступно: http://ru.tsn.ua/article/print/ukrayina/poroshenko-raskryl-novyy-plan-rossii-po-podryvu-ukrainy-434937.html

4. Стивен Пайфер: «В Кремле нервничают из-за увеличения числа погибших и роста напряжения внутри страны». — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20id%3D%22main_menu%22%20class%3D%22main_menu%22%20style%3D%22padding%3A%200px-%3B%20mar...

5. Американский политолог Фридман: Путин ждет, что Украина развалится изнутри. — Доступно: data: text/html: charset=utf-8,%3Cp%20style%3D%22box-sizing%3A%20border-box%3B%20margin%3A%200px%3B%20padding%3A%200px%200px%20...

6. Караганов С. Евроазиатский выход из европейского кризиса. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/pubcol/Evroasiatskii-vykhod-iz-evropeiskogo-krizisa-17541

7. Алексей Арбатов: «В США исходят из того, что Путин пробудет до 2024 года». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Aleksei-Arbatov-V-SShA-iskhodyat-iz-togo-chto-Putin-probudet-do-2024-goda-17599

8. Там же.

9. Там же.

10. Там же.

11. Караганов С. Евроазиатский выход из европейского кризиса. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/pubcol/Evroasiatskii-vykhod-iz-evropeiskogo-krizisa-17541

12. Там же.

13. Там же.

14. Портников: Чтобы президенты США и РФ могли договориться всерьез, Путину придётся пойти на уступки в украинском вопросе. — Доступно: data: text/html; cyarset=utf-8,%3Cp%20style%3D%22box-sizing%3A%20border-box%3B%20margin%3A%200px%3B%20padding%3A%200px%200px%20...

15. Песков: Путин разъяснил Обаме, что российских войск в Украине нет. Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cp%20style3D%22box-sizing%3A%20border-box%3B%20margin%3A%200px%3B%20padding%3A%200px%200px%20...

16. Люксембург вступился за Украину и пригрозил России войной. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22f-

story-ftext%22%20style%3D%22margin%3A%200px%3B%20padding%3A%200px%3B%20color%...

17. Арбатов А. Зачем Россия угрожает Западу ядерным оружием. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Zachem-Rossiya-ugrozhatn-Zapadu-yadernym-oruzhiem-17561

18. Там же.

19. Там же.

20. Там же.

21. Там же.

22. Ткаченко В. Суверенная бюрократия Украины: в зоне двойной периферии // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — № 2 [104], 2010 г. — С. 80–88.

23. Порошенко прокомментировал норму об «особом статусе Донбасса» в Конституции. — Доступно: data:text/html;charset=utf-8,%3Carticle%20class%3D%22post%22%20style%3D%22margin%3A%200px%3B%20padding%3A%200px%3B%20border%3...

24. Лилия Шевцова: «своим возрождением Запад будет обязан Путину». — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Ch1%20style%3D%22margin%3A%200px%20auto%3B%20padding%3A%2038px%200px%2010px%3B%20border%3A%2...

25. Там же.

26. Там же.

27. Там же.

28. Российский политолог Орешкин о беде Путина, будущем Донбасса и ошибке с Новороссией. — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Cheader%20class%3D%22article_header%22%20style%3D%22margin%3A%200px%200px%2020px%3B%20padding%3...

29. Лилия Шевцова: «своим возрождением Запад будет обязан Путину». — Доступно: data: text/html; charset=utf-8,%3Ch1%20style%3D%22margin%3A%200px%20auto%3B%20padding%3A%2038px%200px%2010px%3B%20border%3A%2...

Июль 2015 года

Суспільно-політичне видання

Василь Ткаченко

РОСІЯ: БЕЗПУТТЯ АГРЕСОРА
(російською мовою)

Макетування, комп'ютерна верстка
Євген Ткаченко

Підписано до друку 14.09.2016
Формат 60×90/16. Умов. друк. арк. 27.
Гарнітура «SchoolBookAC»

ТОВ «ВИДАВНИЦТВО ЛОГОС УКРАЇНА»
вул. Володимирська, 7, оф. 1, м. Київ, 01001
тел. (044) 227-55-89
www.logos-ukraine.com.ua
E-mail: logos@logos-ukraine.com.ua

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців:
серія ДК №3076 від 26.12.2007 р.